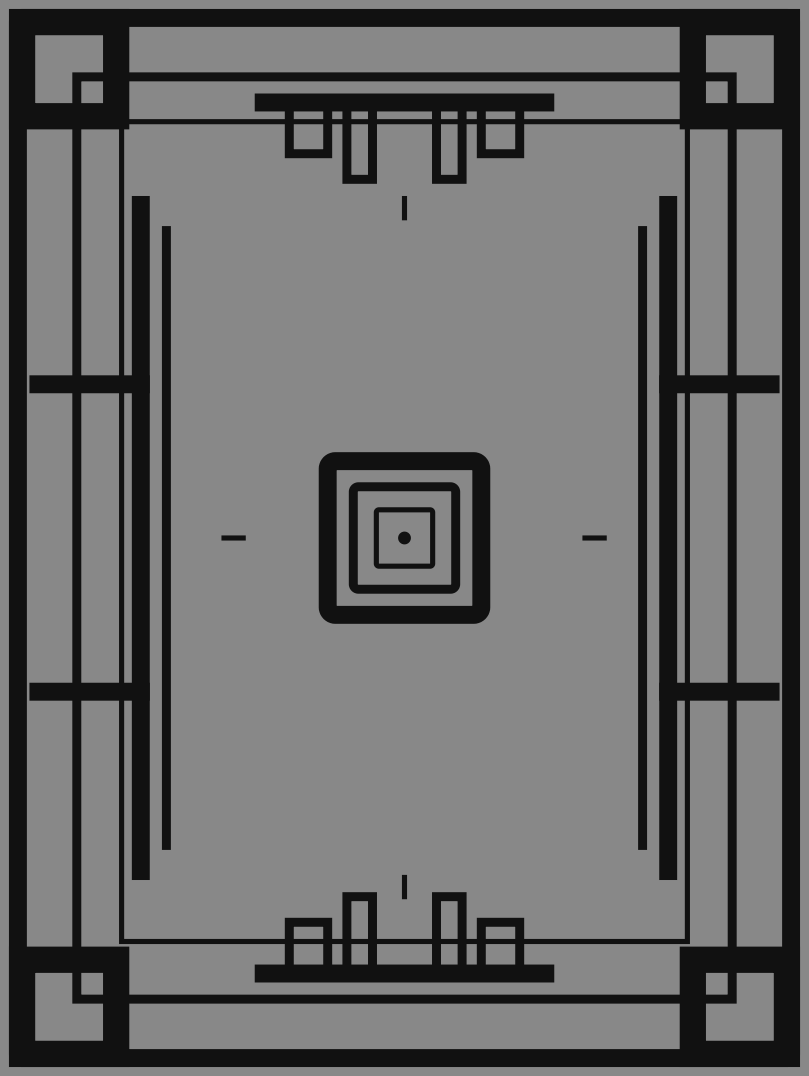

Седьмой сын - английский и русский параллельные тексты

Орсон Скотт Кард

Аннотация

Аннотация

Чтобы нарушить хрупкий ход истории, вовсе не обязательно быть волшебником. Одна роковая случайность и... И знаменитый полководец Наполеон плывет в Америку, чтобы усмирить восставшие Штаты, Бенджамин Франклин становится великим магом, Джордж Вашингтон слагает голову на плахе, а по дорогам Северной Америки странствует поэт-провидец Уильям Блейк. В эти смутные времена на свет появляется седьмой сын седьмого сына, мальчик, наделенный невероятными способностями. Долгий путь предстоит одолеть Элвину, прежде чем люди назовут его Мастером.

Orson Scott Card	Орсон Скотт Кард.
SEVENTH SON	Седьмой сын Посвящается Эмили Джен, вся необходимая магия уже ведома ей
Chapter One-Bloody Mary	1. Злюка Мэри
Little Peggy was very careful with the eggs.	Малышка Пэгги была очень осторожна и внимательна, когда собирала яйца.
She rooted her hand through the straw till her fingers bumped something hard and heavy.	Вот и сейчас, запустив руку в солому, она потихоньку двигала ее вперед, пока пальцы не уткнулись во что-то твердое и тяжелое.

She gave no never mind to the chicken drips.	На следы куриной деятельности она просто не обращала внимания.
After all, when folk with babies stayed at the roadhouse, Mama never even crinkled her face at their most spetackler diapers.	В их гостинице частенько останавливались семьи с маленькими детьми, и мама малышки Пэгги никогда не кривилась при виде самых замызганных пеленок, а Пэгги старалась походить на нее.
Even when the chicken drips were wet and stringy and made her fingers stick together, little Peggy gave no never mind.	Пусть даже куриный помет был липким и неприятным на ощупь, склеивал пальцы, малышка не замечала этого.

She just pushed the straw apart, wrapped her hand around the egg, and lifted it out of the brood box.	Она раздвинула солому, нежно ухватила яйцо и достала из коробки, где сидела наседка.
All this while standing tiptoe on a wobbly stool, reaching high above her head.	Все это приходилось проделывать, стоя на цыпочках на качающейся скамеечке, пока рука шарила в гнезде.
Mama said she was too young for egging, but little Peggy showed her.	Мама сначала говорила, что Пэгги еще слишком мала, чтобы собирать яйца, но малышка Пэгги быстро доказала обратное.

Every day she felt in every brood box and brought in every egg, every single one, that's what she did.	Каждый день она загля-дывала в куриные гнезда и приносила домой яйца - все до единого, не пропу-стив ни наседки.
Every one, she said in her mind, over and over. I got to reach into every one.	"Все до единого, - тверди-ла она про себя. - Я должна собрать все яйца до еди-ного".

Then little Peggy looked back into the northeast corner, the darkest place in the whole coop, and there sat Bloody Mary in her brood box, looking like the devil's own bad dream, hatefulness shining out of her nasty eyes, saying come here little girl and give me nips.	Еще раз повторив это, малышка Пэгги оглянулась, кинув настороженный взгляд в северо-восточный угол сарая, который был самым темным местом в курятнике.
I want nips of finger and nips of thumb and if you come real close and try to take my egg I'll get a nip of eye from you.	Там в своей коробке восседала Злюка Мэри собственной персоной.

Most animals didn't have much heartfire, but Bloody Mary's was strong and made a poison smoke.	Эта курица выглядела как настоящее порождение ада в перьях, ненависть так и сочилась из ее противных маленьких глазок, которые как бы говорили: "Ну, иди, иди сюда, девчонка, дайка я клюну тебя побольнее. Клюну в тот пальчик, в другой, а если ты посмеешь подойти совсем близко, то и до глаз твоих доберусь". Большинство животных лишены внутреннего пламени, но Злюка Мэри так и полыхала, так и коптила ядовитым дымом.
Nobody else could see it, but little Peggy could.	Этого не видел никто, но малышка Пэгги умела различать внутренний огонь, пламя сердца.

Bloody Mary dreamed of death for all folks, but most specially for a certain little girl five years old, and little Peggy had the marks on her fingers to prove it.	Злюка Мэри мечтала о том, чтобы все люди на земле умерли, и особенно она жаждала смерти некой маленькой девочки пяти лет от роду -пальцы Пэгги были изукрашены маленькими шрамиками от клюва курицы.

At least one mark, anyway, and even if Papa said he couldn't see it, little Peggy remembered how she got it and nobody could blame her none if she sometimes forgot to reach under Bloody Mary who sat there like a bushwhacker waiting to kill the first folks that just tried to come by.	Ну, может, не изукрашены, но одна отметина точно виднелась. Пусть даже папа сказал, что девочка все придумала и ничего у нее на пальце нет, малышка Пэгги прекрасно помнила, как курица клюнула ее, поэтому никто не смеет винить малышку в том, что порой она забывала заглянуть в гнездышко Злюки Мэри, которая сидела, будто разбойник в кустах, намеревающийся убить первого встречного.
Nobody'd get mad if she just sometimes forgot to look there.	Да и что такого, если иногда малышка Пэгги забудет вытащить яйцо из-под Злюки Мэри?
I forgot.	"Я просто забыла.

I looked in every brood box, every one, and if one got missed then I forgot forgot forgot.	Заглянула во все коробки, в каждой посмотрела, а туда - забыла, забыла, забыла".
Everybody knew Bloody Mary was a lowdown chicken and too mean to give any eggs that wasn't rotten anyway.	Все и так знали, что Злюка Мэри слишком коварна и злобна и те яйца, которые она несет, тут же тухнут.
I forgot.	"Я забыла".
She got the egg basket inside before Mama even had the fire het, and Mama was so pleased she let little Peggy put the eggs one by one into the cold water.	Мама только-только успела развести огонь в очаге, как малышка Пэгги уже внесла корзинку с яйцами в дом.

Then Mama put the pot on the hook and swung it right on over the fire.	Под одобрительным взглядом матери Пэгги осторожно опустила яйца в холодную воду, после чего мама повесила котелок на крюк прямо над занявшимися дровами.
Boiling eggs you didn't have to wait for the fire to slack, you could do it smoke and all.	Варящиеся яйца не терпят слабого пламени, так они только прокоптятся, и все.
"Peg," said Papa.	- Пэг, - окликнул папа.
That was Mama's name, but Papa didn't say it in his Mama voice.	Маму тоже звали Пэг, но ее папа звал другим голосом - сейчас он словно хотел сказать:

He said it in his little-Peggy-you're-in-dutch voice, and little Peggy knew she was completely found out, and so she turned right around and yelled what she'd been planning to say all along.	"Пэгги, дрянная девчонка". Малышка Пэгги сразу поняла, что ее преступление раскрылось. Резко развернувшись, она громко выкрикнула то, что давно хотела сказать:
"I forgot, Papa!"	- Папа, я забыла!
Mama turned and looked at little Peggy in surprise.	Мама удивленно оглянулась на малышку Пэгги.
Papa wasn't surprised though.	Хотя папа был вовсе не удивлен.
He just raised an eyebrow.	Он лишь вопросительно поднял бровь.
He was holding his hand behind his back.	Руку он держал за спиной.

Little Peggy knew there was an egg in that hand.	Малышка Пэгги знала, что в руке у него было зажато яйцо.
Bloody Mary's nasty egg.	Яйцо этой противной Злюки Мэри.
"What did you forget, little Peggy?" asked Papa, talking soft.	- И о чем же ты, Пэгги, забыла? - тихим, почти сочувствующим голосом спросил отец.
Right that minute little Peggy reckoned she was the stupidest girl ever born on the face of the earth.	Тут-то Пэгги и осознала свою ошибку - такой глупой девчонки земля еще не родила на свет.
Here she was denying before anybody accused her of anything.	Она с самого начала принялась отрицать все и вся, хотя никто ее ни в чем не обвинял.

But she wasn't going to give up, not right off like that.	Но сдаваться она все равно не собиралась, во всяком случае так просто.
She couldn't stand to have them mad at her and she just wanted them to let her go away and live in England.	Она не выносила, когда родители злились на нее, в такие минуты она хотела убежать из дому, уехать в Англию и остаться там навсегда.
So she put on her innocent face and said,	Поэтому она напустила на себя невинный вид и сказала:
"I don't know, Papa."	- Не знаю, папа.
She figgered England was the best place to go live, cause England had a Lord Protector.	Как она рассудила, в Англии жить лучше всего, потому что там есть лорд-протектор.

From the look in Papa's eye, a Lord Protector was pretty much what she needed just now.	Судя по мрачному взгляду папы, заступничество лорда-протектора совсем не помешало бы малышке Пэгги.
"What did you forget?" Papa asked again.	- Так о чем же ты забыла? - еще раз задал свой вопрос папа.
"Just say it and be done, Horace," said Mama.	- Ладно, Гораций, не тяни, - вмешалась мама. -Если она в чем-то провинилась, с этим ничего не поделаешь.
"If she's done wrong then she's done wrong." "I forgot one time, Papa," said little Peggy. "She's a mean old chicken and she hates me."	- Пап, я забыла-то всего один-единственный раз, -сказала малышка Пэгги. - Эта старая злобная курица ненавидит меня.

Papa answered soft and slow. "One time," he said.	- Один-единствен-ный раз, - медленно и тихо протянул па-па.
Then he took his hand from behind him.	После чего вытащил руку из-за спины.

Only it wasn't no single egg he held, it was a whole basket.	Только в ней было зажато не яйцо, а целая корзина.

And that basket was filled with a clot of straw- most likely all the straw from Bloody Mary's box-and that straw was mashed together and glued tight with dried-up raw egg and shell bits, mixed up with about three or four chewed-up baby chicken bodies.	И корзина та была битком набита грязной соломой из гнезда Злюки Мэри, откуда же еще. Сухие стебли травы были крепко-накрепко склеены вытекшим и засохшим желтком, в котором виднелись осколки скорлупы, а посреди этого месива лежало три или четыре исклеванных, мертвых цыпленка.
"Did you have to bring that in the house before breakfast, Horace?" said Mama.	- Обязательно тащить эту пакость в дом прямо перед завтраком? - осведомилась мама.

"I don't know what makes me madder," said Horace. "What she done wrong or her studying up to lie about it."	- Даже не знаю, что меня больше злит, - сказал Гораций. - Ее проступок или ее вранье. Быстро она научилась врать.
"I didn't study and I didn't lie!" shouted little Peggy.	- Ничему я не училась, и ничего я не вру! -выкрикнула малышка Пэгги.
Or anyways she meant to shout.	Или собиралась выкрикнуть, но вовремя прикусила язык.
What came out sounded espiciously like crying even though little Peggy had decided only yesterday that she was done with crying for the rest of her life.	Поэтому тот звук, что она издала, подозрительно смахивал на всхлип, хотя малышка Пэгги только вчера поклялась, что в жизни больше не будет плакать.

"See?" said Mama. "She already feels bad."	- Вот видишь? - произнесла мама. - Она раскаивается.
"She feels bad being caught," said Horace. "You're too slack on her, Peg.	- Она раскаивается потому, что ее поймали, - поправил Гораций. - Ты слишком мягка с ней, Пэг.
She's got a lying spirit.	В ней начала проявляться лживая натура.
I don't want my daughter growing up wicked.	Я не хочу, чтобы моя дочь выросла испорченной девчонкой.
I'd rather see her dead like her baby sisters before I see her grow up wicked."	Уж лучше бы она умерла еще крошкой, как и ее сестры, - мне не пришлось бы стыдиться ее.

Little Peggy saw Mama's heartfire flare up with memory, and in front of her eyes she could see a baby laid out pretty in a little box, and then another one only not so pretty cause it was the second baby Missy, the one what died of pox so nobody'd touch her but her own mama, who was still so feeble from the pox herself that she couldn't do much.	Малышка Пэгги увидела, как сердце мамы полыхнуло при воспоминании о мертвых дочерях. Внутренним взором Пэгги увидела маленькую девочку, ухоженную и лежащую в колыбельке, а потом еще одну, совсем крошку, но уже не такую ухоженную, - вторая дочка, ее звали Мисси, умерла от оспы, и никто, кроме ее собственной матери, которая сама едва оправилась от страшной болезни и еле-еле ходила, не осмеливался прикоснуться к ней.

Little Peggy saw that scene, and she knew Papa had made a mistake to say what he said cause Mama's face went cold even though her heartfire was hot.	Малышка Пэгги увидела эту страшную картину и поняла, что папа совершил большую ошибку, упомянув об умерших девочках.
"That's the wickedest thing anybody ever said in my presence," said Mama.	Несмотря на то что сердце палило жарким огнем, лицо матери превратилось в сам лед.

Then she took up the basket of corruption from the table and carried it outside.	- Такой гадости еще никто не говорил мне в лицо,- произнесла мама. Подняв с обеденного стола набитую тухлой соломой корзину, она понесла ее во двор.

"Bloody Mary bites my hand," said little Peggy.	- Злюка Мэри больно клюется, - попыталась оправдаться малышка Пэгги.
"We'll see what bites," said Papa. "For leaving the eggs I give you one whack, because I reckon that lunatic hen looks fearsome to a frog-size girl like you.	- Бывает и хуже, а чтобы доказать это, я преподам тебе один урок, - перебил ее отец. - За то, что ты оставляла яйца в гнезде, я не стану тебя строго наказывать. Эта чокнутая курица и взрослого напугает, не то что такого лягушонка, как ты. Поэтому за эту провинность ты получишь всего один удар прутом.
But for telling lies I give you ten whacks."	Но за ложь ты получишь десять ударов.
Little Peggy cried in earnest at that news.	Услышав это, малышка Пэгги от души разревелась.

Papa gave an honest count and full measure in everything, but most especially in whacks.	Папа никогда не изменял своему слову и отсчитывал все сполна - особенно когда дело касалось порки.
Papa took the hazel rod off the high shelf.	Протянув руку, папа достал с высокой полки зачищенную ветвь орешника.
He kept it up there ever since little Peggy put the old one in the fire and burnt it right up.	С тех пор как Пэгги нашла старый прут и благополучно сожгла его в очаге, орудие наказания хранилось подальше от девочки.

"I'd rather hear a thousand hard and bitter truths from you, Daughter, than one soft and easy lie," said he, and then he bent over and laid on with the rod across her thighs.	- Я бы лучше выслушал от тебя, дочка, тысячу горьких, но правдивых слов, чем одно, но лживое,- сказал он, наклонился и прошелся прутом по ее попе.
Whick whick whick, she counted every one, they stung her to the heart, each one of them, they were so full of anger.	"Вжик-вжик-вжик", - отсчитывала она про себя. Каждый удар жалил ее, боль впивалась в самое сердце - с таким гневом двигалась рука отца.
Worst of all she knew it was all unfair because his heartfire raged for a different cause altogether, and it always did.	Но самое страшное - она понимала, что наказание ею не заслужено. Ярость вызвал вовсе не проступок малышки Пэгги, была другая причина, но доставалось всегда Пэгги.

Papa's hate for wickedness always came from his most secret memory.	Отец стал страстно ненавидеть ложь после одного давнего случая, о котором он никогда и никому не рассказывал.
Little Peggy didn't understand it all, because it was twisted up and confused and Papa didn't remember it right well himself.	Малышка Пэгги не могла объяснить, что за проступок совершил папа, поскольку воспоминание было путаным и неясным - он сам не помнил все подробности.
All little Peggy ever saw plain was that it was a lady and it wasn't Mama.	Пэгги поняла лишь одно: причина крылась в женщине, и это была не мама.
Papa thought of that lady whenever something went wrong.	Стоило случиться чему-то плохому, как папа сразу вспоминал о той леди.

When baby Missy died of nothing at all, and then the next baby also named Missy died of pox, and then the barn burnt down once, and a cow died, everything that went wrong made him think of that lady and he began to talk about how much he hated wickedness and at those times the hazel rod flew hard and sharp.	Когда ни с того ни с сего умерла крошка Мисси, когда следующая девочка, которую тоже назвали Мисси, умерла от оспы, когда сгорел амбар, когда пала корова - каждый раз, когда случалась какая-нибудь неприятность, папа вспоминал о той леди и тут же принимался твердить, как он ненавидит испорченность и ложь. Тогда ореховый прут жалил особенно больно.

I'd rather hear a thousand hard and bitter truths, that's what he said, but little Peggy knew that there was one truth he didn't ever want to hear, and so she kept it to herself.	"Я бы лучше выслушал от тебя тысячу горьких, но правдивых слов", - сказал он, но малышка Пэгги знала, что существует на свете одна правда, о которой он не хотел бы слышать, поэтому девочка верно хранила его секрет.
She'd never shout it at him, even if it made him break the hazel rod, cause whenever she thought of saying aught about that lady, she kept picturing her father dead, and that was a thing she never hoped to see for real.	Даже в приступе гнева она не кинет ему в лицо эти слова, хотя от ярости он наверняка сломает прут. Откуда-то малышка Пэгги знала, что, расскажи она папе о той леди, он умрет на месте, а она не желала ему смерти.

Besides, the lady that haunted his heartfire, she didn't have no clothes on, and little Peggy knew that she'd be whipped for sure if she talked about people being naked.	Кроме того, леди, которая поселилась в огне его сердца, почему-то была совсем без одежды, а маленькой Пэгги из личного опыта было известно: стоит ей хоть словом заикнуться о том, что происходит, когда люди остаются голыми, как ее мгновенно выпорют.
So she took the whacks and cried till she could taste that her nose was running.	Рыдая и шмыгая носом, она снесла положенные одиннадцать ударов.

Papa left the room right away, and Mama came back to fix up breakfast for the blacksmith and the visitors and the hands, but neither one said boo to her, just as if they didn't even notice.	После этого папа сразу ушел из комнаты, а мама вернулась и принялась готовить завтрак для кузнеца, постояльцев и работников, но даже она не утешила малышку Пэгги, как будто девочки и не было в доме.
She cried even harder and louder for a minute, but it didn't help.	Пэгги, повысив голос, порыдала минутку-другую, но это тоже не помогло.
Finally she picked up her Bugy from the sewing basket and walked all stiff-legged out to Oldpappy's cabin and woke him right up.	В конце концов она вытащила из швейной корзиночки куклу Бути и на негнущихся ногах зашагала в хижину к деде, где беспардонно разбудила его.

He listened to her story like he always did.	Как всегда, он внимательно выслушал ее рассказ от начала и до конца.
"I know about Bloody Mary," he said, "and I told your papa fifty times if I told him once, wring that chicken's neck and be done.	- Знаю я эту Злюку Мэри, - сказал он, когда Пэгги закончила. - Сотню раз, не меньше, говорил твоему папе: сверни ты этой курице шею, и дело с концом.
She's a crazy bird.	Она психанутая.
Every week or so she gets crazy and breaks all her own eggs, even the ones ready to hatch.	Раз в неделю, а то и чаще, она сходит с ума и колотит свои яйца - в том числе и те, что вот-вот проклюнутся.
Kills her own chicks.	Она собственных цыплят убивает.

It's a lunatic what kills its own."	Только ненормальный способен убить собственного ребенка.
"Papa like to killed me," said little Peggy.	- Мой папа тоже хочет меня убить, - пожаловалась малышка Пэгги.
"I reckon if you can walk somewhat it ain't so bad altogether."	- Ну, я вижу, ты еще ходишь, значит, дела обстоят не так круто.
"I can't walk much."	- Хожу, но еле-еле.
"No, I can see you're nigh crippled forever," said Oldpappy. "But I tell you what, the way I see it your mama and your papa's mostly mad at each other.	- Да, теперь я и сам вижу. Похоже, ты чуть навек не охромела, - посочувствовал деда. - Но вот что я тебе скажу. По-моему, твои папа и мама разозлились друг на друга.

So why don't you just disappear for a couple of hours?"	Так почему бы тебе не исчезнуть на пару-другую часиков?
"I wish I could turn into a bird and fly."	- Если б я была птичкой, то улетела бы отсюда.
"Next best thing, though," said Pappy, "is to have a secret place where nobody knows to look for you.	- А еще лучше, - посоветовал деда, - подыщи-ка себе какое-нибудь потайное местечко, где тебя никто не найдет.
Do you have a place like that?	Есть у тебя такое?
No, don't tell me-it wrecks it if you tell even a single other person.	Нет, нет, не говори мне - если ты кому-нибудь о нем расскажешь, это уже будет не тайна.
You just go to that place for a while.	Просто уйди туда на часок.

As long as it's a safe place, not out in the woods where a Red might take your pretty hair, and not a high place where you might fall off, and not a tiny place where you might get stuck."	Только знай, твое потайное местечко не должно быть в лесу, потому что там иногда бродят краснокожие, вдруг кто позарится на твои прекрасные волосы. Не ползай по деревьям - ты можешь упасть - и не забирайся во всякие щели, в которых легко застрять.
"It's big and it's low and it ain't in the woods," said little Peggy.	- Нет, деда, там очень просторно, оно не на дереве и не в лесу, - сказала малышка Пэгги.
"Then you go there, Maggie."	- Ну так беги туда, Мегги.
Little Peggy made the face she always made when Oldpappy called her that.	Деда любил подшучивать над ней, и Пэгги, как всегда, скорчила недовольную рожицу.

And she held up Bugy and in Bugy's squeaky high voice she said,	Подняв Бути, скрипучим, кукольным голоском она произнесла:
"Her name is Peggy."	- Ее зовут Пэгги.
"You go there, Piggy, if you like that better-"	- Как скажешь. Так вот, мисс Пигги...
Little Peggy slapped Bugy right across Oldpappy's knee.	Малышка Пэгги размахнулась и ударила деду куклой по колену.
"Someday Bugy'll do that once too often and have a rupture and die," said Oldpappy.	- В один прекрасный день Бути стукнется вот так, поломает себе что-нибудь и умрет, - предупредил деда.
But Bugy just danced right in his face and insisted,	Но Буги прыгнул вверх и затанцевал прямо у него перед носом:

"Not piggy, Peggy!"	- Ее зовут не Пигги, а Пэгги!
"That's right, Puggy, you go to that secret place and if anybody says, We got to go find that girl, I'll say, I know where she is and she'll come back when she's good and ready."	- Что ж с тобой поделаешь, Пугги так Пугги. Кстати, сейчас ты побежишь в свое потайное местечко, а если кто-нибудь забеспокоится и скажет: "Девочка пропала, надо ее отыскать", я отвечу: "Не надо ее искать, я знаю, где она. Она скоро сама вернется и будет прежней хорошей девочкой".
Little Peggy ran for the cabin door and then stopped and turned.	Малышка Пэгги выбежала было за дверь, но остановилась и вновь заглянула в хижину:
"Oldpappy, you're the nicest grown-up in the whole world."	- Знаешь, деда, ты самый хороший взрослый во всем мире.

"Your papa has a different view of me, but that's all tied up with another hazel rod that I laid hand on much too often.	- Твой папа придерживается иной точки зрения, и все из-за того орехового прута, за который я чересчур часто хватался много лет назад.
Now run along."	Ладно, беги.
She stopped again right before she closed the door.	Но прежде чем закрыть дверь, она во весь голос крикнула, в душе надеясь, что ее услышат и в доме:
"You're the only nice grown-up!"	- Ты единственный хороший взрослый на земле!

She shouted it real loud, halfway hoping that they could hear it clear inside the house. Then she was gone, right across the garden, out past the cow pasture, up the hill into the woods, and along the path to the spring house.	Крикнула и помчалась через садик, мимо коровьего пастбища, вверх по холму, по лесной тропинке - к домику у ручья.
Chapter Two-Wagon People	2. В пути
They had one good wagon, these folks did, and two good horses pulling it.	Повозка у них была действительно доброй, а тянули ее две сильные лошади.

One might even suppose they was prosperous, considering they had six big boys, from mansize on down to twins that had wrestled each other into being a good deal stronger than their dozen years.	Встречный человек мог бы счесть эту семью зажиточной. Шутка ли, шестеро сыновей - один почти мужчина, а самым младшим, близнецам, стукнуло по двенадцать, хоть они и выглядели гораздо старше своего возраста.
Not to mention one big daughter and a whole passel of little girls.	И это не считая взрослой дочери и пяти младших сестер.
A big family.	Большое, крепкое семейство.

Right prosperous if you didn't know that not even a year ago they had owned a mill and lived in a big house on a streambank in west New Hampshire.	И наверняка богатое - вот только вряд ли встречный догадается, что еще год назад у них была мельница и жили они в большом доме на берегу реки, что протекала через западный Нью-Гемпшир.
Come down far in the world, they had, and this wagon was all they had left of everything.	Далековато забрались они от дома, и осталась у них от богатства одна повозка.
But they were hopeful, trekking west along the roads that crossed the Hio, heading for open land that was free for the taking.	Но они не падали духом, продвигаясь дальше на запад, пыля дорогами, перевалив через Гайо, направляясь в незаселенные земли, которые были открыты всем поселенцам.

If you were a family with plenty of strong backs and clever hands, it'd be good land, too, as long as the weather was with them and the Reds didn't raid them and all the lawyers and bankers stayed in New England.	Для семьи, в которой столько сильных спин и умелых рук, всякая земля хороша, пока погода благоприятствует и не беспокоят набегами краснокожие. А законники и банкиры пускай остаются в Новой Англии.
The father was a big man, a little run to fat, which was no surprise since millers mostly stood around all day.	Отец был крупный мужчина, склонный к полноте, что неудивительно, поскольку мельникам целыми днями приходится простаивать на одном месте.
That softness in the belly wouldn't last a year on a deepwoods homestead.	Маленькие жировые складки на животе и года не продержатся, когда придется возделывать лесные земли.

He didn't care much about that, anyway- he had no fear of hard work.	Впрочем, это его не беспокоило - он никогда не чурался тяжелого труда.
What worried him today was his wife, Faith.	Сейчас его больше волновала жена, Вера.
It was her time for that baby, he knew it. Not that she'd ever talk about it direct.	Вот-вот она должна была родить, он и сам это чувствовал, хотя она словом не обмолвилась о том, что время пришло.
Women just don't speak about things like that with men.	Женщины обычно не говорят о таком с мужчинами.
But he knew how big she was and how many months it had been.	Однако он видел ее большой живот и знал, что месяцев минуло много.

Besides, at the noon stop she murmured to him,	Кроме того, днем, на привале, она шепнула ему:
"Alvin Miller, if there's a road house along this way, or even a little broken-down cabin, I reckon I could use a bit of rest."	"Элвин Миллер, если попадется на пути гостиница, пусть хижина-развалюха, знай, я бы передохнула чуть".
A man didn't have to be a philosopher to understand her.	Не обязательно быть философом, чтобы истолковать ее слова правильно.
And after six sons and six daughters, he'd have to have the brains of a brick not to get the drift of how things stood with her.	Воспитав шестерых сыновей и дочерей, Элвин Миллер был бы туп как пробка, если б не уловил намека.

So he sent off the oldest boy, Vigor, to run ahead on the road and see the lay of the land.	Поэтому-то он и послал своего старшого, Вигора, разведать, что ждет впереди.
You could tell they were from New England, cause the boy didn't take no gun.	Глядя на юношу, который ускакал, даже не подумав прихватить ружье, сразу можно было сказать, что семья эта прибыла прямиком из Новой Англии.

If there'd been a bushwhacker the young man never would've made it back, and the fact he came back with all his hair was proof no Red had spotted him-the French up Detroit way were paying for English scalps with liquor and if a Red saw a White man alone in the woods with no musket he'd own that White man's scalp.	Попадись на пути разбойник, не увидели бы больше родители своего сына, а поскольку он вернулся с волосами на голове, стало быть, и краснокожие его не заметили - французы в Детройте платили за скальпы англичан огненной водой, поэтому любой краснокожий, завидев в лесах белого человека без ружья, не раздумывая снимал с того скальп.
So maybe a man could think that luck was with the family at last.	Встречный мог бы усмехнуться и подумать: "Наконец-то семье начала сопутствовать удача".

But since these Yankees had no notion that the road wasn't safe, Alvin Miller didn't think for a minute of his good luck.	Но эти янки не подозревали, сколько опасностей подкарауливает их на дороге, поэтому Элвин Миллер ни разу не поблагодарил судьбу.
Vigor's word was of a road house three miles on.	Вигор принес весть о гостинице, что стояла тремя милями дальше.
That was good news, except that between them and that road house was a river.	То были хорошие новости, и только одно обстоятельство все портило: между путниками и гостиницей пролегала река.
Kind of a scrawny river, and the ford was shallow, but Alvin Miller had learned never to trust water.	Даже не река - почти пересохшая речушка, которую легко перейти вброд, но Элвин Миллер научился не доверять воде.

No matter how peaceful it looks, it'll reach and try to take you.	Как бы мирно вода ни выглядела, она обязательно попытается заполучить тебя в свои объятия.
He was halfway minded to tell Faith that they'd spend the night this side of the river, but she gave just the tiniest groan and at that moment he knew that there was no chance of that.	Он собрался было сказать Вере, что ночь придется провести на этом берегу реки, но тут жена тихонько застонала, и он сразу понял: об этом даже речи быть не может.
Faith had borne him a dozen living children, but it was four years since the last one and a lot of women took it bad, having a baby so late.	Вера родила ему двенадцать детей, и все двенадцать выжили, но с последних родов прошло целых четыре года, а возраст дает о себе знать: поздний ребенок - не шутка.

A lot of women died.	Многие женщины умирают во время таких родов.
A good road house meant women to help with the birthing, so they'd have to chance the river.	В гостинице наверняка найдутся опытные повитухи, которые помогут, поэтому через реку придется переправляться сегодня.
And Vigor did say the river wasn't much.	Кроме того, Вигор сказал, что и не река это вовсе, а так, речушка.
Chapter Three-Spring House	3. Дом у ручья
The air in the spring house was cool and heavy, dark and wet.	Воздух в домике у ручья был пропитан влагой, он тяжело и влажно обволакивал тело.

Sometimes when little Peggy caught a nap here, she woke up gasping like as if the whole place was under water.	Бывало, что малышка Пэгги засыпала здесь, и каждый раз она просыпалась, задыхаясь, будто очутилась под водой.
She had dreams of water even when she wasn't here-that was one of the things that made some folks say she was a seeper instead of a torch.	Даже дома порой ей снилась вода - поэтому некоторые люди поговаривали, что и не светлячок она вовсе, а водянка.
But when she dreamed outside, she always knew she was dreaming.	Только снаружи Пэгги всегда отличала сон от яви.
Here the water was real.	Здесь же явью была вода.

Real in the drips that formed like sweat on the milkjars setting in the stream.	Она оседала напоминающими пот каплями на балках, забитых в ручей.
Real in the cold damp clay of the spring house floor.	Пропитывала холодную, мокрую глину, покрывающую пол.
Real in the swallowing sound of the stream as it hurried through the middle of the house.	Булькала и журчала в стремительном течении, бегущем прямо через домик.

Keeping it cool all summer long, cold water spilling right out of the hill and into this place, shaded all the way by trees so old the moon made a point of passing through their branches just to hear some good old tales.	Холодный родник спускался с вышины холма, чтобы пропитать прохладой жаркое лето; по пути над ним склонялись деревья, настолько древние, что лунный свет пробивался сквозь их ветви лишь ради того, чтобы услышать ту или иную добрую старую сказку.
That was what little Peggy always came here for, even when Papa didn't hate her.	Вот за этим-то и приходила сюда малышка Пэгги - даже когда отец не злился на нее.
Not the wetness of the air, she could do just fine without that.	Нет, не ради вездесущей влаги, царящей здесь, - без нее девочка прекрасно обходилась.

It was the way the fire went right out of her and she didn't have to be a torch.	Просто в домике у ручья горящий внутри нее огонь как бы затухал, и она могла забыть о том, что она светлячок.
Didn't have to see into all the dark places where folks hid theirselfs.	Здесь можно было не заглядывать в темные уголки человеческих душ, где люди прятались от самих себя.
From her they hid theirselfs as if it would do some good.	Прятались они и от Пэгги, только ничего у них не получалось.

Whatever they didn't like most about theirself they tried to tuck away in some dark corner but they didn't know how all them dark places burned in little Peggy's eyes.	Свои самые отвратительные пороки и черты люди старались засунуть куда-нибудь подальше, но они не догадывались, что глазки малышки Пэгги способны проникнуть в каждый темный уголок их сердец.
Even when she was so little that she spit out her corn mash cause she was still hoping for a suck, she knew all the stories that the folks around her kept all hid.	Еще совсем малышкой, выплевывая кукурузную кашу в надежде получить добавку материнского молока, она уже знала все сокровенные тайны окружающих ее людей.

She saw the bits of their past that they most wished they could bury, and she saw the bits of their future that they most feared.	Она видела их прошлое, которое они схоронили в себе, и видела будущее, которого они так страшились.
And that was why she took to coming up here to the spring house.	Поэтому она и стала приходить в этот домик у ручья.
Here she didn't have to see those things.	Здесь она могла забыть о своем даре.
Not even the lady in Papa's memory.	Даже о той леди из папиного воспоминания.

There was nothing here but the heavy wet dark cool air to quench the fire and dim the light so she could be-just for a few minutes in the day-a little five-year-old girl with a straw poppet named Bugy and not even have to think about any of them grown-up secrets.	Здесь был лишь тяжелый, влажный, прохладный воздух, который гасил огонь, затенял пылающий внутри нее свет, так что хотя бы несколько минут в день Пэгги могла побыть обыкновенной пятилетней девочкой с соломенной куклой по имени Буги - здесь она могла не думать о взрослых секретах.
I'm not wicked, she told herself.	"Я вовсе не плохая и не такая уж испорченная девчонка", - уже в который раз повторила она про себя.
Again and again, but it didn't work because she knew she was.	Только это не помогло, потому что она явственно осознавала свою вину.

All right then, she said to herself, I am wicked.	"Ладно, хорошо, - сказала тогда она. - Я действительно испорченная.
But I won't be wicked anymore.	Но больше такой никогда не буду.
I'll tell the truth like Papa says, or I'll say nothing at all.	Буду говорить только правду, как учил меня папа, или вообще ничего не буду говорить".
Even at five years old, little Peggy knew that if she kept that vow, she'd be better off saying nothing.	Но хоть ей и было всего пять лет, малышка Пэгги понимала: проще повесить огромный замок на рот, чем сдержать эту клятву.

So she said nothing, not even to herself, just lay there on a mossy damp table with Bugy clenched tight enough to strangle in her fist.	Поэтому она промолчала, даже себе ничего не сказала, просто улеглась на порос- ший влажным мхом столик и крепко прижала к груди стиснутую в кулаке Буги.
Ching ching ching.	Дзынь-дзынь-дзынь.
Little Peggy woke up and got mad for just a minute.	Малышка Пэгги проснулась и сначала разозлилась.
Ching ching ching.	Дзынь-дзынь-дзынь.

Made her mad because nobody said to her, Little Peggy, you don't mind if we talk this young blacksmith feller into settling down here, do you?	Разозлилась потому, что никто не спросил ее: "Пэгги, ты не возражаешь, если этот молодой кузнец построит неподалеку отсюда свою кузницу?"
Not at all, Papa, she would've said if they'd asked.	"Да нет, конечно, папа", - ответила бы она, если б ее спросили.
She knew what it meant to have a smithy.	Она знала, что такое кузница.

It meant your village would thrive, and folks from other places would come, and when they came there'd be trade, and where there was trade then her father's big house could be a forest inn, and where there was a forest inn then all the roads would kind of bend a little just to pass the place, if it wasn't too far out of the way- little Peggy knew all that, as sure as the children of farmers knew the rhythms of the farm.	Это означало, что деревня будет процветать и расти вширь, из других краев потянутся сюда люди. Приезжать они будут с товарами, значит, начнется торговля, а когда начнется торговля, большой дом ее отца превратится в настоящую гостиницу. С появлением гостиницы все дороги чуть сворачивают в сторону, чтобы пройти мимо нее, - если она, конечно, не слишком удалена от основных путей. Все это малышка Пэгги понимала и чувствовала так же, как дети фермеров чувствуют ритм фермы.

A road house by a smithy was a road house that would prosper.	Г остиница, стоящая у кузни, всегда будет процветать.

So she would've said, Sure enough, let him stay, deed him land, brick his chimney, feed him free, let him have my bed so I have to double up with Cousin Peter who keeps trying to peek under my nightgown, I'll put up with all that-just as long as you don't put him near the spring house so that all the time, even when I want to be alone with the water, there's that whack thump hiss roar, noise all the time, and a fire burning up the sky to turn	Поэтому Пэгги сказала бы: "Конечно, пускай кузнец остается, дайте ему землю, сложите дымоход, кормите его, поите, пусть он спит в моей постели. Ничего, что мне придется спать вдвоем с двоюродным братом Питером, который так и норовит заглянуть мне под ночную рубашку, - я потерплю. Но не подпускайте кузнеца к домику у ручья, ведь только там я могу отдохнуть наедине с водой, а тут начнется -дзынь-бряк-шшшш-ррр, шум-гам, небо черным-черно от дыма и по всей округе запах угля.

It was enough to make a body wish to follow the stream right back into the mountain just to get some peace.	Так человека можно с ума свести, и в один прекрасный день он возьмет да и уйдет в горы, вверх по течению, в поисках мира и покоя".
Of course the stream was the smart place to put the blacksmith.	Ручей, разумеется, самое подходящее место для кузни.
Except for water, he could've put his smithy anywheres at all.	Если б не постоянная потребность в воде, кузницу можно было бы поставить в любом другом месте.

The iron came to him in the shipper's wagon clear from New Netherland, and the charcoal-well, there was plenty of farmers willing to trade charcoal for a good shoe.	Железо прибывало прямиком из Нью-Нидерландов, а уголь... среди фермеров всегда найдутся желающие обменять мешок угля на добрую подкову.

But water, that's what the smith needed that nobody'd bring him, so of course they put him right down the hill from the spring house where his ching ching ching could wake her up and put the fire back into her in the one place where she had used to be able to let it burn low and go almost to cold wet ash.	Но вода - это главное, ее никто за так возить не будет, поэтому кузнец и расположился сразу у подножия холма, неподалеку от домика у ручья, так что теперь назойливое "дзынь-дзынь-дзынь" будет постоянно будить ее и вдыхать новый огонь туда, где раньше он почти затухал, превращаясь в холодное, мокрое пепелище.
A roar of thunder.	Неподалеку раздался звучный раскат грома.
She was at the door in a second.	Пэгги стремительно соскочила со столика и кинулась к двери.

Had to see the lightning.	Надо проверить, будет еще молния или нет.
Caught just the last shadow of the light but she knew that there'd be more.	Она успела заметить лишь последний отблеск вспышки, но и этого было достаточно, чтобы понять: вскоре разразится настоящая гроза.
It wasn't much after noon, surely, or had she slept all day?	Времени, должно быть, чуть больше полудня, или она проспала целый день?
What with all these blackbelly clouds she couldn't tell- it might as well be the last minutes of dusk.	Бросив взгляд на небо, девочка увидела, что оно затянуто брюхатыми черными тучами - так что, может быть, уже поздний вечер, по солнцу не определишь.
The air was all a-prickle with lightning just waiting to flash.	Воздух аж кололся, столько невидимых молний сгустилось в нем.

She knew that feeling, knew that it meant the lightning'd hit close.	Пэгги не в первый раз попадала под грозу: вот-вот должна сверкнуть новая вспышка.
She looked down to see if the blacksmith's stable was still full of horses.	Она опустила глаза, чтобы проверить, стоят ли еще в кузне лошади.
It was.	Лошади были на месте.
The shoeing wasn't done, the road would turn to muck, and so the farmer with his two sons from out West Fork way was stuck here.	Значит, их не подковали, а поскольку дорога вскоре превратится в непролазную грязь, фермеру из Вест-Фор ка и двум его сыновьям придется остаться здесь.

Not a chance they'd head home in this, with lightning ready to put a fire in the woods, or knock a tree down on them, or maybe just smack them a good one and lay them all out dead in a circle like them five Quakers they still was talking about and here it happened back in '90 when the first white folks came to settle here.	Вряд ли они рискнут возвращаться в такую грязищу, кроме того, молния может лес запалить, может дерево завалить прямо на дорогу. А может ударить прямо в путников и разложить мертвых по кругу, как это случилось с теми пятью квакерами 1, о которых до сих пор языки чешут, хоть и произошло это еще в девяностом году, когда первые белые поселенцы только появились в этих местах.

People talked still about the Circle of Five and all that, some people wondering if God up and smashed them flat so as to shut the Quakers up, seeing how nothing else ever could, while other people was wondering if God took them up into heaven like the first Lord Protector Oliver Cromwell who was smote by lightning at the age of ninety-seven and just disappeared.	До сих пор люди сплетничали о том Круге Пятерых и всем таком прочем. Некоторые считали, что это сам Господь снизошел с небес и расплющил квакеров в лепешку, потому что только так можно заткнуть им глотку - ничто другое не помогает. Но большинство было уверено, что Г осподь унес их к себе в рай, так же как забрал когда-то Оливера Кромвеля 2, который, дожив до девяноста семи лет, в один прекрасный день попал под удар молнии и сгинул, как его не бывало.

No, that farmer and his big old boys'd stay another night.	Нет, тот фермер с двумя здоровыми, взрослыми сыновьями наверняка еще на одну ночь останется.
Little Peggy was an innkeeper's daughter, wasn't she?	Как-никак малышка Пэгги была дочерью владельца гостиницы.
Papooses learnt to hunt, pickaninnies learnt to tote, farmer children learnt the weather, and an innkeeper's daughter learnt which folks would stay the night, even before they knew it right theirselfs.	Индейцы обучают своих детей искусству охоты, негритята учатся таскать грузы на спине, дети фермеров умеют распознавать погоду, а дочь тавернщика должна сразу определять, кто останется на ночь, а кто - нет, даже если гости сами еще ничего не решили.

Their horses were champing in the stable, snorting and warning each other about the storm.	Лошади в конюшне переступали с ноги на ногу и шумно фыркали, предупреждая друг друга о грядущей грозе.
In every group of horses, little Peggy figgered, there must be one that's remarkable dumb, so all the others have to tell him what all's going on.	Даже в самом маленьком табуне найдется одна, особенно тупая и непонятливая лошадь, которая никак не может взять в толк, в чем дело и что творится.
Bad storm, they were saying.	"Гроза, - всхрапывали лошади, - сильная гроза.
We're going to get a soaking, if the lightning don't smack us first.	Промокнем до костей точно, если молнией прежде не убьет".

And the dumb one kept nickering and saying, What's that noise, what's that noise?	А глупая лошадь все продолжала ржать да переспрашивать: "Что за шум? Что за шум, а?"
Then the sky just opened right up and dumped water on the earth.	И тут небесные хляби разверзлись, и на землю бурным потоком хлынула вода.
Stripped leaves right off the trees, it came down so hard.	Под хлесткими, сильными ударами капель с деревьев посыпались листья.
Came down so thick, too, that little Peggy couldn't even see the smithy for a minute and she thought maybe it got washed right away into the stream.	Дождь полил сплошной стеной, скрыв кузницу за влажным туманом - малышке Пэгги даже почудилось, будто ее вообще смыло в ручей.

Oldpappy told her how that stream led right down to the Hatrack River, and the Hatrack poured right into the Hio, and the Hio shoved itself on through the woods to the Mizzipy, which went on down into the sea, and Oldpappy said how the sea drank so much water that it got indigestion and gave off the biggest old belches you ever heard, and what came up was clouds.	Деда рассказывал, что ручей вливается в реку Хатрак, Хатрак впадает в Гайо, а Гайо, пробившись сквозь непроходимые леса, соединяет свои воды с Миззипи, и уже та впадает в огромное море. Еще деда сказал, море пьет столько воды, что зачастую страдает несварением желудка, отчего и появляются большие белые клубы, которые на поверку оказываются вовсе не отрыжкой, а облаками.

Belches from the sea, and now the smithy would float all that way, get swallered up and belched out, and someday she'd just be minding her own business and some cloud would break up and plop that smithy down as neat as you please, old Makepeace Smith still ching ching chinging away.	Вот теперь и кузница поплывет к морю, которое проглотит ее и изрыгнет в виде облака, и в один прекрасный день, когда Пэгги будет идти по своим делам, одно из небесных облаков вдруг раскроется, из него выпадет кузница и встанет на прежнее место, где была, а старый Миротворец Смит по-прежнему будет дзынь-дзынь -дзынькать.
Then the rain stacked off a mite and she looked down to see the smithy still there.	Однако в эту минуту ливень чуть рассеялся, и глазам Пэгги открылась кузня, которая и не думала никуда уплывать.
But that wasn't what she saw at all.	Впрочем, Пэгги ее не замечала.

No, what she saw was sparks of fire way off in the forest, downstream toward the Hatrack, down where the ford was, only there wasn't a chance of taking the ford today, with this rain.	Ее взгляд привлекли маленькие огненные искорки, мелькающие в лесу, у самого Хатрака, там, где была переправа. Только в такую грозу и думать нечего переходить реку вброд.
Sparks, lots of sparks, and she knew every one of them was folks.	Искорки, целая куча огоньков, и каждый из них был живым человеком.
She didn't hardly think of doing it anymore, she only had to see their heartfires and she was looking close.	Малышка уже не думала, как плохо быть светлячком: заметив огонь сердца, она с головой погружалась в него.

Maybe future, maybe past, all the visions lived together in the heartfire.	Может, будущее, может, прошлое - всякие картинки уживались в этом огоньке.
What she saw right now was the same in all their hearts.	Сейчас перед ее взором предстало то, что переживали люди в своих сердцах.
A wagon in the middle of the Hatrack, with the water rising and everything they owned in all the world in that wagon.	Повозка застряла прямо посреди Хатрака, вода поднималась, и все, чем путники владели, находилось в той самой повозке.
Little Peggy didn't talk much, but everybody knew she was a torch, so they listened whenever she spoke up about trouble.	Малышка Пэгги никогда не слыла говоруньей, а местные жители знали о способностях девочки, поэтому прислушивались к каждому ее слову, особенно когда речь шла о какой-то беде.

Specially this kind of trouble.	И особенно когда в беду попадали люди.
Sure the settlements in these parts were pretty old now, a fair bit older than little Peggy herself, but they hadn't forgotten yet that anybody's wagon caught in a flood is everybody's loss.	Поселенцы в этих краях появились довольно давно, однако они еще не успели забыть, что повозка, угодившая в лапы разлившейся реке, -потеря не одного человека, но сразу всех.

She fair to flew down that grassy hill, jumping gopher holes and sliding the steep places, so it wasn't twenty seconds from seeing those far-off heartfires till she was speaking right up in the smithy's shop.	Пэгги стрелой слетела по травянистому склону, перепрыгивая через сусличьи норки и поскальзываясь в неглубоких лужах, - и двадцати секунд не прошло с тех пор, как она увидела огоньки попавших в беду людей, а малышка уже ворвалась в жаркую кузницу.
That farmer from West Fork at first wanted to make her wait till he was done with telling stories about worse storms he'd seen. But Makepeace knew all about little Peggy.	Фермер из Вест-Форка было осадил ее, намереваясь дорассказать о тех бурях, что довелось ему повидать на веку, однако Миротворец прекрасно знал о даре малышки Пэгги.

He just listened right up and then told those boys to saddle them horses, shoes or no shoes, there was folks caught in the Hatrack ford and there was no time for foolishness.	Внимательно выслушав ее, он приказал немедленно седлать лошадей, подкованы они или не подкованы, поскольку на Хатракском броде попали в беду живые люди и здесь уж не до глупых баек.
Little Peggy didn't even get a chance to see them go-Makepeace already sent her off to the big house to fetch her father and all the hands and visitors there.	Малышка Пэгги даже не успела проводить их: Миротворец отослал ее в гостиницу, чтобы позвать на помощь отца, постояльцев и работников.

Wasn't a one of them who hadn't once put all they owned in the world into a wagon and dragged it west across the mountain roads and down into this forest.	Каждому случалось доверять свое имущество одной-единственной повозке, что долго тащилась на запад по горным дорогам-перевалам, пока не останавливалась в этом лесу.
Wasn't a one of them who hadn't felt a river sucking at that wagon, wanting to steal it away.	Каждому доводилось ощущать жадные щупальца реки, которая так и вцеплялась в повозку, так и пыталась умыкнуть ее.
They all got right to it.	Каждый переживал подобное.
That's the way it was then, you see.	Такое время было.

Folks noticed other people's trouble every bit as quick as if it was their own.	Каждый принимал беду ближнего как свою собственную.
Chapter Four-Hatrack River	4. Река Хатрак
Vigor led the boys in trying to push the wagon, while Eleanor hawed the horses.	Пока Элеанора пыталась сладить с лошадьми, Вигор и остальные мальчишки выталкивали завязшую посреди брода повозку.
Alvin Miller spent his time carrying the little girls one by one to safety on the far shore.	Элвин Миллер тем временем одну за другой переносил на дальний берег своих младших дочерей.

The current was a devil clawing at him, whispering, I'll have your babies, I'll have them all, but Alvin said no, with every muscle in his body as he strained shoreward he said no to that whisper, till his girls stood all bedraggled on the bank with rain streaming down their faces like the tears from all the grief in the world.	Речка бурлила и кипела вокруг него, дьявольски пришептывая: "Теперь вы попались, теперь твои дети принадлежат мне", - но Элвин лишь мотал головой, из последних сил прорываясь к твердой земле. Руки и ноги не слушались, ныл каждый мускул в теле, но он твердил упорное "нет" до тех пор, пока все девочки не очутились на суше, чумазые и промокшие до нитки; по их лицам бежали капли дождя, словно весь мир плакал вместе с ними.

He would have carried Faith, too, baby in her belly and all, but she wouldn't budge.	Элвин перенес бы и Веру, а вместе с ней и неродившегося малыша, только ее было не сдвинуть с места.

Just sat inside that wagon, bracing herself against the trunks and furniture as the wagon tipped and rocked.	Она забилась в дальний угол раскачивающейся, переваливающейся с боку на бок повозки и, ничего не понимая, изо всех сил цеплялась за сундуки.
Lightning crashed and branches broke; one of them tore the canvas and the water poured into the wagon but Faith held on with white knuckles and her eyes staring out.	Сверкнула молния, и одна из ветвей прибрежных деревьев с громким хрустом рухнула прямо на повозку, разрывая покрывающую ее холстину. Вода бурным потоком устремилась внутрь, но Вера не замечала ничего - глаза выпучены, а побелевшие скрюченные пальцы мертвой хваткой впились в борта.

Alvin knew from her eyes there wasn't a thing he could say to make her let go.	Элвину хватило одного взгляда, чтобы понять: ничто на белом свете не заставит Веру покинуть это прибежище.
There was only one way to get Faith and her unborn baby out of that river, and that was to get the wagon out.	Вырвать ее и неродившегося младенца из лап реки можно было, только вытащив на берег всю повозку.
"Horses can't get no purchase, Papa," Vigor shouted. "They're just stumbling and bound to break a leg."	- Пап, лошади не могут нащупать почву, -крикнул Вигор. - Они спотыкаются и вот-вот все переломают себе ноги.
"Well we can't pull out without the horses!"	- Но без них нам не выбраться!

"The horses are something, Papa.	- Плевать на лошадей, пап.
We leave 'em in here and we'll lose wagon and horses too!"	Лишимся мы повозки и лошадей, ну и что?
"Your mama won't leave that wagon."	- Мать не хочет выходить - боится.
He saw understanding in Vigor's eyes.	Он увидел понимание в глазах Вигора.
The things in the wagon weren't worth a risk of death to save them.	Жалкие пожитки, сваленные внутри, не стоят того, чтобы ради них рисковать жизнью.
But Mama was.	Но мама...

"Still," Vigor said. "On shore the team could pull strong. Here in the water they can't do a thing."	- На берегу упряжка хоть на что-то способна, -сказал Вигор. - Здесь, в воде, лошади только мешают.
"Set the boys to unhitching them.	- Распрягайте их.
But first tie a line to a tree to hold that wagon!"	Но сначала привяжите нас к какому-нибудь дереву, чтобы не унесло ненароком!
It wasn't two minutes before the twins Wastenot and Wantnot were on the shore making the rope fast to a stout tree.	Не прошло и двух минут, как близнецы Нет и Нед очутились на берегу. Спустя еще секунду они обмотали веревкой огромное дерево, растущее у самой реки.

David and Measure made another line fast to the rig that held the horses, while Calm cut the strands that held them to the wagon.	Дэвид и Мера тем временем привязывали другой конец к упряжи, а Кальм начал рубить постромки.

Good boys, doing their work just right, Vigor shouting directions while Alvin could only watch, helpless at the back of the wagon, looking now at Faith who was trying not to have the baby, now at the Hatrack River that was trying to push them all down to hell.	Элвин вырастил достойных сыновей - работа в их руках спорилась. Вигор выкрикивал указания, а самому Элвину ничего не оставалось делать, кроме как наблюдать за слаженными усилиями юношей. Он сидел рядом с Верой, в глубине повозки, и терзался собственным бессилием, глядя на жену, которая, закусив губы, пыталась задержать начинающиеся роды, тогда как река Хатрак, ярясь и бушуя, тащила всю семью прямиком в ад.

Not much of a river, Vigor had said, but then the clouds came up and the rain came down and the Hatrack became something after all.	"Не река - так, речушка", - сказал тогда Вигор, но вдруг сгустились облака, полил дождь, и Хатрак превратилась в кипя- щую стремнину.
Even so it looked passable when they got to it.	И все равно можно было перебраться через реку -так по крайней мере вы- глядело со стороны.
The horses strode in strong, and Alvin was just saying to Calm, who had the reins,	Лошади бодро ступили в воду, и только Элвин сказал Кальму, в руках которого были поводья:
"Well, we made it not a minute to spare," when the river went insane.	"Минута-другая, и мы на том берегу", - как река словно взбесилась.

It doubled in speed and strength all in a moment, and the horses got panicky and lost direction and started pulling against each other.	Они глазом моргнуть не успели - бурлящая вода с удвоенной силой рванулась вперед и ударила в борт. Лошади запаниковали и, потеряв направление, сбились в кучу.
The boys all hopped into the river and tried to lead them to shore but by then the wagon's momentum had been lost and the wheels were mired up and stuck fast.	Мальчишки попрыгали в реку и попытались направить повозку к берегу, но дно внезапно исчезло, и колеса намертво застряли в грязи и иле.
Almost as if the river knew they were coming and saved up its worst fury till they were already in it and couldn't get away.	Как будто река заранее предугадала появление повозки и приберегла свою ярость до тех пор, пока лошади не ступят в воду, из которой возвращения не было.
"Look out!	- Берегитесь!

Look out!" screamed Measure from the shore.	Осторожней! - раздался крик Меры с другого берега.
Alvin looked upstream to see what devilment the river had in mind, and there was a whole tree floating down the river, endwise like a battering ram, the root end pointed at the center of the wagon, straight at the place where Faith was sitting, her baby on the verge of birth.	Элвин обернулся, чтобы посмотреть, какую еще дьявольскую шутку вознамерилась выкинуть река, и увидел: вниз по течению, словно таран, неслось громадное дерево, нацеливаясь торчащими корнями прямо в центр повозки, прямо туда, где сидела Вера, ожидая рождения ребенка.
Alvin couldn't think of anything to do, couldn't think at all, just screamed his wife's name with all his strength.	Элвина сковало по рукам и ногам, мысли мгновенно улетучились, с губ сорвался отчаянный вопль, в котором угадывалось имя его жены.

Maybe in his heart he thought that by holding her name on his lips he could keep her alive, but there was no hope of that, no hope at all. Except that Vigor didn't know there was no hope.	Быть может, в глубине своего сердца он надеялся, что окрик остановит надвигающуюся беду, сохранит Вере жизнь, но надеялся тщетно -никакой надежды на благополучный исход уже не оставалось.

Vigor leapt out when the tree was no more than a rod away, his body failing against it just above the root.	Только Вигор не знал, что дело настолько безнадежно. Избрав момент, когда дерево вот-вот должно было ударить в борт, прыгнув, он упал прямо на торчащие, острые культи корней.

The momentum of his leap turned it a little, then rolled it over, rolled it and turned it away from the wagon.	Ствол чуть покачнулся, потом начал разворачиваться и, закрутившись, миновал повозку.
Of course Vigor rolled with it, pulled right under the water-but it worked, the root end of the tree missed the wagon entirely, and the shaft of the trunk struck it a sidewise blow.	Утащив за собой Вигора, утопив юношу в бурлящем потоке воды - но цель была достигнута, корневище миновало повозку, лишь крона мимоходом мазнула.
The tree bounded across the stream and smashed up against a boulder on the bank.	Река понесла дерево вниз по течению, развернула еще раз и влепила прямо в огромный валун, притулившийся у берега.

Alvin was five rods off, but in his memory from then on, he always saw it like as if he'd been right there.	Элвин находился довольно далеко от места столкновения, но картина настолько ярко запечатлелась у него в памяти, словно он стоял совсем рядом.
The tree crashing into the boulder, and Vigor between them.	Ствол с громким треском ткнулся в валун, вбивая Вигора в камень.
Just a split second that lasted a lifetime, Vigor's eyes wide with surprise, blood already leaping out of his mouth, spattering out onto the tree that killed him.	Секунда длилась целую вечность; глаза Вигора широко распахнулись от удивления, изо рта его кровавым фонтанчиком вырвалась струя крови, окропляя кору дерева-убийцы.
Then the Hatrack River swept the tree out into the current.	После чего река Хатрак понесла свою игрушку дальше.

Vigor slipped under the water, all except his arm, all tangled in the roots, which stuck up into the air for all the world like a neighbor waving good-bye after a visit.	Вигор в очередной раз скрылся под водой, на поверхности виднелась одна его рука, запутавшаяся в мешанине корней в последнем "прости", - так сосед машет на прощание, покидая гостеприимный дом.
Alvin was so intent on watching his dying son that he didn't even notice what was happening to his own self.	Элвин не сводил глаз с умирающего сына и не замечал, что творится вокруг.

The blow from the tree was enough to dislodge the mired wheels, and the current picked up the wagon, carried it downstream, Alvin clinging to the tailgate, Faith weeping inside, Eleanor screaming her lungs out from the driver's seat, and the boys on the bank shouting something.	Крона, толкнувшая в борт, помогла колесам освободиться из цепких объятий густого ила, и теперь повозку подхватило течение, потащив ее вниз по реке. Резкий рывок чуть не выбросил Элвина в реку, однако он успел уцепиться за задний борт; спереди доносился крик Элеаноры; с берега что-то кричали сыновья.
Shouting,	Доносилось лишь:
"Hold!	"Держитесь!
Hold!	Держитесь!
Hold!"	Держитесь!"

The rope held, one end tied to a strong tree, the other end tied to the wagon, it held.	И веревка, привязанная одним концом к стволу огромного прибрежного дерева, а другим - к повозке, выдержала.
The river couldn't tumble the wagon downstream; instead it swung the wagon in to shore the way a boy swings a rock on a string, and when it came to a shuddering stop it was right against the bank, the front end facing upstream.	Река не смогла унести телегу. Вместо этого она откинула ее к берегу, играя, как маленький мальчик играет камнем на веревке. Повозка с треском ударилась обо что-то и застыла - прямо у самой суши, обратившись передним концом навстречу течению.
"It held!" cried the boys.	- Выдержала! - в один голос заорали мальчишки.
"Thank God!" shouted Eleanor.	- Слава Богу! - вырвалось у Элеаноры.

"The baby's coming," whispered Faith.	- Ребенок вот-вот родится, - прошептала Вера.
But Alvin, all he could hear was the single faint cry that had been the last sound from the throat of his firstborn son, all he could see was the way his boy clung to the tree as it rolled and rolled in the water, and all he could say was a single word, a single command.	Но Элвин, Элвин не слышал ничего - в ушах еще звучал последний слабый крик, сорвавшийся с губ умирающего первенца. И видел он только своего сына, приникшего к дереву, которое перекатывалось и подпрыгивало в мутном потоке. Все, что он мог сейчас сказать, заключалось в одном слове, в слове-приказании.
"Live," he murmured.	- Живи, - проговорил он. - Живи.
Vigor had always obeyed him before.	Не было такого, чтобы Вигор не послушался отца.

Hard worker, willing companion, more a friend or brother than a son.	Трудился он всегда не покладая рук, на его плечо всегда можно было опереться - Элвину он был скорее другом или братом, нежели сыном.
But this time he knew his son would disobey.	Но на этот раз Элвин не сомневался, что сын ослушается наказа отца.
Still he whispered it.	И все-таки он шептал:
"Live."	- Живи...
"Are we safe?" said Faith, her voice trembling.	- Мы спаслись? - дрожащим голосом окликнула Вера.
Alvin turned to face her, tried to strike the grief from his face.	Элвин повернулся к ней, пытаясь скрыть печаль и горе, проступившие на лице.

No sense her knowing the price that Vigor paid to save her and the baby.	Зачем ей знать цену, которую заплатил Вигор за спасение ее и младенца?
Time enough to learn of that after the baby was born.	Узнать она успеет - после того, как родится малыш, времени будет вдоволь.
"Can you climb out of the wagon?"	- Ты сможешь выбраться из повозки?
"What's wrong?" asked Faith, looking at his face.	- Что случилось? - в ответ спросила Вера, всматриваясь в его лицо.
"I took a fright.	- Напугался я.
Tree could have killed us.	Дерево чуть не погубило нас.
Can you climb out, now that we're up against the bank?"	Ты сможешь выбраться? Берег совсем рядом, рукой подать.

Eleanor leaned in from the front of the wagon.	В повозку заглянула Элеанора:
"David and Calm are on the bank, they can help you up.	- Дэвид и Кальм снаружи, они помогут.
The rope's holding, Mama, but who can say how long?"	Веревка пока держит. Пока. И я не знаю, сколько еще она выдержит.
"Go on, Mother, just a step," said Alvin. "We'll do better with the wagon if we know you're safe on shore."	- Давай, мать, поднимайся, всего-то пара шагов, -сказал Элвин. - Мы справимся с повозкой, когда ты будешь в безопасности, на берегу.
"The baby's coming," said Faith.	- Я рожаю, - простонала Вера.

"Better on shore than here," said Alvin sharply. "Go now."	- Рожать лучше на берегу, чем здесь, - не выдержав, рявкнул Элвин. - Поднимайся, тебе говорят.
Faith stood up, clambered awkwardly to the front.	Вера встала, неловко, шатаясь побрела к борту.
Alvin climbed through the wagon behind her, to help her if she should stumble.	Элвин шел следом, поддерживая ее, чтобы не упала.
Even he could see how her belly had dropped.	Даже он заметил, как опал ее живот.
The baby must be grabbing for air already.	Дите, наверное, уже задыхается.

On the bank it wasn't just David and Calm, now.	На берегу их ждали не только Дэвид и Кальм.
There were strangers, big men, and several horses.	Рядом с мальчиками стояли какие-то незнакомые люди, держа на поводу нескольких лошадей.
Even one small wagon, and that was a welcome sight.	Мало того, они пригнали небольшую телегу, чего Элвин никак не ожидал.
Alvin had no notion who these men were, or how they knew to come and help, but there wasn't a moment to waste on introductions.	Он понятия не имел, кто эти люди и откуда они узнали, что семье переселенцев требуется срочная помощь, но времени на представления не было.
"You men!	- Эй, люди добрые!

Is there a midwife in the road house?"	В гостинице найдется повитуха?
"Goody Guester does with birthing," said a man. A big man, with arms like ox-legs.	- Тетушка Гестер сможет принять роды, - сказал один мужчина, здоровяк, с руками, на которых бугрились мускулы настоящего быка.
A blacksmith, surely.	Кузнец, не иначе.
"Can you take my wife in that wagon?	- Вы не могли бы помочь уложить в повозку мою жену?
There's not a moment to spare."	Дорога каждая минута.
Alvin knew it was a shameful thing, for men to speak so openly of birthing, right in front of the woman who was set to bear.	Стыд и позор в открытую говорить при посторонних о родах, да к тому же в присутствии самой роженицы.

But Faith was no fool-she knew what mattered most, and getting her to a bed and a competent midwife was more important than pussyfooting around about it.	Но Вера была не глупа - она понимала, что сейчас не до церемоний. Кровать и повитуха - вот что сейчас важно, а всякие ужимки можно оставить на потом.
David and Calm were careful as they helped their mother toward the waiting wagon.	Дэвид и Кальм осторожно, под руки, довели мать до стоящей неподалеку повозки.

Faith was staggering with pain.	Вера аж извивалась от боли.
Women in labor shouldn't have to step from a wagon seat up onto a riverbank, that was sure.	Женщине, которая вот-вот должна родить, не следует бегать, как молодке, вверх-вниз по речному берегу.

Eleanor was right behind her, taking charge as if she wasn't younger than all the boys except the twins.	Элеанора взяла бразды правления в свои руки и решительно раздавала приказы, словно не была младше всех братьев, не считая близнецов:
"Measure! Get the girls together.	- Так, Мера, ну-ка собери всех девчонок вместе!
They're riding in the wagon with us.	Они поедут с нами в повозке.
You too, Wastenot and Wantnot!	И вы двое, Нет и Нед!
I know you can help the big boys but I need you to watch the girls while I'm with Mother."	Знаю, вы могли бы помочь, но вы потребуетесь мне, чтобы приглядеть за сестрами, пока я буду с матерью.

Eleanor was never one to be trifled with, and the gravity of the situation was such that they didn't even call her Eleanor of Aquitaine as they obeyed.	С Элеанорой шутки плохи, да и положение, в котором они очутились, никак не располагало к смеху, поэтому мальчишки повиновались сестре, даже не обозвав ее как обычно Элеанорой Аквитанской 3.
Even the little girls mostly gave over their squabbling and got right on.	Младшие сестры тоже решили не препираться и гуськом потянулись вверх по склону.
Eleanor paused a moment on the bank and looked back to where her father stood on the wagon seat.	Элеанора, на секунду задержавшись на берегу, оглянулась на замершего рядом с полупотопленной повозкой отца.
She glanced downstream, then looked back at him.	Она перевела глаза на несущуюся реку, потом снова на отца.

Alvin understood the question, and he shook his head no.	Элвин понял ее незаданный вопрос и покачал головой: "нет".
Faith was not to know of Vigor's sacrifice.	Вера не должна была знать о том, что Вигор спас ее ценой собственной жизни.
Tears came unwelcome to Alvin's eyes, but not to Eleanor's.	Непрошенные слезы навернулись на глаза Элвина, но Элеанора сдержалась.
Eleanor was only fourteen, but when she didn't want to cry, she didn't cry.	Ей было всего четырнадцать, но она уже умела подавлять подступающие к горлу рыдания.
Wastenot hawed the horse and the little wagon lurched forward, Faith wincing as the girls patted her and the rain poured.	Нет хлестнул лошадь, и маленькая повозка рванулась вперед. Вера морщилась, чувствуя под боком руки дочерей и капли дождя, падающие на лицо.

Faith's gaze was somber as a cow's, and as mindless, looking back at her husband, back at the river.	Глаза подернулись дымкой, тупо, равнодушно, по-коровьи она смотрела на мужа, оставшегося на берегу реки.
At times like birthing, Alvin thought, a woman becomes a beast, slack-minded as her body takes over and does its work.	Иногда, например во время родов, женщина превращается в животное, подумал Элвин, разум покидает ее, и в право владения вступает тело.
How else could she bear the pain?	Как иначе она перенесла бы такую боль?

As if the soul of the earth possessed her the way it owns the souls of animals, making her part of the life of the whole world, unhitching her from family, from husband, from all the reins of the human race, leading her into the valley of ripeness and harvest and reaping and bloody death.	На какое-то время в женщине поселяется дух земли, живущий обычно в животных. Она становится частичкой живого мира, забывает семью, мужа, порывает со всем человеческим. Дух земли уносит ее в долину плодородия, вечной жатвы и кровавой, голодной смерти.
"She'll be safe now," the blacksmith said. "And we have horses here to pull your wagon out."	- Ей ничего не грозит, - сказал кузнец. - Давайте теперь займемся повозкой. Наши лошади легко вытянут ее.
"It's slacking off," said Measure. "The rain is less, and the current's not so strong."	- Буря затихает, - заметил Мера. - Дождь поутих, да и течение уже не такое сильное.

"As soon as your wife stepped ashore, it eased up, said the farmer-looking feller. "The rain's dying, that's sure."	- Как только твоя жена ступила на берег, река словно назад подала, - подтвердил мужчина с руками фермера. - Дождь вот-вот закончится, точно говорю.
"You took the worst of it in the water," said the blacksmith. "But you're all right now.	- Худо вам пришлось, - кивнул кузнец. - Но вы спаслись.
Get hold of yourself, man, there's work to do."	Так что, друг, бери себя в руки, нам предстоит немало сделать.
Only then did Alvin come to himself enough to realize that he was crying.	Придя в себя, Элвин вдруг обнаружил, что по щекам текут слезы.

Work to do, that's right, get hold of yourself, Alvin Miller.	Да, предстоит немало сделать, это кузнец верно подметил, так что держись, Элвин Мельник.
You're no weakling, to bawl like a baby.	Ты не слабак какой-нибудь - нюни распускать.
Other men have lost a dozen children and still live their lives.	Другие теряют по дюжине детей за раз - и ничего, живут себе.
You've had twelve, and Vigor lived to be a man, though he never did get to marry and have children of his own.	У тебя было двенадцать детей, и Вигор успел стать настоящим мужчиной, пусть так и не женился, пусть не завел собственных детей.

Maybe Alvin had to weep because Vigor died so nobly; maybe he cried because it was so sudden.	Может, Элвин потому плакал, что Вигор погиб благородной смертью, а может, он плакал потому, что смерть пришла так внезапно.
David touched the blacksmith's arm.	Дэвид дотронулся до руки кузнеца.
"Leave him be for a minute," he said softly. "Our oldest brother was carried off not ten minutes back.	- Подождите немножко, - тихо сказал он. - Десять минут назад погиб наш старший брат.
He got tangled in a tree floating down."	Его утащило дерево, свалившееся в реку.

"It wasn't no tangle, " Alvin said sharply. "He jumped that tree and saved our wagon, and your mother inside it!	- Никто его не утаскивал, - сердито огрызнулся Элвин. - Он сам прыгнул и спас нашу повозку и твою мать, которая находилась внутри!
That river paid him back, that's what it did, it punished him."	Река отплатила ему, вот что я скажу, она наказала его.
Calm spoke quietly to the local men.	- Его ударило прямо вон об тот валун, - спокойно объяснил Кальм собравшимся мужчинам.
"It run him up against that boulder there." They all looked.	Все посмотрели туда, куда указывала рука юноши.

There wasn't even a smear of blood on the rock, it seemed so innocent.	На камне даже следа крови не осталось, он невинно торчал себе у воды, словно и не было ничего вовсе.
"The Hatrack has a mean streak in it," said the blacksmith, "but I never seen this river so riled up before.	- Хатрак - река коварная, злая, - сказал кузнец, -но я никогда не видел, чтобы она так злобствовала.
I'm sorry about your boy.	Парнишка погиб, жаль его.
There's a slow, flat place downstream where he's bound to fetch up.	Вниз по течению есть небольшой пляж, где течение замедляет ход, наверняка его туда прибило.
Everything the river catches ends up there.	Всю добычу река туда уносит.

When the storm lets up, we can go down and bring back the- bring him back."	Когда гроза поутихнет, спустимся и привезем те... привезем твоего сына.
Alvin wiped his eyes on his sleeve, but since his sleeve was soaking wet it didn't do much good.	Элвин утер глаза рукавом, но поскольку одежда его промокла насквозь, пользы это не принесло.
"Give me a minute more and I can pull my weight," said Alvin.	- Дайте мне минутку-другую, я приду в себя, -сказал Элвин.
They hitched two more horses and the four beasts had no trouble pulling the wagon out against the much weakened current.	К берегу подогнали еще двух лошадей, и упряжка из четырех могучих животных без труда вытащила повозку из заметно спавшего потока.

By the time the wagon was set to rights again on the road, the sun was even breaking through.	К тому времени как повозка очутилась на дороге, сквозь серые тучи начали пробиваться солнечные лучики.
"Wouldn't you know," said the blacksmith. "If you ever don't like the weather hereabouts, you just set a spell, cause it'll change."	- Странно как-то, - размышлял вслух кузнец. -Обычно, если нам не нравится погода, мы накладываем заклинание, и она вскоре меняется. Что ж вы так не поступили?
"Not this one," said Alvin. "This storm was laid in wait for us."	- Не помогло, - ответил Элвин. - Буря специально караулила нас.
The blacksmith put his arm across Alvin's shoulder and spoke real gentle.	Кузнец положил могучую руку на плечи Элвина и мягко проговорил:

"No offense, mister, but that's crazy talk."	- Без обид, мистер, но бред это какой-то.
Alvin shrugged him off.	Элвин одним движением стряхнул руку:
"That storm and that river wanted us."	- Буря и река нарочно хотели погубить нас.
"Papa," said David, "you're tired and grieving.	- Пап, - вмешался в спор Дэвид, - ты устал.
Best be still till we get to the road house and see how Mama is."	Подожди лучше с разговорами, скоро мы приедем в гостиницу, посмотрим, как там мама.
"My baby is a boy," said Papa. "You'll see.	- У меня родится сын, - проговорил он. - Вот увидите, это будет мальчик.
He would have been the seventh son of a seventh son."	Он должен стать седьмым сыном седьмого сына.

That got their attention, right enough, that blacksmith and the other men as well.	Вот тут они прислушались к нему, этот кузнец и все остальные.

Everybody knew a seventh son had certain gifts, but the seventh son of a seventh son was about as powerful a birth as you could have.	Не было такого человека, который бы не знал о том, что седьмой сын наделен большими способностями. Но седьмой сын седьмого сына... от самого рождения он обладает великой силой.
"That makes a difference," said the blacksmith. "He'd have been a born dowser, sure, and water hates that."	- Это дело другое, - пробормотал кузнец. -Должно быть, он может стать отличным лозоходцем, то-то вода накинулась на вас.
The others nodded sagely.	Остальные угрюмо закивали в знак согласия.

"The water had its way," said Alvin. "Had its way, and all done.	- Вода взяла свое, - сказал Элвин. - Она свое взяла, что теперь-то говорить?
It would've killed Faith and the baby, if it could.	Она бы, конечно, убила Веру и ребенка, если б смогла.
But since it couldn't, why, it killed my boy Vigor.	А поскольку ей пришлось это не по силам, что ж, она забрала моего сына Вигора.
And now when the baby comes, he'll be the sixth son, cause I'll only have five living."	И теперь, когда малыш родится, он будет шестым сыном, поскольку в живых у меня осталось пятеро.
"Some says it makes no difference if the first six be alive or not," said a farmer.	- Кое-кто поговаривает, что вовсе не обязательно, чтобы первые шестеро все выжили, - заметил фермер.

Alvin said nothing, but he knew it made all the difference.	Элвин ничего не ответил, поскольку знал, что это непременное условие.
He had thought this baby would be a miracle child, but the river had taken care of that.	Он думал, его седьмой сын будет обладать чудесными дарами, но река позаботилась о том, чтобы такого ребенка не появилось на свет.
If water don't stop you one way, it stops you another.	Вода - коварная стихия, не остановит так, остановит иначе.
He shouldn't have hoped for a miracle child.	Не надо было надеяться на чудо-мальчика.
The cost was too high.	Цена оказалась слишком высока.

All his eyes could see, all the way home, was Vigor dangling in the grasp of the roots, tumbling through the current like a leaf caught up in a dust devil, with the blood seeping from his mouth to slake the Hatrack's murderous thirst.	Всю дорогу до гостиницы перед его глазами стояла одна картина: Вигор, запутавшийся в цепких объятиях корней. Неугомонное течение швыряет и терзает тело юноши - так "песчаный дьявол" смерч забавляется сухим листком. А изо рта Вигора ручейком сбегает кровь, утоляя жажду смертоносного Хатрака...
Chapter Five-Caul	5. Сорочка
Little Peggy stood in the window, looking out into the storm.	Малышка Пэгги стояла у окна, всматриваясь в бушующую грозу.

She could see all those heartfires, especially one, one so bright it was like the sun when she looked at it.	Она видела огоньки сердец, пробивающиеся сквозь дождь, особенно ярко светил один из них, похожий на солнце, аж глаза резал.
But there was a blackness all around them.	Но все эти огоньки окутывала непроглядная тьма-чернота.

No, not even black-a nothingness, like a part of the universe God hadn't finished making, and it swept around those lights as if to tear them from each other, sweep them away, swallow them up.	Не просто тьма, нет - скорее абсолютная пустота, Ничто, напоминающее часть Вселенной, так и не созданной Господом. Пустота омывала огоньки, как будто пытаясь отделить их друг от друга, разнести и поглотить.

Little Peggy knew what that nothingness was.	Малышке Пэгги эта пустота была знакома.
Those times when her eyes saw the hot yellow heartfires, there were three other colors, too.	Кроме жаркой желтизны человеческих огоньков, выделялось еще три цвета.
The rich dark orange of the earth.	Густой темно-оранжевый, принадлежащий земле.
The thin grey color of the air.	Дымчато-серый, означающий воздух.
And the deep black emptiness of water.	И глубокая черная пустота воды.
It was the water that tore at them now.	Именно вода нападала на огоньки.

The river, only she had never seen it so black, so strong, so terrible.	Река нападала - правда, девочка никогда не видела ее настолько черной, настолько сильной и ужасной.
The heartfires were so tiny in the night.	В сумерках огоньки выглядели такими одинокими.
"What do you see, child?" asked Oldpappy.	- Что ты видишь, крошка? - поинтересовался деда.
"The river's going to carry them away," said little Peggy.	- Река хочет унести их, - ответила малышка Пэгги.
"I hope not."	- Надеюсь, у нее ничего не выйдет.
Little Peggy began to cry.	Пэгги неожиданно разрыдалась.

"There, child," said Oldpappy. "It ain't always such a grand thing to see afar off like that, is it."	- Да, малышка, - задумчиво проговорил деда. -Далеко ты умеешь глядеть, это великий дар, но не всегда он приходится по душе.
She shook her head.	Она кивнула.
"But maybe it won't happen as bad as you think."	- Может, все обойдется?
Just at that moment, she saw one of the heartfires break away and tumble off into the dark.	Как раз в эту секунду один из огоньков отделился и сгинул во тьме.
"Oh!" she cried out, reaching as if her hand could snatch the light and put it back.	- Ой! - невольно вырвалось у нее, и девочка рванулась вперед, надеясь подхватить его и водворить на место.
But of course she couldn't.	Конечно, ничего у нее не получилось.

Her vision was long and clear, but her reach was short.	Видела она далеко, но дотянуться не могла.
"Are they lost?" asked Oldpappy.	- Огоньки пропали? - спросил деда.
"One," whispered little Peggy.	- Не все, только один, - прошептала Пэгги.
"Haven't Makepeace and the others got there yet?"	- Неужели Миротворец и остальные еще не добрались дотуда?
"Just now," she said. "The rope held.	- Только-только прибыли, - сказала она. - Веревка выдержала.
They're safe now."	Они спаслись.

Oldpappy didn't ask her how she knew, or what she saw.	Деда не спросил, откуда ей это известно и что она видит.

Just patted her shoulder.	Просто похлопал по плечу.
"Because you told them.	- Это потому, что ты им сказала.
Remember that, Margaret.	Помни об этом, Маргарет.
One was lost, but if you hadn't seen and sent help, they might all have died."	Один огонек пропал, но если б ты не увидела этих людей и не послала им навстречу помощь, они могли бы погибнуть все до одного.
She shook her head.	Она покачала головой:
"I should've seen them sooner, Oldpappy, but I fell asleep."	- Если б я не заснула, деда, я бы увидела их раньше.
"And you blame yourself?" asked Oldpappy.	- И ты теперь винишь себя? - уточнил деда.

"I should've let Bloody Mary nip me, and then Father wouldn't've been mad, and then I wouldn't've been in the spring house, and then I wouldn't've been asleep, and then I would've sent help in time-"	- Уж лучше бы Злюка Мэри клюнула меня, тогда бы папа не разозлился, и я бы не пошла в домик у ручья, не заснула бы, и по мощь пришла бы вовремя... - Все мы умеем плести эти "если бы да кабы".
"We can all make daisy chains of blame like that, Maggie.	Так всякого очернить можно, Мэгги.
It don't mean a thing."	Только это ничего не значит.
But she knew it meant something.	Но она не слушала деду.

You don't blame blind people cause they don't warn you you're about to step on a snake- but you sure blame somebody with eyes who doesn't say a word about it.	Нельзя винить слепца, который не предупредил о змее, на которую ты наступил, - зато тот, кто видит и ни слова не говорит, повинен во всем.
She knew her duty ever since she first realized that other folks couldn't see all that she could see.	Давным-давно она поняла: другим людям недоступно то, что видит она, - с тех самых пор на ее плечи легла тяжелая ответственность.
God gave her special eyes, so she'd better see and give warning, or the devil would take her soul.	Бог дал ей особое зрение, поэтому она должна смотреть во все глаза и предупреждать, иначе душа ее достанется дьяволу.

The devil or the deep black sea.	Дьяволу или глубокому морю черноты.
"Don't mean a thing," Oldpappy murmured.	- Ничего не значит... - проткнул деда.
Then, like he just been poked in the behind with a ramrod, he went all straight and said, "Spring house!	И вдруг, будто сзади его ткнули шомполом, подпрыгнул на месте. - Домик у ручья!
Spring house, of course." He pulled her close. "Listen to me, little Peggy.	Ну конечно же! - Он подтянул ее поближе. -Послушай-ка меня, малышка Пэгги.
It wasn't none of your fault, and that's the truth.	Ты ни в чем не виновата, и это правда.

The same water that runs in the Hatrack flows in the spring house brook, it's all the same water, all through the world.	Вода, которая течет в Хатраке, течет и в том ручейке у домика, это одна и та же вода, одинаковая везде, по всему миру.
The same water that wanted them dead, it knew you could give warning and send help.	Вода желала тем людям смерти, она знала, что ты можешь предупредить и выслать помощь.

So it sang to you and sent you off to sleep."	Поэтому своим пением она усыпила тебя.
It made a kind of sense to her, it sure did.	Тут и Пэгги начала что-то понимать - во всяком случае это было похоже на правду.
"How can that be, Oldpappy?"	- Но как так может быть, дед?

"Oh, that's just in the nature of it.	- Здесь все дело в природе.
The whole universe is made of only four kinds of stuff, little Peggy, and each one wants to have its own way." Peggy thought of the four colors that she saw when the heartfires glowed, and she knew what all four were even as Oldpappy named them. "Fire makes things hot and bright and uses them up.	Четыре силы составляют нашу Вселенную, и каждая хочет взять верх над остальными. - Пэгги вспомнила четыре цвета, которые окружали огоньки людей. И сразу догадалась, что за силы имеет в виду деда - он мог бы их и не называть. -Огонь наполняет жаром, заставляет гореть ярко, отдавать силы.
Air makes things cool and sneaks in everywhere.	Воздух коварен, он остужает пыл и любит лазать по щелям.

Earth makes things solid and sturdy, so they'll last.	Земля дает твердость и основательность - все, к чему она прикасается, служит долго и верно.
But water, it tears things down, it falls from the sky and carries off everything it can, carries it off and down to the sea.	А вода - она разрушает, падает с неба и уносит все, что может, уносит прочь, уволакивая в море.
If the water had its way, the whole world would be smooth, just a big ocean with nothing out of the water's reach.	Если вода победит, весь мир превратится в однообразный огромный океан, в котором властвовать будет вода, и ничто не сможет ускользнуть от нее.
All dead and smooth.	Все будет мертво и тихо.
That's why you slept.	Вот почему ты заснула.

The water wants to tear down these strangers, whoever they are, tear them down and kill them.	Вода хотела уничтожить этих поселенцев, кто бы они ни были, хотела напасть и убить.
It's a miracle you woke up at all."	Чудо, что ты вообще проснулась.
"The blacksmith's hammer woke me," said little Peggy.	- Меня разбудил стук кузнечного молота, - сказала малышка Пэгги.
"That's it, then, you see?	- Вот видишь!
The blacksmith was working with iron, the hardest earth, and with a fierce blast of air from the bellows, and with a fire so hot it burns the grass outside the chimney.	Кузнец работал с железом, самой твердой землей, что встречается в этом мире, а помогали ему воздух, вырывающийся из мехов, и огонь, настолько жаркий, что даже стекло в кузне плавится.

The water couldn't touch him to keep him still."	Вода не могла дотянуться до него, чтобы усмирить.
Little Peggy could hardly believe it, but it must be so.	Малышка Пэгги не верила своим ушам, но деда все верно говорил, иначе и быть не могло.
The blacksmith had drawn her from a watery sleep.	Кузнец помог ей пробудиться от водяной дремы.
The smith had helped her.	Кузнец помог ей.
Why, it was enough to make you laugh, to know the blacksmith was her friend this time.	Вот смешно-то, кузнец теперь, оказывается, лучший друг ей.

There was shouting on the porch downstairs, and doors opened and closed.	Снизу, с крыльца, донеслись крики, послышалось хлопанье дверей.
"Some folks is here already," said Oldpappy.	- Приехал кто-то, - прислушался деда.
Little Peggy saw the heartfires downstairs, and found the one with the strongest fear and pain.	Малышка Пэгги увидела скопище огоньков, собравшихся на первом этаже, и один из этих огоньков был наполнен ужасным страхом и болью.
"It's their mama," said little Peggy. "She's got a baby coming."	- Это их мама, - объяснила Пэгги. - У нее скоро должен родиться ребенок.
"Well, if that ain't the luck of it.	- Это ли не удача.

Lose one, and here already is a baby to replace death with life." Oldpappy shambled on out to go downstairs and help.	Одного потеряли, а вот уже и другой на подходе, заменяя смерть жизнью. - Деда заковылял вниз по лестнице, чтобы помочь.
Little Peggy, though, she just stood there, looking at what she saw in the distance.	Малышка Пэгги, впрочем, задержалась: она стояла и вглядывалась в черноту.
That lost heartfire wasn't lost at all, and that was sure.	Г де-то вдалеке мерцал маленький огонек - значит, он вовсе не потерялся.
She could see it burning away far off, despite how the darkness of the river tried to cover it.	Она все-таки видела его, как бы далеко он ни находился, как бы река ни пыталась скрыть его от чужих взглядов.

He wasn't dead, just carried off, and maybe somebody could help him.	Огонек не погас, его просто унесло, и, наверное, ему еще можно помочь.
She ran out then, passed Oldpappy all in a rush, clattered down the stairs.	Пэгги сорвалась с места, вихрем пронеслась мимо старого деды и кубарем скатилась по лестнице.
Mama caught her by the arm as she was running into the great room.	В большой комнате ее поймала за руку мама.
"There's a birthing," Mama said, "and we need you."	- Скоро начнутся роды, - сказала мама, - и нам понадобится твоя помощь.
"But Mama, the one that went downriver, he's still alive!"	- Но, мам, тот человек, которого унесла река, он еще жив!

"Peggy, we got no time for-"	- Пэгги, у нас нет времени на...
Two boys with the same face pushed their way into the conversation.	Тут в разговор вмешались двое мальчиков, походящих друг на друга как две капли воды.
"The one downriver!" cried one.	- Тот, которого унесла река? - переспросил один.
"Still alive!" cried the other.	- Жив! - воскликнул другой.
"How do you know!"	- Откуда ты знаешь?
"He can't be!"	- Не может быть!
They spoke so all on top of each other that Mama had to hush them up just to hear them.	Они так старались перекричать друг друга, что маме пришлось немножко утихомирить их, чтобы разобраться в происшедшем.

"It was Vigor, our big brother, he got swept away-"	- Это Вигор, наш старший брат, его унесло течением...

"Well he's alive," said little Peggy, "but the river's got him."	- В общем, он жив, - сказала малышка Пэгги, - но находится в лапах у реки.
The twins looked to Mama for confirmation.	Близнецы разом повернулись и вопросительно посмотрели на маму.
"She know what she's talking about, Goody Guester?"	- Тетушка Гестер, она точно знает, что говорит?
Mama nodded, and the boys raced for the door, shouting,	Мама кивнула, и мальчишки рванулись к двери, выкрикивая:
"He's alive!	- Жив!
He's still alive!"	Жив!

"Are you sure?" asked Mama fiercely. "It's a cruel thing, to put hope in their hearts like that, if it ain't so."	Он жив! - Ты уверена? - с подозрением спросила мать. - Обмануть надеждой - это страшно и жестоко.
Mama's flashing eyes made little Peggy afraid, and she couldn't think what to say.	Малышка Пэгги перепугалась до смерти, настолько яростно вспыхнули мамины глаза. Она хотела ответить, но не находила слов.
By then, though, Oldpappy had come up from behind.	Тут, на ее счастье, сверху наконец спустился деда.
"Now Peg," he said, "how would she know one was taken by the river, lessun she saw?"	- А ты мозгами пошевели, Пэг, - предложил он, -откуда ей знать, что кого-то унесла рекой, если она не видела этого своими глазами?

"I know," said Mama. "But this woman's been holding off birth too long, and I got a care for the baby, so come on now, little Peggy, I need you to tell me what you see."	- Я все прекрасно понимаю, - кивнула мама. - Но эта женщина слишком долго сдерживала роды, я боюсь, как бы ребенку она не повредила, так что пошли, Пэгги, будешь говорить, что ты видишь.
She led little Peggy into the bedroom off the kitchen, the place where Papa and Mama slept whenever there were visitors.	Она повела малышку Пэгги в спальню, что за кухней, туда, где обычно спали папа с мамой, когда в доме останавливались посетители.
The woman lay on the bed, holding tight to the hand of a tall girl with deep and solemn eyes.	Женщина лежала на кровати, крепко сжимая руку высокой девушки с глубокими, серьезными глазами.

Little Peggy didn't know their faces, but she recognized their fires, especially the mother's pain and fear.	Малышка Пэгги никогда не встречалась с этими людьми, но она сразу узнала огоньки их сердец -особенно в глаза бросался тот, где поселились боль и страх.
"Someone was shouting," whispered the mother.	- Кто-то кричал, - прошептала женщина.
"Hush now," said Mama.	- Тс-с, - приказала мама.
"About him still alive."	- Он еще жив?
The solemn girl raised her eyebrows, looked at Mama.	Высокая серьезная девушка недоверчиво приподняла брови, глядя на маму:
"Is that so, Goody Guester?"	- Это правда, тетушка Гестер?

"My daughter is a torch.	- Моя дочь - светлячок.
That's why I brung her here in this room.	Поэтому-то я и привела ее в эту комнату.
To see the baby."	Чтобы увидеть ребенка.

"Did she see my boy?	- Значит, она действительно видела моего мальчика?
Is he alive?"	Он жив?
"I thought you didn't tell her, Eleanor," said Mama.	- Мне казалось, ты ничего не говорила ей, Элеанора, - упрекнула мама.
The solemn girl shook her head.	Девушка покачала головой.
"Saw from the wagon.	- Я сама видела, из повозки.

Is he alive?"	Он жив?
"Tell her, Margaret," said Mama.	- Расскажи ей, Маргарет, - кивнула мама.
Little Peggy turned and looked for his heartfire.	Малышка Пэгги повернулась и стала искать тот огонек.
There were no walls when it came to this kind of seeing.	Когда она начинала "смотреть", стены не могли служить ей преградой.
His flame was still there, though she knew it was afar off.	Огонь сердца юноши все еще пылал, хоть и находился очень, очень далеко.
This time, though, she drew near in the way she had, took a close look.	Однако на этот раз Пэгги попробовала приблизиться к нему, взглянуть поближе.

"He's in the water. He's all tangled in the roots."	- Он лежит в воде, запутавшись в корнях какого-то дерева.
"Vigor!" cried the mother on the bed.	- Вигор! - выкрикнула лежащая на постели женщина.
"The river wants him.	- Река желает его смерти.
The river says, Die, die."	Твердит: "Умри, умри".
Mama touched the woman's arm.	Мама коснулась руки роженицы:
"The twins have gone off to tell the others.	- Близнецы побежали к остальным, они все расскажут.
There'll be a search party."	На его поиски немедленно выедут.
"In the dark!" whispered the woman scornfully.	- Что они найдут в этой темноте? - горько проговорила женщина.

Little Peggy spoke again. "He's saying a prayer, I think.	- По-моему, он молится, - снова вступила в разговор малышка Пэгги. - Он говорит о... седьмом сыне.
He's saying-seventh son." "Seventh son," whispered Eleanor.	- О седьмом сыне, - шепотом повторила Элеанора.
"What does that mean?" asked Mama.	- Что это значит? - спросила мама.
"If this baby's a boy," said Eleanor, "and he's born while Vigor's still alive, then he's the seventh son of a seventh son, and all of them alive."	- Если родится мальчик, - объяснила Элеанора, - и родится, пока Вигор еще жив, он будет седьмым сыном седьмого сына.
Mama gasped.	Мама аж задохнулась от изумления.

"No wonder the river-" she said.	- Неудивительно, что река... - пробормотала она.
No need to finish the thought.	Мысль можно было не продолжать.

Instead she took little Peggy's hands and led her to the woman on the bed. "Look at this baby, and see what you see."	Она молча взяла малышку Пэгги за руки и подвела к постели, где лежала женщина. -Посмотри на ребенка и увидь то, что увидишь.
Little Peggy had done this before, of course.	Малышке Пэгги не впервой было присутствовать при родах.
It was the chief use they had for torches, to have them look at an unborn baby just at the birthing time.	Основное назначение людей, обладающих способностями светлячков, - проверять незадолго до родов неродившегося ребенка.

Partly to see how it lay in the womb, but also because sometimes a torch could see who the baby was, what it would be, could tell stories of times to come.	Отчасти для того, чтобы определить, удобно ли младенец расположился в утробе. А отчасти для того, чтобы узнать, кто он такой и кем суждено ему стать - светлячок умел прозревать будущее младенцев.
Even before she touched the woman's belly, she could see the baby's heartfire.	Пэгги не пришлось касаться живота женщины руками - она и так видела огонек, горящий внутри.
It was the one that she had seen before, that burned so hot and bright that it was like the sun and the moon, to compare it to the mother's fire.	Именно этот огонек пылал так жарко и ярко -солнце по сравнению с луной, которой казалось сердце его матери.
"It's a boy," she said.	- Мальчик, - возвестила она.

"Then let me bear this baby," said the mother. "Let him breathe while Vigor still breathes!"	- Позволь мне тогда родить его, - сказала женщина. - Пусть он сделает вдох, пока Вигор еще дышит этим воздухом!
"How's the baby set?" asked Mama.	- Как ребенок лежит? - спросила мама.
"Just right," said little Peggy.	- Он готов, - ответила малышка Пэгги.
"Head first? Face down?"	- Головой вперед и лицом вниз?
Little Peggy nodded.	Пэгги кивнула.
"Then why won't it come?" demanded Mama.	- Почему ж он тогда не выходит? - удивилась мама.
"She's been telling him not to," said little Peggy, looking at the mother.	- Она ему не разрешает, - показала малышка Пэгги на роженицу.

"In the wagon," the mother said. "He was coming, and I did a beseeching."	- Там, в повозке... - проговорила женщина. - Он уже выходил, но я попросила его подождать.
"Well you should have told me right off," said Mama sharply. "Speck me to help you and you don't even tell me he's got a beseeching on him.	- Сразу надо было предупреждать, - резко отозвалась мама. - Тоже мне, помочь просит, а сама не сказала, что заговор наложила.
You, girl!"	Эй, девочка!
Several young ones were standing near the wall, wide-eyed, and they didn't know which one she meant.	У стены, собравшись в кучку, жались несколько девчонок. Широко открытыми глазами они смотрели на маму, не понимая, кого именно она позвала.

"Any of you, I need that iron key from the ring on the wall."	- Да любая! Дайте мне вон тот железный ключ на кольце, что висит в углу.
The biggest of them took it clumsily from the hook and brought it, ring and all.	Самая старшая неловко, с громким звяканьем сдернула ключ с крюка и подала маме.

Mama dangled the large ring and the key over the mother's belly, chanting softly:	Мама подняла ключ с кольцом над животом роженицы и тихонько запела:
"Here's the circle, open wide, Here's the key to get outside, Earth be iron, flame befair, Fall from water into air. "	Вот круг широк, готовый отомкнуться, Вот ключ, чтоб выйти из глубинных вод. Земля, железом стань, Огонь, дай нам тебя коснуться, На воздух появись, начни свой первый год.

The mother cried out in sudden agony.	Тело роженицы скрутила внезапная, яростная судорога, и женщина громко закричала.
Mama tossed away the key, cast back the sheet, lifted the woman's knees, and ordered little Peggy fiercely to see.	Мама отшвырнула ключ, откинула простыню, подняла колени роженицы и приказала малышке Пэгги смотреть.
Little Peggy touched the woman's womb.	Пэгги прикоснулась к животу женщины.
The boy's mind was empty, except for a feeling of pressure and gathering cold as he emerged into the air.	Разум малыша был абсолютно пуст, он чувствовал только давление со всех сторон и надвигающийся спереди холод, который ждал на выходе.

But the very emptiness of his mind let her see things that would never be plainly visible again.	Но эта пустота позволила Пэгги прозреть такое, чего она никогда больше не смогла бы увидеть.
The billion billion paths of his life lay open before him, waiting for his first choices, for the first changes in the world around him to eliminate a million futures every second.	Миллиарды миллиардов тропинок открылось перед ней, жизнь мальчика лежала у нее на ладони, ожидая первых поступков, первых решений, первых изменений в окружающем мире, дабы одним махом и в одну секунду уничтожить миллионы возможных вариантов будущего.

The future was there in everyone, a flickering shadow that she could only sometimes see, and never clearly, looking through the thoughts of the present moment; but here, for a few precious moments, little Peggy could see them sharp.	Едва видная, мерцающая тень будущего живет в каждом человеке, но очень редко ее можно заметить - мысли о настоящем мешают разглядеть, что будет завтра. Однако сейчас, на несколько драгоценных мгновений, Пэгги открылось то, что может произойти в жизни малыша.
And what she saw was death down every path.	И каждая тропинка вела к неизбежной смерти.
Drowning, drowning, every path of his future led this child to a watery death.	Утонул, утонул - на каждой дорожке будущей жизни подстерегала смерть от воды.

"Why do you hate him so!" cried little Peggy.	- Ну почему ты его ненавидишь?! - не сдержалась и все-таки выкрикнула малышка Пэгги.
"What?" demanded Eleanor.	- Что? - не поняла Элеанора.
"Hush," said Mama. "Let her see what she sees."	- Тихо, - оборвала мать. - Пусть девочка видит то, что видит.
Inside the unborn child, the dark blot of water that surrounded his heartfire seemed so terribly strong that little Peggy was afraid he would be swallowed up.	Внутри утробы угрюмо плескался темный пузырь воды, окружая огонек младенца. Эта темень выглядела настолько страшно, что малышка Пэгги напугалась: а вдруг мальчик захлебнется?
"Get him out to breathe!" shouted little Peggy.	- Тащите, ему нужно дышать! - закричала она.

Mama reached in, even though it tore the mother something dreadful, and hooked the baby by the neck with strong fingers, drawing him out.	Резким движением мама сунула внутрь руку. Это выглядело ужасно, кроваво, но мама, не обращая внимания, подцепила шейку младенца сильными пальцами и потянула.

In that moment, as the dark water retreated inside the child's mind, and just before the first breath came, little Peggy saw ten million deaths by water disappear.	В этот же самый миг, стоило темной воде отступить от младенца, малышка Пэгги увидела, как десять миллионов смертей, которыми вода грозила мальчику, бесследно исчезли.

Now, for the first time, there were some paths open, some paths leading to a dazzling future.	И наконец-то открылись новые тропки, некоторые из них вели к ослепительно яркому будущему.
And all the paths that did not end in early death had one thing in common.	Но те тропки, на которых отсутствовала смерть в младенчестве, походили друг на друга одним событием.
On all those paths, little Peggy saw herself doing one simple thing.	Там малышка Пэгги увидела себя и поняла, что должна совершить сейчас очень важный поступок.
So she did that thing.	И она совершила его.

She took her hands from the slackening belly and ducked under her mother's arm.	Оторвав пальцы от опавшего живота, она подныр-нула под руку матери.
The baby's head had just emerged, and it was still covered with a bloody caul, a scrap of the sac of soft skin in which he had floated in his mother's womb.	Головка мальчика только-только показалась и была вся облеплена окровав-ленной сорочкой -полу-прозрачным мешочком из тонкой кожи, в котором младенец плавал, будучи в материнской утробе.
His mouth was open, sucking inward on the caul, but it didn't break, and he couldn't breathe.	Рот малыша был широко открыт, судорожно втяги-вал сорочку, но она никак не рвалась, поэтому маль-чик не мог вдохнуть.

Little Peggy did what she had seen herself do in the baby's future.	Малышка Пэгги поступила так, как поступила в увиденном несколько мгновений назад будущем младенца.
She reached out, took the caul from under the baby's chin, and pulled it away from his face.	Она протянула руку, высвободила сорочку, забившуюся под подбородок, и сдернула ее с лица.
It came whole, in one moist piece, and in the moment it came away, the baby's mouth cleared, he sucked in a great breath, and then gave that mewling cry that birthing mothers hear as the song of life.	Она отлипла вся сразу, одним влажным куском, и спустя какой-то миг оторвалась совсем. Рот малыша прочистился, он глубоко вздохнул и издал тот самый мяукающий крик, в котором только что родившей матери всегда слышится песнь жизни.

Little Peggy folded the caul, her mind still full of the visions she had seen down the pathways of this baby's life.	Малышка Пэгги сложила сорочку, а в голове у нее бродили видения, которые населяли тропки жизни малыша.
She did not know yet what the visions meant, but they made such clear pictures in her mind that she knew she would never forget them.	Она еще не знала, что они означают, но картинки были настолько пронзительны - их невозможно было забыть.
They made her afraid, because so much would depend on her, and how she used the birth caul that was still warm in her hands.	Видения вселяли страх, потому что многое в этом мире зависело от нее одной и от того, как она использует сорочку, которая грела своим внутренним теплом ее руки.

"A boy," said Mama.	- Мальчик, - сказала мама.

"Is he," whispered the mother. "Seventh son?"	- Мальчик? - прошептала женщина. - Седьмой сын?
Mama was tying the cord, so she couldn't spare a glance at little Peggy.	Мама завязывала пуповину, поэтому не смогла оглянуться на малышку Пэгги.
"Look," she whispered.	- Смотри, - шепнула она.
Little Peggy looked for the single heartfire on the distant river.	Малышка Пэгги вновь обратилась к тому одинокому огоньку, что сиял посреди далекой реки.
"Yes," she said, for the heartfire was still burning.	- Да, - подтвердила она, ибо огонек еще горел.

Even as she watched, it flickered, died.	Но прямо у нее на глазах он вдруг замерцал, погас, умер.
"Now he's gone," said little Peggy.	- Все, - сказала Пэгги, - его больше нет.
The woman on the bed wept bitterly, her birthwracked body shuddering.	Лежащая на постели женщина горько расплакалась, ее тело, измученное недавними родами, затряслось.
"Grieving at the baby's birth," said Mama. "It's a dreadful thing."	- Слезы, сопровождающие рождение ребенка... -задумчиво произнесла мама. - Плохой знак.
"Hush," whispered Eleanor to her mother. "Be joyous, or it'll darken the baby all his life!"	- Тихо, тс-с, - повернулась к своей матери Элеанора. - Надо радоваться, иначе печаль омрачит будущую жизнь малыша!

"Vigor," murmured the woman.	- Вигор... - пробормотала женщина.
"Better nothing at all than tears," said Mama.	- Уж лучше равнодушие, чем слезы, - сказала мама.
She held out the crying baby, and Eleanor took it in competent arms-she had cradled many a babe before, it was plain.	Она протянула заходящегося в крике младенца, и Элеанора ловкими руками приняла малыша -сразу было видно, не одного новорожденного пришлось понянчить ей.
Mama went to the table in the comer and took the scarf that had been blacked in the wool, so it was night-colored clear through.	Мама подошла к столу в углу и взяла с него шаль, сотканную из черной шерсти, означающей цвет ночи.

She dragged it slowly across the weeping woman's face, saying,	Она медленно накрыла лицо плачущей женщины, приговаривая:
"Sleep, Mother, sleep."	- Усни, мать, спи.
When the cloth came away, the weeping was done, and the woman slept, her strength spent.	Когда шаль сползла с лица, рыдания замолкли: женщина заснула, дыхание ее выровнялось.
"Take the baby from the room," said Mama.	- Уберите малыша из комнаты, - велела мама.
"Don't he need to start his sucking?" asked Eleanor.	- Разве ему не нужно дать грудь? - удивилась Элеанора.

"She'll never nurse this babe," said Mama. "Not unless you want him to suck hate."	- Ей не следует кормить этого ребенка, -объяснила мама. - Если не хотите, чтобы он с молоком матери впитал ненависть.
"She can't hate him," said Eleanor. "It ain't his fault."	- Не может быть, чтобы она ненавидела его, -возразила Элеанора. - Он-то в чем виноват?

"I reckon her milk don't know that," said Mama. "That right, little Peggy?	- Молоку этого не объяснишь, - усмехнулась мама. - Верно говорю, малышка Пэгги?
What teat does the baby suck?"	Чью грудь следует давать этому младенцу?
"His mama's," said little Peggy.	- Грудь матери, - отозвалась Пэгги.
Mama looked sharp at her.	Мама, нахмурившись, взглянула на дочь:

"You sure of that?"	- Ты уверена?
She nodded.	Девочка кивнула.
"Well, then, we'll bring the baby in when she wakesцp.	- Что ж, тогда принесем малыша, когда она проснется.
He doesn't need to eat anything for the first night, anyway."	Все равно первую ночь ему не нужно ничего есть.

So Eleanor carried the baby out into the great room, where the fire burned to dry the men, who stopped trading stories about rains and floods worse than this one long enough to look at the baby and admire.	Так что Элеанора вынесла ребенка в большую комнату, где у жарко пылающего камина грелись и сушились мужчины. Разговоры о дождях и наводнениях, которые могли бы посоревноваться с нынешней бурей, мигом прекратились - все сочли должным поглядеть на мальчика, повосхищаться, после чего вновь вернулись к беседе.
Inside the room, though, Mama took little Peggy by the chin and stared hard into her eyes.	Мама тем временем подошла к малышке Пэгги и, взяв ее за подбородок, заставила поглядеть себе в глаза.

"You tell me the truth, Margaret. It's a serious thing, for a baby to suck on its mama and drink up hate."	- Надеюсь, ты не соврала мне, Маргарет, -произнесла она. - Как правило, ничего хорошего не выходит, если ребенок с молоком матери впитывает ненависть.
"She won't hate him, Mama," said little Peggy.	- Она не будет ненавидеть его, - сказала малышка Пэгги.
"What did you see?"	- Что ты увидела?
Little Peggy would have answered, but she didn't know words to tell most of the things she saw.	Пэгги с удовольствием ответила бы ей, если б смогла найти слова, чтобы описать увиденное.
So she looked at the floor.	А поскольку слова никак не шли, она просто уткнулась взглядом в дощатый пол.

She could tell from Mama's quick draw of breath that she was ripe for a tongue-lashing.	Судя по участившемуся дыханию мамы, Пэгги заработала тем самым хорошую трепку.
But Mama waited, and then her hand came soft, stroking across little Peggy's cheek.	Мама подождала немного, и вдруг ее рука мягко пробежалась по волосам дочки, коснувшись ласково щеки:
"Ah, child, what a day you've had.	- Ах, дитя, дитя, ну и денек у тебя сегодня выдался.
The baby might have died, except you told me to pull it out.	Если б ты мне не сказала тащить, мальчик наверняка бы задохнулся.
You even reached in and opened up its mouth-that's what you did, isn't it?"	Ты даже сама открыла ему ротик, да?

Little Peggy nodded.	Пэгги согласно кивнула.
"Enough for a little girl, enough for one day." Mama turned to the other girls, the ones in wet dresses, leaning against the wall. "And you, too, you've had enough of a day.	- Насыщенный денек для такой малышки, как ты.- Мама повернулась к другим девочкам, которые, несмотря на промокшие насквозь платья, продолжали жаться в уголке. - И на вашу долю сегодня выпало немало переживаний.
Come out of here, let your mama sleep, come out and get dry by the fire.	Ну-ка, вылезайте оттуда, дайте матери поспать. Идите в большую комнату и обсушитесь у очага.
I'll start a supper for you, I will."	Я пока приготовлю ужин.

But Oldpappy was already in the kitchen, fussing around, and refused to hear of Mama doing a thing.	Но на кухне уже вовсю хозяйничал деда, деловито переставлял банки и даже слышать не хотел о том, чтобы мама подменила его.
Soon enough she was out with the baby, shooing the men away so she could rock it to sleep, letting it suck her finger.	Так что она вернулась в залу, шикнула на мужчин, выгоняя их, и принялась укачивать мальчика, сунув ему в рот палец, который малыш тут же принялся сосать.

Little Peggy figured after a while that she wouldn't be missed, so she snuck up the stairs to the attic ladder and up the ladder into the lightless, musty space.	Малышка Пэгги обозрела обстановку, поняла, что ее присутствие здесь не понадобится, а потому тихонько шмыгнула вверх по лестнице, на второй этаж, откуда перебралась на темный, затхлый чердак.
The spiders didn't bother her much, and the cats mostly kept the mice away, so she wasn't afraid.	Пауков она не боялась, а мышей разогнали кошки, поэтому она бесстрашно пролезла в люк.

She crawled right to her secret hiding place and took out the carven box that Oldpappy gave her, the one he said his own papa brought from Ulster when he came to the colonies.	Забравшись в свое потайное местечко, она достала резную шкатулку, ту самую, что подарил ей деда: по его словам, эту шкатулку прадедушка привез из Ульстера после поездки по колониям.
It was full of the precious scraps of childhood-stones, strings, buttons-but now she knew that these were nothing compared to the work before her all the rest of her life.	Сейчас в ней хранились всякие важные штуковины - камешки, обрывки лески, пуговицы. Но то были детские забавы, теперь же Пэгги ждала очень важная, ответственная работа, которую она будет выполнять до конца своей жизни.

She dumped them right out, and blew into the box to clear away the dust.	Выкинув из шкатулки всякий хлам, малышка изо всех сил дунула, выгоняя скопившуюся пыль.
Then she laid the folded caul inside and closed the lid.	После этого осторожно положила внутрь свернутую сорочку и аккуратно закрыла крышку.
She knew that in the future she would open that box a dozen dozen times.	В будущем ей не раз и не два придется заглянуть внутрь шкатулки.
That it would call to her, wake her from her sleep, tear her from her friends, and steal from her all her dreams.	Следуя неслышному зову, Пэгги будет бросать друзей и подруг, приходить сюда, просыпаться посреди ночи, жертвуя сладкими сновидениями.

All because a baby boy downstairs had no future at all but death from the dark water, excepting if she used that caul to keep him safe, the way it once protected him in the womb.	А все потому, что у малыша, которого укачивает сейчас мама, вообще нет будущего - везде и всюду его подстерегает темная вода. Только Пэгги может помочь ему, как уже помогла один раз, когда он был еще в утробе. Для этого-то она и забрала сорочку ребенка.

For a moment she was angry, to have her own life so changed.	На какой-то миг она вдруг рассердилась: с чего это ей менять всю жизнь ради какого-то младенца?

Worse than the blacksmith coming, it was, worse than Papa and the hazel wand he whupped her with, worse than Mama when her eyes were angry.	Это намного хуже, чем приезд кузнеца, чем папин прут, который столь немилосердно хлестал ее, чем мамины глаза, когда она злится.
Everything would be different forever and it wasn't fair.	С этого момента все будет иначе - несправедливо!
Just for a baby she never invited, never asked to come here, what did she care about any old baby?	Ребенок какой-то, которого она не звала, не приглашала сюда - почему она должна заботиться о нем?
She reached out and opened the box, planning to take the caul and cast it into a dark comer of the attic.	Пэгги протянула руку и открыла шкатулку, собираясь было вытащить сорочку и зашвырнуть ее в самый дальний и темный угол чердака.

But even in the darkness, she could see a place where it was darker still: near her heartfire, where the emptiness of the deep black river was all set to make a murderer out of her.	Но даже в темноте она разглядела место, которое никогда не сравнится с ночной тьмой, - оно было куда чернее и располагалось неподалеку от огонька ее сердца, там, куда проникла пустота глубокой черной реки, вознамерившейся сделать из маленькой девочки убийцу.
Not me, she said to the water. You ain't part of me.	"Только не я, - обратилась Пэгги к воде. - Я тебе не принадлежу".
Yes I am, whispered the water. I'm all through you, and you'd dry up and die without me.	"Принадлежишь, - прошуршала вода. - Я бегу по твоим жилам, без меня ты высохнешь и умрешь".
You ain't the boss of me, anyway, she retorted.	"Я все равно не позволю тебе хозяйничать надо мной", - возразила Пэгги.

She closed the lid on the box and skidded her way down the ladder.	Хлопнув крышкой шкатулки, она съехала вниз по лестнице.
Papa always said that she'd get splinters in her butt doing that.	Папа неоднократно предупреждал, что когда-нибудь малышка Пэгги насажает себе полную попу заноз.
This time he was right.	И на этот раз он оказался прав.
It stung something fierce, so she walked kind of sideways into the kitchen where Oldpappy wag.	Что-то очень острое впилось в ногу Пэгги, да так глубоко, что девочка еле доковыляла до кухни, где пребывал деда.
Sure enough, he stopped his cooking long enough to pry the splinters out.	Конечно, он сразу бросил жарку-парку, чтобы вытащить болючие занозы.

"My eyes ain't sharp enough for this, Maggie," he complained.	- Мое зрение уже не столь востро, Мэгги, - спустя некоторое время пожаловался он.
"You got the eyes of an eagle.	- У тебя глаз орла.
Papa says so."	Папа так говорит.
Oldpappy chuckled. "Does he now."	- Это он сейчас так говорит, - хмыкнул деда.
"What's for dinner?"	- А что будет на ужин?
"Oh, you'll like this dinner, Maggie."	- О, ты будешь в восторге, Мэгги.

Little Peggy wrinkled up her nose.	Малышка Пэгги сморщила носик:
"Smells like chicken."	- Вроде, курица готовится.
"That's right."	- Именно.

"I don't like chicken soup."	- Терпеть не могу куриный бульон.
"Not just soup, Maggie.	- Сегодня будет не просто бульон.
This one's a-roasting, except the neck and wings."	Будет еще жареная курочка, вся целиком, не считая шейки и крылышек.
"I hate roast chicken, too."	- Ненавижу жареную курицу.
"Does your Oldpappy ever lie to you?"	- Вот скажи, твой деда хоть раз соврал тебе?
"Nope."	- Нет.
"Then you best believe me when I tell you this is one chicken dinner that'll make you glad.	- Тогда поверь мне. Раз я говорю, что этому куриному обеду ты обрадуешься, значит, так оно и будет.

Can't you think of any way that a partickler chicken dinner could make you glad?"	Неужели ты даже представить себе не можешь, какую курицу ты с удовольствием бы слопала?
Little Peggy thought and thought, and then she smiled.	Малышка Пэгги принялась размышлять. Она размышляла, размышляла - и вдруг улыбнулась:
"Bloody Mary?"	- Злюка Мэри?
Oldpappy winked.	Деда подмигнул:
"I always said that was a hen born to make gravy."	- Я всегда твердил, что эта курица Богом предназначена для подливки.
Little Peggy hugged him so tight that he made choking sounds, and then they laughed and laughed.	Малышка Пэгги так крепко обняла его, что он поперхнулся. А потом они оба расхохотались во все горло.

Later that night, long after little Peggy was in bed, they brought Vigor's body home, and Papa and Makepeace set to making a box for him.	Позднее вечером, уже после того как Пэгги легла спать, тело Вигора наконец привезли в дом, и папа с Миротворцем принялись мастерить гроб для погибшего юноши.
Alvin Miller hardly looked alive, even when Eleanor showed him the baby.	На Элвине Миллере лица не было - когда Элеанора показала ему малыша, он в его сторону и не посмотрел.
Until she said,	Вернуться к жизни его заставили ее слова:
"That torch girl. She says that this baby is the seventh son of a seventh son."	- Та девочка, светлячок, говорит, что этот ребенок- седьмой сын седьмого сына.

Alvin looked around for someone to tell him if it was true.	Элвин изумленно огляделся по сторонам, как бы ища человека, который подтвердил бы это.
"Oh, you can trust her," said Mama.	- Ты можешь верить ей, - кивнула мама.
Tears came fresh to Alvin's eyes.	Слезы навернулись на глаза Элвина.
"That boy hung on," he said. "There in the water, he hung on long enough."	- Парень выдержал, - проговорил он. - Там, в воде, он держался, держался изо всех сил.
"He knowed what store you set by that," said Eleanor.	- Он знал, как ты ждешь рождения этого мальчика, - подтвердила Элеанора.

Then Alvin reached for the baby, held him tight, looked down into his eyes.	Только после этого Элвин протянул руки к малышу, обнял, прижал и заглянул в его глаза.

"Nobody named him yet, did they?" he asked.	- Ему еще не дали имени?
"Course not," said Eleanor. "Mama named all the other boys, but you always said the seventh son'd have-"	- Конечно, нет, - ответила Элеанора. - Мама всегда сама давала имена сыновьям, но ты твердил, что седьмой сын будет звать-ся...
"My own name.	- Так же, как я.
Alvin.	Элвином.
Seventh son of a seventh son, with the same name as his father.	Седьмой сын седьмого сына, носящий имя отца.

Alvin Junior." He looked around him, then turned to face toward the river, way off in the nighttime forest. "Hear that, you Hatrack River?	Элвин-младший. - Он посмотрел вокруг, затем повернулся лицом по направлению к реке, скрывающейся где-то в темном лесу. - Слышишь это, ты, Хатрак?
His name is Alvin, and you didn't kill him after all."	Его зовут Элвин, и тебе не удалось извести его со свету.
Soon they brought in the box and laid out Vigor's body with candles, to stand for the fire of life that had left him.	Вскоре в комнату внесли гроб, куда уложили тело Вигора. По краям, чествуя огонь жизни, покинувший юношу, расставили зажженные свечи.
Alvin held up the baby, over the coffin.	Элвин поднял над гробом младшего сына.

"Look on your brother," he whispered to the infant.	- Посмотри на своего брата, - прошептал он новорожденному.
"That baby can't see nothing yet, Papa," said David.	- Пап, он же только что родился, не видит еще ничего, - удивился Дэвид.
"That ain't so, David," said Alvin. "He don't know what he's seeing, but his eyes can see.	- Ты не прав, Дэвид, - покачал головой Элвин. -Он не понимает увиденного, но глаза его видят.

And when he gets old enough to hear the story of his birth, I'm going to tell him that his own eyes saw his brother Vigor, who gave his life for this baby's sake."	Когда он станет постарше и услышит историю своего рождения, я расскажу ему, что он видел Вигора, брата, который пожертвовал жизнью ради его спасения.
It was two weeks before Faith was well enough to travel.	Прошло недели две, прежде чем Вера оправилась, чтобы вновь тронуться в путь-дорогу.
But Alvin saw to it that he and his boys worked hard for their keep.	Элвин и сыновья полностью отработали свое проживание в доме семьи Гестеров.

They cleared a good spot of land, chopped the winter's firewood, set some charcoal heaps for Makepeace Smith, and widened the road.	Они расчистили добрый кусок земли, нарубили дров на зиму, запасли угля для кузнеца Миротворца и расширили дорогу.
They also felled four big trees and made a strong bridge across the Hatrack River, a covered bridge so that even in a rainstorm people could cross that river without a drop of water touching them.	Кроме того, они свалили четыре огромных дерева и сделали крепкий, надежный мост через Хатрак, возведя над ним крышу: теперь в самую лютую грозу люди могли перейти через реку и ни одна капля не упала бы на них.

Vigor's grave was the third one there, beside little Peggy's two dead sisters.	Могила Вигора стала третьей на местном кладбище, где уже покоились две умершие сестренки малышки Пэгги.
The family paid respects and prayed there on the morning that they left.	В утро отъезда вся семья собралась там, чтобы в последний раз попрощаться и помолиться над братом и сыном.
Then they got in their wagon and rode off westward.	После этого они забрались в повозку и направились на запад.
"But we leave a part of ourselves here always," said Faith, and Alvin nodded.	- Но с вами навсегда останется частичка наших душ, - сказала Вера, и Элвин кивнул в знак согласия.

Little Peggy watched them go, then ran up into the attic, opened the box, and held little Alvin's caul in her hand.	Малышка Пэгги быстренько проводила их и метнулась на чердак, открыла шкатулку, взяла в руки сорочку маленького Элвина.
No danger for now, at least.	Никакая опасность ему не грозила - по крайней мере сейчас.
Safe for now.	Пока что он в безопасности.
She put the caul away and closed the lid.	Она убрала сорочку и закрыла крышку.
You better be something, baby Alvin, she said, or else you caused a powerful lot of trouble for nothing.	"Надеюсь, из тебя вырастет хороший человек, крошка Элвин, иначе все наши хлопоты будут впустую".
Chapter Six-Ridgebeam	6. Балка

Axex rang, strong men sang hymns at their labor, and Reverend Philadelphia Thrower's new church building rose tall over the meadow commons of Vigor Township.	В воздухе разносился мелодичный звон топоров, сильные голоса сливались в дружной песне, и над лугами у Поселения Вигора все выше поднималась новая церковь, где преподобный Филадельфия Троуэр вскоре начнет первую проповедь.
It was all happening so much faster than Reverend Thrower ever expected.	Работа спорилась, преподобный Троуэр даже не надеялся, что церковь будет построена так быстро.

The first wall of the meetinghouse had hardly been erected a day or so ago, when that drunken one-eyed Red wandered in and was baptized, as if the mere sight of the churchhouse had been the fulcrum on which he could be levered upward to civilization and Christianity.	Еще день-два назад была возведена всего одна стена молельни - как раз тогда-то и объявился этот пьяница, одноглазый краснокожий, пожелавший принять истинную веру. Если уж один вид будущей церкви вселял в языческие души желание присоединиться к цивилизации и христианству, что же будет, когда здание наконец вознесется над этими дикими лесами?

If a Red as benighted as Lolla-Wossiky could come unto Jesus, what other miracles of conversion might not be wrought in this wilderness when his meetinghouse was finished and his ministry firmly under way?	И если такой презренный туземец, как Лолла-Воссики, присоединился к вере Христовой, то каких еще чудес обращения следует ждать в будущем?

Reverend Thrower was not altogether happy, however, for there were enemies of civilization far stronger than the barbarity of the heathen Reds, and the signs were not all so hopeful as when Lolla-Wossiky donned White man's clothing for the first time.	Однако радоваться было рано, ибо преподобного Троуэра окружали враги цивилизации куда более опасные, нежели варвары-краснокожие, и общее положение дел выглядело вовсе не так благостно, как в ту минуту, когда Лолла-Воссики впервые надел одежду белого человека.
In particular what somewhat darkened this bright day was the fact that Alvin Miller was not among the workers.	Светлый, чудесный день омрачало отсутствие среди работающих Элвина Миллера.

And his wife's excuses for him had run out.	И жена его уже не могла найти оправданий.
The trip to find a proper millstone quarry had ended, he had rested for a day, and by rights he should be here.	Сначала он ездил по округе, подыскивая подходящий камень для мельничного круга, затем отдыхал один день - это его право, - но сегодня он обязан был прийти.
"What, is he ill?" asked Thrower.	- Надеюсь, он не заболел? - участливо осведомился Троуэр.
Faith tightened her lips.	Губы Веры поджались:
"When I say he won't come, Reverend Thrower, it's not to say he can't come."	- Когда я говорю, что он не придет, преподобный Троуэр, это вовсе не означает, что он не может прийти.

It confirmed Thrower's gathering suspicions.	Ее слова только подтвердили зародившиеся в душе священника подозрения.
"Have I offended him somewise?"	- Может, я чем-то обидел его ненароком?
Faith sighed and looked away from him, toward the posts and beams of the meetinghouse.	Вера вздохнула и кинула взгляд в сторону столбов и балок, которые вскоре превратятся в новую молельню:
"Not you yourself, sir, not the way a man treads on another, as they say." Abruptly she became alert. "Now what is that?"	- Да нет, сэр, вы его не обидели, против вас он, как говорится, ничего не имеет... - Глаза ее настороженно сверкнули. - Это еще что такое?

Right up against the building, most of the men were tying ropes to the north half of the ridgebeam, so they could lift it into place.	У здания собралась небольшая кучка мужчин, привязывающих веревки к северной оконечности огромной кровельной балки, которая должна была послужить коньком церковной крыши.
It was a tricky job, and all the harder because of the little boys wrestling each other in the dust and getting underfoot.	Поднять такую громаду - дело не из легких, к тому же работникам мешали мальчишки, путающиеся под ногами и возящиеся друг с другом в дорожной пыли.
It was the wrestlers that had caught her eye.	Именно эта возня и привлекла внимание Веры.
"Al!" cried Faith. "Alvin Junior, you let him up this minute!"	- Эл! - выкрикнула она. - Элвин-младший, а ну-ка немедленно отпусти его!

She took two strides toward the cloud of dust that marked the heroic struggles of the six-year-olds.	Она сделала пару угрожающих шагов к огромному облаку пыли, поднятому двумя шестилетними сорванцами.
Reverend Thrower was not inclined to let her end the conversation so easily.	Однако преподобный Троуэр не позволил разговору так легко закончиться.

"Mistress Faith," said Reverend Thrower sharply. "Alvin Miller is the first settler in these parts, and people hold him in high regard.	- Госпожа Вера, - резко произнес он. - Элвин Мельник был первым поселенцем в этих местах, люди ценят и уважают его.

If he's against me for some reason, it will greatly harm my ministry.	Если по какой-то причине он настроился против меня, это может сильно навредить моим проповедям.
At least you can tell me what I did to give offense."	По крайней мере хоть намекните мне, что я должен сделать, чтобы оправдаться перед ним.
Faith looked him in the eye, as if to calculate whether he could stand to hear the truth.	Вера заглянула ему в глаза, как будто прикидывая, выдержит ли он, если она скажет правду.
"It was your foolish sermon, sir," she said.	- Все дело в вашей глупой проповеди, сэр, -сказала она.
"Foolish?"	- Глупой?!
"You couldn't know any better, being from England, and-"	- Ну, вы же не могли знать, вы приехали из Англии и...

"From Scotland, Mistress Faith."	- Из Шотландии, госпожа Вера.
"And being how you're educated in schools where they don't know much about-"	- Получили образование в школах, в которых понятия не имеют...
"The University of Edinburgh!	- Я учился в Эдинбургском университете!
Don't know much indeed, I-"	Конечно, все постичь невозможно, но...
"About hexes and doodles and charms and beseechings and suchlike."	- О заговорах, заклинаниях, чарах, приворотах и прочем.

"I know that claiming to use such dark and invisible powers is a burning offense in the lands that obey the Lord Protector, Mistress Faith, though in his mercy he merely banishes those who-"	- Зато я знаю, что объявлять во всеуслышание об использовании этих темных, невидимых сил -значит оскорблять земли, повинующиеся лорду-протектору, госпожа Вера, хотя в своем милосердии он просто не заметит тех людей, которые...
"Well looky there, that's my point," she said triumphantly. "They're not likely to teach you about that in university, now, are they?	- Вот-вот, о чем я и говорила, - торжествующе махнула рукой она. - Этому вас в университете точно не учили, я права?
But it's the way we live here, and calling it a superstition-"	Но мы здесь так живем, и обзывать это предрассудками...
"I called it hysteria-"	- Я использовал слово "истерия"...

"That don't change the fact that it works."	- Бесполезно, поскольку заговоры все равно существуют.
"I understand that you believe that it works," said Thrower patiently. "But everything in the world is either science or miracles.	- Это вы верите в их существование, - терпеливо объяснил Троуэр. - Но все в нашем мире есть либо наука, либо чудо.
Miracles came from God in ancient times, but those times are over.	В древности чудеса творил Господь, но те времена давно прошли.
Today if we wish to change the world, it is not magic but science that will give us our tools."	Сегодня, если мы желаем изменить мир, на помощь приходит наука, а не чудо.

From the set of her face, Thrower could see that he wasn't making much impression on her.	По выражению ее лица Троуэр понял, что отповедь не возымела ровно никакого эффекта.
"Science," she said. "Like feeling head bumps?"	- Наука... - фыркнула Вера. - Шишки на голове щупать - это, что ль, наука?
He doubted she had tried very hard to hide her scorn.	Ему показалось, что женщина даже не особо старалась скрыть свое презрение.
"Phrenology is an infant science," he said coldly, "and there are many flaws, but I am seeking to discover-"	- Френология - наука новая, только-только вышедшая из колыбели, - холодно отчеканил он, -в ней много прорех, однако я ищу и наверняка открою...

She laughed-a girlish laugh, that made her seem much younger than a woman who had borne fourteen children.	Она рассмеялась - девчоночьим смехом, никто бы не сказал, что эта женщина выносила и родила четырнадцать детей.
"Sorry, Reverend Thrower, but I just remembered how Measure called it 'dowsing for brains,' and he allowed as how you'd have slim luck in these parts."	- Вы меня извините, преподобный Троуэр, но я вспомнила... Мера тогда обозвал эту науку "мозгоходством" и добавил, что в наших краях вам ничего не светит.
True words, thought Reverend Thrower, but he was wise enough not to say so.	"Вот уж воистину", - подумал про себя преподобный Троуэр, однако ему хватило ума не высказывать свою мысль вслух.

"Mistress Faith, I spoke as I did to let people understand that there are superior ways of thought in the world today, and we need no longer be bound by the delusions of-"	- Госпожа Вера, я прочитал ту проповедь, чтобы объяснить людям, что в сегодняшнем мире главенствует ученая, высшая мысль, так что мы можем наконец расстаться с древними заблуждениями, которые сковывали нас по рукам и ногам...
It was no use.	Бесполезно.
Her patience had quite run out.	Ее терпение истощилось.
"My boy looks about to get himself smacked with a spare joist if he don't let up on them other boys, Reverend, so you'll just have to excuse me."	- Прошу прощения, преподобный отец, но если я сейчас не вмешаюсь и не заберу Элвина оттуда, его точно прихлопнет каким-нибудь бревном.

And off she went, to fall on six-year-old Alvin and three-year-old Calvin like the vengeance of the Lord.	И она ушла, дабы пасть на головы шестилетнего Элвина и трехлетнего Кэлвина, аки возмездие Господне.
She was a champion tongue-lasher.	В искусстве устраивать головомойку Вере не было равных.
He could hear the scolding from where he stood, and that with the breeze blowing the other way, too.	Ее брань разносилась по всему лугу.

Such ignorance, said Thrower to himself. I am needed here, not only as a man of God among near heathens, but also as a man of science among superstitious fools.	"Какое невежество! - воскликнул про себя Троуэр. - Я нужен, нужен здесь - и не только как волеизъявитель Господа Бога среди язычников, но и как человек ученый, очутившийся посреди склонных к предрассудкам глупцов.

Somebody whispers a curse and then, six months later, something bad happens to the person cursed-it always does, something bad happens to everybody at least twice a year-and it makes them quite certain that their curse had malefic effect.	Кто-то шепчет проклятие, затем, шесть месяцев спустя, с человеком, которого сглазили, обязательно происходит что-то скверное - и это естественно: как минимум два раза в год в каждый дом приходит какое-нибудь несчастье. А эти люди делают вывод, что сглаз действует.
Post hoc ergo propter hoc.	Post hoc, ergo propter hoc" 4.
In Britain, students learned to discard such elementary logic errors while yet studying the trivium.	В Британии студенты еще в самом начале университетского образования учились разоблачать столь примитивные логические ошибки.

Here it was a way of life.	Здесь же это был способ жизни.
The Lord Protector was quite right to punish practitioners of magic arts in Britain, though Thrower would prefer that he do it on grounds of stupidity rather than heresy.	Лорд-Протектор был абсолютно прав, когда запретил практиковать в Британии всяческие магические искусства, хотя Троуэр предпочел бы, чтобы свой приказ Протектор обосновал тем, что волшебство есть просто глупость, а не ересь.
Treating it as heresy gave it too much dignity, as if it were something to be feared rather than despised.	Стоило объявить, что магия - это опасная ересь, как уважение к колдунам повысилось, и это означало, что магов не презирают, а боятся.

Three years ago, right after he earned his Doctor of Divinity degree, it had dawned on Thrower what harm the Lord Protector was actually doing.	Три года назад, сразу после получения диплома богословского факультета и присвоения степени доктора, Троуэра вдруг осенило: он понял, сколько вреда принес лорд-протектор, заклеймив волшебников обыкновенными еретиками.
He remembered it as the turning point of his life; wasn't it also the first time the Visitor had come to him?	Тот день стал поворотным пунктом в жизни преподобного Троуэра - ведь именно тогда к нему впервые явился Посетитель.

It was in his small room in the rectory of St. James Church in Belfast, where he was junior assistant pastor, his first assignment after ordination.	Это случилось в маленькой комнатке, где ютился Троуэр, в домике священника у церкви Святого Иакова, что в Белфасте, - получив первое свое назначение после принятия духовного сана, он служил младшим помощником пастора.
He was looking at a map of the world when his eye strayed to America, to where Pennsylvania was clearly marked, stretching from the Dutch and Swedish colonies westward until the lines faded in the obscure country beyond the Mizzipy.	Троуэр в ту минуту рассматривал мировую карту, и взгляд его как раз упал на Америку, на выделенную территорию Пенсильвании, простершейся от голландских и шведских колоний далеко на запад, туда, где четкие линии, обозначающие границы, исчезали, превращаясь в нетронутые земли за рекой Миззипи.

It was as if the map then came alive, and he saw the flood of people arriving in the New World.	И вдруг карта словно ожила, его глазам предстал огромный поток людей, прибывающих в Новый Свет.
Good Puritans, loyal churchmen, and sound businessmen-all went to New England; Papists, Royalists, and scoundrels all went to the rebellious slave country of Virginia, Carolina, and Jacobia, the so-called Crown Colonies.	Добропорядочные пуритане, преданные своей церкви, и всевозможные дельцы ехали в Новую Англию; паписты 5, роялисты 6 и разного рода мошенники отправлялись в восставшие рабовладельческие колонии, прозванные Королевскими и состоящие из Вирджинии, Каролины и Якобии.

The sort of people who, once they found their place, stayed in it forever.	Все эти люди, обретя новый дом, навсегда оседали в тех краях.

But it was another kind of people went to Pennsylvania.	Однако были и другие, те, кто ехал в Пенсильванию.
Germans, Dutchmen, Swedes, and Huguenots fled their countries and turned Pennsylvania Colony into a slop pot, filled with the worst human rubbish of the continent.	Немцы, голландцы, шведы и гугеноты бежали из своих стран, превращая колонию, зовущуюся Пенсильванией, в котел, наполненный мутным варевом с накипью из худших человеческих отбросов всего континента.
Worse yet, they would not stay put.	Что еще хуже, эти засиживаться на одном месте не собирались.

These dimwitted country people would debark in Philadelphia, discover that the settled-Thrower did not call them "civilized"- portions of Pennsylvania were too crowded for them, and immediately head westward into the Red country to hew out a farm among the trees.	Необразованные крестьяне сходили на берег в Филадельфии, понимали, что в населенной -Троуэр просто не имел права называть ее "цивилизованной" - части Пенсильвании мест уже практически не осталось, и немедля отправлялись на запад, в глубь страны краснокожих, дабы строить среди деревьев свои фермы.
Never mind that the Lord Protector specifically forbade them to settle there. What did such pagans care for law?	И плевать, что лорд-протектор специальным указом запретил всякие поселения в том краю, -что этой темноте до закона?

Land was what they wanted, as if the mere ownership of dirt could turn a peasant into a squire.	Их интересовала земля и только земля, как будто одно владение куском грязи превратит крестьянина в уважаемого сквайра.
Then Thrower's vision of America turned from bleak to black indeed.	Вдруг серая масса Америки, раньше вызывавшая у Троуэра холодное равнодушие, исполнилась чернотой.
He saw that war was coming to America with the new century.	Он увидел, что в новом столетии в Америку пожалует война.

In his vision, he foresaw that the King of France would send that obnoxious Corsican colonel, Bonaparte, to Canada, and his people would stir up the Reds from the French fortress town in Detroit.	Он предвидел, что французский король пошлет этого несносного корсиканского полководца Бонапарта в Канаду и его солдаты науськают краснокожих, живущих во французском поселении в Детройте, на англичан.
The Reds would fall upon the settlers and destroy them; scum they might be, but they were mostly English scum, and the vision of the Reds' savagery made Thrower's skin crawl.	Краснокожие нападут на поселенцев и перережут мирных жителей до единого человека - пусть они того заслуживают, пусть они бесполезные отбросы, но они англичане по крови, и от видения жестокости туземцев по коже Троуэра побежали мурашки.

Yet even if the English won, the overall result would be the same.	Даже если Англия выиграет, результат все равно не изменится.
America west of the Appalachees would never be a Christian land.	Америка, простершаяся к западу от Аппалачей, никогда не узнает истинного христианства.

Either the damned Papist French and Spanish would have it, or the equally damned heathen Reds would keep it, or else the most depraved sort of Englishmen would thrive and thumb their noses at Christ and the Lord Protector alike.	Либо она достанется проклятым французским папистам, либо испанцы захватят ее, либо она останется в лапах чертовых язычников-краснокожих, а может, в этих краях поселятся самые поганые, самые презренные из англичан, которые станут жить там, процветать и поплевывать как на Иисуса, так и на лорда-протектора.

Another whole continent would be lost to the knowledge of the Lord Jesus.	Еще один огромный континент будет потерян для веры в Господа Иисуса.
It was such a fearsome vision that Thrower cried out, thinking none would hear him in the confines of his little room.	Видение было настолько ужасным, что Троуэр от отчаяния вскричал во весь голос, думая, что никто не услышит его за толстыми стенами комнатушки.
But someone did hear him.	Но кто-то все-таки услышал его вопль.
"There's a life's work for a man of God," said someone behind him.	- Вот она, работа целой жизни для человека, который представляет на нашей земле Бога, -раздался чей-то голос позади.

Thrower turned at once, startled; but the voice was gentle and warm, the face old and kindly, and Thrower was not afraid for more than a moment, despite the fact that the door and window were both locked tight, and no natural man could have come inside his little room.	Троуэр в изумлении оглянулся, но голос был так мягок и нежен, лицо, испещренное морщинами, было исполнено такой доброты, что страх бесследно испарился, - хотя дверь и окно были плотно закрыты и ни один живой человек из плоти и крови не мог бы проникнуть в каморку.

Thinking that this man was surely a part of the manifestation he had just seen, Thrower addressed him reverently.	Посчитав, что стоящий перед ним человек представляет собой часть видения, которое только что прошло перед его глазами, Троуэр обратился к нему с искренним почтением:
"Sir, whoever you are, I have seen the future of North America, and it looks like the victory of the devil to me."	- Сэр, кто б вы ни были, секунду назад мне предстало будущее Северной Америки. И мне показалось, что победа досталась дьяволу.
"The devil takes his victories," the man replied, "wherever men of God lose heart, and leave the field to him."	- Дьявол одерживает победу тогда, - ответил незнакомец, - когда верующие в Бога утрачивают смелость и бегут, оставляя поле боя в когтях нечистого.

Then the man simply was not there.	Сказав это, человек испарился, как не бывало.
Thrower had known in that moment what the work of his life would be.	В ту минуту Троуэр увидел цель своей жизни.
To come to the wilds of America, build a country church, and fight the devil in his own country.	Он должен был отправиться в дебри Америки, построить в какой-нибудь деревушке церковь и бороться с дьяволом в его же собственном логове.

It had taken him three years to get the money and the permission of his superiors in the Scottish Church, but now he was here, the posts and beams of his church were rising, their white and naked wood a bright rebuke to the dark forest of barbarism from which they had been hewn.	Три года он собирал деньги и выспрашивал разрешение на поездку у главенствующих сановников шотландской церкви 7, и вот наконец он здесь, а в небо поднимаются подпорки и балки его церкви, противостоя белизной обнаженной древесины темным лесам варварства, из которых был доставлен материал для дома Господа.

Of course, with such a magnificent work under way, the devil was bound to take notice.	Столь замечательное творение никак не могло пройти мимо адских очей дьявола.
And it was obvious that the devil's chief disciple in Vigor Township was Alvin Miller.	Это так же несомненно, как и то, что главным апостолом дьявола в Поселении Вигора является Элвин Мельник.
Even though all his sons were here, helping to build the churchhouse, Thrower knew that this was Faith's doing.	Пусть даже все его сыновья собрались, чтобы помочь построить здание церкви, - Троуэр знал, что это дело рук Веры.

The woman had even allowed as how she was probably Church of Scotland in her heart, even though she was born in Massachusetts; her membership would mean that Thrower could look forward to having a congregation-provided Alvin Miller could be kept from wrecking everything.	Женщина была допущена сюда, поскольку в самом сердце она несла дух шотландской церкви, хоть и родилась в Массачусетсе. Кроме того, ее участие означало, что Троуэр мог надеяться на постоянную паству - если, конечно, Элвин Миллер не зарубит все дело на корню.
And wreck it he would.	Что он всячески пытался сделать.
It was one thing if Alvin had been offended by something Thrower had inadvertently said and done.	Другое дело, если б Элвина чем-то обидел случайный поступок или нечаянное слово Троуэра.

But to have the quarrel be about belief in sorcery, right from the start-well, there was no hiding from this conflict.	Но с самого начала затеять спор о вере в волшебство - нет, из этого конфликта пути не было.
The battle lines were laid.	Диспозиция войск уже намечена.
Thrower stood on the side of science and Christianity, and on the other side stood all the powers of darkness and superstition; the bestial, carnal nature of man was on the other side, with Alvin Miller as its champion.	Троуэр стоял на стороне науки и христианства, а против него выступали все силы тьмы и предрассудков; звериная, плотская натура человека противостояла ему, воплощенная в Элвине Миллере.

I am only at the beginning of my tournament for the Lord, thought Thrower. If I can't vanquish this first opponent, then no victory will ever, be possible for me.	"Я только начал праведный бой за Господа, -подумал Троуэр. - И если я не смогу одолеть своего первого противника, какая речь может идти об окончательной победе?!"
"Pastor Thrower!" shouted Alvin's oldest boy, David. "We're ready to raise the ridgebeam!"	- Пастор Троуэр! - окликнул его старший сын Элвина Дэвид. - Мы готовы поднимать кровельную балку!

Thrower started toward them at a trot, then remembered his dignity and walked the rest of the way.	Троуэр было сорвался с места и затрусил по направлению к рабочим, но вдруг вспомнил о своем сане и духовном достоинстве и оставшуюся часть пути преодолел степенной, неторопливой походкой.
There was nothing in the gospels to imply that the Lord ever ran-only walked, as befitted his high station.	В писаниях ничего не говорилось о том, чтобы Господь когда-нибудь бегал - нет, он всегда ходил, как и полагалось ему по положению.

Of course, Paul had his comments about running a good race, but that was allegory.	Конечно, у апостола Павла встречаются заметки по поводу поспешаний и убеганий, но то всего лишь аллегория.
A minister was supposed to be a shadow of Jesus Christ, walking in His way and representing Him to the people.	Священник обязан быть отражением Иисуса Христа, должен ходить, как Он, и представлять имя Его людям.

It was the closest these people would ever come to beholding the majesty of God.	Именно так простой человек может приблизиться и воспринять величие Бога - никак иначе.

It was Reverend Thrower's duty to deny the vitality of his youth and walk at the reverent pace of an old man, though he was only twenty-four.	Обязанностью преподобного Троуэра было отринуть бьющую через край юность и ходить величественным шагом пожилого человека, хоть и исполнилось ему всего двадцать четыре года.
"You mean to bless the ridgebeam, don't you?" asked one of the farmers.	- Вы хотите благословить эту балку, да? -поинтересовался один из фермеров.

It was Ole, a Swedish fellow from the banks of the Delaware, and so a Lutheran at heart; but he was willing enough to help build a Presbyterian Church here in the Wobbish valley, seeing how the nearest church besides that was the Papist Cathedral in Detroit.	Фермера звали Оле, он родился в Швеции, а сюда прибыл с берегов Делавара, поэтому до сих пор в душе оставался лютеранином, однако, вспомнив, что ближайшая церковь - это папистский собор в Детройте, он проявил искреннее желание помочь построить здесь, в Воббской долине, пресвитерианскую церковь.
"I do indeed," said Thrower. He laid his hand on the heavy, axehewn beam.	- Разумеется, - ответил Троуэр и возложил руку на тяжелую, недавно обтесанную балку.

"Reverend Thrower." It was a child's voice behind him, piercing and loud as only a child's voice can be. "Ain't it a kind of a charm, to give a blessing to a piece Of wood?"	- Преподобный Троуэр, - раздался из-за его спины детский голосок, настойчивый и громкий, как у каждого ребенка. - А разве это не чары, вы же благословляете кусок дерева?!
Thrower turned around to see Faith Miller already hushing the boy.	Троуэр повернулся как раз тогда, когда Вера Миллер сердито цыкнула на мальчика и закрыла его рот рукой.
Only six years old, but Alvin Junior was obviously going to grow up to be just as much trouble as his father.	Всего шесть лет ему, а уже можно сказать: Элвин-младший вырастет таким же рассадником бед и напастей, как и его отец.

Maybe more-Alvin Senior had at least had the good grace to stay away from the church-raising.	Может, все будет намного хуже - по крайней мере у Элвина-старшего хватало благоразумия держаться от строящейся церкви подальше.
"You go on," said Faith. "Never mind him.	- Продолжайте, - сказала Вера, - не обращайте на него внимания.
I haven't learned him yet when to speak and when to keep silence."	Я не успела научить его, когда следует говорить, а когда - молчать.
Even though his mother's hand was tight-clamped over his mouth, the boy's eyes were steady, looking right at him.	И хотя рука матери крепко зажимала ему рот, мальчик упорно не сводил со священника вопрошающих глаз.

And when Thrower turned back around, he found that all the grown men were looking at him expectantly.	Повернувшись обратно к балке, Троуэр увидел, что все взрослые мужчины смотрят на него с таким же ожиданием.
The child's question was a challenge that he had to answer, or he'd be branded a hypocrite or fool before the very men he had come to convert.	Вопрос малыша был вызовом, на который он обязан ответить, чтобы не превратиться в глазах будущих прихожан в лицемера и глупца.
"I suppose that if you think my blessing actually does something to change the nature of the ridgebeam," he said, "that might be akin to ensorcelment.	- Да, если вы считаете, что мое благословение и в самом деле изменит что-нибудь в природе балки, то это, может, вправду сродни волшебству, -начал он. - Только дело все в том, что балка -всего лишь повод.

But the truth is that the ridgebeam itself is just the occasion. Whom I'm really blessing is the congregation of Christians who'll gather under this roof.	В действительности же я благословляю всех христиан, что соберутся под этой крышей.
And there's nothing magic about that.	И ничего волшебного в этом нет.
It's the power and love of God we're asking for, not a cure for warts or a charm against the evil eye."	Мы просим у Господа Бога любви и силы, а не заговоров от бородавок или отвода сглаза.
"Too bad," murmured a man. "I could use a cure for warts."	- Жаль, однако, - пробормотал кто-то. - Заговор от бородавок пришелся бы кстати.
They all laughed, but the danger was over.	Все рассмеялись, и беда благополучно миновала.

When the ridgebeam went up, it would be a Christian act to raise it, not a pagan one.	Когда балка поднялась в воздух, ее держали руки истинных христиан, а не язычников.
He blessed the ridgebeam, taking care to change the usual prayer to one that specifically did not confer any special properties upon the beam itself.	Он благословил балку, специально подобрав молитву, которая бы не оскорбила никого из собравшихся здесь людей.
Then the men tugged on the rope, and Thrower sang out	Затем мужчины потянули за веревки, и Троуэр во всю мощь своего прекрасного баритона запел

"0 Lord Who on the Mighty Sea" at the top of his magnificent baritone voice, to give them the rhythm and inspiration for their labors.	"Воскликните Господу, вся земля" 8, чтобы воодушевить работников и помочь им тянуть слаженно.
All the time, however, he was acutely aware of the boy Alvin Junior.	Однако все это время он ощущал за спиной присутствие мальчишки, Элвина-младшего.
It was not just because of the boy's embarrassing challenge a moment ago.	Прозвучавший минуту назад вопрос-вызов был здесь ни при чем.
The child was as simpleminded as most children-Thrower doubted he had any dire purpose in mind.	Малыш, как и все прочие дети, не имел в виду ничего дурного - это вряд ли. Троуэра озадачивало кое-что другое.

What drew him to the child was something else entirely.	И не в самом мальчика, а в людях, окружающих его.
Not any property in the boy himself, but rather something about the people near him.	Такое впечатление, они старались не упускать его из виду.
They always seemed to keep him in attention. Not that they always looked at him-that would be a full-time occupation, he ran about so much.	Не то чтобы они глаз с него не сводили - это было бы весьма непросто, поскольку мальчишка носился взад-вперед как заведенный.

It was as if they were always aware of him, the way the college cook had always been aware of the dog in the kitchen, never speaking to it, but stepping over and around it without so much as pausing in his work.	Они просто чувствовали его присутствие, как университетский повар всегда чувствовал в кухне присутствие пса - он никогда ничего не говорил, просто переступал через собаку, обходил и продолжал заниматься своим делом.
It wasn't just the boy's family, either, that was so careful of him. Everyone acted the same way-the Germans, the Scandinavians, the English, newcomers and old-timers alike.	Причем к мальчику подобным образом относились не только члены семьи, но и все остальные - немцы, скандинавы, англичане, пришлые и старожилы.

As if the raising of this boy were a community project, like the raising of a church or the bridging of a river.	Как будто все сообщество задалось целью взрастить этого ребенка - словно церковь построить или мост через реку перекинуть.

"Easy, easy, easy!" shouted Wastenot, who was perched near the east ridgepole to guide the heavy beam into place.	- Тихо, тихо! Потихоньку! - закричал Нет, устроившийся, как на насесте, рядом с восточным отверстием для балки.
It had to be just so, for the rafters to lean evenly against it and make a sturdy roof.	Действительно, тяжеленную кровельную балку надо было ставить очень осторожно, чтобы стропила легли ровно и крыша получилась надежной.
"Too far your way!" shouted Measure.	- В твою сторону слишком много дали! -прокричал Мера.

He was standing on scaffolding above the crossbeam on which rested the short pole that would support the two ridgebeams where they butted ends in the middle.	Он стоял на лесах, возведенных над балкой-крестовиной, на которой было укреплено короткое бревно - именно оно должно было поддержать концы двух бревен, предназначенных снести вес всей крыши.
This was the most crucial point of the whole roof, and the trickiest to get right; they had to lay the ends of two heavy beams onto a pole top that was barely two palms wide.	Наступал самый ответственный момент - и самый сложный, поскольку концы двух громадных кровельных балок должны были уместиться на верхушке подпорки, ширина которой не превышала двух ладоней.

That was why Measure stood there, for he had grown into his name, keen-eyed and careful.	Потому-то Мера и стоял на лесах: острый глаз и невероятная точность полностью оправдывали имя юноши.
"Right!" shouted Measure. "More!"	- Правей! - крикнул Мера. - Еще!
"My way again!" shouted Wastenot.	- Снова на меня! - заорал Нет.
"Steady!" shouted Measure.	- Так держать! - приказал Мера.
"Set!" shouted Wastenot.	- Встала! - отозвался Нет.
Then "Set!" from Measure, too, and the men on the ground relaxed the tension on the ropes.	Затем то же самое выкрикнул Мера, и рабочие на земле потихоньку отпустили веревки.

As the lines went slack, they let out a cheer, for the ridgebeam now went half the length of the church.	Тросы упали на землю, и у рабочих вырвался дружный восторженный вопль, ибо огромная балка, на которой будет покоиться крыша, достигла ровно середины церкви.
It was no cathedral, but it was still a mighty thing to achieve in this benighted place, the largest structure anyone had dared to think of for a hundred miles around.	Конечно, это был не собор, но все же церковь выглядела внушительно для здешних диких мест -на сотни миль в округе не было здания подобной вышины.

The mere fact of building it was a declaration that the settlers were here to stay, and not French, not Spanish, not Cavaliers, not Yankees, not even the savage Reds with their fire arrows, no man would get these folks to leave this place.	Сам факт его постройки объявлял всему миру, что поселенцы останутся здесь навсегда и ни французы, ни испанцы, ни роялисты, ни янки, ни даже кровожадные краснокожие с их огненными стрелами - никто не заставит местных жителей покинуть это место.

So of course Reverend Thrower went inside, and so did all the others, to see the sky blocked for the first time by a ridgebeam no less than forty feet in length-and that only half of what it would finally be.	Конечно, преподобный Троуэр не выдержал и устремился внутрь, вслед за осталь- ными, чтобы взглянуть на небо, которое пересекала кровельная балка длиной не меньше сорока футов, - и это только половина де- ла, ведь следом ляжет еще одна.

My church, thought Thrower, and already finer than most I saw in Philadelphia itself.	"Моя церковь, - подумал Троуэр. - Даже тот собор, что я видел в Филадель- фии, не сравнится с ней".

Up on the flimsy scaffolding, Measure was driving a wooden pin through the notch in the end of the ridgebeam and down into the hole in the top of the ridgepole.	Наверху, балансируя на шатких лесах, Мера вогнял деревянный шпон в отверстие на конце кровельной балки, закрепляя ее на подпорке.
Wastenot was doing the same at his end, of course.	На другой стороне крыши тем же самым занимался Нет.
The pins would hold the beam in place until the rafters could be laid.	Шпоны удержат бревно на месте, пока не положат стропила.

When that was done, the ridgebeam would be so strong that they could almost remove the crossbeam, if it weren't needed for the chandelier that would light the church at night.	Когда это будет сделано, кровельная балка без труда выдержит вес крыши. Крестовину, что проходила ниже, можно было бы вообще убрать, если б не люстра с канделябрами, которая будет освещать церковь по ночам.
At night, so that the stained glass would shine out against the darkness.	А витражи будут отбрасывать цветные блики, удерживая тьму вне здания.
That's how grandiose a place Reverend Thrower had in mind.	Именно такой грандиозный проект вынашивал в уме преподобный Троуэр все это время.

Let their simple minds stand in awe when they see this place, and so reflect upon the majesty of God.	Всякие простаки будут замирать в восхищении при виде его церкви, в которой воплотится величие Господа.
Those were his thoughts when, suddenly, Measure let out a shout of fear, and all saw in horror that the center ridgepole had split and shivered at the blow of Measure's mallet against the wooden pin, bouncing the great heavy ridgebeam some six feet into the air.	Он полностью погрузился в сладкие мечты, когда Мера вдруг закричал, и все в ужасе увидели, что от удара молота по деревянному шпону бревно-подпорка расщепилось и, спружинив, подбросило огромную кровельную балку футов на шесть в воздух.

It pulled the beam out of Wastenot's hands at the other end, and broke the scaffolding like tinderwood.	Дерево вырвалось из рук Нета, придерживающего его на другом конце, и размело леса в щепки.
The ridgebeam seemed to hover in the air a moment, level as you please, then rushed downward as if the Lord's own foot were stomping it.	На какой-то момент кровельная балка будто бы зависла в воздухе, выровнялась, после чего с огромной скоростью устремилась вниз, словно сам Господь Бог собственной ногой ступил на нее.

And Reverend Thrower knew without looking that there would be someone directly under that beam, right under the midpoint of it when it landed.	Можно было даже не оглядываться, преподобный Троуэр знал, что кое-кто из присутствующих все-непременно окажется прямо под балкой, прямо там, куда она ударит всем весом.
He knew because he was aware of the boy, of how he was running just exactly the wrong direction, of how his own shout of	Он знал, потому что ощущал этого мальчишку, чувствовал, что он бежит не в ту сторону. Священник не сомневался, что его окрик
"Alvin!" brought the boy to a stop in just exactly the wrong place.	"Элвин!" заставит мальчика остановиться именно там, где стоять как раз не следовало.

And when he looked, it was exactly as he knew it would be-little Al standing there, looking up at the shaven tree that would grind him into the floor of the church.	Когда он все же взглянул в ту сторону, все обстояло так, как ему привиделось: малыш Эл стоял как вкопанный, глядя изумленными глазами на приближающееся сверху гладко обтесанное дерево, которое превратит его в лепешку и вобьет в пол будущей церкви.
Nothing else would be damaged- because the beam was level, its impact would be spread across the whole floor.	Больше ничего непоправимого не случится, балка хорошо уравновешена, поэтому удар придется по всей длине пола.
The boy was too small even to slow the ridgebeam's fall.	Тельце ребенка даже на миг не остановит громадину.

He would be broken, crushed, his blood spattering the white wood of the church floor.	Его сломает, разотрет, и кровь брызнет на белую древесину церкви.
I'll never get that stain out, thought Thrower-insanely, but one could not control one's own thoughts in the moment of death.	"Ее ж не отмыть будет!" - в панике подумал Троуэр. Чистое безумство думать об этом в такую минуту, но разум, столкнувшись со смертью, выходит из подчинения.
Thrower saw the impact as if it were a blinding flash of light.	Удар превратился в ослепительную вспышку света.
He heard the crash of wood on wood.	Троуэр услышал скрежет дерева о дерево.
He heard the screams.	Раздались крики.

Then his eyes cleared and he saw the ridgebeam lying there, the one end exactly where it should be, the other too, but in the middle, the beam split in two parts, and between the two parts little Alvin standing, his face white with terror.	Затем зрение его прояснилось, и он увидел кровельную балку, лежащую на досках, куда ей и положено было упасть. Только ровно посредине она была расщеплена на две половинки, между которыми стоял побелевший от ужаса маленький Элвин.
Untouched.	Целый и невредимый.
The boy was untouched.	Мальчик был цел и невредим.
Thrower didn't understand German or Swedish, but he knew what the muttering near him meant, well enough.	Троуэр не понимал ни немецкого, ни шведского, но догадывался, о чем бормочут окружающие его мужчины.

Let them blaspheme-I must understand what has happened here, thought Thrower.	"Пусть себе святотатствуют, а я должен понять, что же такое здесь случилось", - подумал Троуэр.
He strode to the boy, placed his hands on the child's head, searching for injury.	Подскочив к мальчику, он принялся ощупывать его, ища следы удара.
Not a hair out of place, but the boy's head felt warm, very warm, as if he had been standing near a fire.	С головы Элвина не упало ни волоска, правда, от нее исходило тепло, скорее, даже жар, как будто секунду назад малыш стоял рядом с огнем.
Then Thrower knelt and looked at the wood of the ridgebeam.	Затем Троуэр встал на колени и изучил одну из половинок кровельной балки.

It was cut as smooth as if the wood had grown that way, just exactly wide enough to miss the boy entirely.	Бревно было словно ножом разрезано, разошлось ровно на ширину детского тельца.

Al's mother was there only a moment later, scooping up her boy, sobbing and babbling with relief.	Спустя мгновение рядом оказалась мать Эла, стала трясти его, всхлипывая и облегченно причитая.
Little Alvin also cried.	Маленький Элвин тоже разрыдался.
But Thrower had other things on his mind.	Но Троуэр весь ушел в решение загадки.
He was a man of science, after all, and what he had seen was not possible.	Как-никак он был ученым человеком, а то, что он видел, считалось невероятным.

He made the men step off the length of the ridgebeam, measuring it again.	Он заставил рабочих шагами измерить длину кровельной балки, затем лично перепроверил получившийся результат.
It lay exactly its original length along the floor-the east end just as far from the west end as it should be.	Длина балки осталась прежней, во всяком случае она лежала так, как и должна была лежать.
The boy-sized chunk in the middle had simply disappeared.	Вот только из середины куда-то подевался целый кусок.
Vanished in a momentary flash of fire that left Alvin's head and the butt ends of the wood as hot as coals, yet not marked or seared in any way.	Исчез в мгновенной вспышке света, которая вырвалась из головы Элвина, испарив дерево и не оставив никаких следов.

Then Measure began yelling from the crossbeam, where he dangled by his arms, having caught himself after the collapse of the scaffolding.	И тут принялся орать Мера, который, падая, сумел зацепиться за крестовину, когда леса были снесены ударом падающей балки.
Wantnot and Calm climbed up and got him down safely.	Нед и Кальм взобрались наверх и помогли ему спуститься.
Reverend Thrower had no thought for that.	Преподобный Троуэр не обращал внимания на царящую вокруг суету.
All he could think about was a six-year-old boy who could stand under a falling ridgebeam, and the beam would break and make room for him.	Он думал только об одном - о шестилетнем мальчике, который может спокойно стоять под падающей балкой, и дерево само разойдется, чтобы не причинить ему вреда.

Like the Red Sea parting for Moses, on the right hand and the left.	Как Красное море расступилось перед Моисеем, образовав проход 9.
"Seventh son," murmured Wastenot.	- Седьмой сын, - хмыкнул Нет.
The boy sat astride the fallen ridgebeam, just west of the break.	Юноша сидел на сломанной балке, неподалеку от священника.
"What?" asked Reverend Thrower.	- Что-что? - переспросил преподобный Троуэр.
"Nothing," said the young man.	- Так, ничего, - пожал плечами юноша.
"You said 'Seventh son,"' said Thrower. "But it's little Calvin who's the seventh."	- Ты упомянул седьмого сына, - настаивал Троуэр.- Но ведь седьмым в вашей семье был Кэлвин.

Wastenot shook his head.	Нет покачал головой.
"We had another brother.	- У нас был еще один брат.
He died a couple minutes after Al was born." Wastenot shook his head again. "Seventh son of a seventh son."	Он умер спустя пару минут, как родился Эл. - Нет снова тряхнул волосами. - Седьмой сын седьмого сына.

"But that makes him devil's spawn," said Thrower, aghast.	- Но ведь это означает, что он отродье самого дьявола, - в отвращении отшатнулся Троуэр.
Wastenot looked at him with contempt.	Нет презрительно посмотрел на священника.

"Maybe in England you think so, but around here we look on such to be a healer, maybe, or a doodlebug, and a right good one of whatever he is."	- Может быть, это вы так в Англии считаете, но нам-то известно, что такие люди становятся хорошими врачевателями или умеют заговоры творить.
Then Wastenot thought of something and grinned. "'Devil's spawn,'" he repeated, maliciously savoring the words. "Sounds like hysteria to me."	По крайней мере от седьмого сына зла никто не видел. - Затем Уэйстнот вспомнил что-то и широко усмехнулся. - Отродье дьявола, -повторил он, передразнивая священника. - Не знаю, истерия какая-то.
Furious, Thrower stalked out of the church.	В ярости Троуэр пулей вылетел из церкви.

He found Mistress Faith sitting on a stool, holding Alvin Junior on her lap and rocking him as he continued to whimper.	Он нашел госпожу Веру сидящей на табуретке. На руках у нее комочком свернулся хныкающий Элвин-младший.
She was scolding him gently.	Она нежно его укачивала и ласково попрекала:
"Told you not to run without looking, always underfoot, can't never hold still, makes a body go plumb lunatic looking after you-" Then she saw Thrower standing before her, and fell silent.	- Говорила же тебе, не лезь, не поглядев по сторонам, всегда ты под ногами крутишься, на месте тебе не сидится, одуреешь за тобой приглядывать... Заметив стоящего рядом Троуэра, она сразу замолкла.

"Don't worry," she said. "I'll not bring him back here."	- Не волнуйтесь, - сказала она. - Я больше не пущу его туда.
"For his safety, I'm glad," said Thrower. "If I thought my churchhouse had to be built at the cost of a child's life, I'd sooner preach in the open air all the days of my life."	- Исключительно ради его собственной безопасности, - кивнул Троуэр. - Если б я знал, что моя церковь будет построена ценой жизни младенца, то предпочел бы до конца жизни проповедовать под открытым небом.
She looked close at him and knew that he meant it with his whole heart.	Она пристально посмотрела на него и поняла, что слова эти были произнесены от чистого сердца.
"It's no fault of yourn," she said. "He's always been a clumsy boy.	- Не ваша это вина, - сказала она. - Он вечно какой-то неуклюжий.

Seems to live through scrapes that'd kill an ordinary child."	Другой ребенок давным-давно погиб бы.
"I'd like-I'd like to understand what happened in there."	- Мне бы хотелось... мне бы хотелось понять, что здесь случилось.
"Ridgepole shivered, of course," she said.	- Подпорка треснула, - пожала она плечами. -Такое бывает.
"It happens sometimes."	- Нет, я имел в виду... как получилось, что балка не задела мальчика.
"I mean-how it happened to miss him.	Она разделилась на две части, не успев коснуться его.
The beam split before it touched his head.	Если вы не возражаете, я хотел бы осмотреть его голову...

I want to feel his head, if I may-"	- На нем ни царапинки.
"Not a mark on him," she said. "I know.	- Да нет, я знаю.
I want to feel it to see if-"	Я просто хочу проверить...
She rolled her eyes upward and muttered,	Она закатила глаза и пробормотала:
"Dowsing for brains," but she also moved her hands away so he could feel the child's head.	- Ну да, мозгоходство это ваше... Но руки отвела, чтобы он мог пощупать голову мальчика.
Slowly now, and carefully, trying to understand the map of the boy's skull, to read the ridges and bumps, the troughs and depressions.	Теперь его пальцы двигались медленно и осторожно, прощупывая карту черепа малыша, считывая выступы и шишки, впадинки и углубления.

He had no need to consult a book.	С книгами можно было не сверяться.
The books were nonsense, anyway.	Все равно в них пишется всякая чушь.
He had found that out quite quickly-they all spouted idiotic generalities, such as,	Это он выяснил довольно быстро, наткнувшись на пару-другую идиотских утверждений типа:
"The Red will always have a bump just over the ear, indicating savagery and cannibalism," when of course Reds had just as much variety in their heads as Whites.	"У краснокожих сразу над ухом имеется шишка, указывающая на дикость и каннибализм". Между тем головы краснокожих так же отличались друг от друга, как и головы белых людей.

No, Thrower had no faith in those books- but he had learned a few things about people with particular skills, and head bumps they had in common.	Нет, в такие книжки Троуэр не верил, зато сам он открыл некоторые закономерности в общем расположении шишек.
He had developed a knack of understanding, a map of the shapes of the human skull; he knew as his hands passed over Al's head what it was he found there.	Он развил в себе дар понимания карты, на которую наносились особенности человеческого черепа. И стоило ему пробежаться пальцами по волосам Элвина, как он сразу все понял.
Nothing remarkable, that's what he found.	Понял, что ничего особенного здесь не найдет.
No one trait that stood out above all others.	Никаких шишек, никаких углублений.

Average.	Самая обыкновенная голова.
As average as can be.	Обыкновенное не бывает.
So utterly average that it could be a virtual textbook example of normality, if only there were any textbook worth reading.	Настолько обыкновенная, что может служить наглядным пособием для какого-нибудь учебника, если вообще на свете есть учебник, который стоит читать.
He lifted his fingers away, and the boy-who had stopped crying under his hands-twisted on his mother's lap to look at him.	Он оторвался от изучения, и мальчик, который, почувствовав прикосновение его пальцев, сразу перестал плакать, повернулся, чтобы взглянуть на него.

"Reverend Thrower," he said, "your hands are so cold I like to froze."	- Преподобный Троуэр, - произнес он, - у вас такие ледяные руки, я чуть не замерз.
Then he squirmed off his mother's lap and ran off, shouting for one of the German boys, the one he had been wrestling so savagely before.	Сказав это, он одним движением вывернулся из объятий матери и вприпрыжку побежал к одному из мальчишек, к тому самому, с которым недавно яростно боролся в пыли.
Faith laughed ruefully.	Вера угрюмо усмехнулась:

"You see how quickly they forget?"	- Вот видите, как быстро они умеют забывать?
"And you, too," he said.	- И вы не отличаетесь от них, - заметил Троуэр.

She shook her head.	Она покачала головой.
"Not me," she said. "I don't forget a thing."	- Увы, - печально улыбнулась она. - Я как раз ничего не забываю.
"You're already smiling."	- На ваших губах улыбка...
"I go on, Reverend Thrower.	- Жизнь течет своим чередом, преподобный Троуэр.
I just go on.	Я просто продолжаю жить.
That's not the same as forgetting."	Это не значит, что я забыла.
He nodded.	Он кивнул.
"So-tell me what you found," she said.	- Так... расскажите мне, что вы обнаружили, - попросила она.
"Found?"	- В каком смысле?

"Feeling his bumps. Brain-dowsing.	- Ну, когда ощупывали его шишки, вы ведь мозгоходством занимались.
Does he got any?"	Есть у него в голове что-нибудь или надеяться нам не на что?
"Normal.	- Все нормально.
Absolutely normal.	Абсолютно нормальная голова.
Not a single thing unusual about his head."	Ни одной необычной черты.
She grunted. "Nothing unusual?"	- Ничего необычного? - ехидно переспросила она.
"That's right."	- Именно так.

"Well, if you ask me, that's pretty unusual right there, if a body was smart enough to notice it."	- Ну, не знаю, мне так кажется, что необычности в этом хватает, главное, мозгов бы хватило, чтоб понять все.
She picked up the stool and carried it off, calling to Al and Cally as she went.	Она подняла табуретку и пошла в сторону дома, зовя Эла и Кэлли.
After a moment, Reverend Thrower realized she was right.	Только спустя мгновение преподобный Троуэр осознал, насколько права была женщина.
Nobody was so perfectly average.	Средних людей в природе не существует.
Everybody had some trait that was stronger than the others.	Каждый человек имеет ту или иную черту, которая преобладает над остальными.

It wasn't normal for Al to be so well balanced.	У Эла все слишком складно - такого быть не может.
To have every possible skill that could be marked by the skull, and to have it in exactly even proportions.	Человеческий череп отражает склонность к ремеслам - у Эла способности к любому труду присутствовали в абсолютно равных пропорциях.

Far from being average, the child was extraordinary, though Thrower had no notion what it would mean in the child's life.	Нет, средним человеком здесь и не пахнет, ребенок оказался исключительным, хотя Троуэр понятия не имел, как эти особенности отразятся на дальнейшей его жизни.
Jack of all trades and master of none?	Вырастет ли он полным неумехой?

Or master of all?	Или, наоборот, ему будет подвластно все?
Superstition or not, Thrower found himself wondering.	Суеверия суевериями, а Троуэр крепко призадумался над этой загадкой.
A seventh son of a seventh son, a startling shape to the head, and the miracle- he could think of no other word-of the ridgebeam.	Седьмой сын седьмого сына, поразительная форма головы, и чудо - иначе не назовешь - с балкой.
An ordinary child would have died this day.	Обычный мальчик погиб бы.
Natural law demanded it.	Того требовали законы природы.

But someone or something was protecting this child, and natural law had been overruled.	Но этого ребенка кто-то или что-то защищает, и закон природы был переписан заново.
Once the talk had subsided, the men resumed work on the roof.	Когда разговоры исчерпались, мужчины вернулись обратно к работе над крышей.
The original beam was useless, of course, and they carried the two sections of it outside.	Первая балка уже никуда не годилась, поэтому две ее половинки вынесли наружу.
After what had happened, they had no intention of using the beams for anything at all.	После того, что случилось, люди прикасались к ней крайне неохотно.

Instead they set to work and completed another beam by midafternoon, rebuilt the scaffolding, and by nightfall the whole roof ridge was set in place.	Поплевав на руки, к полудню они выстрогали другую кровельную балку, заново возвели леса, и к закату кровля была готова.
No one spoke of the incident with the ridgebeam, at least not in Thrower's presence.	Никто больше не упоминал о случившемся, по крайней мере в присутствии Троуэра.
And when he went to look for the shivered ridgepole, he couldn't find it anywhere.	А когда священник вышел поискать расщепившуюся подпорку, из-за которой и случилось несчастье, то нигде ее не нашел.
Chapter Seven-Altar	7. Алтарь

Alvin Junior wasn't scared when he saw the beam falling, and he wasn't scared when it crashed to the floor on either side.	Элвин ни капельки не испугался, когда увидел, что сверху падает балка. Не испугался он и тогда, когда она с грохотом ударилась об пол по обе стороны от него.
But when all the grown-ups started carrying on like the Day of Rapture, a-hugging him and talking in whispers, then he got scared.	Страх нахлынул, когда взрослые начали суетиться вокруг, как в День Вознесения, обнимать его и перешептываться, - да, вот это было страшно.
Grown-ups had a way of doing things for no reason at all.	Хотя взрослые часто совершают поступки без причины, просто так.

Like the way Papa was setting on the floor by the fire, just studying the split pieces of the shivered ridgepole, the piece of wood that sprung under the weight of the ridgebeam and sent it all crashing down.	Как, например, папа, который вечером долго сидел у очага, изучая остатки расщепившегося полена, того самого, которое спружинило под весом кровельной балки и скинуло ее наземь.

When Mama was being herself, not Papa or nobody could bring big old pieces of split and dirty wood into her house.	Попробовал бы кто-нибудь затащить в дом кучу грязных, ненужных щепок, когда мама была в своем обычном настроении.

But today Mama was as crazy as Papa, and when he showed up toting them big old splinters of wood, she just bent over, rolled up the rug, and got herself out of Papa's way.	Но сегодня на нее тоже что-то нашло, она стала такой же ненормальной, как и папа, поэтому, когда отец ступил на порог, держа в руках охапку старых щепок, она, ни слова не говоря, нагнулась, скатала с пола ковер и убрала с его дороги.
Well, anybody who didn't know to get out of Papa's way when he had that look on his face was too dumb to live.	И правильно. Обычно, когда у папы на лице появлялось такое выражение, лучше его не трогать - это понятно всем и каждому, кто хоть немного разбирается в законах жизни и намеревается прожить на земле подольше.

David and Calm was lucky, they could go off to their own houses on their own cleared land, where their own wives had their own suppers cooking and they could decide whether to be crazy or not.	Самыми везучими в семействе были Дэвид и Кальм - они могли укрыться в своих собственных домах на собственных участках земли, уже очищенных от леса, где их собственные жены приготовят им ужин. Они могут сами решать: жить как нормальные люди или сходить с ума.
The rest of them weren't so lucky.	Остальным братьям и сестрам повезло меньше.
With Papa and Mama being crazy, the rest of them had to be crazy, too.	Когда мама и папа начинали психовать, им приходилось вести себя соответственно.

Not one of the girls fought with any of the others, and they all helped fix supper and clean up after without a word of complaint.	Девчонки прекращали вечные ссоры-драки, дружно накрывали на стол, после ужина без малейших пререканий мыли посуду.

Wastenot and Wantnot went out and chopped wood and did the evening milking without so much as punching each other in the arm, let alone getting in a wrestling match, which was right disappointing to Alvin Junior, seeing as how he always got to wrestle the loser, which was the best wrestling he ever got to do, them being eighteen years old and a real challenge, not like the boys he usually hunkered down with.	Нет и Нед, поев, сразу уходили на двор, где рубили дрова и доили корову. Они даже не перепихивались, как обычно, а о состязаниях кто кого поборет и речи быть не могло, что очень расстраивало Элвина-младшего, поскольку он мечтал, что когда-нибудь сразится с победителем, а не с побежденным. Вот где будет борьба, братьям-то уже по восемнадцать, это вам не малышня, с которой вынужден возюкаться Элвин.

And Measure, he just sat there by the fire, whittling out a big old spoon for Mama's cooking pot, never so much as looking up-but he was waiting, just like the others, for Papa to come back to his right self and yell at somebody.	Мера в такие вечера просто сидел у очага, вытачивая новую большую ложку для маминого котелка. Сидел не поднимая взгляда - ждал, как и все остальные, когда папа наконец придет в себя и наорет на кого-нибудь.
The only normal person in the house was Calvin, the three-year-old.	Самим собой умудрялся оставаться только Кэлвин, трехлетний карапуз.
The trouble was that normal for him meant tagging along after Alvin Junior like a kitten on a mouse's trail.	Однако вся беда заключалась в том, что "быть самим собой" для него означало таскаться повсюду за Элвином-младшим как хвостик.

He never came close enough to play with Alvin Junior, or to touch him or talk to him or anything useful.	Он никогда не подходил, чтобы поиграть с Элвином, не смел даже коснуться его или заговорить о чем-нибудь.

He was just there, always there at the edge of things, so Alvin would look up just as Calvin looked away, or catch a glimpse of his shirt as he ducked behind a door, or sometimes in the dark of night just hear a faint breathing that was closer than it ought to be, which told him Calvin wasn't lying on his cot, he was standing right there by Alvin's bed, watching.	Он просто был, держался в пределах видимости, но стоило Элвину поднять голову, как Кэлвин тут же отводил глаза или мышкой шмыгал за дверь, так что Элвин успевал заметить лишь белое пятно, мелькнувшее и пропавшее. Иногда, темными ночами, Элвин слышал тихое дыхание, по которому можно было понять, что Кэлвин не лежит в своей колыбельке, а стоит рядом с постелью Элвина и следит за ним.
Nobody ever seemed to notice it.	Но никто этого не замечал.

It had been more than a year since Alvin gave up trying to get him to stop.	Еще год назад Элвин бросался жаловаться на младшего брата.
If Alvin Junior ever said,	Как только он говорил:
"Ma, Cally's pestering me," Mama would just say,	"Ма, Кэлли опять следит за мной", - мама тут же отвечала:
"Al Junior, he didn't say a thing, he didn't touch you, and if you don't like him just standing quiet as a body could ask, well, that's just too bad for you, because it suits me fine.	"Эл-младший, он же не отвлекает тебя, не трогает, а если тебе не нравится, что он тихонько стоит рядом, тем хуже для тебя, потому что меня это полностью устраивает.

I wish certain other of my children could learn to be as still."	О, если бы остальные мои дети - не будем перечислять поименно - вели себя так же тихо!"
Alvin figured that it wasn't that Calvin was normal today, it's that the rest of the family had just come up to his regular level of craziness.	В общем, сегодня Кэлвин вел себя как обычно -единственный из всех. Остальные же опять стали как сумасшедшие.
Papa just stared and stared at the split wood.	Папа не отрывая глаз смотрел и смотрел на расщепленное бревно.
Now and then he'd fit it together the way it was.	То и дело он пытался сложить щепки так, как они были.
Once he spoke, real quiet.	Один раз он даже заговорил - очень тихо:

"Measure, you sure you got all them pieces?"	- Мера, ты уверен, что собрал все до щепки?
Measure said, "Ever single bit, Pa, I couldn't've got more with a broom.	- Я принес все, что нашел, пап, - ответил Мера. -Метлой больше не собрать.
I couldn't've got more if I'd bent down and lapped it up like a dog."	Правда, можно было бы вылизать пол языком...
Ma was listening, of course.	Мама, конечно, тоже слушала.

Papa once said that when Ma was paying attention, she could hear a squirrel fart in the woods a half mile away in the middle of a storm with the girls rattling dishes and the boys all chopping wood.	Папа как-то заметил, что, пусть вокруг бушует гроза, девчонки моют тарелки, а все юноши разом рубят дрова, если мама как следует прислушается, то услышит, как белка пукает на дереве, что в полумиле от дома.
Alvin Junior wondered sometimes if that meant Ma knew more witchery than she let on, since one time he sat in the woods not three yards away from a squirrel for more than an hour, and he never heard it so much as belch.	Элвин-младший не раз гадал, что папа хотел этим сказать: может, мама знает больше колдовских штучек, чем показывает. Один раз он целый час просидел в лесу, затаившись меньше чем в трех ярдах от белки, но даже, как живот у нее бурчит, не услышал.

Anyway, she was right there in the house tonight, so of course she heard what Papa asked, and she heard what Measure answered, and her being as crazy as Papa, she lashed out like as if Measure had just taken the name of the Lord.	В общем, вечером мама была дома, поэтому вопрос папы, конечно, услышала. Услышала и ответ Меры, а поскольку в тот момент мама была такой же ненормальной, как и папа, то она сразу напустилась на сына, будто он упомянул имя Господне всуе.

"You mind your tongue, young man, because the Lord said unto Moses on the mount, honor your father and mother that your days may be long on the land which the Lord your God has given you, and when you speak fresh to your father then you are taking days and weeks and even years off your own life, and your soul is not in such a condition that you should welcome an early visit to the judgment bar to meet your Savior and hear him say your eternal fate!"	- Ты следи за языком, молодой человек, потому что сам Господь поучал Моисея на горе: "Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе". Ибо, говоря отцу необдуманные слова, ты сокращаешь жизнь свою на дни, на недели, даже на годы, а твоя душа, Мера, вовсе не настолько чиста - что ты будешь делать, если Спаситель прямо сейчас призовет тебя на Судный день?

Measure wasn't half so worried about his eternal fate as he was worried about Mama being riled at him.	Перспектива предстать перед Спасителем выглядела ничтожной по сравнению с маминым гневом.
He didn't try to argue that he wasn't talking smart or being sassy-only a fool would do that when Mama was already hot.	Мера даже спорить не стал, что, мол, вовсе он не корчил из себя умника и не хотел нагрубить, -только круглый дурак посмеет возразить маме, когда она уже вскипела.
He just started in looking humble and begging her pardon, not to mention the forgiveness of Papa and the sweet mercy of the Lord.	Он напустил на себя смиренный вид и принялся просить у нее прощения - конечно, не забыл он извиниться перед папой и испросить пощады у Господа.

By the time she was done with ragging him, poor Measure had already apologized a half a dozen times, so that she finally just grumped and went back to her sewing.	К тому времени, когда мама наконец отстала от него, бедный Мера успел извиниться перед всеми по меньшей мере полдюжины раз. В конце концов мама удовлетворенно фыркнула и вернулась к шитью.
Then Measure looked up at Alvin Junior and winked.	Тут Мера посмотрел на Элвина-младшего и подмигнул ему.
"I saw that," said Mama, "and if you don't go to hell, Measure, I'll get up a petition to Saint Peter to send you there."	- Я все вижу, - тут же отреагировала мама, - и если ты, Мера, не отправишься прямиком в ад, я подам прошение святому Петру, чтобы тебя туда спровадили.

"I'd sign that petition myself," said Measure, looking meek as a puppy dog that just piddled on a big man's boot.	- Да я б и сам подписался под этим прошением, -смиренно согласился Мера, кротко моргая ресницами, словно нашкодивший щенок, которому угрожает ботинок здорового мужчины.
"That's right you would," said Mama, "and you'd sign it in blood, too, because by the time I'm through with you there'll be enough open wounds to keep ten clerks in bright red ink for a year."	- И правильно, - продолжала мама. - Причем подписываться тебе пришлось бы кровью, поскольку к тому времени, когда я с тобой здесь закончу, у тебя появится столько рубцов на одном месте, что десять клерков будут обеспечены на год запасом красных чернил.
Alvin Junior couldn't help himself.	Элвин-младший ничего не мог поделать с собой.

Her dire threat just struck him funny.	Эта угроза рассмешила его до слез.

And even though he knew he was taking his life in his hands, he opened up his mouth to laugh.	И хоть он знал, что сейчас его жизнь находится в его же руках, он открыл рот, чтобы громко рассмеять-ся.

He knew that if he laughed he'd have Mama's thimble hard on his head, or maybe her hand clapped hard on his ear, or even her hard little foot smashed right down on his bare foot, which she did once to David the time he told her she should have learnt the word no sometime before she had thirteen mouths to cook for.	Он знал, что, если он засмеется, мамин наперсток очень больно стукнет ему по голове, а может, она съездит ему по уху со всего размаху или ее маленькая пятка со всей мочи опустится на его голую ногу - однажды она проучила так Дэвида, когда он посмел заявить, что ей стоило бы научиться говорить "нет", прежде чем в доме будут сшиваться тринадцать голодных ртов, которых надо кормить.
This was a matter of life and death.	Вопрос жизни и смерти.

This was more frightening than the ridgebeam, which after all never hit him, which was more than he could say for Mama.	Намного страшнее, чем кровельная балка, которая, по сути дела, даже волоска на нем не тронула.
So he caught that laugh before it got loose, and he turned it into the first thing he could think of to say.	Поэтому он сумел проглотить смешинку, прежде чем она вырвалась на волю, а поскольку рот все еще был открыт, он сказал первое, что пришло в голову:
"Mama," he said, "Measure can't sign no petition in blood, cause he'd already be dead, and dead people don't bleed."	- Мам, - сказал он, - Мера не сможет подписать прошение кровью, потому что будет мертв, а кровь у мертвых не течет.

Mama looked him in the eye and spoke slow and careful.	Мама внимательно посмотрела на него и медленно, почти по слогам произнесла:
"They do when I tell them to."	- Я скажу - потечет.
Well, that did it.	Вот тут-то все и началось.
Alvin Junior just laughed out loud.	Элвин-младший громко расхохотался.
And that set half the girls to laughing.	И добрая половина девчонок присоединилась к нему.
Which made Measure laugh.	Это рассмешило Меру.
And finally Mama laughed, too.	Наконец и мама рассмеялась.

They all just laughed and laughed till they were mostly crying and Mama started sending people upstairs to bed, including Alvin Junior.	Они заходились от смеха, пока слезы не потекли, после чего мама отправила всех, включая Элвина-младшего, наверх готовиться ко сну.
All the excitement had Alvin Junior feeling pretty spunky, and he hadn't figured out yet that sometimes he ought to keep all that jumpiness locked up tight.	После такого веселья Элвин-младший еще больше расхрабрился, а по малости лет он не знал, что озорство до добра не доводит и иногда лучше сдерживаться.

It happened that Matilda, who was sixteen and fancied herself a lady, was walking up the stairs right in front of him.	Случилось так, что Матильда, которой недавно исполнилось шестнадцать и которая корчила из себя настоящую леди, поднималась по лестнице прямо перед ним.
Everybody hated walking anywhere behind Matilda, she took such delicate, ladylike steps.	Ходить за Матильдой было сущей пыткой: она ступала столь величаво, столь неспешно - ни дать ни взять дама из высшего общества.

Measure always said he'd rather walk in line behind the moon, cause it moved faster.	Мера не раз говорил, что лучше уж ходить следом за луной, она и то двигается быстрее.

Now Matilda's backside was right in Al Junior's face, swaying back and forth, and he thought of what Measure said about the moon, and reckoned how Matilda's backside was just about as round as the moon, and then he got to wondering what it would be like to touch the moon, and whether it would be hard like a beetle's back or squishy as a slug.	Таким образом, задняя часть Матильды маячила прямо перед лицом Эла-младшего: взад-вперед, влево-вправо. Он вспомнил, что говорил Мера о луне, потом сравнил зад Матильды с ночным светилом и пришел к выводу, что они одинаково круглые. Тогда-то он и начал гадать, а каково это - дотронуться до луны, будет ли она такой же твердой, как спинка жука, или мягкой и податливой, как слизняк.

And when a boy six years old who's already feeling spunky gets a thought like that in his head, it's not even half a second till his finger is two inches deep in delicate flesh.	Но если шестилетнему пацану, у которого вдруг шило закололо в одном месте, приходит в голову подобная мысль, то не пройдет и половинки секунды, как его палец погрузится на два дюйма в нежную плоть.
Matilda was a real good screamer.	Орать Матильда всегда была горазда.

Al might have got slapped right then, except Wastenot and Wantnot were right behind him, saw the whole thing, and laughed so hard at Matilda that she started crying and fled on up the stairs two steps at a time, not ladylike at all.	Эл мог бы тут же схлопотать по лбу, если бы Нет и Нед не шли прямо за ним и не видели его проделку. Близнецы так расхохотались, что бедная Матильда разрыдалась во весь голос и бросилась вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки, - ну совсем не похожая на леди.

Wastenot and Wantnot carried Alvin up the stairs between them, so high up he got a little dizzy, singing that old song about St. George killing the dragon, only they sang it about St. Alvin, and where the song usually said something about poking the old dragon a thousand times and his sword didn't melt in the fire, they changed sword to finger and made even Measure laugh.	Нет и Нед подняли Элвина под локти, так высоко, что у него аж голова закружилась, и под триумфальный гимн вознесли на второй этаж. Во всю глотку они распевали старую известную песню о святом Г еоргии, убивающем змия, только главным героем стал святой Элвин, а в том месте, где песня обычно рассказывала о том, как рыцарь ударил старого дракона тысячу раз и меч его не растаял в огне, слово "меч" было заменено на слово "палец". Даже Мера рассмеялся.
"That's a filthy filthy song!" shouted ten-year-old Mary, who stood guard outside the big girls' door.	- Мерзкая, мерзкая песня! - закричала десятилетняя Мэри, которая стояла на страже у комнаты взрослых девочек.

"Better stop singing that song," said Measure, "before Mama hears you."	- Да, вы лучше кончайте, - кивнул Мера, - а то мама услышит.
Alvin Junior could never understand why Mama didn't like that song, but it was true that the boys never sang it where she could hear.	Элвин-младший так и не понял, почему маме не понравится эта славная песня, однако мальчишки и в самом деле никогда не пели ее, когда мать была поблизости.
The twins stopped singing and clambered up the ladder to the loft.	Близнецы быстро заткнулись и полезли по лестнице на чердак.
At that moment the door to the big girls' room was flung open and Matilda, her eyes all red from crying, stuck her head out and shouted,	В эту секунду дверь, ведущая в комнату взрослых девочек, с громким треском распахнулась, и оттуда высунулась Матильда с покрасневшими от рыданий глазами.

"You'll be sorry!"	- Вы еще пожалеете! - проорала она.

"Ooh, I'm sorry, I'm sorry," Wantnot said in a squeaky voice.	- Ой, не надо, не надо, боюсь! - скрипуче запричитал Уонтнот.
Only then did Alvin remember that when the girls set out to get even, he would be the main victim.	Однако Элвин не засмеялся. Он вдруг вспомнил, что девчонки обычно сводили счеты не с кем-нибудь, а именно с ним.
Calvin was still considered the baby, so he was safe enough, and the twins were older and bigger and there was always two of them.	Кэлвин слишком мал, поэтому ему ничего не грозило, а близнецы уже превратились в здоровых парней, так что силенок у них хватало, тем более что они всегда ходили вместе.

So when the girls got riled, Alvin was first in line for their deadly wrath.	Поэтому когда сестры злились, свою смертельную злобу они предпочитали срывать на Элвине.
Matilda was sixteen, Beatrice was fifteen, Elizabeth was fourteen, Anne was twelve, Mary was ten, and they all preferred picking on Alvin to practically any other recreation that the Bible would permit.	Матильде было шестнадцать, Беатрисе -пятнадцать, Элизабет - четырнадцать, Энн -двенадцать, а Мэри - десять.

One time when Alvin was tormented past endurance and only Measure's strong arms held him back from hot-blooded murder with a hayfork, Measure allowed as how the punishments of hell would most likely consist of living in the same house with five women who were all about twice a man's size.	Избрав Элвина жертвой, они измывались над ним всеми разрешенными Библией способами. Однажды, когда Элвин, доведенный до белого каления, набросился на девчонок с вилами, только сильные руки Меры удержали его от убийства. После этого случая Мера, вздохнув, заявил, что, наверное, мужчин в аде пытают, поселяя в одном доме с женщинами, которые вдвое больше и сильнее их.
Ever since then, Alvin wondered what sin he committed before he was born to make him deserve to grow up half-damned to start with.	С тех пор Элвин все гадал, что же за грех он умудрился совершить еще до рождения, если Господь наложил на младенца настолько страшное проклятие.

Alvin went into the little room he shared with Calvin and just set there, waiting for Matilda to come and kill him.	Элвин зашел в маленькую комнату, которую делил с Кэлвином, сел на табуретку и стал ждать Матильду, которая непременно должна была прийти и убить его.
But she didn't come and didn't come, and he realized that she was probably waiting till after the candies were all out, so that no one would know which of his sisters snuck in and snuffed him out.	А она все не приходила и не приходила, и тогда он понял, что она, вероятно, ждет, когда погасят свечи, чтобы никто не узнал, которая из сестер пробралась в комнату мальчиков и задушила Элвина.
Heaven knew he'd given them all ample reason to want him dead in the last two months alone.	О Господи, да за последние два месяца он дал девчонкам столько поводов и причин, чтобы убить его на месте!..

He was trying to guess whether they'd stifle him with Matilda's goosedown pillow- which would be the first time he was ever allowed to touch it- or if he'd die with Beatrice's precious sewing scissors in his heart, when all of a sudden he realized that if he didn't get outside to the privy in about twenty-five seconds he'd embarrass himself right in his trousers.	Он начал гадать, задушат его набитой гусиным пухом подушкой Матильды - перед смертью он хоть пощупает, что это такое, а то раньше до этой святыни ему было строго-настрого запрещено дотрагиваться - или его жизнь оборвут ненаглядные ножницы Беатрисы, вонзившиеся прямо в сердце. Но вдруг случилось страшное: он осознал, что если через двадцать пять секунд не окажется в туалете, то сходит прямо в штаны.

Somebody was in the privy, of course, and Alvin stood outside jumping and yelling for three minutes and still they wouldn't come out.	Естественно, туалет успели занять до него. Элвин целых три минуты стоял снаружи, подпрыгивая и периодически взвывая, но оттуда упорно не хотели выходить.
It occurred to him that it was probably one of the girls, in which case this was the most devilish plan they'd ever come up with, keeping him out of the privy when they knew he was scared to go into the woods after dark.	Тогда он решил, что там скорее всего сидит какая-нибудь из девчонок, - вот он, самый дьявольский план, который только можно измыслить: они просто не пустят его в туалет, прекрасно зная, что после темноты он до смерти боится ходить в лес один.
It was a terrible vengeance.	О, какая ужасная месть!

If he messed himself he'd be so ashamed he'd probably have to change his name and run away, and that was a whole lot worse than a poke in the behind.	Нет ничего страшнее описаться прилюдно - да он после этого в глаза не посмеет никому взглянуть, придется ему брать другое имя и бежать из дому, а все из-за чего - из-за какого-то тычка в попу?!
It made him mad as a constipated buffalo, it was so unfair.	Он задышал, как страдающий от запора бык, до того это было несправедливо и нечестно.
Finally he was mad enough to make the ultimate threat.	В конце концов он так разозлился, что уже не владел собой.

"If you don't come out I'll do it right in front of the door so you'll step in it when you come out!"	- Если ты сейчас не выйдешь, - выкрикнул он самую страшную из известных угрозу, - я наделаю прямо перед дверью, тогда-то ты попляшешь, вляпавшись прямо в мои дела!
He waited, but whoever was in there didn't say,	Он подождал, но кто б там ни сидел, слов
"If you do I'll make you lick it off my shoe," and since that was the customary response, Al realized for the first time that the person inside the privy might not be one of his sisters after all.	"Попробуй только, вылижешь мне ноги языком" не последовало. А поскольку это был обычный ответ на такое предупреждение, до Элвина наконец-то дошло: вовсе не обязательно, что туалет оккупировала одна из сестер.

It was certainly not one of the boys.	И уж конечно там не Мера и не кто-нибудь из близнецов.
Which left only two possibilities, each one worse than the other.	Следовательно, остаются два кандидата, причем один хуже другого.
Al was so mad at himself he smacked his own head with his fist, but it didn't make him feel no better.	Эл так разозлился на себя, что со всей мочи стукнул кулаком по лбу, что, впрочем, не помогло.

Papa would probably give him a lick, but even worse would be Mama. She might give him a tongue-lashing, which was bad enough, but if she was in a real vile temper, she'd get that cold look on her face and say real soft,	Папа наверняка начистит ему одно место, но если там сидит мама... Она будет отчитывать его не меньше часа - не особо приятная перспектива, -однако если у нее сейчас действительно дурное настроение, она напустит на себя этакую холодность и мягким, очень скорбным голосом проговорит:

"Alvin Junior, I used to hope that at least one of my boys would be a born gentleman, but now I see my life was wasted," which always made him feel about as low as he knew how to feel without dying.	"Элвин-младший, я-то надеялась, что по крайней мере один из моих сыновей вырастет настоящим джентльменом, но теперь вижу, жизнь моя потрачена зря". После этих слов он чувствовал себя таким низким, таким презренным, что мог бы точно описать, как это - умереть не умерев.
So he was almost relieved when the door opened and Papa stood there, still buttoning his trousers and looking none too happy.	Поэтому он чуть не вздохнул с облегчением, когда дверь открылась и на пороге появился папа, застегивающий брюки с мрачным выражением лица.
"Is it safe for me to step out this door?" he asked coldly.	- Ну что, идти можно? Ни во что не вляпаюсь? -холодно осведомился он.

"Yup," said Alvin Junior.	- Ага, - выдавил Элвин-младший.
"What?"	- Что?
"Yes sir."	- Да, сэр.
"Are you sure?	- Уверен?
There's some wild animals around here that think it's smart to leave their do on the ground outside privy doors.	А то здесь бродит какой-то дикий зверь, который считает, что нет ничего смешнее на свете, чем справить нужду под дверьми туалета.
I tell you that if there's any such animal I'll lay a trap and catch it by the back end one of these nights.	И вот что я тебе скажу: если я увижу такого зверя, то расставлю ловушку, которая в одну из ночей прищемит ему одно место.

And when I find it in the morning, I'll stitch up its bung hole and turn it loose to bloat up and die in the woods."	Придя утром, я его высвобожу, после чего заткну ему некую дырку и отпущу обратно, в леса, чтобы он там взорвался.
"Sorry, Papa."	- Извини, пап.
Papa shook his head and started walking toward the house.	Папа покачал головой и направился к дому, бросив напоследок:
"I don't know what's wrong with your bowel, boy.	- По-моему, у тебя что-то с мочевым пузырем, парень.
One minute you don't need to go and the next minute you're about to die."	То тебе никуда не нужно, то в следующую секунду ты готов жизнь отдать, чтобы в туалет попасть.

"Well if you'd just build another outhouse I'd be fine," Al Junior muttered.	- Построил бы еще один туалет, все бы было нормально, - пробормотал Эл-младший.
Papa didn't hear him, though, because Alvin didn't actually say it till the privy door was closed and Papa'd gone back to the house, and even then he didn't say it very loud.	Папа, однако, не услышал его слов, потому что на самом деле этот упрек вырвался у Элвина, только когда дверь туалета закрылась, а папа зашел в дом. Но и тогда Эл не посмел произнести подобное святотатство во весь голос.
Alvin rinsed his hands at the pump a long time, because he feared what was waiting for him back in the house.	Долго-долго Элвин полоскал руки под струей воды из насоса, потому что боялся кары сестер, ожидающей его в доме.

But then, alone outside in the darkness, he began to be afraid for another reason.	Но потом он напугался еще сильнее, поскольку стоял он во дворе один, а вокруг была тьма-тьмущая.

Everybody said that a White man never could hear when a Red man was walking through the woods, and his big brothers got some fun out of telling Alvin that whenever he was alone outside, especially at night, there was Reds in the forest, watching him, playing with their flint-bladed tommy-hawks and itching to have his scalp.	Люди поговаривали, что белый человек никогда не услышит пробирающегося по лесу краснокожего, а старшие братья Элвина любили посмеяться над ним, утверждая, что не стоит выходить во двор одному, особенно по ночам, поскольку в лесах сидят кровожадные краснокожие, сидят, наблюдают и поигрывают вострены ми томагавками, поджидая какого-нибудь белого, надеясь разжиться скальпом.

In broad daylight, Al didn't believe them, but at night, his hands cold with the water, a chill ran through him, and he thought he even knew where the Red was standing.	Днем Элвин не верил в такие россказни, но этой ночью, стоя в темном дворе, с мокрыми, холодными руками, совершенно один, он почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Он мог поклясться, что видел краснокожего.
Just over his shoulder, back over near the pigsty, moving so quiet that the pigs didn't even grunt and the dogs didn't bark or nothing.	Тот стоял прямо за его плечом, у свиного загона, и двигался так тихо, что свиньи не хрюкнули, а собаки не залаяли.
And they'd find Al's body, all hairless and bloody, and then it'd be too late.	Когда обнаружат окровавленное тело Элвина, с чьей головы будет снят скальп, окажется уже поздно.

Bad as his sisters were-and they were bad-Al figured they'd be better than dying from a Red man's flint in his head.	Какими бы плохими сестры ни были - а они были очень, очень плохими, - Элвин все же предпочитал их общество знакомству с томагавком краснокожего.
He fair to flew from the pump to the house, and he didn't look back to see if the Red was really there.	От насоса до дома он летел не чуя под собою ног, ни разу не оглянувшись, чтобы проверить, есть там краснокожий или нет.
As soon as the door was closed, he forgot his fears of silent invisible Reds.	Но стоило двери захлопнуться, как страхи о бесшумных, невидимых краснокожих мгновенно испарились.
Things were right quiet in the house, which was pretty suspicious to start with.	Тишина затопила дом, что было весьма и весьма подозрительно.

The girls were never quiet till Papa shouted at them at least three times each night.	Девчонки не успокаивались до тех пор, пока папа не рявкнет на них по меньшей мере раза три.
So Alvin walked, up real careful, looking before every step, checking over his shoulder so often he started getting a crick in his neck.	Поэтому наверх Элвин поднимался медленно и осторожно: поднявшись на очередную ступеньку, осматривался по сторонам, а за плечо оглянулся столько раз, что шея заныла.
By the time he was inside his room with the door closed he was so jittery that he almost hoped they'd do whatever they were planning to do and get it over with.	Путь в комнату был долог, к тому времени Элвин стольких страхов натерпелся, что теперь ему было все равно. Придумали там девчонки что-нибудь -пусть делают что хотят.

But they didn't do it and they didn't do it.	Однако они все не появлялись и не появлялись.
He looked around the room by candlelight, turned down his bed, looked into every comer, but there was nothing there.	Он обошел комнату со свечой в руке, заглянул под кровать, проверил углы - пусто.

Calvin was asleep with his thumb in his mouth, which meant that if they had prowled around his room, it had been a while ago.	Кэлвин мирно сопел, сунув палец в рот. Это означало, что если они и побывали в комнате, то это произошло довольно давно.

He began to wonder if maybe, just this once, the girls had decided to leave him be or even do their dirty tricks to the twins.	Он стал подумывать, может, на этот раз сестры решили оставить его в покое и подстроить что-нибудь близнецам.
It would be a whole new life for him, if the girls started being nice.	Когда девчонки станут хорошими и добрыми, перед ним откроется новая, сияющая всеми цветами радуги жизнь.
Like as if an angel came down and lifted him right out of hell.	Словно ангел спустится с неба и заберет его из этого ада.

He stripped off his clothes quick as he could, folded them, and put them on the stool by his bed so they wouldn't be full of roaches in the morning.	Он как можно быстрее скинул с себя одежду, аккуратно сложил ее и положил на табуретку у кровати. Именно на табуретку, иначе утром его рубашка и штаны будут кишмя кишеть тараканами.
He had kind of an agreement with the roaches. They could get into anything they wanted if it was on the floor, but they didn't climb into Calvin's bed or Alvin's neither, and they didn't climb onto his stool.	Они могли забираться на что угодно и во что угодно, если это лежит на полу, но на кровати Элвина и Кэлвина и на табуретку ход им был запрещен.
In return, Alvin never stomped them.	В ответ Элвин никогда не топтал их и не убивал.

As a result Alvin's room was pretty much the roach sanctuary of the house, but since they kept the treaty, he and Calvin were the only ones who never woke up screaming about roaches in the bed.	В результате комната Элвина стала объектом тараканьего паломничества, здесь жили все тараканы дома, но поскольку договор насекомые соблюдали, он и Кэлвин были единственными, кто не просыпался с криком, обнаружив посреди ночи, что по телу ползает какая-нибудь таракашка.
He took his nightgown off its peg and pulled it on over his head.	Элвин снял с деревянного колышка ночную рубашку и натянул на голову.
Something bit him under the arm.	Что-то ужалило его под руку.
He cried out from the sharp pain.	Он вскрикнул от острой боли, пронзившей его.

Something else bit him on the shoulder.	Что-то еще ужалило в плечо.
Whatever it was, it was all over inside his nightgown, and as he yanked it off, it kept right on nipping him everywhere.	Жалящие твари расселились по всей рубашке и, пока он сдирал ее с тела, искусали его с ног до головы.
Finally it was off, and he stood there stark naked slapping and brushing with his hands to try to get the bugs or whatever they were off him.	Наконец он сбросил сорочку и, оставшись голышом, принялся шлепать и тереть кожу, пытаясь прогнать напавших на него зловредных жучков.
Then he reached down and carefully picked up his nightgown.	Немного спустя он опомнился, наклонился и, ухватив ткань двумя пальцами, поднял рубашку.

He couldn't see anything scurrying away from it, and even when he shook it and shook it, nary a bug fell off.	Никаких черных точек, которые бы торопливо убегали, он не заметил. Тогда он тряхнул ее несколько раз, надеясь, что жучки дождем посыплются на пол.
Something else fell off.	Жучки не посыпались, но что-то упало.

It glinted for a moment in the candlelight and made a tiny twinking sound when it hit the floor.	Блеснуло на секунду в свете свечи и с тихим звоном стукнуло по половицам.
Only then did Alvin Junior notice the stifled giggling from the room next door.	Только тогда Элвин-младший услышал приглушенное хихиканье, доносящееся из соседней комнаты.

Oh, they got him, they got him sure.	Поймали они его, ох как поймали.
He sat on the edge of his bed, picking pins out of his nightgown and poking them into the bottom coRNer of his quilt.	Он сел на край кровати и принялся вытаскивать из ночной рубашки булавки, втыкая их в уголок подушки.
He never thought they'd be so mad they'd risk losing one of Mama's precious steel pins, just to get even with him.	Надо же, сестры так разозлились на него, что пошли на риск потерять одну из маминых стальных булавок, которыми она очень дорожила. Все сделали, лишь бы поквитаться.
But he should have known.	Ведь должен был, должен был догадаться.
Girls never did have any bounds of fair play, the way boys did.	Девчонки понятия не имеют, что такое честный бой, не то что мальчишки.

When a boy knocked you down in a wrestling match, why, he'd either jump on you or wait for you to get back up, and either way you'd be even-both up or both down.	Когда во время шутливой драки сбиваешь кого-нибудь с ног, поверженный либо встает, либо ждет, пока ты навалишься на него, - все честь по чести: либо оба на ногах, либо оба на земле.
But Al knew from painful experience that girls'd kick you when you were down and gang up on you whenever they had the chance.	Но из своего весьма болезненного опыта Элвин знал, что девчонки могут пнуть даже лежачего или навалиться на него всей стаей, лишь бы случай удобный представился.
When they fought, they fought in order to end the fight as quick as they could.	Во время драки их помыслы лишь об одном - как бы побыстрее эту драку закончить.

Took all the fun out of it.	Никакого интереса.
Just like tonight.	Вот как сегодня.
It wasn't a fair punishment, him poking her with his finger, and them getting him all jabbed up with pins.	Опять они поступили нечестно: он всего-навсего ткнул ее пальцем, а они в отместку искололи его с ног до головы булавками.
A couple of those places were bleeding, they stabbed so deep.	Некоторые царапины даже кровоточили - так глубоко впились булавки в тело.
And Alvin didn't reckon Matilda had so much as a bruise, though he wished she did.	А ведь у Матильды и синяка не проступит, хотя Элвину этого очень хотелось.

Alvin Junior wasn't mean, no sir.	Нет, Элвин-младший никогда не отличался злобностью.
But sitting there on the edge of the bed, taking pins out of his nightgown, he couldn't help but notice the roaches going about their business in the cracks of the floor, and he couldn't help imagining what it would be like if all those roaches just happened to go a-calling in a certain room full of giggles.	Он сидел на краешке постели и, скрипя зубами, вытаскивал из ночной рубашки булавки. Совершенно случайно его взгляд упал на тараканов, которые спешили по своим делам, пробираясь в щелях меж половицами. Ничего дурного он не хотел, просто подумал, а что будет, если все эти тараканы вдруг пожалуют в некую комнату по соседству, откуда до сих пор доносилось девичье хихиканье?

So he knelt down on the floor and set the candle right there, and he began whispering to the roaches, just the way he did the day he made his peace treaty with them.	Он опустился на пол, поставил перед собой свечу и начал тихо нашептывать тараканам, прям как в тот день, когда он заключил с ними перемирие.
He started telling them all about nice smooth sheets and soft squishy skin they could scamper on, and most of all about Matilda's satin pillowcase on her goosedown pillow.	Он рассказал им о мягких, гладких простынях и нежной, податливой коже, по которой они могут вдоволь побродить. Он подробно поведал им о сатиновой наволочке, в которой хранилась пуховая подушка Матильды.
But they didn't seem to care about that.	Но тараканам, такое впечатление, было наплевать на его искуситель-ные слова.

Hungry, that's all they are, thought Alvin. All they care about is food, food and fear.	"Они ж голодны, - сообразил Элвин. - Их занимает только еда. И еще страх".
So he started telling them about food, the most perfectly delicious food they ever ate in their life.	Поэтому он принялся говорить им о еде, о самой вкусной, самой изысканной еде на свете, которую они когда-либо пробовали.
The roaches perked right up and came close to listen, though nary one of them climbed on him, which was right in keeping with the treaty. All the food you ever wanted, all over that soft pink skin.	Тараканы тут же навострили усы и подползли поближе, чтобы послушать повнимательнее, хотя ни один из них не посмел и лапой дотронуться до него, придерживаясь заключенного ранее договора. Еда, которой они так жаждали, находилась на мягкой розовой коже. Залежи еды, необъятные запасы.

And it's safe, too, not a speck of danger, nothing to worry about, you just go on in there and find the food on that soft pink squishy smooth skin.	И никому ничего не угрожает, опасности ровным счетом никакой, надо просто сползать в соседнюю комнату и взять пищу с мягкой, розовой, гладкой, нежной кожи.

Sure enough, a few of the roaches started skittering under Alvin's door, and then more and more of them, and finally the whole troop went off in a single great cavalry charge under the door, through the wall, their bodies shiny and glowing in the candlelight, guided by their eternal insatiable hunger, fearless because Al had told them there wasn't nothing to fear.	Несколько тараканов не выдержали и, не дослушав до конца, помчались к двери комнаты Элвина, исчезнув в щели под нею. За ними бросилась еще стайка, и еще одна. В конце концов собралось целое войско и дружными рядами замаршировало под дверь. Тараканы проникали в стенные щели, брели под половицами, их панцири блестели и переливались в свете свечи, а вперед их вел вечный, неутолимый голод. Они бесстрашно отправлялись в путь, поскольку Элвин сказал, что бояться нечего.

It wasn't ten seconds before he heard the first whoop from the room next door.	И десяти секунд не прошло, как он услышал из-за стенки первый вой.
And within a minute the whole house was in such an uproar you'd've thought it was on fire.	А через минуту в доме стоял такой рев, что, казалось, пожар начался.
Girls screaming, boys shouting, and big old boots stomping as Papa rushed up the stairs and squashed roaches.	Девчонки визжали, парни орали, а тяжелые старые папины башмаки грохали об пол - папа прибежал на крики и теперь давил тараканов.
Al was about as happy as a pig in mud.	Элвин был счастлив, как свинья в грязи.

Finally things started calming down in the next room.	Наконец шум в соседней комнате стал затихать.

In a minute they'd come in to check on him and Calvin, so he blew out the candle, ducked under the covers, and whispered for the roaches to hide.	Через минуту-другую пожалуют сюда, чтобы проверить его и Кэлвина, поэтому Элвин задул свечу, прыгнул под простыни и шепотом крикнул тараканам прятаться.
Sure enough, here came Mama's footsteps in the hall outside.	В коридоре за дверью послышались мамины шаги.

Just at the last moment, Alvin Junior remembered that he wasn't wearing his nightgown.	В самый последний момент Элвин-младший вспомнил, что так и не надел ночную рубашку.
He snaked out his hand, snatched the nightgown, and pulled it under the covers just as the door opened.	Его рука змеей метнулась из-под простыни, ухватила рубашку за рукав и затащила в постель за какой-то миг до того, как открылась дверь.
Then he concentrated on breathing easy and regular.	Он сосредоточился и постарался дышать легко, выдерживая равные промежутки между вдохами-выходами.
Mama and Papa came in, holding up candles.	Вошли мама с папой, держа над головами по свече.

He heard them pull down Calvin's covers to check for roaches, and he feared they might pull down his as well.	Он услышал, как они откинули простыни Кэлвина, высматривая тараканов.
That would be such a shameful thing, to sleep like an animal without a stitch on.	Сейчас они откинут простыни с него... Как стыдно и позорно спать вот так, нагишом, без лоскутка, словно животное.

But the girls, who knew he couldn't possibly be asleep so soon after getting stuck with so many pins, they were naturally afraid of what Alvin might tell Mama and Papa, so they made sure to hustle them out of the room before they could do more than shine a candle in Alvin's face to make sure he was asleep.	Но девчонки, которые знали, что он не мог заснуть, весь истыканный булавками, испугались, что Элвин нажалуется на них маме и папе. Поэтому они быстренько выпроводили родителей из комнаты - те только и успели посветить свечой в лицо Элвину, чтобы проверить, спит мальчик или нет.
Alvin held his face absolutely still, not even twitching his eyelids.	Элвин сохранял спокойное выражение лица, веки его не дернулись.

The candle went away, the door softly closed.	Свечу убрали, дверь тихонько затворилась.
Still he waited, and sure enough, the door opened again.	Но он продолжал лежать без движения, и вскоре дверь снова приоткрылась.
He could hear the padding of bare feet across the floor.	Он услышал топоток босых ножек по полу.
Then he felt Anne's breath against his face and heard her whisper in his ear.	Затем почувствовал дыхание Энн на лице и услышал ее шепот:
"We don't know how you did it, Alvin Junior, but we know you set those roaches onto us."	- Мы понятия не имеем, как тебе это удалось, Элвин-младший, но знаем, это ты наслал на нас тараканов.

Alvin pretended not to hear anything.	Элвин притворился, будто ничего не слышит.
He even snored a little.	Даже всхрапнул разок.
"You don't fool me, Alvin Junior.	- Ты меня не надуришь, Элвин-младший.

You better not go to sleep tonight, because if you do, you'll never wake up, you hear me?"	Сегодня ночью лучше забудь про сон, потому что если ты заснешь, то никогда не проснешься. Слышишь меня?
Outside the room, Papa was saying,	Из коридора донесся голос папы:
"Where's Anne got to?"	- А Энн куда подевалась?
She's in here, Papa, threatening to kill me, thought Alvin.	"Она здесь, пап, и угрожает меня убить", -подумал Элвин.

But of course he didn't say it out loud.	Но вслух, конечно, ничего не сказал.
Anyway, she was just trying to scare him.	Она просто пыталась напугать его, не более.
"We'll make it look like an accident," said Anne. "You always have accidents, nobody will think it's murder."	- Мы притворимся, что это несчастный случай, -продолжала Энн. - С тобой постоянно что-нибудь случается, никто и не догадается, что на самом деле это мы тебя убили.
Alvin was beginning to believe her, more and more.	Элвином завладели сомнения. Похоже, она говорит правду.
"We'll carry your body out and stuff it down the privy hole, and they'll all think you went to relieve yourself and fell in."	Он почти поверил ей. - Мы вынесем твое тело и засунем его в дыру в туалете. Все подумают, что ты пошел облегчиться и случайно упал.

That would work, thought Alvin.	"А ведь это пройдет", - подумал Элвин.
Anne was just the one to think of something so devilish clever, since she was the very best at secretly pinching people and being a good ten feet away before they screamed.	Энн умела выдумывать всякие дьявольские уловки, на это она была горазда. Лучше нее никто не мог тайком ущипнуть и оказаться за десять футов до того, как жертва завопит во весь голос.
That was why she always kept her fingernails so long and sharp.	Вот почему ее ногти всегда были длинными и острыми - она специально ухаживала за ними.
Even now, Alvin could feel one of those sharp nails scraping along his cheek.	Сейчас Элвин чувствовал, как один из острых коготков тихонько царапает ему щеку.
The door opened wider.	Дверь широко открылась.

"Anne," whispered Mama, "you come out of there this instant."	- Энн, - прошептала мама, - а ну выходи отсюда немедленно.
The fingernail quit scratching.	Ноготь убрался со щеки.
"I was just making sure little Alvin was all right."	- Я хотела убедиться, что малыш Элвин в порядке.
Her bare feet padded back out of the room.	Ее голые ноги зашлепали прочь из комнаты.
Soon all the doors were closed, and he heard Papa's and Mama's shoes clattering down the stairs.	Вскоре все двери плотно закрылись, и Элвин услышал, как папины и мамины башмаки застучали вниз по лестнице.

He knew that by rights he should still be scared to death by Anne's threats, but it wasn't so.	По правде говоря, угрозы Энн должны были перепугать его до смерти, но страха он не ощущал.
He had won the battle.	Он выиграл бой.
He pictured the roaches crawling all over the girls, and he started to laugh.	Он представил себе тараканов, ползающих по девчонкам, и захихикал.
Well, that wouldn't do.	Стоп, ну-ка, стоп.

He had to stifle that, breathe calm as could be.	Он должен побороть приближающуюся смеховую истерику, должен дышать спокойно, как во сне.

His whole body shook from trying to hold in the laughter.	Его тело ходуном ходило от сдерживаемого смеха.
There was somebody in the room.	В комнате кто-то был.
He couldn't hear anything, and when he opened his eyes he couldn't see anybody.	Ни малейшего шороха, ни скрипа половиц... Открыв глаза, Элвин никого не увидел.
But he knew somebody was there.	Но он был твердо уверен, что в комнате кто-то есть.
Hadn't come in the door, so they must've come in the open window.	Через дверь не войти, про- никнуть можно только через открытое окно.

That's plain silly, Alvin told himself, there isn't a soul in here.	"Глупость какая, - сказал сам себе Элвин, - да здесь ни души нет".
But he lay still, all laughter gone out of him, because he could feel it, somebody standing there.	Тем не менее он затаился, смех мигом пропал, потому что он чувствовал, что кто-то стоит неподалеку.
No, it's a nightmare, that's all, I'm still spooked from thinking about Reds watching me outside, or maybe from Anne's threat, something like that, if I just lie here with my eyes closed it'll go away.	"Нет, кошмарный сон, вот и все. Меня так напугали воображаемые краснокожие, которые следили за мной, что до сих пор я не могу забыть об этом. Кроме того, Энн мне много приятного наговорила. Если я буду лежать с закрытыми глазами, все пройдет".

The blackness inside Al's eyelids turned pink.	Сквозь веки Эл увидел розовый свет.
There was a light in his room.	В комнате что-то сияло.
A light as bright as daylight.	Ночь превратилась в день.
There wasn't no candle in the world, no, not even a lantern that could burn so bright as that.	Но во всем мире не было свечи, не то что свечи - лампы, которая могла бы светить так ярко.
Al opened his eyes, and all his dread turned into terror, for now he saw that what he feared was real.	Эл открыл глаза, и его опасения обратились в настоящий ужас. Он увидел, что не зря боялся.

There was a man standing at the foot of his bed, a man shining as if he was made of sunlight.	В ногах стоял человек, человек, сияющий так, словно был сотворен из солнечного света.
The light in the room was coming from his skin, from his chest where his shirt was tore open, from his face, and from his hands.	Сияние, наполнившее комнату, исходило от его кожи, от его груди, где рубашка была порвана, от его лица и рук.
And in one of those hands, a knife, a sharp steel knife.	В одной из рук человек сжимал нож, острый стальной нож.
I am going to die, thought Al.	"Я сейчас умру", - подумал Эл.

Just like Anne promised me, only there wasn't no way his sisters could conjure up such an awful apparition as this one.	Все случилось так, как обещала Энн, только вряд ли его сестры могли вызвать это ужасное явление.
This bright Shining Man had come on his own, that was sure, and planned to kill Alvin Junior for his own sins and not cause somebody else had set him on.	Сияющий Человек пришел сам, это было ясно, и теперь намеревался убить нагрешившего Элвина-младшего. Элвин сам виноват, никто не натравливал этого человека.

Then it was like as if the light from the man pushed right through Alvin's skin and came inside him, and the fear just went right out of him.	Затем свет, исходящий от человека, будто бы пробился сквозь кожу Элвина и наполнил его изнутри, изгнав страх.
The Shining Man might have him a knife, and he might've snuck on into the room without so much as opening a door, but he didn't mean no harm to Alvin.	Пусть у Сияющего Человека был в руках нож, пусть он проник в комнату не через дверь, но он вовсе не хотел причинить Элвину зло.

So Alvin relaxed a little and wriggled up in his bed till he was mostly sitting, leaning up against the wall, watching the Shining Man, waiting to see what all he'd do.	Поэтому Элвин немного расслабился и поудобней устроился на кровати. Приподнявшись на руках, он оперся спиной о стену и принялся наблюдать за Сияющим Человеком, ожидая, что тот будет делать дальше.
The Shining Man took his bright steel knife and brought the blade against his other palm-and cut.	Сияющий Человек поднес острое лезвие стального ножа к своей ладони - и резко провел им по коже.

Alvin saw the gleaming crimson blood flow from the wound in the Shining Man's hand, stream down his forearm, and drip from his elbow onto the floor.	Элвин увидел, как из руки человека брызнула мерцающая пурпурная кровь, потекла по запястью, закапала с локтя на половицы.
He hadn't seen four drops, though, before he came to see a vision in his mind.	Однако и четырех капель не успело упасть, как явилось видение.
He could see his sisters' room, he knew the place, but it was different.	Элвин увидел комнату сестер, он не раз бывал в ней, но теперь она показалась ему какой-то другой, необычной.

The beds were up high, and his sisters were giants, so all he could see clear was big old feet and legs.	Кровати уходили в небеса, а сестры превратились в великанш, поэтому, как он ни задирал голову, видны были лишь ступни и колени.
Then he realized he was seeing a little creature's view of the room.	Тут он понял, что смотрит на комнату глазами какого-то маленького существа.
A roach's view.	Глазами таракана.

In his vision he was scurrying, filled with hunger, absolutely fearless, knowing that if he could get up onto those feet, those legs, there'd be food, all the food he'd ever want.	И он спешил, торопился, терзаемый голодом и не боящийся абсолютно ничего. Ведь когда он залезет на эти ноги, перед ним откроются бескрайние просторы еды, он получит любые кушанья, какие только пожелает.
So he rushed, he climbed, he scurried, searching.	Поэтому он так спешил, карабкался, бежал, искал.

But there wasn't no food, not a speck of it, and now huge hands reached and swept him off, and then a great huge shadow loomed over him, and he felt the hard sharp crushing agony of death.	Но еды не было, он ни крошки не нашел, зато появились огромные руки, которые смахнули его, как пушинку. Затем над ним нависла чудовищная гигантская ладонь, и он испытал невыносимую, кошмарную, сокрушительную агонию смерти.

Not once, but many times, dozens of times, the hope of food, the confidence that no harm would come; then disappointment-nothing to eat, nothing at all-and after disappointment, terror and injury and death. Each small trusting life, betrayed, crushed, battered.	Он испытал ее не один и не два раза - все начиналось сызнова, снова надежда на еду, уверенность, что ничего страшного не случится; после чего наступало разочарование - ни крошки, нет ни крошки, вообще ничего нет, - а разочарование в свою очередь сменялось ужасом, болью и смертью. Сотни маленьких доверчивых существ были преданы, раздавлены, размазаны, растерты в порошок.

And then in his vision he was one who lived, one who got away from the looming, stomping boots, under the beds, into the cracks in the walls.	Неожиданно для себя он проник в сознание таракана, который умудрился выжить, который удрал от жутких топчущих башмаков, пробрался под кроватями и скрылся в щели в стенке.
He fled from the room of death, but not into the old place, not into the safe room, because now that was no longer safe.	Он сбежал из комнаты смерти, но обратно, на старое место, возвращаться не собирался, потому что там было больше небезопасно.
That was where the lies came from.	Прежнюю безопасную комнату теперь переполняла ложь.
That was the place of the betrayer, the liar, the killer who had sent them into this place to die.	Там жил предатель, лжец, убийца, который послал их на верную гибель.

There were no words in this vision, of course.	Только выражались эти чувства не словами.
There could be no words, no clarity of thought in a roach's brain.	Слов и не могло быть, поскольку тараканий мозг слишком мал, слишком затуманен, чтобы создавать ясные мысли.
But Al had words and thoughts, and he knew more than any roach what the roaches had learned.	Зато Эл знал нужные слова и умел думать, поэтому понял куда больше, чем спасшийся таракан.
They had been promised something about the world, they had been made sure of it, and then it was a lie.	Он осознал, чему научились тараканы. Им пообещали нечто великое, они поверили, а потом все обернулось ложью.

Death was a fearful thing, yes, flee that room; but in the other room, there was worse than death-there the world had gone crazy, it was a place where anything could happen, where nothing could be trusted, where nothing was certain.	Да, смерть - ужасная штука, из комнаты пришлось спасаться бегством, но в другой комнате поселилось нечто более страшное, чем смерть, -там мир сошел с ума, там теперь могло произойти все на свете, там ничему нельзя верить, ибо все стало обманом.
A terrible place.	Ужаснейшее место.
The worst place.	Самое страшное место во всем мире.
Then the vision ended.	Видение оборвалось.
Alvin sat there, his hands pressed against his eyes, sobbing desperately.	Элвин сидел на кровати, руки прижаты к глазам, пальцы размазывали текущие по щекам слезы.

They suffered, he cried out silently, they suffered, and I did it to them, I betrayed them.	"Им было больно, - молча плакал он, - им было больно, и эту боль причинил им я, я предал их.
That's what the Shining Man came to show me.	Вот почему пришел Сияющий Человек, он явился, чтобы показать мне это.
I made the roaches trust me, but then I cheated them and sent them to die.	Я заставил тараканов поверить, а потом обманул и послал на смерть.
I've done murder.	Я совершил убийство".
No, not murder!	Нет, какое убийство!
Who ever heard of roach-killing being murder?	Раздавить таракана - разве это можно назвать убийством?

Nobody in the whole world would call it that.	Да никто на белом свете так не считает.

But it didn't matter what other folks thought of it, Al knew that.	Но кому какое дело, как это называется?
The Shining Man had come to show him that murder was murder.	Сияющий Человек пришел, чтобы объяснить Элвину, что убийство всегда остается убийством, как его ни назови.
And now the Shining Man was gone.	Вдруг Сияющий Человек пропал.
The light was gone from the room, and when Al opened his eyes, there was no one in the room but Cally, fast asleep.	Свет потух, а когда Эл открыл глаза, в комнате никого не осталось, кроме крепко спящего Кэлли.

Too late even to beg forgiveness.	Слишком поздно, чтобы просить прощения.
In pure misery Al Junior closed his eyes and cried some more.	В отчаянии Эл-младший закрыл глаза и снова разрыдался.
How long was it?	Сколько прошло времени?
A few seconds?	Несколько секунд?
Or did Alvin doze off and not notice the passage of a much longer time?	Или Элвин задремал и не заметил, как пролетели часы?
Never mind how long- the light came back.	Хотя неважно - свет опять вернулся.

Once again it came into him, not just through his eyes, but piercing clear to his heart, whispering to him, calming him.	Снова он проник в его тело, пронзив до самого сердца, шепча ему, успокаивая.
Again Alvin opened his eyes and looked at the face of the Shining Man, waiting for him to speak.	Элвин вновь открыл глаза и взглянул в лицо Сияющего Человека, ожидая, что тот заговорит.
When he said nothing, Alvin thought it was his turn, and so he stammered out the words, so weak compared to the feelings in his heart.	Когда тот ничего не сказал, Элвин подумал, что говорить нужно ему, поэтому начал давить из себя слова, слова, которые не могли выразить чувств, которые бушевали в его душе.
"I'm sorry, I'll never do it again, I'll-"	- Извините, я больше никогда не буду, я...

He was babbling, he knew it, couldn't even hear himself speak he was so upset.	Он мямлил, что-то лепетал, но не слышал себя -настолько был расстроен.
But the light grew brighter for a moment, and he felt a question in his mind.	Однако свет на секунду стал ярче, и он почувствовал, как в его голове возник вопрос.
Not a word was spoke, mind you, but he knew that the Shining Man wanted him to say what it was he was sorry for.	Не было произнесено ни слова, но он понял: Сияющий Человек спрашивает, в чем именно раскаивается Элвин.
And when he thought about it, Alvin wasn't altogether sure what all was wrong.	Задумавшись, Элвин сообразил, что сам не знает, в чем виноват.

Sure it wasn't the killing itself-you could starve to death if you didn't slaughter a pig now and then, and it wasn't hardly murder when a weasel killed himself a mouse, was it?	Здесь дело было не в убийстве - можно умереть от голода, если не убивать свиней, да и когда хорек убивает себе на ужин мышку, разве можно назвать это убийством?
Then the light pushed at him again, and he saw another vision.	Тут свет снова подтолкнул его, и ему явилось еще одно видение.
Not roaches this time.	Только на этот раз в тельце таракана он не переселялся.

Now he saw the image of a Red man, kneeling before a deer, calling it to come and die; the deer came, all trembling and its eyes wide, the way they are when they're scared.	Он увидел краснокожего человека, вставшего на колени перед оленем, призывая того прийти и умереть. И олень, весь дрожа, пришел, его большие глаза дрожали от страха.
It knew it was coming to die.	Он знал, что идет на верную смерть.
The Red loosed him an arrow, and there it stood, quivering in the doe's flank.	Краснокожий выпустил стрелу, и, воткнувшись в бок животного, она затрепетала.
Her legs wobbled.	Ноги оленя подогнулись.
She fell.	Он упал.

And Alvin knew that in this vision there wasn't no sin at all, because dying and killing, they were both just a part of life.	И Элвин понял, что в этом убийстве греха не было, потому что смерть и убийство - всего лишь часть жизни.
The Red was doing right, and so was the deer, both acting according to their natural law.	Краснокожий поступил правильно, так же правильно поступил олень - человек и животное следовали законам природы.
So if the evil he done wasn't the death of the roaches, what was it?	Но если причина крылась не в смерти тараканов, то где ж тогда?
The power he had?	В силе, которой он обладал?

His knack for making things go just where he wanted, making them break just in the right place, understanding how things ought to be and helping them get that way?	Он имел дар управлять животными, которые шли туда, куда он пожелает, он мог управляться с деревом, разделяя его там, где оно ломалось легче всего.
He'd found that right useful, as he made and fixed the things a boy makes and fixes in a rough country household.	Он понимал, как устроено все на земле, и следовал этим законам. Этот дар оказался очень полезным по хозяйству.
He could fit the two pieces of a broken hoe handle, fit them so tight that they joined forever without glue or tack.	К примеру, Элвин мог сложить две половинки сломанной рукояти мотыги и без клея соединить их так крепко, что инструмент служил вечно.

Or two pieces of torn leather, he didn't even have to stitch them; and when he tied a knot in string or rope, it stayed tied.	То же самое он мог проделать с двумя кусочками порванной кожи - ему вовсе не обязательно было сшивать их; а когда он завязывал узел на нитке или веревке, никакая сила на свете не могла развязать его.
It was the same knack he used with the roaches.	Свой дар он использовал и в общении с тараканами.
Making them understand how things was supposed to be, and then they did what he wanted.	Он дал им понять, как должно быть, и они поступили согласно его желаниям.
Was that his sin, that knack of his?	Значит, грех заключен в его даре?

The Shining Man heard his question before he even found words for it.	Сияющий Человек услышал вопрос до того, как Элвин успел сформулировать его.
Here came the push of light, and another vision.	Последовала вспышка света, за которой явилось еще одно видение.

This time he saw himself pressing his hands against a stone, and the stone melted like butter under his hands, came out in just the shape he wanted, smooth and whole, fell from the side of the mountain and rolled away, a perfect ball, a perfect sphere, growing and growing until it was a whole world, shaped just the way his hands had made it, with trees and grass springing up on its face, and animals running and leaping and flying and swimming	Он увидел себя самого, прижавшего руки к камню, который таял, как масло, под его ладонями. Камень изначально возник таким, каким пожелал его увидеть Элвин, - отделился от горного склона, гладкий и ровный, и скатился вниз, совершенный шар, идеально ровная сфера, которая вдруг принялась расти, пока не приняла вид огромного мира, созданного руками маленького мальчика. На нем появились деревья, пробилась трава, по нему, внутри его, над ним побежали, запрыгали, залетали, заплавали, заползали всевозможные животные. То был каменный шарик, сотворенный Элвином

No, it wasn't a terrible power, it was a glorious one, if he only knew how to use it.	И эта сила, правильно использованная, не ужасала, а приводила в восхищенный трепет.
Well if it ain't the dying and it ain't the knack, what did I do wrong?	Но если убийство и мой дар тут ни при чем, что же я сделал не так?
This time the Shining Man didn't show him a thing.	В этот раз Сияющий Человек ничего ему не показал.
This time Alvin didn't see no burst of light, there wasn't a vision at all.	В этот раз Элвин не увидел вспышки света и видение ему не явилось.

Instead the answer just came, not from the Shining Man but from inside his own self.	Ответ возник сам собой, но пришел не от Сияющего Человека - поднялся из глубин самого Элвина.
One second he felt too stupid ever to understand his own wickedness, and then the next second he saw it all as clear as could be.	Не видеть собственного проступка - что может быть глупее? Так думал он, когда глаза его прояснились и все встало на свои места.
It wasn't the roaches dying, and it wasn't the fact he made them do it.	Дело было не в погибших тараканах и не в том, что он отправил насекомых на бойню.
It was the fact that he made them do it just to suit his own pleasure.	Его вина заключалась в том, что он сделал это ради собственного удовольствия.

He told them it was for their own good, but it wasn't so, it was for Alvin's benefit alone.	Он сказал, что в соседней комнате их ждет нечто очень хорошее, а на самом деле все было не так, и выиграл от этого только Элвин.
Harming his sisters, more than harming the roaches, and all so Alvin could lie in his bed shaking with laughter because he got even-The Shining Man heard the thoughts of Alvin's heart, yes sir, and Al Junior saw a fire leap from his gleaming eye and strike him in the heart.	Он навредил сестрам, навредил - если это можно так назвать - тараканам, после чего принялся кататься со смеху по кровати, радуясь, что поквитался... Сияющий Человек услышал мысли, пришедшие из сердца Элвина, и Эл-младший увидел, как из переливающегося глаза пришельца вырвался огонь и ударил его прямо в грудь.
He had guessed it.	Он угадал.
He was right.	Он был прав.

So Alvin made the most solemn promise of his whole life, right then and there.	И не сходя с места Элвин принес самую важную клятву в своей жизни.

He had a knack, and he'd use it, but there was rules in things like that, rules that he would follow even if it killed him.	Он обладал даром и умел использовать его, но существовали правила - правила, которым он будет непреклонно следовать, даже если это убьет его.
"I'll never use it for myself again," said Alvin Junior.	- Я никогда не воспользуюсь своим даром ради собственной выгоды, - поклялся Элвин-младший.
And when he said the words he felt like his heart was on fire, it burned so hot inside.	И когда слова слетели с его губ, он почувствовал, как сердце охватил огонь, пылающий и жгущий изнутри.

The Shining Man disappeared again.	Сияющий Человек снова исчез.
Alvin lay back, slid down under the blanket, exhausted from weeping, weary with relief.	Элвин лег и забрался под одеяло, смертельно уставший от слез, но испытывающий поразительное облегчение.
He'd done a bad thing, that was so.	Он много бед натворил сегодня.
But as long as he kept this oath he made, as long as he only used his knack to help other people and never ever used it to help himself, why then he would be a good boy and didn't need to be ashamed.	Однако пока он будет следовать принесенной клятве, пока будет использовать свой дар на благо других людей, не обращая его себе в выгоду, ему нечего стыдиться.

He felt lightheaded the way you do coming out of a fever, and that was about right, he had been healed of the wickedness that grew inside him for a spell.	Голова закружилась, словно лихорадка внезапно отпустила, - а ведь все именно так и было, только что он исцелился от зла, которое зрело внутри него.
He thought of himself laughing when he'd just caused death for his own pleasure, and he was ashamed, but that shame was tempered, it was softened, cause he knew that it would never happen again.	Он вспомнил, как смеялся, послав на смерть живых существ ради собственного удовольствия, и опять устыдился, хотя теперь стыд лишь приглушенно отдавался в сердце, смягченный знанием, что такого больше никогда не случится.
As he lay there, Alvin once again felt the light grow in the room.	Лежа на кровати, Элвин внезапно ощутил, как комната опять наполняется светом.

But this time it didn't come from a single source. Not from the Shining Man at all.	Правда, теперь он исходил не от Сияющего Человека.
This time when he opened his eyes he realized the light was coming from himself.	Открыв глаза, Элвин осознал, что свет исходит от него.
His own hands were shining, his own face must be glowing the way the Shining Man had.	Руки сияли, и лицо, должно быть, испускало такой же свет, как тот, что мгновения назад исходил от Сияющего Человека.

He threw off his covers and saw that his whole body glowed with light so dazzling he couldn't hardly bear to look at himself, except that he also couldn't bear to look anywhere else.	Он отбросил простыни и увидел, что тело мерцает настолько ослепительно, что даже глаза режет и хочется отвести взгляд, - впрочем, на самом деле ему хотелось смотреть и смотреть.
Is this me? he thought.	"Это действительно я?" - подумал он.
No, not me.	"Нет, не я.
I'm shining like this because I've also got to do something.	Я так ярко сияю, потому что должен что-то сделать.

Just like the Shining Man did something for me, I've got something to do, too.	Помочь кому-то, как помог мне Сияющий Человек. Я теперь тоже должен что-то сделать.

But who am I supposed to do it for?	Но кому может потребоваться моя помощь?"
There was the Shining Man, visible again at the foot of his bed, but not shining no more.	Возле кровати вновь возник Сияющий Человек, но на этот раз тело его не светилось.
Now Al Junior realized that he knew this man.	Неожиданно Элвин-младший понял, что уже видел когда-то этого мужчину.

It was Lolla-Wossiky, that one-eyed whisky-Red who got himself baptized a few days ago, still wearing the White man's clothes they gave him when he turned Christian.	То был Лолла-Воссики, одноглазый пьяница-краснокожий, который принял христианство несколько дней назад, - он и сейчас носил одежду белого человека, которую ему подарили, когда он покрестился.
With the light inside him now, Alvin saw clearer than he ever did before.	Внутри Элвина поселился свет, и сейчас он видел намного лучше, чем прежде.

He saw that it wasn't likker that poisoned this poor Red man, and it wasn't losing one eye that crippled him.	Он увидел, что вовсе не алкоголь убивает беднягу-краснокожего и не потеря глаза так калечит его.
It was something much darker, something growing like a mold inside his head.	Какое-то очень темное, черное пятно зрело внутри его головы, напоминая зловредную опухоль.
The Red man took three steps and knelt beside the bed, his face only a little way from Alvin's eyes.	Краснокожий ступил три шага и опустился на колени перед кроватью, так что его лицо оказалось прямо перед глазами Элвина.
What do you want from me?	"Что тебе нужно от меня?

What am I supposed to do?	Что я должен сделать?"
For the first time, the man opened his eyes and spoke.	В первый раз человек открыл глаза и заговорил:
"Make all things whole," he said.	- Расставь все по своим местам. Верни целостность.
A second later, Al Junior realized that the man had said it in his Red language. Shaw-Nee, he remembered, from what the grown-ups said when he was baptized.	Прошла целая секунда, прежде чем до Эла-младшего дошло, что тот говорит на родном языке, - насколько он помнил, краснокожий происходил из племени июни, именно так говорили взрослые во время его крещения.

But Al had understood it plain as if it was the Lord Protector's own English.	Но все же Эл понимал его ничуть не хуже, как если бы тот говорил на языке лорда-протектора, на английском.
Make all things whole.	Верни целостность...
Well, that was Al's knack, wasn't it?	Ведь у Элвина был дар.
Fixing things, making things go the way they were supposed to.	Он умел творить, мог управлять, следуя законам, заключенным внутри предметов.

Trouble was, he didn't even half understand how he did it, and he surely had no idea how to fix something that was alive.	Вся беда в том, что он не до конца понимал, каким образом это у него получается, и уж точно не знал, как исправить нечто живое.
Maybe, though, he didn't have to understand.	Впрочем, может быть, ему и не нужно ничего понимать.
Maybe he just had to act.	Может, достаточно лишь действовать.

So he lifted his hand, reached out as careful as he could, and touched Lolla-Wossiky's cheek, under the broken eye.	Поэтому он поднял руку, осторожно протянул ее и дотронулся до щеки Лоллы-Воссики, прямо под выбитым глазом.
No, that wasn't right.	Нет, неверно.

He raised his finger until it touched the slack eyelid where the Red man's other eye was supposed to be.	Он положил палец на мертвое веко, под которым когда-то находился глаз краснокожего.
Yes, he thought. Be whole.	"Да, - подумал он. - Стань цельным".
The air crackled.	Воздух затрещал.
Light sparked.	Посыпались искры.
Al gasped and pulled his hand away.	От неожиданности Эл вскрикнул и отдернул руку.
All the light was gone from the room.	Комната погрузилась в ночную тьму.
Just the moonlight now coming in the window.	Только лунный свет продолжал пробиваться в окно.
Not even a glimmer of the brightness was left.	Не осталось ни лучика былого сияющего великолепия.

Like as if he just woke up from a dream, the strongest dream he ever had in his life.	Как будто Элвин неожиданно очнулся от сна, самого странного и правдоподобного сна, который он когда-либо видел.
It took a minute for Alvin's eyes to change so he could see.	Потребовалось не меньше минуты, чтобы привыкнуть к вернувшейся тьме и снова начать что-то различать.
It wasn't no dream, that was sure.	Нет, это был не сон.
Cause there was the Red man, who had once been the Shining Man.	Потому что рядом по-прежнему находился краснокожий, когда-то представший перед Элвином в обличий Сияющего Человека.

You ain't dreaming when you got a Red man kneeling by your bed, tears coming out of his one good eye, and the other eye, where you just touched him-	Вряд ли можно назвать сном краснокожего человека, склонившегося над твоей постелью; из одного, здорового глаза его катятся слезы, а другой глаз, до которого ты дотронулся...
That eyelid was still loose, hanging over nothing.	Веко было мертво, закрывая пустую глазницу.
The eye wasn't healed.	Глаз не исцелился.
"It didn't work," whispered Alvin. "I'm sorry."	- Не получилось, - прошептал Элвин. - Прости меня.

It was a shameful thing, that the Shining Man had saved him from awful wickedness, and he hadn't done a thing for him in return.	С новой силой вспыхнул стыд: Сияющий Человек спас его от зла, гнездящегося внутри, а он даже отблагодарить его не может.
But the Red man said nary a word of reproach.	Но краснокожий не произнес ни слова упрека.
Instead he reached out and took Alvin's naked shoulders in both his large strong hands and pulled him close, kissed him on the forehead, hard and strong, like a father to a son, like brothers, like true friends the day before they die.	Вместо этого он потянулся к Элвину, взял его голые плечи большими сильными руками и крепко прижал к себе, поцеловав в лоб, нежно и сильно, как отец - сына, как брат - брата, как друг - друга за день до смерти.

That kiss and all it held- hope, forgiveness, love-let me never forget that, Alvin said silently.	Этот поцелуй и все, что в него было вложено, -надежда, всепрощение, любовь... "Дай мне Бог не забыть все это", - молча взмолился Элвин.
Lolla-Wossiky sprang to his feet.	Лолла-Воссики пружинисто подпрыгнул и выпрямился.
Lithe as a boy he was, not staggering drunk at all.	Он стал гибким, как юноша, былая пьяная развалистость бесследно пропала.
Changed, he was changed, and it occurred to Alvin that maybe he had healed something, set something right, something deeper than his eyes.	Изменился, он таки изменился, и внутри Элвина вновь зародилась надежда: может, он все-таки исцелил его, вернул на свое место нечто, скрывающееся глубоко внутри?

Cured him of the whisky-lust, maybe.	Может, исцелил его от пристрастия к виски...
But if that was so, Al knew it wasn't himself that done it, it was the light that was in him for a time.	Но если и так, то это не Элвин сделал, а тот свет, что на время поселился в нем.
The fire that had warmed him without burning.	Тот огонь, который согревал без пламени.
The Red man rushed to the window, swung over the sill, hung for a moment by his hands, then disappeared.	Краснокожий кинулся к окну, перепрыгнул через подоконник, мгновение повисел на руках и скрылся из виду.
Alvin didn't even hear his feet touch the ground outside, he was that quiet.	Элвин не слышал, как его ноги коснулись земли, -так бесшумно он упал на землю.

Like the cats in the barn.	Как кошка.
How long had it been?	Сколько же прошло времени?
Hours and hours?	Наверное, много часов.
Would it be daylight soon? Or had it taken only a few seconds since Anne had whispered in his ear and the family had quieted down?	Наверное, скоро рассвет... Или пролетело всего несколько секунд с тех пор, как Энн нашептывала угрозы ему на ушко?
Didn't matter much.	Какая разница.
Alvin couldn't sleep, not now, not with all that had just happened.	Элвину было не до сна: он никак не мог опомниться от того, что произошло мгновения назад.
Why had this Red man come to him?	Почему этот краснокожий пришел к нему?

What did it all mean, the light that filled Lolla-Wossiky and then came to fill him?	Что означает тот свет, который наполнил Лоллу-Воссики и который позднее передался ему?
He couldn't just lie here in bed, all full of wonder.	Он не мог улежать в постели, столько чудесного случилось с ним.
So he got up, slithered into his nightgown as fast as he could, and slipped out of his door.	Поэтому он поднялся, побыстрее натянул ночную рубашку и выскользнул из комнаты.
Now that he was in the hall, he heard talking from downstairs.	Очутившись в коридоре, он услышал разговор, доносящийся снизу.
Mama and Papa were still up.	Мама и папа еще не легли.

At first he wanted to rush down and tell them what all happened to him.	Сначала он хотел было кинуться вниз и рассказать родителям, что ему пришлось пережить.
But then he heard the tone of their voices.	Но потом прислушался к голосам.

Anger, fear, all upset.	В них звучали гнев, страх, неуверенность.
Not a good time to come to them with a tale of a dream.	М-да, со своим рассказом лучше не лезть.
Even if Alvin knew it wasn't a dream at all, that it was real, they'd treat it like a dream.	Даже если б Элвин наверняка знал, что это не сон, что все произошло на самом деле, и тогда бы они отнеслись к случившемуся, как к сказке.

And now that he was thinking straight, he couldn't tell them at all.	Немного поразмыслив, он понял, что ничего внятного рассказать не сможет.
What, that he sent the roaches into his sisters' room?	Ну что он может сказать - что натравил тараканов на сестер?
The pins, the pokes, the threats? All of that would come out too, even though it felt like months, years ago to Alvin.	Опишет, как ткнул Матильду в попу, как девчонки насажали ему в рубашку булавок, как Энн потом шептала угрозы? Об этом тоже придется рассказать, хотя, казалось, с тех пор прошла вечность - месяцы, годы.

None of it mattered now, compared to the vow he had taken and the future he thought might be in store for him-but it would matter to Mama and Papa.	И все это не имело значения - по сравнению с клятвой, которую он принес, и будущим, которое ждало его впереди. Однако мама с папой заинтересуются прежде всего первой частью.
So he tiptoed down the hall and down the stairs, just close enough to hear, just far enough to be around the comer and out of sight.	Поэтому он на цыпочках пробежал по коридору и спустился по лестнице. Подобравшись поближе и спрятавшись за углом, он затаился и прислушался к спору родителей.
After just a few minutes, he forgot about being out of sight, too.	Спустя несколько минут он начисто позабыл об осторожности.

He crept farther down, until he could see into the big room.	И подполз еще ближе, чтобы разглядеть боль- шую комнату.
Papa sat on the floor, surrounded with wood.	Отец сидел на полу, окру- женный со всех сторон щепками.
It surprised Al Junior that Papa was still doing that, even after coming upstairs to kill roaches, even after so much time had passed.	Элвин немало удивил- ся тому, что папа все еще возится с этим му- сором, - а ведь он успел подняться наверх, помог расправиться с наше- ствием тараканов, да и после этого сколько вре- мени прошло!
He was bent over now, his face buried in his hands.	Сейчас он закрывал ли- цо руками.

Mama knelt in front of him, the biggest hunks of wood between them.	Мама, опустившись на колени, сидела прямо напротив него, а между ними были рядком выложены самые большие щепки.
"He's alive, Alvin," said Mama. "All the rest ain't worth never mind."	- Он жив, Элвин, - сказала мама, - а остальное неважно.
Papa lifted his head and looked at her.	Папа поднял голову и посмотрел на нее.
"It was water that seeped into the tree and froze and thawed, long before we even cut it down.	- В дерево просочилась вода. Она там замерзла и дала начало гниению, задолго до того как мы срубили ствол.

And we happened to cut it in just such a way that the flaw never showed on the surface.	И надо же как получилось: мы разрубили дерево именно так, что гнили не было видно.

But it was split three ways inside, just waiting for the weight of the ridgebeam.	На самом же деле она затаилась, разделив бревно на три части, и ждала лишь веса кровельной балки.
It was water done it."	Это все вода.
"Water," said Mama, and there was derision in her voice.	- Вода, - повторила мать, но теперь в голосе ее прозвучала насмешка.
"This is fourteen times the water's tried to kill him."	- В четырнадцатый раз вода пытается убить его.

"Children always get in scrapes."	- Дети постоянно попадают в какие-нибудь неприятности.
"The time you slipped on a wet floor when you were holding him.	- Вспомни, как ты поскользнулась на мокром полу, когда держала его.
The time David knocked down the boiling cauldron.	Помнишь, как Дэвид случайно опрокинул котел с кипящей водой?
Three times when he was lost and we found him on the bank of the river.	Три раза мальчишка терялся в лесу, и находили его на берегу реки.
Last winter when the ice broke on the Tippy-Canoe River-"	А прошлой зимой, когда на Типпи-каноэ вдруг лед начал трескаться...
"You think he's the first child to fall into the water?"	- Неужели ты думаешь, он один падает в воду?

"The poison water that made him throw up blood.	- От той отравленной воды он потом кровью харкал.
The mud-covered buffalo that charged him in that meadow-"	На лугу на него накинулся облепленный грязью бык...
"Mud-covered.	- Грязью облепленный, тоже мне невидаль.
Everybody knows that buffaloes wallow like pigs.	Все знают, что быки обожают грязь и поэтому возятся в ней, как свиньи.
It had nothing to do with water."	Вода-то тут при чем?
Papa slapped his hand down hard on the floor.	Папа громко хлопнул рукой по полу.
The sound rang like a gunshot through the house.	Словно в доме выстрелил кто, аж стены затряслись.

It startled Mama, and of course she started to look toward the stairs to where the children would be sleeping.	Мама вздрогнула и первым делом оглянулась на лестницу, ведущую на второй этаж, где спали дети.
Alvin Junior scampered right back up the stairs and waited out of sight for her to order him back to bed.	Элвин-младший быстро ретировался и замер, ожидая гневного окрика, приказывающего ему немедленно возвращаться в постель.
But she must not have seen him, cause she didn't shout anything and nobody came up after him.	Но, должно быть, она не заметила ничего подозрительного, потому что оклика так и не последовало.

When he tiptoed back down, they were still going at it, only a little quieter.	Шагов, направляющихся в сторону Элвина, тоже не было слышно. Когда он на цыпочках вернулся на прежнее место, они продолжали спорить, но уже на полтона ниже.

Papa whispered, but there was fire in his eyes.	Папа понизил голос до шепота, но в глазах его сверкали гневные искорки:
"If you think this doesn't have to do with water, then you're the one that's a lunatic."	- Случайность на случайности, и ты по-прежнему считаешь, что вода здесь ни при чем?! Интересно, кто из нас двоих свихнулся?
Mama was icy now.	Мама, наоборот, хранила ледяное выражение лица.

Alvin Junior knew that look-it was the maddest Mama knew how to get.	Элвин-младший прекрасно знал, что это означает: мама взбешена как никогда.
No slaps then, no tongue-lashings.	Когда она пребывает в таком настроении, с ней лучше не связываться. Здесь речь идет не об оплеухах и не об отповедях длиной в час.
Just coldness and silence, and any child who got that treatment ftom her began to long for death and the tortures of hell, because at least it would be warmer.	Очень рассердившись, мама становится холодной и презрительно молчаливой, и любой ребенок, увидев ее такой, вскоре сам начинает желать смерти и адовых пыток, поскольку в аду и то теплее, чем под ледяным взглядом Веры Миллер.

With Papa she wasn't silent, but her voice was terrible cold.	Однако сейчас она не стала молчать, как обычно, но голос ее пробирал до костей:
"The Savior himself drank water from the Samaritan well."	- Сам Спаситель счел безопасным испить воды из самарянского колодезя 10.
"I don't recollect that Jesus fell down that well, neither," said Papa.	- Да, но Иисус туда не падал, - возразил папа.
Alvin Junior thought of hanging onto the well bucket, falling down into the darkness, until the rope bound up on the windlass and the bucket stopped just above the water, where he would have drowned for certain.	Элвин-младший вспомнил колодец и ведро, бесконечное падение в темноту. Спасла его веревка, зацепившаяся за ворот, - ведро резко дернулось и закачалось в каком-то дюйме от воды, в которой он бы непременно утонул.

They told him he wasn't yet two years old when that happened, but he still dreamed sometimes about the stones that lined the inside of the well, getting darker and darker as he went down.	Говорили, что ему двух годиков не исполнилось, когда это случилось, но до сих пор ему снились по ночам камни, которыми были выложены внутренние стенки колодца, и быстро сгущающаяся тьма.
In his dreams the well was ten miles deep and he fell forever before waking up.	В сновидениях колодец был глубиной миль в десять, не меньше, поэтому падал он туда целую вечность, прежде чем очнуться от кошмара.
"Then think of this, Alvin Miller, since you think you know scripture."	- Прекрасно, Элвин Миллер, хочешь похвалиться, насколько хорошо ты знаешь Писание? Тогда вот тебе одна задачка.

Papa started to protest that he didn't think nothing of the kind.	Папа начал было протестовать, мол, он и не думал ничем хвалиться...
"The devil hisself said to the Lord in the desert that the angels would bear Jesus up lest he dash his foot against a stone."	- Когда Господь был в пустыне, к нему явился дьявол и стал искушать броситься с храма, говоря, что если Он Сын Божий, то сам Господь ангелам Своим заповедает о Нем, и на руках понесут Его, да не преткнется Он о камень ногою 11.

"I don't know what that has to do with water-"	- Замечательно, а вода к этому какое имеет отношение?
"It's plain that if I married you for brains I was plumb cheated."	- Выходя замуж, я думала, у тебя хоть что-то в голове имеется. Похоже, я крупно обманулась.

Papa's face turned red.	Папино лицо густо побагровело:
"Don't you call me no simpleton, Faith.	- Ты меня дураком не обзывай, Вера.
I know what I know and-"	Я знаю то, что знаю, и...
"He has a guardian angel, Alvin Miller.	- Элвин Миллер, у него есть ангел-хранитель.
He has someone watching out for him."	Кто-то его оберегает.
"You and your scriptures.	- Конечно, его оберегают ты и твои писания.
You and your angels."	Ты и твои ангелы.

"You tell me why else he had those fourteen accidents and not one of them so much as gave him a scrape on his arm.	- Тогда ты мне объясни, если его жизнь целых четырнадцать раз подвергалась опасности, почему из всех переделок он выходил целым и невредимым, без единой царапинки?
How many other boys get to six years old without no injury?"	Скольких шестилетних мальчишек ты встречал, которые бы за свою жизнь не разрезали себе руку или ногу, не переломали что-нибудь?
Papa's face looked strange then, twisted up a little, as if it was hard for him to speak at all.	Лицо папы как-то странно перекосилось. Губы его двигались, как будто слова давались с огромным трудом:

"I tell you that there's something wants him dead.	- Говорю тебе, что-то желает ему смерти.
I know it."	Я знаю это.
"You don't know any such thing."	- Не можешь ты ничего знать.
Papa spoke even slower, biting out the words as if each one caused him pain.	Папа заговорил еще медленнее, цедя сквозь зубы, словно каждая буква причиняла ему страшную боль:
"I know. "	- Я знаю.
He had such a hard time talking that Mama just went on and talked right over him.	Говорил он очень тихо, поэтому мама сразу перебила его, продолжая доказывать свое:

"If there's some devil plot to kill him-which I ain't saying, Alvin-then there's an even stronger heavenly plan to preserve him."	- Если и существует какой-нибудь дьявольский заговор с целью его убийства, - запомни, Элвин, это утверждаешь ты, не я, - то, должно быть, ему противостоят куда более могущественные небесные силы.
Then, suddenly, Papa didn't have no trouble talking at all.	Внезапно папа снова заговорил как обычно, не испытывая никакого труда.
Papa just gave up saying the hard thing, and Alvin Junior felt let down, like when somebody said uncle before they even got throwed.	Папа ушел от темы, которая причиняла ему боль, и Элвин-младший почувствовал, как сердце в груди куда-то ухнуло, словно он с горки скатился.

But he knew, the minute he thought about it, that his papa wouldn't give up like that lessen it was some terrible force stopping him from speaking up.	Однако он понял, скорее почувствовал, что папа не сдался бы так легко, если бы против него не выступила какая-то действительно могучая сила.

Papa was a strong man, not a bit cowardly.	Папа был сильным мужчиной и никогда не праздновал труса.
And seeing Papa beat down like that, well, it made the boy afraid.	До сегодняшнего вечера Элвин ни разу не видел, чтобы папу побеждали, - поэтому напугался.

Little Alvin knew that Mama and Papa were talking about him, and even though he didn't understand half what they said, he knew that Papa was saying somebody wanted Alvin Junior dead, and when Papa tried to tell his real proof, the thing that made him know, something stopped his mouth and kept him still.	Маленький Элвин давно догадался, кого обсуждают мама с папой, и пусть большая половина сказанного осталась для него загадкой, он заметил, что случилось, когда папа начал утверждать, что кто-то желает смерти Элвину-младшему. Когда папа попытался привести настоящие доказательства своим словам, объяснить, откуда он знает, неведомая сила заткнула ему рот.

Alvin Junior knew without a word being said that whatever it was stopped Papa's mouth, it was the plain opposite of the shining light that had filled Alvin and the Shining Man tonight.	К тому времени Элвин-младший осознал, что за сила препятствует папе. Она была противоположностью того яркого света, что наполнял сегодня ночью Элвина и Сияющего Человека.
There was something that wanted Alvin to be strong and good.	На свете существовало нечто, желающее, чтобы Элвин вырос сильным и хорошим мужчиной.
And there was something else that wanted Alvin dead.	Но в воздухе витала и другая сила, которая намеревалась погубить Элвина.

Whatever the good thing was, it could bring visions, it could show him his terrible sin and teach him how to be shut of it forever.	Первая, добрая сила умела вызывать видения, она показала, в чем заключался его грех, и научила, как истребить в себе зло навсегда.
But the bad thing, it had the power to shut Papa's mouth, to beat down the strongest, best man Al Junior ever knew or heard of.	Но зло обладало достаточным могуществом, чтобы заткнуть рот папе, самому лучшему и доброму человеку на земле.
And that made Al afraid.	Вот почему Элвин испугался.

When Papa went on with his arguments, his seventh son knew that he wasn't using the proof that counted.	Поэтому, когда папа принялся отстаивать свою точку зрения, его седьмой сын знал, что вовсе не такие доказательства он собирался привести.
"Not devils, not angels," said Papa, "it's the elements of the universe, don't you see that he's an offense against nature?	- Это не дьяволы и не ангелы, - произнес папа. -Скорее, элементы Вселенной. Неужели ты не видишь, что он ходячий вызов всей природе?
There's power in him like you nor I can't even guess.	В нем гнездится такая сила, которую ни ты, ни я и представить не можем.

So much power that one part of nature itself can't bear it- so much power that he protects hisself even when he don't know he's doing it."	В нем столько силы, что какая-то часть природы не в состоянии вынести ее. И его способности настолько велики, что он защищает сам себя, даже не ведая об этом.
"If there's so much power in being seventh son of a seventh son, then where's your power, Alvin Miller?	- Если в седьмом сыне седьмого сына таится подобное могущество, то где ж твоя сила, Элвин Мельник?
You're a seventh son- that ain't nothing, supposedly, but I don't see you doodlebugging or-"	Ты седьмой сын - это уже кое-что, однако я ни разу не замечала, чтобы ты с лозой воду искал или...

"You don't know what I do-"	- Ты понятия не имеешь, что я могу...

"I know what you don't do.	- Зато знаю, чего не можешь.
I know that you don't believe-"	Не можешь поверить...
"I believe in every true thing-"	- Я поверю во что угодно, лишь бы это было правдой...
"I know that every other man is down at the commons building that fine church, except for you-"	- И я знаю, что все мужчины деревни принимали участие в постройке прекрасной церкви, все, кроме тебя...
"That preacher is a fool-"	- Этот проповедник - круглый дурак...

"Don't you ever think that maybe God is using your precious seventh son to try to wake you up and call you to repentance?"	- А ты никогда не думал, что, может быть, Господь использует твоего драгоценного седьмого сына, чтобы пробудить тебя и призвать к смирению?
"Oh, is that the kind of God you believe in?	- А, так вот в какого Господа ты веришь?
The kind what tries to kill little boys so their papas will go to meeting?"	Тебе по душе тот Бог, который не задумываясь утопит младенца, лишь бы его папа на молитву сходил?
"The Lord has saved your boy, as a sign to you of his loving and compassionate nature-"	- Господь спас твоего сына, и это знак его любви и сострадания...

"The love and compassion that let my Vigor die-"	- Его любовь и сострадание очень пригодились Вигору, когда того разодрало на куски дерево...
"But someday his patience will run out-"	- Но в один прекрасный день терпению Господа придет конец...
"And then he'll murder another of my sons."	- И тогда он убьет еще одного моего сына.
She slapped his face.	Она залепила ему пощечину.
Alvin Junior saw it with his own eyes.	Элвин-младший видел все собственными глазами.
And it wasn't the offhand kind of cuffing she gave her sons when they lipped or loafed around.	Это была не одна из тех легких оплеух, которые она щедро раздавала направо и налево, когда дети начинали крутиться под ногами.

It was a slap that like to took his face off, and he fell over to sprawl on the floor.	Такой пощечиной можно снести пол-лица. Папа упал и распростерся на полу.
"I'll tell you this, Alvin Miller." Her voice was so cold it burned.	- Вот что я тебе скажу, Элвин Миллер. - Ее голос был обжигающе холоден.
"If that church is finished, and there's none of your handiwork in it, then you will cease to be my husband and I will cease to be your wife."	- Если церковь будет закончена без твоего участия, ты мне больше не муж, а я тебе не жена.
If there were more words, Alvin Junior didn't hear them.	Если вслед за этим последовали еще какие-то слова, их Элвин-младший их уже не слышал.

He was up in his bed a-trembling that such a terrible thought could be thought, not to mention being spoke out loud.	Он лежал в постели и дрожал - о таких ужасах даже думать нельзя, не то что говорить вслух.

He had been afraid so many times tonight, afraid of pain, afraid of dying when Anne whispered murder in his ear, and most of all afraid when the Shining Man came to him and named his sin.	За эту ночь он натерпелся многих страхов: боялся боли, боялся умереть, когда Энн нашептывала ему о смерти, а больше всего он испугался Сияющего Человека, когда тот явился, чтобы поведать о его грехе.
But this was something else.	Но здесь было совсем другое.

This was the end of the whole universe, the end of the one sure thing, to hear Mama talk about not being with Papa anymore.	Мама сказала папе, что больше не хочет жить с ним вместе, - это могло положить конец целой Вселенной.
He lay there in his bed, all kinds of thoughts dancing in his head so fast he couldn't lay hold of any one of them, and finally in a that confusion there wasn't nothing for it but to sleep.	Элвин лежал в кровати, в его голове роилось множество мыслей. Мысли танцевали и прыгали так быстро, что он не мог сосредоточиться ни на одной, поэтому в конце концов ему не оставалось другого выхода, кроме как заснуть.
In the morning he thought maybe it was all a dream, it had to be a dream.	Проснувшись утром, он вспомнил события прошлой ночи и подумал, что все это, наверное, ему приснилось. Наверняка приснилось.

But there were new stains on the floor at the foot of his bed, where the blood of the Shining Man had dripped, so that wasn't a dream.	Однако на полу, у подножия кровати, куда капала кровь Сияющего Человека, виднелись потеки. То был не сон.
And his parents' quarrel, that wasn't no dream neither.	И спор родителей ему тоже не приснился.
Papa stopped him after breakfast and told him,	После завтрака папа поймал Элвина за руку.
"You stay up here with me today, Al."	- Сегодня, Эл, ты будешь со мной, - сказал он.
The look on Mama's face told him plain as day that what was said last night was still meant today.	По маминому лицу можно было ясно прочесть, что сказанное вчера остается в силе и сегодня.

"I want to help on the church," Alvin Junior said. "I ain't afraid of no ridgebeams."	- Я хочу помочь в церкви, - сказал Элвин-младший, - и кровельных балок я не боюсь.
"You're going to stay here with me, today.	- Сегодняшний день ты проведешь со мной.

You're going to help me build something." Papa swallowed, and stopped himself from looking at Mama. "That church is going to need an altar, and I figure we can build a right nice one that can go inside that church as soon as the roof is on and the walls are up." Papa looked at Mama and smiled a smile that sent a shiver up Alvin Junior's back. "You think that preacher'll like it?"	Поможешь мне кое-что построить. - Папа судорожно сглотнул и наконец отвернулся от мамы. - Церкви понадобится алтарь, и я подумал, что мы можем его выстругать. Он будет готов как раз к тому времени, как доделают крышу и стены. - Папа взглянул на маму и улыбнулся так, что у Элвина-младшего мурашки по спине побежали. -Ты как думаешь, понравится это проповеднику?
That took Mama back, it was plain.	Первый ход остался за папой.

But she wasn't the kind to back off from a wrestling match just because the other guy got one throw, Alvin Junior knew that much.	Однако мама не относилась к тем людям, которые отступают, стоит противнику нанести меткий удар, - несмотря на малые годы, это было известно даже Элвину-младшему.
"What can the boy do?" she asked. "He ain't no carpenter."	- И какая тебе от него будет помощь? -осведомилась мама. - Он же не плотник.
"He's got a good eye," said Papa. "If he can patch and tool leather, he can put some crosses onto the altar.	- У него верный глаз, - возразил папа. - Если он умеет обрабатывать кожу, значит, сможет вырезать на алтаре пару-другую крестов.

Make it look good."	Уверен, у него получится.

"Measure's a better whittler," said Mama.	- В резьбе по дереву Мера куда опытнее его, -сказала мама.
"Then I'll have the boy burn the crosses in." Papa put his hand on Alvin Junior's head. "Even if he sits here all day and reads in the Bible, this boy ain't going down to that church till the last pew is in."	- Тогда Элвин выжжет эти кресты. - Папа положил руку на голову Элвина-младшего. -Пускай сидит здесь весь день и читает Библию, но в церковь он ногой не ступит, пока там не будет вбит последний гвоздь.
Papa's voice sounded hard enough to carve his words in stone.	Папиным голосом можно было слова в камне вырубать.
Mama looked at Alvin Junior and then at Alvin Senior.	Мама перевела глаза на Элвина-младшего, затем снова взглянула на Элвина-старшего.

Finally she turned her back and started filling the basket with dinner for them as was going to the church.	Наконец она отвернулась и стала укладывать в корзину еду, чтобы пообедать в церкви.
Alvin Junior went outside to where Measure was hitching the team and Wastenot and Wantnot were loading roof shakes onto the wagon for the church.	Элвин-младший вышел на улицу, где Мера запрягал лошадей, а Нет и Нед укладывали в повозку доски для церковной крыши.
"You aim to stand inside the church again?" asked Wantnot.	- Ты что, снова собрался ловить балки? -поинтересовался Нед.

"We can drop logs down on you, and you can split them into shakes with your head," said Wastenot.	- Знаешь, а это идея. Мы можем сбрасывать тебе на голову бревна, а ты их будешь в доски рубить,- предложил Нет.
"Ain't going," said Alvin Junior.	- Я не еду с вами, - вздохнул Элвин-младший.
Wastenot and Wantnot exchanged identical knowing looks.	Нет и Нед обменялись одинаковыми понимающими взглядами.
"Well, too bad," said Measure. "But when Mama and Papa get cold, the whole Wobbish Valley has a snowstorm."	- Что ж, жаль, - пожал плечами Мера. - Но когда папа с мамой охладевают друг к другу, во всей Воббской долине начинает падать снег.

He winked at Alvin Junior, just the way he had last night, when it got him in so much trouble.	И он подмигнул Элвину-младшему точно так же, как прошлым вечером.
That wink made Alvin figure he could ask Measure a question that he wouldn't normally speak right out.	Это подмигивание навело Элвина на некоторые раздумья. У него был один вопрос, только он сильно сомневался, стоит ли об этом говорить.
He walked over closer, so his voice wouldn't carry to the others.	Он подошел поближе, чтобы остальные ничего не услышали.

Measure caught on to what Alvin wanted, and he squatted down right there by the wagon wheel, to hear what Alvin had to say.	Мера разгадал намерения Элвина и присел на корточки у колеса телеги, чтобы выслушать, что Элвин хочет ему сказать.
"Measure, if Mama believes in God and Papa doesn't, how do I know which one is right?"	- Мера, если мама верит в Бога, а папа - нет, откуда мне знать, кто из них прав?
"I think Pa believes in God," said Measure.	- Мне кажется, папа тоже верит в Бога, - ответил Мера.
"But if he don't.	- А если не верит?
That's what I'm asking.	Я вот что хочу спросить.

How do I know about things like that, when Mama says one thing and Papa says another?"	Что мне делать, если мама говорит одно, а папа -другое?
Measure started to answer something easy, but he stopped himself-Alvin could see in his face how he made up his mind to say something serious.	Мера начал было что-то отвечать, но тут же замолк - Элвин увидел, как лицо его посерьезнело, значит, он собирается сказать нечто очень важное.
Something true, instead of something easy.	Он скажет правду, а не отмахнется, прикрывшись ничего не значащими словами.
"Al, I got to tell you, I wisht I knew.	- Эл, если б я сам это знал.

Sometimes I figure ain't nobody knows nothing."	Иногда у меня создается впечатление, что вообще никто ничего не знает.
"Papa says you know what you see with your eyes.	- Папа говорит, что знать - означает видеть глазами.
Mama says you know what you feel in your heart."	А мама говорит, что знать - это чувствовать сердцем.
"What do you say?"	- А ты что скажешь?
"How do I know, Measure? I'm only six."	- Что я скажу? Да мне всего шесть лет, Мера.
"I'm twenty-two, Alvin, I'm a growed man, and I still don't know.	- А мне уже двадцать три, Элвин, я взрослый человек, а знаю не больше твоего.

I reckon Ma and Pa don't know, neither."	Думаю, ма и па тоже толком ничего не знают.
"Well, if they don't know, how come they get so mad about it?"	- Раз они сами не знают, то чего ж так злятся друг на друга?
"Oh, that's what it means to be married.	- Ну, это семейная жизнь.
You fight all the time, but you never fight about what you think you're fighting about."	Все время ты за что-то борешься, хотя на самом деле отстаиваешь вовсе не то, что думаешь.
"What are they really fighting about?"	- А что они на самом деле отстаивают?
Alvin could see just the opposite thing this time.	Прямо на глазах у Элвина Мера снова изменился.

Measure thought of telling the truth, but he changed his mind.	Он было подумал сказать правду, но потом решил ничего не говорить.
Stood up tall and tousled Alvin's hair.	Он выпрямился и взъерошил Элвину волосы.
That was a sure sip to Alvin Junior that a grown-up was going to lie to him, the way they always lied to children, as if children weren't reliable enough to be trusted with the truth.	Верный знак того, что взрослый собирается соврать, как всегда врут детям, будто те не достаточно надежны, чтобы им можно было доверить правду.
"Oh, I reckon they just quarrel to hear theirselfs talk."	- По-моему, они спорят только затем, чтобы услышать голоса друг дружки.

Most times Alvin just listened to grown-ups lie and didn't say nothing about it, but this time it was Measure, and he especially didn't like having Measure lie to him.	Обычно Элвин молча проглатывал ложь, которой потчевали его взрослые, но на сей раз перед ним стоял Мера, его старший брат. Почему-то ему не хотелось, чтобы Мера лгал ему.
"How old will I have to be before you tell me straight?" asked Alvin.	- Сколько мне лет должно исполниться, прежде чем ты будешь говорить со мной честно? -спросил Элвин.

Measure's eyes flashed with anger for just a second-nobody likes being called a liar-but then he grinned, and his eyes were sharp with understanding.	В глазах Меры на секунду полыхнул гнев - люди не любят, когда их в лицо обзывают лжецами, - но затем он с пониманием усмехнулся:

"Old enough that you already guess the answer for yourself," he said, "but young enough that it'll still do you some good."	- Столько, чтобы ты сам мог угадать ответ, -сказал он, - и столько, чтобы этот ответ еще мог принести тебе пользу.
"When's that?" Alvin demanded. "I want you to tell me the truth now, all the time."	- Так сколько же? - настаивал Элвин. - Я хочу, чтобы ты сказал мне правду, хочу, чтобы ты всегда говорил со мной честно и откровенно.
Measure squatted down again.	Мера снова опустился на корточки:
"I can't always do that, Al, cause sometimes it'd just be too hard.	- Этого я не смогу, Эл, потому что подчас правда очень трудно дается.

Sometimes I'd have to explain things that I just don't know how to explain.	Иногда приходится растолковывать вещи, которые сам не знаешь как объяснить.
Sometimes there's things that you have to figure out by living long enough."	А бывает и так, что ты должен самостоятельно найти ответ на свой вопрос, прожив собственную жизнь.
Alvin was mad and he knew his face showed it.	Элвин страшно разозлился и не счел нужным скрывать это.
"Don't you be so mad at me, little brother.	- Не злись на меня, младший братик.
I can't tell you some things because I just don't know myself, and that's not lying.	Кое-что я не могу сказать тебе потому, что сам не знаю. Честно-честно, я не вру тебе.
But you can count on this.	Так что давай договоримся следующим образом.

If I can tell you, I will, and if I can't, I'll just say so, and won't pretend."	Если я могу ответить, я отвечаю, если же нет, то говорю тебе об этом прямо. И никакого притворства.
That was the most fair thing a grown-up ever said, and it made Alvin's eyes fill up.	Ни один взрослый еще не говорил с ним настолько честно - на глаза Элвина навернулись слезы.
"You keep that promise, Measure."	- Ты сдержишь свое обещание, Мера.
"I'll keep it or die, you can count on that."	- Сдержу - или умру.
"I won't forget, you know."	Можешь на меня рассчитывать.

Alvin remembered the vow he had made to the Shining Man last night. "I know how to keep a promise, too."	- Знаешь, я этого никогда не забуду. - Элвин вспомнил клятву, которую дал Сияющему Человеку прошлой ночью. - Я тоже умею хранить обещания.
Measure laughed and pulled Alvin to him, hugged him right against his shoulder.	Мера рассмеялся, подтянул Элвина к себе и крепко прижал к плечу.
"You're as bad as Mama," he said. "You just don't let up."	- Ты ничуть не лучше мамы, - проговорил он. - От тебя не отвяжешься.
"I can't help it," said Alvin. "If I start believing you, then how'll I know when to stop?"	- Ничего не могу поделать, - кивнул Элвин. - Но, Мера, если я начну доверять тебе, то как узнаю, когда нужно перестать верить?

"Never stop," said Measure.	- А ты не переставай, - сказал Мера.

Calm rode up on his old mare about then, and Mama came out with the dinner basket, and everybody that was going, went.	В эту минуту к дому подъехал Кальм на своей старой кляче, на крыльцо вышла мама, держа в руках корзинку с обедом, и все, кто должен был ехать, уселись в телегу и покатили к церкви.
Papa took Alvin Junior out to the barn and in no time at all Alvin was helping notch the boards, and his pieces fit together just as good as Papa's.	Папа повел Элвина в сарай, и не успел он оглянуться, как уже помогал крепить доски, причем его работа выглядела ничуть не хуже папиной.

Truth to tell they fit even better, cause Al could use his knack for this, couldn't he?	По правде говоря, Эл работал даже лучше, потому что пользовался своим даром.
This altar was for everybody, so he could make the wood fit so snug that it wouldn't ever come apart, not at the joints or nowhere.	Клятвы он не нарушал, алтарь предназначался всем, поэтому он мог скреплять дерево на века, чтобы оно никогда не разошлось в местах стыков.
Alvin even thought of making Papa's joints fit just as tight, but when he tried, he saw that Papa had something of a knack at this himself.	Элвин было подумал помочь папе и скрепить его доски так же, но, присмотревшись, понял, что у папы тоже имеется похожий дар.

The wood didn't join together to make one continuous piece, like Alvin's did-but it fit good enough, yes sir, so there wasn't no need to fiddle.	Его доски не прилегали друг к другу так плотно, чтобы составлять единое целое, как это получалось у Элвина, но они крепко держались, поэтому ничего переделывать не потребовалось.
Papa didn't say much.	Папа говорил очень мало.
Didn't have to.	А ничего и не нужно было говорить.
They both knew Alvin Junior had a knack for making things fit right, just like his Papa did.	Они оба знали, что у Элвина-младшего есть дар связывать вещи друг с другом.
By nightfall the whole altar was put together and stained.	К вечеру алтарь был собран и покрашен.

They left it to dry, and as they walked into the house Papa's hand was firm on Alvin's shoulder. They walked together just as smooth and easy as if they were both parts of the same body, as if Papa's hand just growed there right out of Alvin's neck.	Они оставили его сохнуть и побрели в дом. Рука папы твердо лежала на плече Элвина, они шли так спокойно и дружно, словно составляли две половинки одного тела, как будто рука папы росла прямо из шеи Элвина.
Alvin could feel the pulse in Papa's fingers, and it was beating right in time with the blood pounding in his throat.	Элвин чувствовал пульс в папиных пальцах, и этот пульс совпадал с ритмичными постукиваниями его собственной крови.

Mama was working by the fire when they came in.	Когда они вошли, мама крутилась у очага.
She turned and looked at them.	Заслышав их шаги, она обернулась и посмотрела на них.
"How is it?" she asked.	- Ну как? - спросила она.
"It's the smoothest box I ever seen," said Alvin Junior.	- Самый гладкий ящик, что я видел в жизни, -ответил Элвин-младший.
"There wasn't a single accident at the church today," said Mama.	- А в церкви сегодня ничего не произошло, -сказала мама.
"Everything went real good here, too," said Papa.	- Здесь тоже было все в порядке, - кивнул папа.

For the life of him Alvin Junior couldn't figure out why Mama's words sounded like	Элвин потом долго гадал, и почему это ему показа- лось, будто мамины слова означали:

"I ain't going nowhere," and why Papa's words sounded like	"Я никуда не уйду", а па- пины -
"Stay with me forever."	"Никогда, никогда не по- кидай меня".

But he knew he wasn't crazy to think so, cause right then Measure looked up from where he lay all sprawled out afore the fire and winked so only Alvin Junior could see.	Однако он знал, что понял все правильно, потому что именно в эту секунду отдыхающий у камина Мера поднял голову и незаметно для остальных подмигнул Элвину.
Chapter Eight-Visitor	8. Посетитель
Reverend Thrower allowed himself few vices, but one was to eat Friday supper with the Weavers.	Преподобный Троуэр был человеком праведным, но не без пороков, и одним из его тайных грешков стал еженедельный ужин с Уиверами.

Friday dinner was more accurate, since the Weavers were shopkeepers and manufacturers, and didn't stop work for more than a snack at noon.	Скорее даже не ужин, а обед, поскольку чета Уиверов содержала соб- ственный магазинчик и мануфактуру и крутилась без устали с утра до ве- чера, лишь в полдень на минутку-другую останав- ливаясь, дабы заморить червячка.
It wasn't the quantity so much as the quality that brought Thrower back every Friday.	Раз в неделю, в пятницу, преподобный Троуэр не мог устоять перед иску- шением, чтобы не зайти на огонек. Дело было не столько в количестве и разнообразии еды, сколь- ко в качестве.

It was said that Eleanor Weaver could take an old tree stump and make it taste like sweet rabbit stew.	Недаром люди поговаривали, что Элеанора Уивер из старого пня сварит такую похлебку, что гнилую деревяшку будет не отличить от нежной зайчатины.
And it wasn't just the food, either, because Armor-of-God Weaver was a churchgoing man who knew his Bible, and conversation was on a higher plane.	Кроме того, Армор Уивер был крайне набожным человеком и знал Библию от корки до корки, а разговор с умным человеком всегда доставляет удовольствие.

Not so elevated as conversation with highly educated churchmen, of course, but the best that could be had in this benighted wilderness.	Конечно, беседа, что обычно велась в доме Уиверов, ни в какое сравнение не могла идти с диспутом, который можно было бы затеять с любым высокообразованным церковником, но в этой забытой Богом глуши приходилось довольствоваться малым.
They would eat in the room back of the Weavers' store, which was part kitchen, part workshop, and part library.	Обычно они обедали в комнатке, что располагалась сразу за магазином, - то была наполовину кухня, отчасти мастерская и немного библиотека.

Eleanor stirred the pot from time to time, and the smell of boiled venison and the day's bread baking mingled with the odors from the soapmaking shed out back and the tallow they used in candlemaking right here.	Элеанора время от времени помешивала похлебку, и запах варящейся оленины и испеченного накануне днем хлеба сливался с ароматами мыла и свечного воска.

"Oh, we're some of everything," said Armor, the first time Reverend Thrower visited. "We do things that every farmer hereabouts can do for himself- but we do it better, and when they buy it from us it saves them hours of work, which gives them time to clear and plow and plant more land."	- О, мы торгуем всем, - сказал Армор, когда преподобный Троуэр впервые посетил сей гостеприимный дом. - Мы предлагаем вещи, которые каждый окрестный фермер без труда мог бы изготовить и сам, - только наши товары много лучше, и фермер, сделавший покупки в нашем магазине, сэкономит себе многие часы работы, а это означает, что он может расчистить, вспахать и засадить лишний кусок земли.

The store itself, out front, was shelved to the ceiling, and the shelves were filled with dry goods brought in by wagon from points east-cotton cloth from the spinning jennies and steam looms of Irrakwa, pewter dishes and iron pots and stoves from the foundries of Pennsylvania and Suskwahenny, fine pottery and small cabinets and boxes from the carpenters of New England, and even a few precious bags of spices shipped into New Amsterdam from the Orient.	Стены магазинчика от пола до потолка были сплошь увешаны полками, на которых красовались товары, привезенные из городов, что раскинулись на востоке. Здесь можно было найти одежду из хлопка, сотканную на паровых ткацких станках Ирраквы, оловянные тарелки, железные горшки и котлы из литейных цехов Пенсильвании и Сасквахеннии, искусно разукрашенную керамику и маленькие шкатулки, сделанные руками плотников Новой Англии, и даже маленькие мешочки с дорогими, редкими специями, доставленные в Нью-Амстердам с далекого Востока.

Armor Weaver had confessed once that it took all his life savings to buy his stock, and it was no sure bet that he'd prosper out here in this thinly settled land.	Армор Уивер раз признался, что на эти товары ему пришлось потратить сбережения всей жизни - весьма рискованный ход, ведь в малонаселенных западных землях разориться легче легкого.
But Reverend Thrower had noticed the steady stream of wagons coming up from the lower Wobbish and down the TippyCanoe, and even a few from out west in the Noisy River country.	Однако преподобный Троуэр подметил для себя, что со всех окраин - с низовий Воббской долины, вниз по Типпи-каноэ и даже с берегов реки Нойс -непрекращающимся потоком текут сюда фермерские повозки за покупками.

Now, as they waited for Eleanor to announce that the venison stew was ready, Reverend Thrower asked him a question that had bothered him for some time.	И сейчас, пока Элеанора еще не позвала мужчин отведать приготовленной похлебки, преподобный Троуэр решился-таки задать Армору вопрос, который давно беспокоил его.
"I've seen what they haul away," said Reverend Thrower, "and I can't begin to guess what they use to pay you.	- К вам много покупателей приезжает, - начал он,- но я никак не могу понять, чем они рассчитываются.
Nobody makes cash money around here, and not much they can trade that'll sell back east."	Насколько мне известно, наличные деньги здесь не в ходу, а ничего особо выгодного, что можно было бы удачно продать на востоке, в наших краях не добывается.

"They pay with lard and charcoal, ash and fine lumber, and of course food for Eleanor and me and-whoever else might come." Only a fool wouldn't notice that Eleanor was thickening enough to be about halfway to a baby. "But mostly," said Armor, "they pay with credit."	- Они расплачиваются свиным салом, углем и прекрасной древесиной - ну и, конечно, снабжают едой Элеанору, меня и... третьего человечка, который вскоре должен появиться. - Только слепец мог не заметить, что Элеанора за последний месяц сильно раздалась, будучи уже на половине срока. - Но в основном, - продолжал Армор, - они берут товары в кредит.
"Credit!	- В кредит?!

To farmers whose scalps might well be traded for muskets or liquor in Fort Detroit next winter?"	Вы даете в кредит фермерам, чьи скальпы следующей же зимой могут быть обменены в форте Детройт на мушкеты или виски?

"There's a lot more talk of scalping than there is scalping going on," said Armor.	- Здесь больше болтовни, чем дела, - поморщился Армор. - Людей скальпируют много реже, чем об этом говорят.
"The Reds around here aren't stupid.	Местные краснокожие не дураки.
They know about the Irrakwa, and how they have seats in Congress in Philadelphia right along with White men, and how they have muskets, horses, farms, fields, and towns just like they do in Pennsylvania or Suskwahenny or New Orange.	Им известно об Ирракве, о том, как их собратья заседают в филадельфийском Конгрессе наравне с белыми, и о том, что им позволяется иметь мушкеты, лошадей, основывать фермы и города, боронить поля, - как это уже происходит в Пенсильвании, Сасквахеннии или в Нью-Оранже.

They know about the Cherriky people of Appalachee, and how they're farming and fighting right alongside Tom Jefferson's White rebels to keep their country independent from the King and the Cavaliers."	Совсем недавно прошел слух о племени черрики с Аппалачей, которое собирает урожай и сражается в одних рядах с бледнолицыми мятежниками Тома Джефферсона 12, дабы отстоять свою независимость от короля и роялистов.
"They might also have noticed the steady stream of flatboats coming down the Hio and wagons coming west, and the trees failing down and the log houses going up."	- Но с таким же успехом они могли прознать о целых армадах плоскодонок, плывущих вниз по Г айо, и огромных караванах повозок, направляющихся на запад, о поваленных деревьях и растущих посреди леса домах.

"I reckon you're half right, Reverend," said Armor.	- Думаю, вы правы, преподобный, но только наполовину, - ответил Армор.
"I reckon the Reds might go either way.	- По-моему, возможных исхода здесь два.
Might try to kill us all, or might try to settle down and live among us.	Либо краснокожие попытаются истребить белых людей, либо попробуют осесть и жить среди нас.
Living with us wouldn't be exactly easy for them-they aren't much used to town living, whereas it's the most natural way for White folks to live.	Последнее будет не так просто - они несколько не привыкли к городской жизни, которая, по сути дела, естественна для белых.

But fighting us has got to be worse, cause if they do that they'll end up dead.	Но война с нами обернется для них еще худшей стороной, поскольку в этом случае они будут перебиты до последнего человека.
They may think that killing White folks might scare the others into staying away.	Конечно, они могут посчитать, что если убить парочку-другую бледнолицых, то все остальные испугаются и не будут больше тревожить Запад.

They don't know how it is in Europe, how the dream of owning land will bring people five thousand miles to work harder than they ever did in their lives and bury children who might have lived in the home country and risk having a tommyhock mashed into their brains cause it's better to be your own man than to serve any lord.	Но им неизвестно, что творится в Европе. Мечта о собственном клочке земли ведет людей за пять тысяч миль, чтобы не покладая рук работать с утра до вечера, рожать детей, которые могли бы преспокойно жить в родной стране, и подвергаться риску обнаружить в один прекрасный день томагавк у себя в затылке. Только уж лучше подчиняться самому себе, нежели служить пусть даже самому доброму господину.
Except the Lord God."	За исключением Господа Бога.

"And that's how it is with you, too?" asked Thrower. "Risk everything, for land?"	- И вас тоже увлекла эта мечта? - поинтересовался Троуэр. - Неужели и вы рискнули всем ради клочка земли?
Armor looked at his wife Eleanor and smiled.	Армор глянул на свою жену Элеанору и улыбнулся.
She didn't smile back, Thrower noticed, but he also noticed that her eyes were beautiful and deep, as if she knew secrets that made her solemn even though she was joyful in her heart.	Краем глаза Троуэр заметил, что она не ответила мужу улыбкой, но также мимо его внимания не прошел тот факт, что глаза ее отличаются дивной красотой и глубиной, как будто ей ведомы тайны, которые заставляют ее сдерживаться, даже когда на сердце царит радость.

"Not land the way farmers own it, I'm no farmer, I'll tell you that," said Armor. "There's other ways to own land.	- Земля, которой владеют фермеры, меня не интересует, я не фермер, это видно сразу, - сказал Армор. - Но есть и другие способы владеть землей.
You see, Reverend Thrower, I give them credit now because I believe in this country.	Видите ли, преподобный Троуэр, я даю в кредит, потому что верю в будущее этой страны.
When they come to trade with me, I make them tell me the names of all their neighbors, and make rough maps of the farms and streams where they live, and the roads and rivers along their way here.	Когда ко мне за покупками приезжают люди, я узнаю от них имена соседей и делаю черновые карты ферм, речушек и ручьев, на берегах которых они находятся, и окрестных дорог.

I make them carry letters that other folks writ, and I write their letters for them and ship them on back east to folks they left behind.	Я отдаю им письма, написанные другими людьми, сам пишу и, когда требуется, отсылаю послания на восток, тем поселенцам, которые осели в других местах.
I know where everything and everybody in the whole upper Wobbish and Noisy River country is and how to get there."	Мне известно все и вся в верхней Воббской долине и по берегам реки Нойс, и добраться я могу куда угодно.
Reverend Thrower squinted and smiled. "In other words, Brother Armor, you're the government."	- Иными словами, брат Армор, в вашем лице представлено местное правительство, -подмигнув, улыбнулся преподобный Троуэр.

"Let's just say that if there comes a time when a government would come in handy, I'll be ready to serve," said Armor.	- Лучше сказать так: если наступят времена, когда у нас возникнет необходимость в собственном правительстве, я пригожусь, - поправил Армор.
"And in two years, three years, when more folks come through, and some more start making things, like bricks and pots and blackware, cabinets and kegs, beer and cheese and fodder, well, where do you think they'll come to sell it or to buy?	- Через два-три года сюда приедут новые поселенцы, начнут делать кирпичи и горшки, шкатулки и кувшины, пиво и сыр, и как вы думаете, к кому они обратятся, чтоб продать или купить?

To the store that gave them credit when their wives were longing for the cloth to make a bright-colored dress, or they needed an iron pot or a stove to keep out the winter cold."	Они придут в магазин, который в свое время поверил им в кредит, когда их женам страшно захотелось яркой ткани на новое платье, когда потребовалась железная плита или камин, чтобы удержать за дверями зимние холода.
Philadelphia Thrower chose not to mention that he had somewhat less confidence in the likelihood of grateful people staying loyal to Armor-of-God Weaver.	Филадельфия Троуэр не стал высказывать имеющиеся у него сильные сомнения по поводу того, что благодарные поселенцы будут вечно помнить Армора Уивера.

Besides, thought Thrower, I might be wrong.	"Ведь я, - подумал Троуэр, - могу и ошибаться.

Didn't the Savior say that we should cast our bread upon the waters?	Разве Спаситель не наставлял, чтобы мы всегда пускали хлеб по водам?
And even if Armor doesn't achieve all he dreams of, he will have done a good work, and helped to open this land to civilization.	Даже если Армор не достигнет того, о чем мечтает, он сделает доброе дело и поможет этой земле обрести цивилизацию".
The food was ready.	Ужин был готов.
Eleanor dished out the stew.	Элеанора разлила по тарелкам похлебку.
When she set a fine white bowl in front of him, Reverend Thrower had to smile.	Согласно правилам приличия, преподобный Троуэр улыбнулся женщине, поставившей перед ним расписную белую миску.

"You must be right proud of your husband, and all that's he's doing."	- Вы, должно быть, очень гордитесь своим мужем и его деяниями.
Instead of smiling demurely, as Thrower expected that she would, Eleanor almost laughed aloud. Armor-of-God wasn't half so delicate. He just plain guffawed.	Вместо того чтобы ответить смиренной улыбкой, Элеанора, вопреки всем ожиданиям Троуэра, чуть не рассмеялась, но сдержалась - в отличие от своего мужа, который откровенно расхохотался.
"Reverend Thrower, you're a caution," said Armor. "When I'm up to my elbows in candle tallow, Eleanor's up to hers in soap.	- Преподобный Троуэр, вы и в самом деле человек с большими странностями, - отсмеявшись, проговорил Армор. - Пока я вожусь со свечным воском, Элеанора варит мыло.

When I'm writing up folks' letters and having them delivered, Eleanoes drawing up maps and taking down names for our little census book.	Тогда как я отвечаю на письма и рассылаю их, Элеанора рисует карты и заносит в нашу маленькую записную книжку новые имена.
There ain't a thing I do that Eleanor isn't beside me, and not a thing she does that I'm not beside her.	Она всегда рядом со мной, а я - рядом с ней, мы ровным счетом ничего не можем друг без друга.
Except maybe her herb garden, which she cares for more than me.	Хотя нет, вру, к своему садику она старается меня не подпускать, да и мне это не очень интересно.
And Bible reading, which I care for more than her."	Зато я проявляю больше интереса к Библии, чем она.

"Well, it's good she's a righteous helpmeet for her husband," said Reverend Thrower.	- Что ж, - в замешательстве промолвил преподобный Троуэр, - я рад, что она столь преданная помощница своему мужу.
"We're helpmeets for each other," said Armor-of-God, "and don't you forget it."	- В нашей семье нет хозяев и слуг, - сказал Армор,- запомните.
He said it with a smile, and Thrower smiled back, but the minister was a little disappointed that Armor was so henpecked that he had to admit right out in the open that he wasn't in charge of his own business or his own home.	Он произнес это с улыбкой, и Троуэр улыбнулся в ответ, хотя поведение Армора поставило его в тупик: Уивер открыто заявил, что находится под каблуком у жены. Этот мужчина совершенно не стеснялся того, что не является хозяином в собственном доме.

But what could one expect, considering that Eleanor had grown up in that strange Miller family?	Впрочем, чего еще можно было ожидать, учитывая, что Элеанора выросла в семейке Миллеров, славящейся своими причудами?

The oldest daughter of Alvin and Faith Miller could hardly be expected to bend to her husband as the Lord intended.	Вряд ли старшая дочь Элвина и Веры Миллеров станет преклоняться перед мужем, как напутствовал Господь.
The venison, however, was the best that Thrower had ever tasted.	Но оленина заставила священника забыть о нарушении традиций.
"Not gamy a bit," he said.	Такого вкусного мяса Троуэр никогда не едал.

"I didn't think wild deer could taste like this."	- Невероятно, - восхитился он. - Даже не думал, что дикий олень может быть настолько вкусным.
"She cuts off the fat," said Armor, "and throws in some chicken."	- Она срезает жир, - объяснил Армор, - и шпигует оленину куриным мясом.
"Now you mention it," said Thrower,	- А, вот сейчас и я это распробовал, - кивнул Троуэр.
"I can taste it in the broth." "And the deer fat goes into the soap," said Armor. "We never throw anything away, if we can think of any use for it."	- А олений жир идет в похлебку, - продолжал хвалиться Армор. - Мы никогда ничего не выбрасываем, все стараемся где-нибудь да использовать.
"Just as the Lord intended," said Thrower.	- Как и наставлял Господь, - одобрил Троуэр.

Then he fell to eating.	И обратился к ужину.
He was well into his second bowl of stew and his third slice of bread when he made a comment that he thought was a jesting compliment. "Mrs. Weaver, your cooking is so good that it almost makes me believe in sorcery."	Он уже приканчивал вторую миску похлебки и третий ломоть хлеба, когда ему на ум пришла мысль, которую он поспешил высказать вслух, надеясь польстить и сделать комплимент. -Миссис Уивер, вы готовите так искусно, что я почти готов поверить в волшебство.
Thrower was expecting a chuckle, at the most.	Троуэр ожидал, что Уиверы усмехнутся его шутке.

Instead, Eleanor looked down at the table just as ashamed as if he had accused her of adultery.	Вместо этого Элеанора опустила глаза, упершись взглядом в стол, смутившись и покраснев, словно ее только что обвинили в адюльтере.
And Armor-of-God sat up stiff and straight.	Да и Армора будто подменили: он весь напрягся и резко выпрямился на стуле.
"I'll thank you not to mention that subject in this house," he said.	- Я буду очень вам благодарен, преподобный, если впредь вы не станете касаться этой темы в стенах нашего дома, - сказал он.

Reverend Thrower tried to apologize. "I wasn't serious about it," he said. "Among rational Christians that sort of thing is a joke, isn't it?	- Да я ж не всерьез, - попытался было извиниться преподобный Троуэр. - Ведь среди праведных христиан это всего лишь шутка.
A lot of superstition, and I-"	Столько вокруг всяких суеверий, вот я и...
Eleanor got up from the table and left the room.	Элеанора поднялась из-за стола и покинула комнату.
"What did I say?" Thrower asked.	- Что я такого сказал? - удивился Троуэр.

Armor sighed. "Oh, there's no way you could know," he said. "It's a quarrel that goes back to before we were married, when I first come out to this land.	- Ничего особенного, вы ведь не нарочно, -вздохнул Армор. - Давний спор, который начался еще до нашей женитьбы. Я тогда только обосновался на этих землях.

I met her when she came with her brothers to help build my first cabin-the soapmaking shed, now.	Я познакомился с ней, когда она пришла вместе с братьями, чтобы помочь мне построить хижину-времянку - там мы сейчас варим мыло.
She started to scatter spearmint on my floor and say some kind of rhyme, and I shouted for her to stop it and get out of my house.	Она начала было разбрасывать по моему полу мяту и бормотать под нос какие-то стишки, но я наорал на нее, приказал заткнуться и выметаться из дома.

I quoted the Bible, where it says, You shall not suffer a witch to live.	И процитировал Библию, где говорится: "Ворожеи не оставляй в живых".
It made for a right testy half hour, you may be sure."	- Вы обозвали ее ведьмой, и она вышла за вас замуж?
"You called her a witch, and she married you?" "We had a few conversations in between."	- Ну, перед этим мы еще не раз касались вопросов ворожбы.
"She doesn't believe in that sort of thing anymore, does she?"	- Но теперь-то она не верит в подобные глупости?
Armor knitted his brows.	Армор задумчиво почесал лоб:

"It ain't a matter of believing, it's a matter of doing, Reverend.	- Дело здесь не столько в неверии, преподобный, сколько в поступках.
She doesn't do it anymore.	Нет, больше она этим не занимается.
Not here, not anywhere.	Ни здесь, ни где-либо еще.
And when you-sort of halfway accused her of it, well, it made her upset.	Поэтому, когда вы чуть ли не обвинили ее в колдовстве... в общем, она несколько расстроилась.
Because it's a promise to me, you see."	Видите ли, она обещала мне...
"But when I apologized, why did she-"	- Но я же извинился, так почему...
"Well, there you are.	- Тут-то мы и подошли к самому главному.

You have your way of thinking, but you can't tell her that come-hithers and herbs and incantations got no power, because she's seen some things herself that you can't just explain away."	Вы мыслите по-своему, но никогда не докажете ей, что заговоры, заклятия и травы не обладают силой, потому что она собственными глазами видела такое, чему вы объяснения не найдете.
"Surely a man like you, well read in the scripture and acquainted with the world, surely you can convince your wife to give up the superstitions of her childhood."	- Не может быть, чтобы столь образованный человек, как вы, начитанный, прекрасно знающий Писание и знакомый с миром, не убедил свою жену позабыть суеверия, которыми пугают детей.
Armor gently laid his hand on Reverend Thrower's wrist.	Армор мягко положил руку на запястье преподобного Троуэра:

"Reverend, I got to tell you something that I didn't think I'd ever have to tell a grown man.	- Преподобный, честно говоря, никогда не думал, что мне придется разъяснять нечто подобное взрослому человеку.
A good Christian refuses to allow that stuff in his life because the only proper way to bring the hidden powers into your life is through prayer and the grace of the Lord Jesus.	Добрый христианин не пускает всякое чародейство в свою жизнь, потому что силы тайные должны приходить к нам исключительно через молитву и милость Господа нашего Иисуса.
It ain't because it doesn't work."	А вовсе не потому, что волшбы не существует.

"But it doesn't," said Thrower. "The powers of heaven are real, and the visions and visitations of angels, and all the miracles attested in the scripture.	- Так ее и в самом деле не существует! -воскликнул Троуэр. - Существуют лишь силы небесные, видения, явления ангелов и прочие чудеса, упомянутые в Писании.
But the powers of heaven have nothing at all to do with young couples falling in love, or curing the croup, or getting chickens to lay, or all the other silly little things that the ignorant common people do with their so-called hidden wisdom.	Но сила Господня не имеет ничего общего с приворотными зельями, заговорами против крупа, мором среди кур и прочими земными глупостями, которые невежественные крестьяне творят при помощи так называемой "тайной мудрости".

There's not a thing that's done by doodlebugging or hexing or whatever that can't be explained by simple scientific investigation."	Все эти заклятия и наговоры - стоит подойти к ним с научной точки зрения - быстро разъясняются.
Armor didn't answer for the longest while.	Армор очень долго не отвечал.
The silence made Thrower quite uncomfortable, but he had no idea what more he could say.	Троуэр даже почувствовал себя как-то неловко, но тоже молчал, поскольку не знал, что еще сказать.
It hadn't occurred to him before that Armor could possibly believe in such things.	Раньше ему никогда не приходило в голову, что Армор может верить в подобные предрассудки.

It was a startling perspective.	Правда, открывшаяся ему, поражала.
It was one thing to abstain from witchery because it was nonsense, and quite another to believe in it and abstain because it was unrighteous.	Одно дело отрекаться от колдовства, поскольку его не существует, и совсем другое - верить в магию и отказываться от нее, поскольку такое не пристало праведному христианину.
It occurred to Thrower that this latter view was actually more ennobling: for Thrower to disdain witching was a matter of mere common sense, while for Armor and Eleanor it was quite a sacrifice.	Это было куда более благородно: ведь Троуэр не верил в волшебство исходя из элементарного здравого смысла, тогда как для Армора и Элеаноры это неверие стало настоящей жертвой.

Before he could find a way to express this thought, however, Armor leaned back on his chair and changed the subject entirely.	Прежде чем он сумел облечь в слова пришедшую к нему на ум мысль, Армор вздохнул и откинулся на спинку стула. Бакалейщик предпочел уйти от темы, заговорив о совершенно посторонних вещах:
"Reckon your church is just about done."	- Похоже, ваша церковь вот-вот будет завершена.
With relief, Reverend Thrower followed Armor onto safer ground.	Преподобный Троуэр с огромным облегчением ступил на безопасную землю:
"The roof was finished yesterday, and today they were able to clap all the boards on the walls.	- Крыша вчера была закончена, сегодня в конце концов удалось обшить стены досками.

It'll be watertight tomorrow, with shutters on the windows, and when we get them glazed and the doors hung it'll be tight as a drum."	Завтра нам никакой дождь не страшен: на окна повесят ставни и сделают двери. Так что вскорости внутри будет тепло и уютно.
"I've got the glass coming by boat," said Armor.	- Я заказал стекло, его должна доставить лодка, -сказал Армор.
Then he winked. "I solved the problem of shipping on Lake Erie."	И подмигнул. - Знаете, а я ведь разрешил-таки проблему с судоходством на озере Канада.
"How did you manage that?	- Каким образом?

The French are sinking every third boat, even from Irrakwa."	Французы же топят каждый третий корабль, даже те, что идут из Ирраквы, не избегают общей участи.
"Simple.	- Все очень просто.
I ordered the glass from Montreal."	Я заказал стекло в Монреале.
"French glass in the windows of a British church!"	- Французское стекло в окнах британской церкви?!
"An American church," said Armor. "And Montreal's a city in America, too.	- Американской церкви, - поправил Армор. - А Монреаль тоже находится в Америке.

Anyway, the French may be trying to get rid of us, but in the meantime we're a market for their manufactured goods, so the Governor, the Marquis de la Fayette, he doesn't mind letting his people turn a profit from our trade as long as we're here.	Как бы французы ни пытались выжить нас отсюда, мы тем не менее представляем хороший рынок для производимых ими товаров, поэтому губернатор, маркиз де Лафайет 13, не стал возражать против того, чтобы подчиненные ему граждане извлекали прибыль из своего дела, пока мы все равно держимся здесь.
They're going to ship it clear around and down into Lake Michigan, and then barge it up the St. Joseph and down the Tippy-Canoe."	Стекло повезут кружным путем, через озеро Мизоган, после чего баржа войдет в реку святого Иосифа, а потом спустится по Типпи-каноэ.
"Will they make it before the bad weather?"	- А успеют ли до дождей?

"I reckon so," said Armor, "or they won't get paid."	- Должны, - кивнул Армор. - Иначе я им не заплачу.
"You're an amazing man," said Thrower. "But I wonder that you have so little loyalty to the British Protectorate."	- Вы поразительный человек, - воскликнул Троуэр. - Правда, временами меня смущает ваше равнодушие к Британскому Протекторату.
"Well, you see, that's how it is," said Armor. "You grew up under the Protectorate, and so you still think like an Englishman."	- Я такой, как есть, - пожал плечами Армор. - Вот вы, к примеру, выросли под властью Протектората, поэтому и думаете как истинный англичанин.
"I'm a Scot, sir."	- Я шотландец, сэр.
"A Brit, anyway.	- Так или иначе, вы британец.

In your country, everybody who was even rumored to be practicing the hidden arts got exiled, right away, hardly even bothered with a trial, did they?"	В вашей стране достаточно одного слуха, якобы кто-то там занимается запрещенной практикой, чтобы человека выслали, даже суда толком не устроив. Я прав?
"We try to be just, but the ecclesiastical courts are swift, and there is no appeal."	- Ну, мы стараемся поступать по справедливости -правда, церковные суды действительно скоры на приговор, и опротестование вердикта не дозволяется.
"Well, now, think about it.	- Все правильно.

If everybody who had any gift for the hidden arts got shipped off to the American colonies, how would you ever see a lick of witchery while you were growing up?"	А теперь сами прикиньте: если всякий, кто практикует запрещенные действа и обладает непонятными для вас способностями, немедленно высылается в американские колонии, то каким образом вы могли встретиться с колдовством, раз росли в Англии?

"I didn't see it because there's no such thing."	- Я не встречался с ним, потому что его не существует в природе.
"There's no such thing in Britain.	- Его не существует в Британии.

But it's the curse of good Christians in America, because we're up to our armpits in torches, doodlebugs, bog-stompers and hexifiers, and a child can't hardly grow to be four feet tall without bumping headlong into somebody's go-away or getting caught up in some prankster's speak-all spell, so he says everything that comes to mind and offends everybody for ten miles around."	Это проклятие несут на себе христиане Америки -нас со всех сторон окружают светлячки, водянки, бредуны и наговорники. Наши дети еще в младенчестве узнают, что может натворить скороговорка "иди-уходи", не говоря уже о болтунном заклинании, которое всякие шутники до смерти обожают использовать на детях: ребенок начинает выбалтывать первое, что приходит на ум, оскорбляя всех на десять миль в округе.
"A speak-all spell!	- Болтунное заклинание!

Now, Brother Armor, surely you can see that a touch of liquor does as much."	Брат Армор, вы же неглупый человек и должны понимать, что пара-другая стопок доброго виски способна сотворить с человеком то же самое.
"Not to a twelve-year-old boy who never touched a drop of liquor in his life."	- С пьяницей, но не с двенадцатилетним мальчишкой, который в жизни алкоголя в рот не брал.
It was plain that Armor was talking from his own experience, but that didn't change the facts.	Армор явно привел случай из собственного опыта, правда, это ничего не меняло.
"There is always another explanation."	- Всегда можно найти другое объяснение.

"There's a powerful lot of explanations you can think up for anything that happens," said Armor. "But I tell you this.	- Объяснений происходящему можно найти море, главное, чтобы фантазия не подвела, - усмехнулся Армор. - И вот что я вам скажу.
You can preach against conjuring, and you'll still have a congregation.	Вы можете проповедовать против колдовства, и паства от вас не откажется.
But if you keep on saying that conjuring don't work, well, I reckon most folks'll wonder why they should come all the way to church to hear the preaching of a plumb fool."	Но если вы и дальше будете утверждать, что колдовства не существует, тогда, думаю, люди сильно призадумаются насчет целесообразности посещения церкви, в которой проповедует круглый тупица.

"I have to tell the truth as I see it," said Thrower.	- Я должен излагать правду такой, какая она есть и какой я вижу ее, - отрезал Троуэр.
"You may see that a man cheats in his business, but you don't have to name his name from the pulpit, do you?	- Вы можете уличить человека в мошенничестве, но вы же не называете его имени перед собранием.
No sir, you just keep giving sermons about honesty and hope it soaks in."	Нет, вы продолжаете проповедовать честность и надеяться, что ваши слова дойдут по назначению.
"You're saying that I should use an indirect approach."	- Вы хотите, чтобы я действовал окольными путями?

"That's a right fine church building, Reverend Thrower, and it wouldn't be half so fine if it wasn't for your dream of how it ought to be.	- Церковь у нас получается замечательная, преподобный Троуэр. Она бы и вполовину не была такой прекрасной, если б не ваша мечта.
But the folks here figure it's their church.	Но местные жители считают, что это их церковь.

They cut the wood, they built it, it's on common land.	Они рубили лес, они возводили ее, она стоит на общей земле.
And it'd be a crying- shame if you were so stubborn that they up and gave your pulpit to another preacher."	Стыд и позор падет на наши головы, если вы своим упорством вынудите их отдать приход другому священнику.

Reverend Thrower looked at the remnants of dinner for a long time.	Долгое время преподобный Троуэр молча созерцал остатки роскошного обеда.
He thought of the church, not unpainted raw lumber the way it was right now, but finished, pews in place, the pulpit standing high, and the room bright with sunlight through clean-glazed windows.	Он думал о церкви, о свежих, еще не покрашенных досках, покрывающих ее стены. Она была уже закончена: гвозди держали крепко, кафедра величественно возвышалась над пустым пока залом, залитым ярким солнечным светом, который легко проникал в незастекленные окна.
It isn't just the place, he told himself, but what I can accomplish here.	"Дело не в церкви, - твердил себе Троуэр, - а в цели, которую я должен здесь достигнуть.

I'd be failing in my Christian duty if I let this place fall under the control of superstitious fools like Alvin Miller and, apparently, his whole family.	Я предам свой сан, если позволю захватить власть в этой деревеньке суеверным дуракам типа Элвина Миллера и, как выяснилось, всей его семьи.
If my mission is to destroy evil and superstition, then I must dwell among the ignorant and superstitious.	Раз моей миссией является уничтожение зла и предрассудков, я должен поселиться среди невежественных и суеверных людей.
Gradually I will bring them to knowledge of the truth.	Постепенно я открою им знание и приведу к правде.
And if I can't convince the parents, then in time I can convert the children.	И если я не смогу убедить родителей, то со временем сумею обратить детей.

It is the work of a lifetime, my ministry, so why should I throw it away for the sake of speaking the truth for a few moments only?	Это работа всей жизни, это мой крест, и я не откажусь от него, пусть даже на несколько мгновений мне придется отступить от правды".
"You're a wise man, Brother Armor."	- Вы мудрый человек, брат Армор.
"So are you, Reverend Thrower.	- И вы тоже, преподобный Троуэр.
In the long run, even if we disagree here and there, I think we both want the same thing.	В перспективе, хоть мы и расходимся по некоторым вопросам, мы тем не менее желаем одного и того же.
We want this whole country to be civilized and Christian.	Мы хотим, чтобы эта страна стала цивилизованной и приняла христианство.

And neither one of us would mind if Vigor Church became Vigor City, and Vigor City became the capital of the whole Wobbish territory.	Вряд ли кто из нас станет возражать, если Церковь Вигора превратится в Вигор-сити, а Вигор-сити примет звание столицы Воббской долины.
There's even talk back in Philadelphia about inviting Hio to become a state and join right in, and certainly they'll make such an offer to Appalachee.	В Филадельфии бродят слухи, что Гайо вот-вот станет штатом и присоединится к ним. Наверняка такое же предложение будет сделано Аппалачам.
Why not Wobbish someday?	А почему не Воббская долина?

Why not a country that stretches from sea to sea, White man and Red, every soul of us free to vote the government we want to make the laws we'll be glad to obey?"	Когда-нибудь к нам тоже придут. Вся страна протянется единой от моря до моря, сплотив белых и краснокожих, и души наши обретут свободу, мы сами будем выбирать правительство, сами будем устанавливать законы и с радостью им повиноваться.
It was a good dream.	Размах мечты Армора впечатлял.
And Thrower could see himself within it.	И Троуэр ясно представлял себя в этой картине.

The man who had the pulpit of the greatest church in the greatest city of the territory would become the spiritual leader of a whole people.	Человек, который проповедует с кафедры величайшей церкви в самом большом городе края, станет духовным лидером, объединившим огромный народ.

For a few minutes he believed so intensely in his dream that when he thanked Armor kindly for the meal and stepped outside, it made him gasp to see that right now Vigor Township consisted entirely of Armor's big store and its outbuildings, a fenced common with a dozen sheep grazing on it, and the raw wood shell of a big new church.	Он настолько глубоко погрузился в яркие картинки-мечтания, что, поблагодарив от души Армора за вкусный обед и покинув своды гостеприимного дома, чуть не задохнулся от изумления, увидев, что сейчас Поселение Вигора состоит всего лишь из большого магазина Армора и его пристроек, огороженного участка общинной земли, на котором паслась дюжина овец, и непокрашенной деревянной коробки большой новой церкви.
Still, the church was real enough.	Но церковь уже можно было пощупать руками.

It was almost ready, the walls were there, the roof was on.	Она была почти завершена, высились стены, наверху красовалась гладко обтесанная крыша.
He was a rational man.	Преподобный Троуэр всегда считал себя рациональным человеком.
He had to see something solid before he could believe in a dream, but that church was solid enough now, and between him and Armor they could make the rest of the dream come true.	Прежде чем поверить в мечту, он должен был пощупать ее руками, но церковь была вполне осязаема, поэтому теперь воплощение в жизнь оставшейся части мечты зависело от них с Армором.

Bring people to this place, make this the center of the territory.	Надо привести сюда людей, сделать деревеньку центром всей территории.
This church was big enough for town meetings, not just church meetings.	В церкви можно проводить не только церковные службы, но и городские собрания - места хватит.
And what about during the week? He'd be wasting his education if he didn't start a school for the children hereabouts.	Ну а на неделе... Все его образование пропадает даром - почему бы не открыть для местных детишек школу?

Teach them to read, to write, to cipher, and, above all, to think, to expunge all superstition from their minds, and leave behind nothing but pure knowledge and faith in the Savior.	Он научит их читать, писать, обращаться с цифрами и, что важнее всего, думать. Из их умов будут вычеркнуты глупые суеверия, и там не останется ничего, кроме чистого знания и веры в Спасителя.
He was so caught up in these thoughts that he didn't even realize he wasn't heading for Peter McCoy's farm downriver, where his bed would be waiting for him in the old log cabin.	Его так захватил ход мыслей, что он не замечал, куда идет, а направлялся он вовсе не к ферме Питера Маккоя, расположенной ниже по реке, где в старой бревенчатой хижине ждала его кровать.

He was walking back up the slope to the meetinghouse.	Он поднимался вверх по склону, сворачивая к молельне.
Not till he lit a couple of candles did he realize that he actually meant to spend the night here.	Только запалив свечи, он понял, что действительно намерен провести здесь ночь.
It was his home, these bare wooden walls, as no other place in the world had ever been home to him.	Эти голые деревянные стены стали ему домом - и ни один кров на белом свете не был ему ближе.

The sappish smell was like a madness in his nostrils, it made him want to sing hymns he'd never even heard before, and he sat there humming, thumbing through the pages of the Old Testament without so much as noticing that there were words on the paper.	Запах древесной смолы щекотал ноздри, ему хотелось распевать гимны, которые он никогда раньше не слышал. Мурлыкая что-то под нос, он сел на пол и принялся перелистывать большим пальцем страницы Ветхого Завета, не замечая напечатанных на бумаге слов.
He didn't hear them until they stepped onto the wooden floor.	Шаги он услышал, когда деревянный пол церкви заскрипел.
Then he looked up and saw, to his surprise, Mistress Faith carrying a lantern, followed by the eighteen-year-old twins, Wastenot and Wantnot.	Тогда он поднял голову и увидел перед собой, к полному изумлению, госпожу Веру, держащую над головой лампу, и двух близнецов - Нета и Неда.

They were carrying a large wooden box between them.	Они тащили какой-то огромный деревянный ящик.
It took a moment before he realized that the box was meant to be an altar.	Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что этот ящик - его будущий алтарь.
That in fact it was a rather fine altar, the wood was tightly fitted as any master cabinetmaker could manage, beautifully stained.	И алтарь, по правде сказать, весьма добротно сделанный: доски его были настолько плотно подогнаны друг к другу, что работа сделала бы честь любому мастеру-плотнику.
And burnt into the boards surrounding the top of the altar were two rows of crosses.	По ровно положенной краске, покрывающей дерево, проходило два ряда идеально выжженных крестов.

"Where do you want it?" asked Wastenot.	- Ну, куда будем ставить? - поинтересовался Нет.
"Father said we had to bring it down tonight, now that the roof and walls were done."	- Отец сказал, что мы должны принести его сюда сегодня, раз крыша и стены уже закончены.
"Father?" asked Thrower.	- Отец? - недоуменно переспросил Троуэр.
"He made it for you special," said Wastenot. "And little Al burnt in the crosses hisself, seeing how he wasn't allowed down here no more."	- Он сделал этот алтарь специально для вас, - пояснил Нет. - А малыш Эл собственноручно выжег кресты; он очень расстроился, что ему не разрешили больше ходить на строительство церкви.

By now Thrower was standing with them, and he could see that the altar had been lovingly built.	Троуэр встал и подошел поближе. В алтарь плотник, видно, вложил всю душу.
It was the last thing he expected from Alvin Miller.	Меньше всего священник ожидал этого от Элвина Миллера.
And the perfectly even crosses hardly looked like the work of a six-year-old child.	И, глядя на ровные, со знанием дела выжженные кресты, вряд ли можно было сказать, что эту работу выполнил шестилетний ребенок.

"Here," he said, leading them to the place where he had imagined his altar would stand.	- Вот сюда поставьте, - сказал он, подводя близнецов к месту, которое он заранее определил, надеясь вскоре поставить здесь алтарь.

It was the only thing in the meetinghouse besides the walls and the floor, and being stained, it was darker than the new-wood floor and walls.	Алтарь одиноко стоял в молельне - будучи покрашенным, он резко выделялся на фоне свежих досок пола и стен.
It was perfect, and tears came to Thrower's eyes. "Tell them that it's beautiful."	Это было само совершенство, и на глаза Троуэра навернулись слезы. - Передайте им, что алтарь прекрасен.
Faith and the boys smiled as broad as could be.	Вера и мальчики широко улыбнулись.
"You see he ain't your enemy," said Faith, and Thrower could only agree.	- Вот видите, не враг он вам, - сказала Вера, и Троуэру оставалось только согласиться.
"I'm not his enemy, either," he said.	- Я тоже ему не враг, - промолвил он.

And he didn't say: I will win him over with love and patience, but I will win, and this altar is a sure sign that in his heart he secretly longs for me to set him free from the darkness of ignorance.	Но не сказал: "Я одержу победу над ним, прибегнув к любви и терпению. Победа будет на моей стороне. Этот алтарь еще раз доказывает, что в сердце своем он тайно жаждет моей помощи, которая освободит его от тьмы невежества".
They didn't linger, but headed home briskly through the night.	Они не стали задерживаться и, распрощавшись, направились сквозь покров ночи домой.

Thrower set his candlestick on the floor near the altar-never on it, since that would smack of Papistry-and knelt in a prayer of thanksgiving.	Троуэр положил палочку для зажигания свечей рядом с алтарем - никогда, никогда не кладите ее на алтарь, поскольку это отдает папизмом, - и преклонил колени, вознося небесам благодарение.
The church mostly built, and a beautiful altar already inside it, built by the man he had most feared, the crosses burnt into it by the strange child who most symbolized the compelling superstitions of these ignorant people.	Церковь была почти завершена, внутри стоял прекрасный алтарь, построенный человеком, которого он опасался больше всего, и кресты на том алтаре были выжжены странным ребенком, который являлся воплощением темных суеверий невежественных поселенцев.

"You're so full of pride," said a voice behind him.	- О, гордыня тебя прямо переполняет, - произнес чей-то голос позади него.
He turned, already smiling, for he was always glad when the Visitor appeared.	Он обернулся, на лице его играла довольная улыбка: он всегда был рад появлению Посетителя.
But the Visitor was not smiling.	Но Посетитель не улыбался.
"So full of pride."	- Гордишься собой...
"Forgive me," said Thrower. "I repent of it already.	- Прости меня, - склонил голову Троуэр. - Я уже раскаялся.
Still, can I help it if I rejoice in the great work that is begun here?"	И все же ничего не могу с собой поделать: я ликую при виде великой работы, что началась здесь.

The Visitor gently touched the altar, his fingers seeking out the crosses.	Посетитель мягко коснулся алтаря, пальцы его на ощупь пробежались по крестам.
"He made this, didn't he?"	- Ведь это он сделал?

"Alvin Miller."	- Элвин Миллер.
"And the boy?"	- А мальчишка?
"The crosses.	- Кресты выжег.
I was so afraid they were servants of the devil-"	Я боялся, что они окажутся слугами дьявола, но...
The Visitor looked at him sharply. "And because they built an altar, you think that proves they're not?"	- Но теперь, когда они построили тебе алтарь, ты счел, что они доказали свою непричастность к дьявольским козням? - презрительно взглянул на него Посетитель.

A thrill of dread ran through him, and Thrower whispered,	Сердце Троуэра замерло, а по спине пробежали мурашки.
"I didn't think the devil could use the sign of the cross-"	- Не думал, что дьявол может воспользоваться знаком креста... - прошептал он.
"You're as superstitious as any of the others," said the Visitor coldly. "Papists cross themselves all the time.	- Да ты не меньше склонен к предрассудкам, чем все остальные, - холодно констатировал Посетитель. - Паписты все время крестятся.
Do you think it's a hex against the devil?"	Думаешь, крест остановит дьявола?

"How can I know anything, then?" asked Thrower. "If the devil can make an altar and draw a cross-"	- Тогда я вообще ничего не понимаю, - понурился Троуэр. - Если дьявол может сделать алтарь и нарисовать на нем крест...
"No, no.	- Нет, нет.
Thrower, my dear son, they aren't devils, either of them.	Троуэр, сын мой, они не дьяволы, ни тот, ни другой.
You'll know the devil when you see him.	Ты сразу узнаешь врага рода человеческого, когда увидишь его.
Where other men have hair on their heads, the devil has the horns of a bull.	Если у нормальных людей на голове волосы, то у него бычьи рога.

Where other men have feet, the devil has the cloven hooves of a goat.	Если у остальных ноги как ноги, то у дьявола -сдвоенные копыта козла.
Where other men have hands, the devil has the great paws of a bear.	А вместо рук - лапы-крючья, походящие на медвежьи.
And be sure of this: he'll make no altars for you when he comes." Then the Visitor laid both his hands on the altar. "This is my altar now," he said. "No matter who made it, I can turn it to my purpose."	И можешь быть уверен: он не станет прикрываться всякими подарками и лестью, когда придет за тобой. - Посетитель возложил обе руки на деревянную коробку. - Теперь это мой алтарь, -провозгласил он. - Кто бы его ни сделал, я воспользуюсь им для своих целей.
Thrower wept in relief.	Троуэр разрыдался от облегчения:

"Consecrated now, you've made it holy."	- Ты освятил его, принес святость в мою церковь.
And he reached out a hand to touch the altar.	И он протянул руку, намереваясь прикоснуться к алтарю.
"Stop!" whispered the Visitor.	- Постой! - шепотом приказал Посетитель.

Even voiceless, though, his word had the power to set the walls a-trembling. "Hear me first," he said.	Слово еле-еле прозвучало, но оно было исполнено великой силы, и стены содрогнулись. - Сперва выслушай меня.
"I always listen to you," said Thrower. "Though I can't guess why you should have chosen such a lowly worm as me."	- Я всегда прислушиваюсь к тебе, - ответил Троуэр. - Хотя не могу понять, почему ты выбрал такого презренного червя, как я.

"Even a worm can be made great by a touch from the finger of God," said the Visitor.	- Касание Г оспода даже червя способно возвеличить, - сказал Посетитель.
"No, don't misunderstand me-I am not the Lord of Hosts.	- Нет, не ошибись - я вовсе не Повелитель Ангелов.
Don't worship me."	Не надо преклоняться предо мной.
But Thrower could not help himself, and he wept in devotion, kneeling before this wise and powerful angel.	Но Троуэр ничего не мог с собой поделать, слезы преданности текли по его щекам, когда он встал на колени перед мудрым и могущественным ангелом.

Yes, angel, Thrower had no doubt of it, though the Visitor had no wings and wore a suit of clothes one might expect to see in Parliament.	В том, что перед ним ангел, Троуэр ни капли не сомневался, хотя у Посетителя вовсе не было крыльев, а одет он был как вполне обычный заседатель в парламенте.
"The man who built this is confused, but there is murder in his soul, and if he is provoked enough, it will come forth.	- В голове человека, сотворившего этот алтарь, царит смятение, а в душе живет убийство. Стоит дать повод, и оно вырвется наружу.
And the child who made the crosses-he is as remarkable as you suppose.	Но вот ребенок, который выжег кресты... он действительно незауряден, как ты правильно подметил.
But he is not yet ordained to a life of good or evil.	Однако он еще не решил, какую сторону принять - добра или зла.

Both paths are set before him, and he is open to influence.	Обе тропки лежат перед ним, и сейчас он открыт, поэтому его можно направить.
Do you understand me?"	Ты понимаешь меня?
"Is this my work?" asked Thrower. "Should I forget all else, and devote myself to turning the child to righteousness?"	- Это и есть моя работа? - спросил Троуэр. -Должен ли я забыть про все остальное и посвятить себя обращению мальчика в истинную веру?
"If you seem too devoted, his parents will reject you.	- Если ты проявишь излишнее рвение, его родители отторгнут тебя.
Rather you should conduct your ministry as you have planned.	Скорее тебе следует продолжать служение, как и раньше.

But in your heart, you'll bend everything toward this remarkable child, to win him to my cause.	Но сердце свое ты должен устремить на подчинение этого необычного ребенка моей вере.
Because if he does not serve me by the time he's fourteen years of age, then I'll destroy him."	Он должен превратиться в моего слугу к тому времени, как ему исполнится четырнадцать, -иначе я уничтожу его.
The mere thought of Alvin Junior being hurt or killed was unbearable to Thrower.	Сама мысль, что Элвину-младшему может быть причинен какой-то вред, что его могут убить, была невыносима для Троуэра.

It filled him with such a sense of loss that he could not imagine a father or even a mother feeling more.	Она наполняла чувством невыносимой потери -мать и отец меньше скорбят о собственных детях.
"All that a weak man can do to save the child, I will do," he cried, his voice wrung almost to a scream by his anguish.	- Я сделаю все, что способен исполнить слабый человек ради спасения ребенка, - воскликнул он. Усиленный страданиями голос разлетелся по церкви.
The Visitor nodded, smiled his beautiful and loving smile, and reached out his hand to Thrower.	Посетитель кивнул, улыбнулся прекрасной, проникнутой любовью улыбкой и протянул руку Троуэру.
"I trust you," he said softly.	- Я верю тебе, - мягко проговорил он.

His voice was like healing water on a burning wound. "I know you will do well.	Г олос лился подобно целебной воде на пылающую рану. - Знаю, ты справишься.
And as for the devil, you must feel no fear of him."	А что касается дьявола, его тебе не следует бояться.
Thrower reached for the proffered hand, to cover it with kisses; but when he should have touched flesh, there was nothing there, and in that moment the Visitor was gone.	Троуэр потянулся было к протянутой руке, дабы осыпать ее благодарственными поцелуями, но пальцы, которые вот-вот должны были коснуться плоти, схватили пустой воздух. Посетитель исчез, как его не бывало.
Chapter Nine-Taleswapper	9. Сказитель

There was once a time, Taleswapper well remembered, when he could climb a tree in these parts and look out over a hundred square miles of undisturbed forest.	Сказитель еще помнил времена, когда в этих краях можно было взобраться на дерево и обозревать взглядом сотни квадратных миль нетронутого, девственного леса.
A time when oaks lived a century or more, with ever-thickening trunks making mountains out of wood.	В те времена дубы проживали не меньше столетия, расползаясь во все стороны стволами и превращаясь в настоящие древесные горы.
A time when leaves were so thick overhead that there were places where the forest ground was bare from lack of light.	В те времена покров листвы над головой был столь плотен, что кое-где лесная земля поражала наготой, не тронутая касанием солнечного света.

That world of eternal dusk was slipping away now.	Но мир вечных сумерек бесследно растворился в прошлом.
There still were reaches of primeval wood, where Red men wandered more quietly than deer and Taleswapper felt himself to be in the cathedral of the most well-worshipped God.	Первобытные деревья-великаны еще встречались, среди них неслышно ступали краснокожие, которые могли пройти вплотную с оленем и не вспугнуть его, - под их кронами Сказитель чувствовал себя словно в соборе самого почитаемого на земле Бога.
But such places were so rare that in this last year of wandering, Taleswapper had not journeyed a single day in which he could climb a tree and see no interruption in the forest roof.	Однако такие места попадались все реже и реже, и за последний год скитаний Сказитель ни разу не видел сплошного, густо-зеленого лесного покрова.

All the country between the Hio and the Wobbish was being settled, sparsely but evenly, and even now, from his perch atop a willow at the crest of a rise, Taleswapper could see three dozen cookfires sending pillars of smoke straight up into the cold autumn air.	Весь край между Гайо и Воббской территори- ей был освоен поселен- цами, заселен редко, но ровно. Вот и сейчас, устроившись на развил- ке большой ивы. Ска- зитель видел по мень- шей мере три дюжины костров, посылающих колонны дыма высоко в холодный осенний воз- дух.

And in every direction, great swatches of forest had been cleared, the land plowed, crops planted, tended, harvested, so that where once great trees had shielded the earth from the sky's eye, now the stubbled soil was naked, waiting for winter to cover its shame.	Куда ни глянь, лес прореживали огромные заплаты вырубленных деревьев, виднелись вспаханные поля, заботливо обработанные и засеянные. Там, где когда-то громадные деревья защищали землю от небесного глаза, чернела взбороненная почва, с нетерпением ожидающая зимы, которая придет и закроет наконец ее бесстыдный позор.
Taleswapper remembered his vision of drunken Noah.	Сказитель вспомнил картину, изображающую пьяного Ноя и его сыновей 14.

He had engraved it for an edition of Genesis for Scottish rite Sunday schools.	Он сделал эту гравюру для Книги Бытия, по которой преподавали в шотландских воскресных школах.
Noah, nude, his mouth lolling open, a cup half-spilled still dangling from his curled fingers; Ham, not far off, laughing derisively; and Japheth and Shem, walking backward to draw a robe over their father, so they would not see what their father had exposed in his stupefaction.	Нагой Ной лежит с широко открытым ртом в своем шатре, недопитое вино из наполовину опустошенной чаши бежит сквозь полускрюченные пальцы и падает на землю; Хам стоит неподалеку и корчится от смеха; Иафет и Сим, отвернувшись, с лицами, обращенными назад, подносят отцу одежду, дабы не видеть его пьяной наготы.

With an electric excitement, Taleswapper realized that this, now, is what that prophetic moment foreshadowed.	С волнением Сказитель осознал, что в той пророческой картине отразилось будущее.
That he, Taleswapper, perched atop a tree, was seeing the naked land in its stupor, awaiting the modest covering of winter.	Теперь он, Сказитель, сидя на дереве, наблюдал нагую землю, оцепенело ожидающую скромное покрывало зимних снегов.
It was prophecy fulfilled, a thing which one hoped for but could not expect in one's own life.	Пророчество исполнилось, что очень нечасто случается в человеческой жизни: на пророчества всегда надеются, но никогда не ждут их реального воплощения.

Or, then again, the story of drunken Noah might not be a figure of this moment at all.	Но, с другой стороны, история о пьяном Ное могла не иметь отношения к нынешним временам.
Why not the other way around?	Хотя почему бы и нет?
Why not cleared land as a figure for drunken Noah?	Почему бы очищенной от деревьев земле не принять образ напившегося вина Ноя?
Taleswapper was in a foul mood by the time he reached the ground.	Сказитель спустился на землю не в лучшем расположении духа.
He thought and thought, trying to open his mind to see visions, to be a good prophet.	Он упорно размышлял, в голове его роились всяческие мысли - он отчаянно пытался открыть свой ум видениям, стать настоящим пророком.

Yet every time he thought he had got something firm and tight, it shifted, it changed.	Но каждый раз, когда он наконец нащупывал что-нибудь несомненное, неопровержимое, все вдруг оборачивалось иначе, вставая с ног на голову.
He thought one thought too many, and the whole fabric came undone, and he was left as uncertain as ever before.	Одно толкование заменялось многими, ткань распадалась, и он оставался в той же неуверенности, что и раньше.

At the base of the tree he opened his pack.	Прислонившись к дереву спиной, он открыл дорожную сумку.
From it he took the Book of Tales that he had first made for Old Ben back in '85.	Из нее он извлек Книгу Сказаний, которую по настоянию старика Бена начал заполнять еще в восемьдесят пятом году.

Carefully he unbuckled the sealed portion, then closed his eyes and riffled the pages.	Осторожно расстегнул пряжку, стягивающую переплет, закрыл глаза и пролистал страницы.
He opened his eyes and found his fingers resting among the Proverbs of Hell.	Приоткрыв веки, он обнаружил, что пальцы остановились среди Присловий Ада 15.
Of course, at a time like this.	Ну да, конечно, как раз вовремя.
His finger touched two proverbs, both written by his own hand.	Палец покоился сразу на двух присловиях, которые были когда-то выведены его же собственной рукой.
One meant nothing, but the other seemed appropriate.	Первое ничего не означало, второе вроде бы подходило к данной ситуации.

"A fool sees not the same tree that a wise man sees."	"Одно и то же дерево по-разному видят глупец и мудрец".
Yet the more he tried to study out the meaning of that proverb at this moment, the less connection he saw, except that it included mention of trees.	Однако чем больше он вдумывался в смысл, чем больше пытался увязать присловие с нынешним моментом, тем менее складным оно казалось -если, конечно, не принимать во внимание упоминания о дереве.
So he tried the first proverb after all.	Тогда он снова обратился к первой пословице.
"If the fool would persist in his folly he would become wise."	"Стой на своем безумии глупец - и стал бы мудрецом".
Ah.	Ага.

This was speaking to him, after all.	Вот это в точности про него.
This was the voice of prophecy, recorded when he lived in Philadelphia, before he ever began his journey, on a night when the Book of Proverbs came alive for him and he saw as if in letters of flame the words that should have been included.	Это глас пророчества, записанный, когда Сказитель еще жил в Филадельфии и даже не думал пускаться в путешествие. В ту ночь Книга Присловий явилась к нему как живая, он явственно увидел выписанные огненными буквами слова фраз, которые должны войти в нее.
That night he had stayed up until dawn's light killed the fires of the page.	Помнится, он не ложился спать, пока свет пробуждающегося солнца не прогнал со страниц пламенеющие строчки.

When Old Ben came thumping down the stairs to grouch his way in for breakfast, he stopped and sniffed the air.	Помнится, старик Бен, который, шаркая и ворча, брел вниз по лестнице, чтоб разжиться завтраком, вдруг остановился и принюхался.
"Smoke," he said. "You haven't been trying to burn down the house, have you, Bill?"	- Дымком тянет, - заметил он. - Надеюсь, Билл, ты не пытался поджечь дом?
"No sir," answered Taleswapper. "But I saw a vision of what God meant the Book of Proverbs to say, and wrote them down."	- Нет, сэр, - ответил Сказитель. - Но мне явилось видение Книги Присловий, какой ее видит Бог, и всю ночь я заполнял страницы.

"You are obsessed with visions," said Old Ben. "The only true vision comes not from God but from the inmost recesses of the human mind.	- Да ты помешался на видениях, - хмыкнул старик Бен. - Настоящие видения исходят не от Господа -их поставляют затаенные уголки человеческого мозга.
Write that down as a proverb, if you want.	Если хочешь, можешь записать это как присловие.
It's far too agnostic for me to use it in Poor Richard's Almanac."	Все равно оно чересчур попахивает агностицизмом, чтобы я использовал его в "Альманахе простака Ричарда" 16.
"Look," said Taleswapper.	- Взгляните-ка лучше, - предложил Сказитель.
Old Ben looked, and saw the last flames as they died.	Старик Бен наклонился и увидел, как потухают последние огоньки.

"Well, now, if that's not the most remarkable trick to do with letters.	- М-да, никогда не видел, чтобы с буквами проделывали подобные штучки.
And you told me you weren't a wizard."	А ты еще клялся, будто знать не знаешь, что такое волшебство.
"I'm not.	- Я действительно не волшебник.
God gave this to me."	Мне послал это Бог.
"God or the devil?	- Бог или дьявол?
When you're surrounded by light, Bill, how do you know whether it's the glory of God or the flames of hell?"	Когда тебя окружает слепящий свет, Билл, можешь ли ты с уверенностью утверждать, слава это Господня или адское пламя?
"I don't know," said Taleswapper, growing confused.	- Не знаю, - пожал плечами Сказитель, смутившись.

Being young then, not yet thirty, he was easily confused in the presence of the great man.	Тогда он был еще молод, и тридцати ему не было, поэтому он отчасти стеснялся этого великого человека.
"Or perhaps you, wanting truth so badly, gave it to yourself." Old Ben tilted his head to examine the pages of Proverbs through the lower lenses of his bifocals. "The letters have been burned right in.	- А может, ты сам, отчаянно возжелав правды, предоставил ее себе? - Старик Бен наклонился поближе, чтобы внимательнее изучить страницы Присловий через нижние линзы очков. - Буквы как будто выжжены.
Funny, isn't it, that I'm called a wizard, who am not, and you, who are, refuse to admit it."	Забавно, меня все кличут волшебником, которым я не являюсь, тогда как ты, самый настоящий маг, отказываешься признать свой дар.
"I'm a prophet.	- Я пророк.

Or-want to be."	Или - хочу им стать.
"If one of your prophecies comes true, Bill Blake, then I'll believe it, but not until."	- Вот когда хотя б одно из твоих пророчеств исполнится, Билл Блейк, я поверю тебе. Но не раньше.
In the years since then, Taleswapper had searched for the fulfilment of even one prophecy.	Все прошлые годы Сказитель искал исполнения хотя бы одного пророчества.

Yet whenever he thought he had found such a fulfilment, he could hear Old Ben's voice in the back of his mind, providing an alternate explanation, scoffing at him for thinking that any connection between prophecy and reality could be true.	Однако стоило ему набрести на что-нибудь похожее, как откуда-то издалека раздавался голос старика Бена, который предлагал альтернативное объяснение и в очередной раз высмеивал уверенность Сказителя, осмелившегося утверждать, будто бы между видениями и реальным миром существует какая-то связь.
"Never true," Old Ben would say. "Useful_now, there's something.	- Да никогда видения не обернутся правдой, -усмехался, бывало, старик Бен. - Пригодиться могут, не спорю.
Your mind might make a connection that is useful.	Твой ум может раскопать в них какую-нибудь связь.

But true is another matter.	Но истина - дело иное.
True implies that you have found a connection that exists independent of your apprehension of it, that would exist whether you noticed it or not.	Истина возникает, когда ты обнаруживаешь некую связь, которая существует независимо от твоего мироощущения, которая существовала и будет существовать независимо от того, заметил ты ее или нет.
And I must say that I have never seen such a connection in my life.	Признаюсь, сам я никогда не находил ничего похожего.

There are times when I suspect that there are no such connections, that all links, bonds, ties, and similarities are creatures of thought and have no substance."	Временами я даже начинаю подумывать, что таких связей не существует, что все сочленения, узы, следствия и подобия суть плод человеческого вымысла и не имеют под собой реальной почвы.
"Then why doesn't the ground dissolve beneath our feet?" asked Taleswapper.	- Тогда почему земля у нас под ногами не расступается? - спросил Сказитель.
"Because we have managed to persuade it not to let our bodies by.	- Потому что нам каким-то образом удалось убедить ее не пропускать наших тел.
Perhaps it was Sir Isaac Newton.	Может, в этом виноват сэр Исаак Ньютон.
He was such a persuasive fellow.	Уж очень упорный был человек.

Even if human beings doubt him, the ground does not, and so it endures."	Люди могут сомневаться в его постулатах сколько угодно, но земля ему верит - вот и держит нас.
Old Ben laughed.	Высказав свою гипотезу, старик Бен расхохотался.
It was all a lark to him.	Для него подобные беседы были не больше чем забавой.
He never could bring himself to believe even his own skepticism.	Он даже себя не мог заставить поверить в собственный скептицизм.
Now, sitting at the base of the tree, his eyes closed, Taleswapper connected again: The tale of Noah with Old Ben.	И вот сейчас, сидя с закрытыми глазами у подножия дерева. Сказитель вновь пустился на поиски связи, увязывая историю Ноя с жизнью старика Бена.

Old Ben was Ham, who saw the naked truth, limp and shameful, and laughed at it, while all the loyal sons of church and university walked backward to cover it up again, so the silly truth would not be seen.	Старик Бен был Хамом, увидевшим голую истину, неприкрыто безвольную и позорную. Он увидел ее и расхохотался, тогда как преданные сыны церкви и университетов, отворачивая лица, упорно заворачивают в одежды глупую правду.

Thus the world continued to think of the truth as firm and proud, never having seen it in a slack moment.	И мир продолжает считать, что правда непоколебима и горда - мир не видел ее в минуту слабости.

That is a true connection, thought Taleswapper. That is the meaning of the story.	"Вот эта связь истинна, - подумал Сказитель. -Это и есть настоящее значение библейской истории.
That is the fulfilment of the prophecy.	Исполнение пророчества.
The truth when we see it is ridiculous, and if we wish to worship it, we must never allow ourselves to see it.	Истина, если к ней приглядеться, смешна, поэтому если мы желаем и дальше боготворить ее, то никогда не должны сдергивать с нее покровов".
In that moment of discovery, Taleswapper sprang to his feet.	Открытие было столь ново, что Сказитель вскочил на ноги.

He must find someone at once, to tell of this great discovery while he still believed it.	Он немедленно должен найти кого-нибудь, с кем можно было бы поделиться снизошедшим откровением, - надо поговорить с кем-нибудь, пока он еще верит собственным выводам.
As his own proverb said	Ибо, как гласило написанное его рукой присловие:
"The cistern contains: the fountain overflows."	"Водоем содержит; источник источает".
If he did not speak his tale, it grew dank and musty, it shrank inside him, while with the telling the tale stayed fresh and virtuous.	Если он не расскажет людям эту историю, она отсыреет и помутнеет, сожмется и спрячется внутри. Только рассказами можно сохранить свежесть и добродетель происходящего.

Which way?	Но куда идти?
The forest road, not three rods off, led toward a large white church with an oak-high steeple-he had seen it, not a mile away, while up the tree.	Лесная дорога, что пролегала в десятке ярдов, вела к большой белой церкви с крышей, достигающей высоты самых старых дубов, - он заметил ее шпиль, когда забирался на иву.
It was the largest building Taleswapper had seen since he last visited in Philadelphia.	Таких огромных зданий Сказитель не видел со времен последнего посещения Филадельфии.
Such a large building for people to gather in implied that folks in this part of the land felt they had plenty of room for newcomers.	Церковь подобных размеров, способная вместить множество людей, намекала, что здешние поселенцы с радостью привечают вновь прибывших и места хватит всем.

A good sign for an itinerant teller of tales, since he lived by the trust of strangers, who might take him in and feed him when he brought nothing with him to pay with, except his book, his memory, two strong arms, and sturdy legs that had carried him ten thousand miles and were good for at least five thousand more.	Добрый знак для бродяжничающего рассказчика, поскольку жил он исключительно благодаря милости деревенских людей. Они впускали его в дома, кормили и поили, тогда как у него не было ничего, кроме рассказов, воспоминаний, двух крепких рук и порядком истоптанных ног, которые исходили уже более десятка тысяч миль и способны преодолеть как минимум еще пяток тысяч.

The road was rutted with wagon tracks, which meant it was often used, and in the low places it was firmed up with rails, making a good strong corduroy so that wagons wouldn't mire in rain-soaked soil.	Дорога была изрядно побита колесами повозок и телег, а это означало, что по ней частенько ездят. В низких местах она была укреплена положенными на землю жердинами, чтобы проезжающие не вязли в вечной спутнице дождя -непролазной грязи.
So this was on its way to being a town, was it?	Ага, значит, поселение твердо вознамерилось превратиться в город.
The large church might not mean openness at all-it might speak more of ambition.	Большая церковь могла символизировать нечто иное, нежели открытость местных людей, - скорее она говорила о процветающих здесь амбициях.

That's the danger of judging anything, thought Taleswapper: There are a hundred possible causes for every effect, and a hundred possible effects from every cause.	"Вот почему опасно судить за глаза, - упрекнул себя Сказитель. - У каждого явления имеется сотня возможных причин, и каждая причина может породить сотню возможных явлений".
He thought of writing down that thought, but decided against it.	Он подумал было записать эту мысль, но потом решил, что не стоит.
It had no traces on it save the prints of his own soul-neither the marks of heaven nor of hell.	Она не несла на себе никаких особых отметин, за исключением отпечатка его собственной души, -ни Небеса, ни ад не удостоили ее внимания.

By this he knew that it hadn't been given to him.	Именно так он определял происхождение мысли.
He had forced the thought himself.	Это присловие выдумал он сам.
So it couldn't be prophecy, and couldn't be true.	Следовательно, оно не могло быть пророчеством и не могло оказаться истинным.
The road ended in a commons not far from a river.	Дорога выходила на принадлежащие деревеньке луга.
Taleswapper knew that from the smell of rushing water-he had a good nose.	Где-то неподалеку текла река - Сказитель сразу почуял запах бегущей воды, нюх у него был хоть куда.

Around the commons were scattered several buildings, but the largest of all was a whitewashed clapboard two-story building with a small sign that said	Вокруг лугов беспорядочно разместились несколько построек, однако взгляд привлекала лишь одна из них - большой, выкрашенный в белый цвет и обшитый досками дом с небольшой вывеской:
"Weaver's."	"Семья Уиверов".
Now when a house has a sign on it, Taleswapper knew, that generally means the owners want people to recognize the place though they've never been shown the way, which is the same as to say that the house is open to strangers.	Вывеска на доме обычно означала, что владельцы хотят, чтобы люди с первого взгляда узнавали их жилище, хоть никогда его и не видели. А это все равно что объявить во всеуслышание: "Наши двери открыты для всех".

So Taleswapper went right up and knocked.	Поэтому Сказитель не преминул подняться на крыльцо и постучаться.
"Minute!" came a shout from inside.	- Минутку! - прокричал кто-то изнутри.
Taleswapper waited on the porch.	Сказитель стал ждать, осматривая тем временем веранду.

Toward one end were several hanging baskets, with the long leaves of various herbs dangling.	С одной стороны висело несколько садовых корзиночек, из которых выпирали длинные листья всевозможных растений.

Taleswapper recognized many of them as being useful in various arts, such as healing, finding, sealing, and reminding. He also recognized that the baskets were arranged so that, seen from a spot near the base of the door, they would form a perfect hex.	Сказитель достаточно неплохо разбирался в травах, поэтому сразу узнал некоторые из них: они помогали в лечении болезней, в поисках потерявшейся вещи, в запечатывании дома от дурных намерений и в напоминании давно забытого. Кроме того, он заметил, что корзиночки развешены таким образом, чтобы человек, подошедший к дверям, подпадал под действие идеально сотворенного магического знака.

In fact, this was so pronounced an effect that Taleswapper squatted and finally lay prone on the porch to see it property.	По сути дела, знак был так умело замаскирован, что Сказитель даже опустился на корточки, чтобы рассмотреть его повнимательнее. В конце концов, он вообще лег, чтобы лучше видеть.
The colors daubed on the baskets at exactly the correct points proved that it was no accident.	Цвета, в которые были раскрашены корзиночки, сходились друг с другом под идеальным углом, отметая случайное совпадение.
It was an exquisite hex of protection, oriented toward the doorway.	На входную дверь дома смотрел искусно созданный магический оберег.

Taleswapper tried to think of why someone would put up such a powerful hex, and yet seek to conceal it.	Загадка оберега поставила Сказителя в тупик. Зачем создавать столь сильный магический знак -чтоб потом прятать от глаз людских?
Why, Taleswapper was probably the only person around likely to feel the whiff of power from something as passive as a hex, and so be drawn to notice it.	Сказитель, может, единственный в этих краях способен почувствовать волну силы, исходящую от магических знаков, которые по природе своей пассивны. Если б не могучая сила оберега, то даже Сказитель не заметил бы его.
He was still lying there on the floor, puzzling about it, when the door opened and a man said,	Лежа на досках крыльца и позабыв обо всем, он предавался размышлениям, когда дверь отворилась и из дома выглянул какой-то мужчина:

"Are you so tired, then, stranger?"	- Неужель, чужеземец, ты так притомился?
Taleswapper leapt to his feet.	Сказитель мигом вскочил на ноги.
"Admiring your arrangement of herbs.	- Я просто восхищался вашим садиком трав.
Quite an aerial garden, sir."	Прекрасный и очень необычный сад, сэр.
"My wife's," said the man. "She fusses over them all the time.	- Это все моя жена, - махнул рукой мужчина. -Постоянно возится с этой зеленью.
Has to have them just so."	Подстригает, пересаживает, поливает...
Was the man a liar?	Зачем этот человек лжет ему?

No, Taleswapper decided. He wasn't trying to hide the fact that the baskets made a hex and the trailing leaves intertwined to bind them together.	"Впрочем, нет, он не лжет, - понял Сказитель. -Он ведь не пытается скрыть, что корзиночки образуют знак, а переплетенные ветви связывают его воедино и наполняют силой.
He simply didn't know.	Он просто не знает.

Someone- his wife, probably, if it was her garden-had set up a protection on his house, and the husband didn't have a clue.	Кто-то - может быть, его жена, раз этот садик принадлежит ей, - начертил у дверей дома оберег, а он и не подозревает об этом".
"They look just right to me," said Taleswapper.	- Не знаю, по-моему, лучше быть не может, -ответил Сказитель.

"I wondered how someone could arrive here, and me not hear the wagon nor the horse.	- Я все гадал, как это я умудрился проворонить гостей, ведь ни повозка вроде не подъезжала, ни лошадь.
But from the looks of you, I'd guess you came afoot."	Но, глядя на вас, вижу, вы пришли пешком.
"That I did, sir," said Taleswapper.	- Именно так оно и есть, - кивнул Сказитель.
"And your pack doesn't look full enough to hold many articles to trade."	- Да и котомка у вас не столь набита, чтоб вы могли что-то предложить взамен.
"I don't trade in things, sir," said Taleswappe	- Я меняюсь не вещами, - подчеркнул Сказитель.
"What, then?	- Чем же тогда?
What but things can be traded?	Что еще, кроме вещей, можно обменять?

"Work, for one thing," said Taleswapper. "I work for food and shelter."	- Ну, во-первых, работу, - пожал плечами Сказитель. - Я отрабатываю кров и обед собственными руками.
"You're an old man, to be a vagrant."	- Вы слишком стары для бродяги.
"I was born in fifty-seven, so I still have a good seventeen years until I've used up my three-score and ten.	- Я родился в пятьдесят седьмом, и до старости еще далеко.
Besides, I have a few knacks."	Кроме того, у меня есть кое-какие способности, которые могут пригодиться.
At once the man seemed to shrink away.	Мужчина как будто отступил от него.
It wasn't in his body.	Хотя на самом деле он и с места не тронулся.

It was his eyes that got more distant, as he said,	Просто глаза его стали далекими.
"My wife and I do our own work here, seeing how our sons are right small yet.	- Моя жена и я справляемся с работой по дому, пока наши дети не выросли, чтобы помогать.
We've no need of help."	А помощь от посторонних нам не требуется.
There was a woman behind him now, a girl still young enough that her face hadn't grown hard and weathered, though she was solemn.	Позади мужчины возникла женщина, не женщина даже, а девушка - лицо ее еще не затвердело и не обветрилось, хотя хранило печать торжественной серьезности.
She held a baby in her arms.	На руках она держала младенца.

She spoke to her husband. "We have enough to spare another place for dinner tonight, Armor-"	- Армор, сегодня вечером мы вполне можем поделиться с кем-нибудь обедом... - обратилась она к мужчине.
At that the husband's face went firm and set.	Услышав ее голос, хозяин дома упрямо поджал губы.
"My wife is more generous than I am, stranger.	- Моя жена куда более щедра, чем я, незнакомец.
I'll tell you straight out.	Но скажу тебе напрямик.

You spoke of having a few knacks, and in my experience that means you make some claim to hidden powers.	Ты тут намекал на кое-какие способности, которые могут пригодиться, и я исходя из собственного опыта понял, что ты имеешь какое-то отношение к тайным силам.

I'll have no such workings in a Christian house."	Я не потерплю ничего подобного в добром христианском жилище.
Taleswapper looked hard at him, and then looked a bit softer at the wife.	Сказитель немигающим взглядом посмотрел ему в глаза, после чего, уже немного помягче, взглянул на жену.
So that was the way of it here: she working such hexes and spells as she could hide from her husband, and he flat rejecting any sign of it.	Так вот как обстоят дела: магические обереги и заклятия она творит втайне от мужа, и он тупо считает, что ничего подобного в их доме нет.
If her husband ever realized the truth, Taleswapper wondered what would happen to the wife.	Интересно, что будет, если ее тайна откроется?

The man-Armor? -- seemed not to be the murderous kind, but then, there was no telling what violence would flow in a man's veins when the flood of rage came undammed.	Этот человек - Армор, кажется? - вроде не расположен к насилию и убийству, но разве можно предугадать, что за страшная сила заиграет в мужских венах, когда ярость вырвется на волю?
"I understand your caution, sir," said Taleswapper.	- Я принял ваше предупреждение, сэр, - вежливо ответил Сказитель.
"I know you have protections on you," said Armor. "A lone man, afoot in the wild for all this way?	- Знаю, на тебе имеются обереги, - продолжал Армор. - Такой путь преодолеть по лесной глуши в одиночку и пешком!

The fact that your hair is still on your head says that you must have warded off the Reds."	Скальп, еще присутствующий на твоей голове, доказывает, что ты, должно быть, заговорен от краснокожих.
Taleswapper grinned and swept his cap off his head, letting his bald crown show.	Сказитель широко улыбнулся и стащил с себя шапку, демонстрируя лысую, как локоть, макушку.
"Is it a true warding, to blind them with the reflected glory of the sun?" he asked.	- Самый лучший оберег от них - это отражение сияющей славы солнца.
"They'd get no bounty for my scalp."	За мой скальп они награды не получат.

"Truth to tell," said Armor, "the Reds in these parts are more peaceable than most.	- По правде говоря, - согласился Армор, -краснокожие, обитающие в здешних лесах, гораздо менее воинственны, чем где-либо.
The one-eyed Prophet has built him a city on the other side of the Wobbish, where he teaches Reds not to drink likker."	На другой стороне Вобб-ской долины построил свой город одноглазый Пророк. Там он учит их не пить огненную воду.
"That's good advice for any man," said Taleswapper.	- Этому полезно поучиться не только краснокожим, - ответил Сказитель.

And he thought: A Red man who calls himself a prophet. "Before I leave this place I'll have to meet that man and have words with him."	А про себя подумал: "Надо же, краснокожий, величающий себя пророком!" - Думаю, прежде чем покинуть ваши края, я постараюсь встретиться с этим человеком и перекинуться с ним парой слов.

"He won't talk to you," said Armor. "Not unless you can change the color of your skin.	- Не волнуйся, тебя он видеть не захочет, - хмыкнул Армор. - Разве что ты вдруг изменишь цвет кожи.
He hasn't spoke to a White man since he had his first vision a few years back."	Он и словом не перемолвился с белым человеком с тех пор, как несколько лет назад его посетило первое видение.
"Will he kill me if I try?"	- Так что же, он убьет меня?

"Not likely.	- Вряд ли.
He teaches his people not to kill White men."	Во всяком случае, своих людей он учит не убивать бледнолицых.
"That's also good advice," said Taleswapper.	- Тоже полезное начинание, - усмехнулся Сказитель.
"Good for White men, but it may not have the best result for Reds.	- Полезное для белых людей, но для краснокожих оно может аукнуться не лучшим образом.
There's folks like so-called Governor Harrison down in Carthage City who mean naught but harm for all Reds, peaceable or not."	Белые всякие встречаются, взять, к примеру, так называемого губернатора Гаррисона 17, что обосновался в Карфаген-сити. Для него все краснокожие едины, мирные они или нет.

The truculence had not left Armor's face, but he was talking anyway, and from his heart, too.	Спит и видит, как бы перебить их племя. - Лицо Армора по-прежнему заливала краска гнева, и тем не менее он продолжал говорить, и слова его шли от чистого сердца.
Taleswapper put a great deal of trust in the sort of man who spoke his mind to all men, even strangers, even enemies. "Anyway," Armor went on, "not all Reds are believers in the Prophet's peaceable words.	Превыше всех на свете Сказитель ставил тех людей, которые всегда говорят искренне - даже с незнакомцами, даже со своими врагами. - Да и не все краснокожие, - продолжал Армор, - веруют в мирные речи Пророка.

Them as follow Ta-Kumsaw are stirring up trouble down by the Hio, and a lot of folks are moving north to the upper Wobbish country.	Такие, как Такумсе 18, постоянно баламутят в низовьях Гайо. За последнее время множество народу переселилось на север Воббской долины.
So you won't lack for houses willing to take a beggar in-you can thank the Reds for that, too."	Так что ты без труда найдешь дом, где с радостью примут нищего попрошайку - за это, кстати, можешь поблагодарить краснокожих.
"I'm no beggar, sir," said Taleswapper. "As I told you, I'm willing to work."	- Я не нищий и не попрошайка, сэр, - поправил его Сказитель. - И как уже говорил, от работы я никогда не отлыниваю. - Конечно, не отлыниваешь.
"With knacks and hidden shiftiness, no doubt."	Всякие способности да изворотливость тебе помогают.

The man's hostility was the plain opposite of his wife's gentle welcoming air.	Жена, вопреки неприкрытой враждебности мужа, излучала мягкое радушие.
"What is your knack, sir?" asked the wife. "From your speech you're an educated man.	- Так каков же ваш дар, сэр? - спросила она. -Судя по вашим речам, вы человек образованный.
You'd not be a teacher, would you?"	Может, вы учитель?
"My knack is spoken with my name," he said. "Taleswapper.	- Мой дар становится явным, стоит лишь назвать мое имя, - ответил он. - Меня кличут Сказителем.

I have a knack for stories."	Мой дар - рассказывать истории.
"For making them up?	- Выдумывать, точнее сказать.

We call that lying, hereabouts." The more the wife tried to befriend Taleswapper, the colder her husband became.	Знаешь, у нас здесь всякие байки кличут враками. - Чем больше жена пыталась сдружиться со Сказителем, тем холоднее становился ее муж.
"I have a knack for remembering stories.	- Я умею запоминать.
But I tell only those that I believe are true, sir.	Но рассказываю только те истории, которые считаю правдивыми, сэр.
And I'm a hard man to convince.	И убедить меня - дело не из легких.

If you tell me your stories, I'll tell you mine, and we'll both be richer for the trade, since neither one of us loses what we started with."	Если вы расскажете мне что-нибудь новенькое, я поделюсь с вами своими рассказами. От этого обмена мы оба выгадаем, поскольку ни один из нас не потеряет того, с чем начинал торги.
"I've got no stories," said Armor, even though he had already told a tale of the Prophet and another of Ta-Kumsaw.	- Не знаю я никаких историй, - буркнул Армор, хотя уже поведал Сказителю о Пророке и Такумсе.
"That's sad news, and if it's so, then I've come to the wrong house indeed."	- Печальные новости. Что ж, раз так, значит, и вправду я постучался не в те двери.
Taleswapper could see that this truly wasn't the house for him.	Теперь Сказитель и сам видел, что этот дом не для него.

Even if Armor relented and let him in, he would be surrounded by suspicion, and Taleswapper couldn't live where people looked sharp at him all the time.	Даже если Армор смягчится наконец и впустит странника, его со всех сторон будет окружать подозрение, а Сказитель не мог жить под крышей, где спину сверлят косые взгляды.
"Good day to you."	- Славного вам дня, прощайте.
But Armor wasn't letting him go so easily.	Но Армору, видно, не хотелось так легко отпускать его.
He took Taleswapper's words as a challenge.	Он воспринял слова Сказителя как вызов:
"Why should it be sad?	- Почему ж печальные?
I live a quiet, ordinary life."	Я веду тихую, заурядную жизнь.

"No man's life is ordinary to himself," said Taleswapper, "and if he says it is, then that's a story of the kind that I never tell."	- Нет такого человека на свете, который назвал бы свою жизнь "заурядной", - произнес Сказитель. -И в рассказ о таком человеке я никогда не поверю.
"You calling me a liar?" demanded Armor.	- Ты что, называешь меня лжецом? - зарычал Армор.
"I'm asking if you know a place where my knack might be welcome."	- Нет, всего лишь спрашиваю, не знаете ли вы случаем место, где к моему дару отнесутся более благосклонно?

Taleswapper saw, though Armor didn't, how the wife did a calming with the fingers of her right hand, and held her husband's wrist with her left.	Армор стоял спиной к жене, поэтому ничего не заметил, зато Сказитель прекрасно видел, как пальцами правой руки она сотворила знак спокойствия, а левой рукой коснулась запястья мужа.

It was smoothly done, and the husband must have become quite attuned to it, because he visibly relaxed as she stepped a bit forward to reply.	Заклятие было сотворено с идеальной чистотой, видимо, она не в первый раз прибегает к нему. Армор чуть расслабился и немного отступил, пропуская жену.

"Friend," she said, "if you take the track behind that hill yonder, and follow it to the end, over two brooks, both with bridges, you'll reach the house of Alvin Miller, and I know he'll take you in."	- Друг мой, - сказала она, сделав небольшой шаг вперед, - если ты пойдешь по дороге, огибающей вон тот холм, и проследуешь по ней до конца, перейдешь через два ручья, через которые перекинуты мостки, то в конце концов доберешься до дома Элвина Мельника. Я уверена, он с радостью примет тебя.
"Ha," said Armor.	- Ха, - презрительно фыркнул Армор.
"Thank you," said Taleswapper. "But how can you know such a thing?"	- Благодарю вас, - поклонился Сказитель. - Но почему вы так решили?

"They'll take you in for as long as you want to stay, and never turn you away, as long as you show willingness to help out."	- Вы можете оставаться у него в семье, сколько пожелаете. Вас никто не выгонит, пока вы горите желанием помочь.
"Willing I always am, milady," said Taleswapper.	- Это желание живет во мне всегда, миледи, -сказал Сказитель.
"Always willing?" said Armor. "Nobody's always willing.	- Всегда ли? - усомнился Армор. - Не может человек всегда гореть желанием помочь.
I thought you always spoke true."	А я думал, ты говоришь только правду.
"I always tell what I believe.	- Я говорю то, во что верю.

Whether it's true, I'm no more sure than any man."	А правда ли это, судить не мне.
"Then how do you call me 'sir,' when I'm no knight, and call her 'milady,' when she's as common as myself?"	- Тогда почему ты величаешь меня "сэром", хотя я не рыцарского звания, а ее - "миледи", тогда как она по происхождению ничем не отличается от меня?
"Why, I don't believe in the King's knightings, that's why.	- Просто я не верю в королевские посвящения в рыцари.
He calls a man a knight because he owes him a favor, whether he's a true knight or not.	Король с охотой дарует титул любому, кто окажет ему ценную услугу, и не важно, рыцарь этот человек в душе или нет.

And all his mistresses are called 'ladies' for what they do between the royal sheets.	А с королевскими любовницами обращаются как со знатными дамами за те успехи, что они продемонстрировали на царском ложе.
That's how the words are used among the Cavaliers-lies half the time.	Именно так используют эти слова роялисты: ложь на лжи.
But your wife, sir, acted like a true lady, gracious and hospitable.	Но ваша жена, сэр, вела себя как настоящая леди, проявив милосердие и радушие.
And you, sir, like a true knight, protecting your household against the dangers you most fear."	А вы, сэр, были истинным рыцарем, смело защитив свои владения от опасностей, которых больше всего боитесь.

Armor laughed aloud.	Армор громко расхохотался:

"You talk so sweet I bet you have to suck on salt for half an hour to get the taste of sugar out of your mouth."	- Да твои речи настолько сладки, что после нашего разговора тебе, наверное, придется по меньшей мере час соль жевать, чтобы избавиться от привкуса сахара во рту.
"It's my knack," said Taleswapper. "But I have other ways to talk, and not sweetly, when the time is right.	- Это мой дар, - промолвил Сказитель. - Однако я могу и по-другому заговорить, уже не так сладко, когда наступит должное время.
Good afternoon to you, and your wife, and your children, and your Christian house."	Доброго дня вам, вашей жене, детям и этому благочестивому дому.

Taleswapper walked out onto the grass of the cornmons.	Сказитель неторопливо побрел по лужайке.
The cows paid him no mind, because he did have a warding, though not of the sort that Armor would ever see.	Коровы не обращали на него никакого внимания, поскольку на нем и в самом деле был оберег, но этот знак Армор никогда бы не разглядел.
Taleswapper sat in the sunlight for a little while, to let his brain get warm and see if it could come up with a thought.	Решив немного прогреть мозги и поискать в голове умных мыслей, Сказитель некоторое время посидел на солнышке.
But it didn't work.	Правда, это ничего не дало.
Almost never had a thought worth having, after noon.	После полудня умные мысли не лезут в голову.

As the proverb said,	Как гласило присловие:
"Think in the morning, Act in the noon, Eat in the evening, Sleep in the night."	"Думай утром, действуй днем, вечером ешь и ночью спи".
Too late for thinking now.	Солнце высоко в небе - слишком поздно для раздумий.
Too early for eating.	И несколько рановато для трапезы.
He headed up the pathway to the church, which stood well back from the commons, atop a good-sized hill.	Он направился по тропинке к церкви, которая стояла на краю деревенских лугов, на вершине приличных размеров холма.
If I were a true prophet, he thought, I'd know things now.	"Будь я настоящим пророком, - думал Сказитель, -все бы уже понял.

I'd know whether I'd stay here for a day or a week or a month.	Я бы знал, задержусь здесь на день, на неделю или на месяц.
I'd know whether Armor would be my friend, as I hope, or my enemy, as I fear.	Увидел бы, станет Армор мне другом, как я смею надеяться, или врагом, чего я опасаюсь.
I'd know whether his wife would someday win herself free to use her powers in the open.	Узнал бы, наступит ли день, когда его жена сможет открыто, ничего не страшась, использовать свои силы.
I'd know whether I'd ever meet this Red Prophet face to face.	Я б, наверное, даже знал, доведется ли мне повстречаться с этим краснокожим пророком".
But that was nonsense, he knew.	Лезет ведь всякая ерунда на ум.

That was the sort of seeing that a torch would do- he'd seen them doing it before, more than a few of them, and it filled him with dread, because it wasn't good, he knew, for a man to know too much of the path of his own life ahead.	Такое может увидеть обыкновенный свет- лячок, а светлячков он встречал не раз и не два. Их способно- сти наводили на него ужас, потому что он не сомневался, что не должно человеку знать большую часть жизненного пути, ко- торый ожидает его в будущем.
No, for him the knack he wanted was prophecy, to see, not the small doings of men and women in their little corners of the world, but rather the great sweep of events as directed by God.	Нет, сам он желал стать настоящим про- роком, он жаждал ви- деть - но не малень- кие творения мужчин и женщин, расселив- шихся по всем уголкам этого мира, а великую панораму событий, за- теянных Богом.

Or by Satan-Taleswapper wasn't particular, since both of them had a good idea of what they planned to do in the world, and so either one was likely to know a few things about the future.	Или сатаной - это Сказителю было без разницы, поскольку и тот, и другой обладали собственным, хорошо продуманным планом дальнейших действий, и поэтому каждый имел хотя бы приблизительное понятие о будущем.
Of course, it was likely to be more pleasant to hear from God.	Конечно, предпочтительнее общаться с Богом.
What traces of the devil he had touched so far in his life had all been painful, each in its own way.	Те творения дьявола, с которыми Сказителю пришлось столкнуться в жизни, причиняли ему одну боль - причем каждое по-своему.

The church door stood open, this being a warmish day for autumn, and Taleswapper buzzed right in along with the Ries.	В этот на диво теплый осенний день дверь церкви была настежь распахнута, и Сказитель без труда проник внутрь вместе со стайкой жужжащих мух.
It was as fine a church inside as out-obviously Scottish rite, so it was plain-but all the more cheerful for that, a bright and airy place, with whited walls and glass-paned windows.	Изнутри здание было не менее прекрасно, чем снаружи, - церковь относилась к шотландской ветви, это было видно сразу, - только внутри оно было насыщено лучами света и свежим воздухом, царящими среди выбеленных стен и застекленных окон.
Even the pews and pulpit were of light wood.	Даже шпоны и кафедра были вытесаны из светлого дерева.

The only thing dark in the whole place was the altar.	Единственным темным местом в церкви казался алтарь.
So naturally his eye was drawn to it.	Поэтому взгляд первонаперво падал именно на него.
And, because he had a knack for this sort of thing, he saw traces of a liquid touch upon the surface of it.	А поскольку Сказитель обладал даром видения, то он сразу распознал следы жидкого касания на его поверхности.
He walked slowly toward the altar.	Медленными шагами он подошел к алтарю.
Toward it, because he had to know for sure; slowly, because this sort of thing ought not to be in a Christian church.	Он направился к нему, поскольку должен был убедиться наверняка; а шел медленно потому, что такой вещи было не место в христианской церкви.

Up close, though, there was no mistaking.	Изучив коробку, он понял, что не ошибся.
It was the same trace he had seen on the face of the man in DeKane, who tortured his own children to death and blamed it on the Reds.	Точь-в-точь такой же след он видел на лице человека в Дикэйне, который, зверски убив собственных детей, свалил вину на краснокожих.

The same trace he had seen lingering on the sword that beheaded George Washington.	Подобная слизь покрывала лезвие меча, обезглавившего Джорджа Вашингтона 19.

It was like a thin film of filthy water, invisible unless you looked at a certain angle, in a certain light.	Она напоминала тонкую пленку мутной воды, незаметную, если не смотреть на нее под определенным углом и при должном освещении.
But to Taleswapper it was always visible now-he had an eye for it.	Но Сказитель научился безошибочно различать ее, натренировав глаз.
He reached out his hand and set his forefinger carefully on the clearest trace.	Вытянув руку, он осторожно коснулся указательным пальцем наиболее явной отметины.

It took all his strength just to hold it there for a moment, it burned so, setting his whole arm to trembling and aching, right to the shoulder.	Потребовалась вся сила воли, чтобы удержаться от крика, - так жглась эта слизь. Рука, от кончиков пальцев и до плеча, дрожала и мучительно ныла.
"You're welcome in God's house," said a voice.	- Добро пожаловать в обитель Господню, -раздался чей-то голос.
Taleswapper, sucking on his burnt finger, turned to face the speaker.	Сказитель, сунув обожженный палец в рот, повернулся к говорящему.
He was robed as a Scottish Rite preacher-Presbyterian, they called them here in America.	Мужчина был облачен в одежды шотландской церкви - пресвитерианин, как звали этих людей в Америке.

"You didn't get a splinter, did you?" asked the preacher.	- Вы случайно не занозились? - участливо осведомился священник.
It would have been easier just to say Yes, I got a splinter.	Легче было сказать: "Ага, занозу посадил".
But Taleswapper only told stories he believed.	Но Сказитель всегда говорил только то, во что верил.
"Preacher," said Taleswapper, "the devil has set his hand upon this altar."	- Отец, - промолвил Сказитель, - на этот алтарь наложил лапу дьявол.
At once the preacher's lugubrious smile disappeared.	Скорбную улыбку священника как корова языком слизнула.
"How do you know the devil's handprint?"	- Вы умеете различать следы дьявола?

"It's a gift of God," said Taleswapper. "To see."	- Это дар Господа, - кивнул Сказитель. - Умение видеть.
The preacher looked at him closely, unsure whether or not to believe.	Священник внимательно изучил странника, сомневаясь, верить ему или нет.
"Then can you also tell where angels have touched?"	- Тогда вы, наверное, способны разглядеть и касание ангела?
"I could see traces, I think, if goodly spirits had intervened.	- Да, следы добрых духов я тоже умею различать.
I've seen such marks before."	Я не раз видел их в прошлом.

The preacher paused, as if he wanted to ask a very important question but was afraid of the answer.	Священник помедлил, будто на языке его вертелся какой-то очень важный вопрос, который он почему-то боялся задать.

Then he shuddered, the desire to learn plainly fled from him, and the preacher spoke now with contempt.	Но колебания длились недолго: дернув плечами и отогнав от себя искушение, священник вновь заговорил, но теперь уже с оттенком презрения:
"Nonsense.	- Нелепица.

You can fool the common people, but I was educated in England, and I am not deluded by talk of hidden powers."	Вы можете обмануть простых людей, но я получил образование в Англии, и меня не так-то просто сбить с толку всякими разговорами о скрытых силах.
"Oh," said Taleswapper. "You're an educated man."	- А-а, - протянул Сказитель, - следовательно, вы человек образованный...
"And so are you, by your speech," said the preacher. "The south of England, I would say."	- Как и вы, впрочем, судя по вашей речи, -отозвался священник. - Ваш акцент напоминает южноанглийский.

"The Lord Protector's Academy of Art," said Taleswapper. "I was trained as an engraver.	- Академия искусств лорда-протектора, -подтвердил догадку Сказитель. - Я получил образование гравера.
Since you're Scottish rite, I daresay you've seen my work in your Sunday school book."	И поскольку вы приверженец шотландской церкви, осмелюсь предположить, что вы могли видеть мои работы в книге для ваших воскресных школ.
"I never notice such things," said the preacher. "Engravings are a waste of paper that could be given over to words of truth.	- Стараюсь не обращать внимания на подобные глупости, - поморщился священник. - Гравюры, на мой взгляд, не что иное, как бессмысленная трата бумаги, которую можно было бы отдать несущим правду словам.

Unless they illustrate matters that the artist's eye has actually seen, like anatornies.	Если, конечно, эти гравюры не иллюстрируют предметы, виденные художником воочию, как, например, анатомические рисунки.
But what the artist conceives in his imagination has no better claim on my eyes than what I imagine for myself."	А игра воображения художника никогда не производила на меня впечатления - сам я могу вообразить ничуть не хуже. Поймав священника на слове.
Taleswapper followed that notion to its root.	Сказитель решил задать вопрос, непосредственно волнующий его:
"What if the artist were also a prophet?"	- Даже если художник одновременно пророк?

The preacher half- closed his eyes.	Священник мудро прикрыл глаза:
"The day of prophets is over.	- Дни пророчеств остались в далеком прошлом.
Like that apostate heathen one-eyed drunken Red man, across the river, all who claim to be prophets now are charlatans.	Подобно тому презренно- му изменнику, одноглазому пьянице-краснокожему, что поселился на другом берегу реки, все нынешние само- званые пророки - чистой воды шарлатаны.

And I have no doubt that if God granted the gift of prophecy even to one artist, we would soon have a surplus of sketchers and daubers wishing to be taken for prophets, especially if it would bring them betterp[a]y."	Если б в наши времена Бог пожаловал пророческий дар хоть одному художнику, то, не сомневаюсь, мир был бы затоплен волной всяких малевщиков и бездарностей. И они бы незамедлительно потребовали общего признания в качестве пророков - тем более что тут дело пахнет немалыми деньгами.
Taleswapper answered mildly, but he did not let the preacher's implicit accusation stand.	Сказитель ответил довольно мирно, голословные обвинения священника требовали возражения:

"A man who preaches the word of God for a salary ought not to criticize others who seek to earn a living by revealing the truth."	- Человеку, который проповедует слово Господне за деньги, не следует критиковать подобных ему, которые зарабатывают на жизнь, открывая людям глаза.
"I was ordained," said the preacher. "No one ordains artists.	- Я был посвящен в духовный сан, - ответил священник. - Художников же никто не посвящает.
They ordain themselves."	Они сами себя посвящают.
Just as Taleswapper had expected.	Другого ответа Сказитель и не ожидал.
The preacher retreated to authority as soon as he feared his ideas could not stand on their own merit.	Стоило священнику почувствовать, что его идеи не имеют реального подкрепления, как он сразу прикрылся церковными властями.

Reasonable argument was impossible when authority became the arbiter; Taleswapper returned to the immediate matter.	Как только судьями становятся высшие мира сего, всякие аргументы теряют смысл. Поэтому он решил вернуться к более насущной проблеме.
"The devil laid his fingers on this altar," said Taleswapper. "It burned my finger to touch the place."	- Этого алтаря касались когти дьявола, - повторил Сказитель. - Я обжег палец, дотронувшись до него.
"It never burned mine," said the preacher.	- Я неоднократно до него дотрагивался, и у меня с пальцами все в порядке, - заметил священник.
"I expect not," said Taleswapper. "You were ordained."	- Ну естественно, - согласился Сказитель. - Ведь вы же приняли сан.

Taleswapper made no effort to hide the scorn in his voice, and it plainly irked the preacher, who lashed back.	Сказитель даже не пытался скрыть прозвучавшее в голосе презрение. Священник аж взвился, разве что не отпрыгнул от него.
It did not bother Taleswapper when people got angry at him.	Но Сказитель привык не смущаться людского гнева.
It meant they were listening, and at least half believing him.	Злость означает, что собеседник слушает и отчасти верит ему.
"Tell me, then, if you have such keen eyes," said the preacher. "Tell me if a messenger from God has ever touched the altar."	- Что ж, поведайте мне тогда, раз у вас столь острые глаза, - прошипел священник. - Поведайте мне, касалась ли этого алтаря длань посланника нашего Господа?

Plainly the preacher regarded this question as a test.	Очевидно, священник намеревался устроить ему испытание.
Taleswapper had no idea which answer the preacher thought was correct.	Сказитель понятия не имел, какой ответ сочтет священник правильным.

It hardly mattered; Taleswapper would answer truthfully, no matter what.	Да это было и не важно - в любом случае Сказитель ответил бы на этот вопрос только правдой.
"No," he said.	- Нет.
It was the wrong answer.	Неверный ответ.
The preacher smirked.	Самодовольная улыбка расползлась по физиономии священника.
"Just like that?	- Так, значит?

You can say that he has not?"	Вы утверждаете, что нет?
Taleswapper thought for a moment that the preacher might believe his own ordained hands had left the marks of God's will.	Может быть, священник себя считает святым и думает, что его руки способны оставлять печать Божественной силы?
He would lay that notion to rest at once.	Этот вопрос следовало немедленно прояснить.
"Most preachers don't leave tracks of light on things they touch.	- Большинство священников не способны оставлять следы света на предметах, которых касаются.
Only a few are ever holy enough."	Людей, обладающих подобной святостью, крайне мало.

But it wasn't himself the preacher had in mind.	Нет, очевидно, священник не себя имел в виду.
"You've said enough now," said the preacher. "I know that you're a fraud.	- Вы достаточно сказали, - молвил он. - Теперь я окончательно уверился, что вы обыкновенный мошенник.
Get out of my church."	Убирайтесь из моей церкви.
"I'm no fraud," said Taleswapper. "I may be mistaken, but I never lie."	- Я не мошенник, - возразил Сказитель. - Я могу ошибаться, но лгать - никогда.
"And I never believe a man who says he never lies."	- А я никогда не поверю человеку, который утверждает, будто никогда лжет.

"A man always assumes that others are as virtuous as himself," said Taleswapper.	- Человек склонен приписывать собственные добродетели своему окружению, - заметил Сказитель.
The preacher's face flushed with anger.	От ярости лицо священника вспыхнуло ярко-багровым цветом.
"Get out of here, or I'll throw you out."	- Вон отсюда, не то я вышвырну тебя!
"I'll go gladly," said Taleswapper. He walked briskly to the door. "I never hope to return to a church whose preacher is not surprised to learn that Satan has touched his altar."	- С радостью уйду, - согласился Сказитель, торопливо зашагав к двери. - И надеюсь, больше мне не доведется побывать в церкви, проповедник которой ничуть не удивляется сообщению, что его алтарь осквернил сам сатана.

"I wasn't surprised because I don't believe you."	- Я не удивился твоим словам, потому что не поверил им.
"You believed me," said Taleswapper. "You also believe an angel has touched it.	- Неправда, вы поверили мне, - ответил Сказитель.- Но также вы верите, что алтаря касался ангел.
That's the story you think is true.	Вот во что вы верите.

But I tell you that no angel could touch it without leaving a trace that I could see.	Но, говорю вам, ни один ангел не может дотронуться до него, не оставив видимого мне следа.
And I see but one trace there."	А я вижу на алтаре лишь одну отметину.
"Liar!	- Лжец!

You yourself are sent by the devil, trying to do your necromancy here in the house of God!	Да ты сам послан сюда дьяволом, дабы сотворить свои грязные некромантские дела в доме Господнем!
Begone!	Изыди!
Out!	Вон!
I conjure you to leave!"	Заклинаю тебя сгинуть!
"I thought churchmen like you didn't practice conjurings."	- А мне показалось, что столь образованные церковники, как вы, не практикуют изгнание дьявола.
"Out!" The preacher screamed the last word, the veins standing out in his neck.	- Вон! - во всю глотку заорал священник, так что на шее у него вздулись вены.

Taleswapper put his hat back on and strode away.	Сказитель напялил шляпу и широким шагом удалился.
He heard the door slam closed behind him.	За спиной раздался грохот захлопнувшейся двери.
He walked across a hilly meadow of dried-out autumn grass until he struck the track that led up toward the house that the woman had spoken of.	Он пересек холмистый луг, заросший пожелтевшей осенней травой, и вышел на дорогу, которая вела прямиком к дому, о котором говорила та женщина.
Where she was sure they'd take him in.	К дому, в котором, как она утверждала, с радостью примут прохожего странника.
Taleswapper wasn't so sure.	Вот в этом Сказитель не был уверен.

He never made more than three visits in a place- if he hadn't found a house to take him in by the third try, it was best to move on.	Еще ни разу, ни в одной деревне он не посещал больше трех домов: если с третьей попытки не находил понимания, то предпочитал отправиться дальше в путь.
This time, the first stop had been unusually bad, and the second had gone even worse.	Сегодня уже первая попытка была крайне неудачной, а вторая встреча прошла еще хуже.
Yet his uneasiness wasn't just that things were going badly.	Однако тревожило и беспокоило его нечто совсем другое.
Even if at this last place they fell on their faces and kissed his feet, Taleswapper felt peculiar about staying around here.	Даже если хозяева последнего дома упадут лицом в пыль и станут целовать ему ноги, и то он вряд ли задержится здесь.

Here was a town so Christian that the leading citizen wouldn't allow hidden powers in his house-yet the altar in the church had the devil's mark on it.	Этот городок настолько пропитался духом христианства, что самый уважаемый горожанин не впускает в дом скрытые силы, - и одновременно с тем дьявол оставляет свой след на алтаре в церкви.
Even worse was the pattern of deception.	Но куда хуже тот обман, что здесь творится.

The hidden powers were being used right under Armor's nose, and by the person he loved and trusted most; while in the church, the preacher was convinced that God, not the devil, had claimed his altar.	Волшебство живет прямо под носом у Армора, и наводит его человек, которого Армор больше всего любит и которому больше всех на свете доверяет. Тем временем церковный проповедник искренне убежден, что именно Бог, а не дьявол, освятил его алтарь.
What could Taleswapper expect, in this place up the hill, but more madness, more deception?	Что ждет Сказителя в том доме, на холме? Очередное сумасшествие? Очередной обман?
Twisted people entwined each other, Taleswapper knew that much from the evidence of his own past.	Зло распространяется быстро и предпочитает селиться рядом с таким же злом - эту истину Сказитель познал из собственного печального опыта.

The woman was right-the brooks were bridged.	Женщина не соврала: через ручьи действи- тельно были перебро- шены мостки.
Even this, though, wasn't a good sign.	Еще один недобрый знак.
To bridge a river was a necessity; to bridge a broad stream, a kindness to travelers.	Мост через реку - необ- ходимость; мост через широкий ручей - добро- та к путникам.
But why did they build such elaborate bridges over brooks so narrow that even a man as old as Taleswapper could leap them without wetting a foot?	Но зачем строить акку- ратные, прочные мостки через какие-то лужицы, через которые даже та- кой старик, как Скази- тель, может перепры- нуть, не замочив ног?

The bridges were sturdy, anchored into the earth far to either side of the stream, and both had roofs, well thatched.	Концы мостиков были надежно врыты в землю по обоим концам каждого ручейка как можно дальше от воды.
People pay money to stay in inns that aren't as tight and dry as these bridges, thought Taleswapper.	Сверху мосты закрывала сплетенная из свежей соломы крыша.
Surely this meant that the people at the end of the track were at least as strange as those he had met so far.	"Люди платят деньги за ночлег в гостиницах, которые и вполовину не так безопасны и сухи, как эти мостки", - подумал Сказитель.

Surely he ought to turn away.	Стало быть, поселенцы, живущие в конце дороги, по которой он шел, не менее странные люди, чем те, с которыми он успел за сегодня познакомиться.
Prudence demanded that he leave.	Пожалуй, лучше будет повернуть назад. Чувство благоразумия подсказывало ему немедленно убираться из этой деревни.
But prudence was not strong in Taleswapper's character.	Хотя благоразумие никогда не входило в список многочисленных достоинств Сказителя.
It was as Old Ben told him, years before.	Как-то, много лет назад, старик Бен сказал:

"You'll go into the mouth of hell someday, Bill, just to find out why the devil has such bad teeth."	"Когда-нибудь, Билл, ты залезешь прямо в адову пасть, выясняя, действительно ли зубы дьявола настолько плохи, как о них говорят".
There was a reason for the bridges, and Taleswapper sensed that it would mean a story worth remembering in his book.	Чтобы строить мосты через крошечные ручейки, должна быть весомая причина, и Сказитель нутром чувствовал, что здесь кроется какая-то тайна, которая может превратиться в историю для его книги.

It was only a mile, after all.	Кроме того, идти-то было всего-навсего милю.

Just when it seemed the track was about to wander into impenetrable wood, it took a sharp northward turn and opened into as pretty a holding as Taleswapper had seen, even in the placid settled lands of New Orange and Pennsylvania.	И когда дорога, казалось, вот-вот должна была сгинуть в густых и непролазных зарослях леса, она вдруг резко свернула на север и вывела Сказителя к небольшой ферме. Таких прекрасных хозяйств Сказитель не встречал даже в мирных, давно заселенных землях Нью-Оранжа и Пенсильвании.

The house was large and fine, with shaped logs, to show that they meant it to last, and there were barns and sheds and pens and coops that made it almost a village in itself.	Дом был большим и поражал красотой и величием; искусно вытесанные бревна были положены таким образом, чтобы продержаться века; а вокруг здания были разбросаны многочисленные амбары, сараи, курятники и маленькие загоны для скота, поэтому ферма сама выглядела целой деревней.
A wisp of smoke rising a half mile on up the track told him that his guess wasn't all wrong.	Струйка дыма, поднимающаяся в полумиле, явственно говорила, что Сказитель не ошибся в своих предположениях.

There was another household nearby, sharing the road, which meant it was probably kin.	Неподалеку находился еще чей-то дом, на той же дороге, а это означало, что живут в нем родственники хозяев фермы.
Married children, no doubt, and all farming together, for the better prosperity of all.	Скорее всего, обзаведшиеся женами сыновья. Большое семейство дружно вело хозяйство, к вящему процветанию всех и каждого. Редко когда выросшие вместе братья любят друг друга столь крепко, чтобы с охотой возделывать поля друг дружки.
That was a good thing, Taleswapper knew, when brothers could grow up liking each other well enough to plow each other's fields.	Сказитель всегда направлялся прямиком к дому: лучше сразу заявить о себе, чем бесконечно бродить вокруг, пока тебя не примут за вора.

Taleswapper always headed for the house-best to announce himself at once, rather than skulking about and being taken for a robber.	Однако на этот раз, стоило ему шагнуть к дому, все мысли вдруг куда-то испарились.
Yet this time, when he meant to walk toward the house, he felt himself become stupid all at once, unable to remember what it was he was about to do.	Почувствовав себя мгновенно поглупевшим, Сказитель попытался вспомнить, что же он собирался только что сделать, - и не смог.

It was a warding so powerful that he did not realize he had been pushed away until he was halfway down the hill toward a stone building beside a brook.	Оберег оказался настолько силен, что, прежде чем прийти в себя. Сказитель успел преодолеть полпути к подножию холма, где на берегу ручейка стояло каменное здание.
He stopped abruptly, frightened, for no one had power enough, he thought, to back him off without him realizing what was happening.	До смерти перепугавшись, он встал как вкопанный - вдоволь постранствовав по свету, он привык считать, что нет такой силы на земле, которая может вертеть им как вздумается.
This place was as strange as the other two, and he wanted no part of it.	Этот дом был не менее странен, чем первых два. Почему-то ему расхотелось участвовать в этой игре.

Yet as he tried to turn back the way he had come, the same thing happened again.	Он развернулся спиной и зашагал по дороге обратно к деревне. Но вновь случилось то же самое.
He found himself going down the hill toward the stone-walled building.	Придя в себя, он понял, что снова спускается вниз по холму к домику с каменными стенами.
Again he stopped, and this time muttered,	Опять он остановился, пробормотав при этом:
"Whoever you are, and whatever you want, I'll go of my own free will or I'll not go at all."	- Кто бы ты ни был и какие бы цели ни преследовал, я пойду по собственной воле или не пойду вообще.
All at once it was like a breeze behind him, pushing him toward the building.	В спину подул будто бы легкий ветерок, настойчиво подталкивающий к домику у ручья.

But he knew he could go back if he wanted.	Однако теперь Сказитель знал, что спокойно может повернуть обратно и пойти наперекор воле "ветерка".
Against the breeze, yes, but he could do it.	Трудно будет, но он справится.
That eased his mind considerably.	Страхи, терзающие его, отступили.
Whatever constraints had been placed upon him, they were not meant to enslave him.	Какие бы чары на него ни наложили, это было сделано вовсе не для того, чтобы поработить его и лишить воли.
And that, he knew, was one of the marks of a goodly spell-not the hidden chains of a tormentor.	Стало быть, здесь действует какое-то доброе заклятие, а не тайная ворожба какого-нибудь любителя помучить прохожих странников.

The path rounded to the left a bit, along the brook, and now he could see that the building was a mill, for it had a millrace and the frame of a tall wheel standing where the water would flow.	Тропинка слегка уводила влево, следуя вдоль ручья, и теперь Сказитель разглядел, что перед ним не просто домик, а самая настоящая мельница, ибо к ней был пристроен мельничный лоток, а там, где должна была бежать вода, стоял каркас огромного деревянного колеса с лопастями.
But no water flowed in the race today, and as he came close enough to see through the large barn-size door, he discovered why.	Однако вода почему-то не играла и не бурлила в лотке. Подойдя поближе и отворив большую амбарную дверь, он понял, в чем здесь причина.
It wasn't just closed up for the winter.	Вопреки ожиданиям, приближающаяся зима была совсем ни при чем.

It had never been used as a mill.	Дом вообще никогда не использовался в качестве мельницы.
The gears were in place, but the great round millstone wasn't there.	Механизмы все на месте; не хватало только огромного каменного жернова.
Just a foundation of rammed cobbles, level and ready and waiting.	Хотя место для него было подготовлено и усеяно хорошо утрамбованной речной галькой.
Waiting a long time.	Да, долгохонько пришлось дожидаться этой мельнице работы.
This construction was at least five years old, from the vines and the mosses on the building.	Домику исполнилось по меньшей мере лет пять, судя по лозам и мху, облепившим крышу и стены.

It had been a lot of work to build this millhouse, and yet it was being used as a common haybarn.	Потребовалось немало усилий, чтобы выстроить его, однако на протяжении вот уже долгого времени мельница использовалась исключительно для хранения соломы.
Just inside the large door, a wagon was rocking back and forth as two boys grappled together atop a half-load of hay.	Заглянув внутрь, Сказитель увидел раскачивающуюся из стороны в сторону телегу, наверху которой, на невысоком стожке сена, боролись двое мальчишек.

It was a friendly bout; the boys were obviously brothers, the one about twelve years old, the other perhaps nine, and the only reason the young one wasn't thrown off the wagon and out the door was because the older boy couldn't keep himself from laughing.	Битва велась шутливо, не взаправду; мальчишки явно приходились братьями друг другу - одному было лет двенадцать, а другому, вероятно, девять. Младший брат умудрялся до сих пор удерживаться наверху только потому, что старший в самые ответственные моменты схватки никак не мог подавить рвущийся наружу смех.
They didn't notice Taleswapper, of course.	Разумеется, Сказителя они не замечали.

They also didn't notice the man standing at the edge of the loft, pitchfork in hand, looking down at them.	Не замечали они и другого мужчину, что стоял на краю сеновала, сжимая в руках вилы и рассматривая сражающихся мальчишек.
Taleswapper thought at first that the man was watching in pride, like a father.	Сказителю сначала показалось, что человек смотрит на них с гордостью, как отец.
Then he came close enough to see how he held the fork.	Но, приблизившись, он увидел, с какой яростью рука сжимает рукоять вил.
Like a javelin, ready to cast.	Словно это метательное копье, готовое отправиться в смертельный полет.

For a single moment, Taleswapper saw in his mind's eye just what would happen- the fork thrown, burying itself in the flesh of one of the boys, surely killing him, if not immediately, then soon enough, with gangrene or belly bleeding.	За какое-то мгновение в голове Сказителя прокрутился дальнейший стремительный ход событий: вилы будут брошены, вонзятся в тело одного из мальчиков и наверняка убьют его. Не сразу, но достаточно быстро - либо начнется гангрена, либо мальчуган сам истечет кровью.
It was murder that Taleswapper saw.	На глазах у Сказителя должно было свершиться убийство.
"No!" he shouted.	- Нет! - выкрикнул он.
He ran through the doorway, fetching up alongside the wagon, looking up at the man in the loft.	Он вбежал в дверь, забрался на повозку и, подняв голову, смело взглянул на человека, стоящего на сеновале.

The man plunged the pitchfork into the hay beside him and heaved the hay over the edge onto the wagon, half-burying the two boys.	Мужчина всадил вилы в кучу сена поблизости и перекинул охапку через борт телеги, с головой засыпав двух братьев.
"I brought you here to work, you two bearcubs, not to tie each other in knots."	- Эй вы, бандиты, я привез вас сюда работать, а не для того, чтобы вы завязывали друг друга морскими узлами!
The man was smiling, teasing.	Человек улыбался, подшучивая над мальчиками.
He winked at Taleswapper.	Дружелюбно он подмигнул Сказителю.

Just as if there hadn't been death in his eyes a moment before.	Как будто за секунду до этого в его глазах не отражалась смерть.

"Howdy, young feller," said the man.	- Приветствую тебя, юноша, - сказал мужчина.
"Not so young," said Taleswapper.	- Ну, не так уж я юн, - возразил Сказитель.
He doffed his hat, letting his bare pate give away his age.	И стащил с головы шляпу, демонстрируя блестящую лысину, которая сразу выдавала его истинный возраст.
The boys dug themselves out of the hay.	Мальчишки кубарем скатились со стога сена.

"What were you shouting at, Mister?" asked the younger one.	- А чего вы кричали, мистер? - полюбопытствовал младший.
"I was afraid someone might come to harm," said Taleswapper.	- Я испугался, что с кем-нибудь из вас может случиться несчастный случай, - ответил Сказитель.
"Oh, we wrassle like that all the time," said the older boy.	- Да не, - махнул рукой старший, - мы все время так возимся.
"Put her there, friend.	Давайте познакомимся.
My name's Alvin, same as my pa."	Меня зовут Элвин, как и моего папу.
The boy's grin was contagious.	Улыбка его была заразительной.

Scared as he'd been, with so much dark dealing going on today, Taleswapper had no choice but to smile back and take the proffered hand.	Даже Сказитель, порядком перепуганный, встретивший за сегодняшний день немало зла, не сумел сдержаться. Улыбнувшись в ответ, он пожал протянутую руку.
Alvin Junior had a handshake like a grown man, he was that strong. Taleswapper commented on it.	Силой рукопожатия Элвин-младший мог потягаться со взрослым мужчиной, отметил Сказитель.

"Oh, he gave you his fish hand. When he gets to wringing and wrenching on you, he like to pops your palm like a razzleberry." The younger boy shook hands, too. "I'm seven years old, and Al Junior, he's ten."	- Ой, вы там поосторожнее, - предупредил младший. - Сейчас он начнет выкручиваться, а потом ухватит поудобнее и будет мять ваши пальцы, как пьяные ягоды. - Младший брат тоже пожал руку. - Мне семь лет, а Элу-младшему -ему десять.
Younger than they looked.	А они гораздо моложе, чем выглядят.
They both had that nasty bitter body stench that young boys get when they've been playing hard.	От обоих братьев пахло едко-сладким потом, который пропитывает рубаху, когда мальчишки вдоволь набегаются и навозятся.
But Taleswapper never minded that.	Однако Сказитель не обращал на братьев ни малейшего внимания.

It was the father who puzzled him.	Его сейчас занимало поведение отца.
Was it just a fancy in his own mind, that Taleswapper thought he meant to kill the boys?	Может, какая-нибудь причуда воспаленного воображения заставила его поверить, будто бы отец хочет убить своих сыновей?
What man could take a murderous hand to boys as sweet and fine as these?	Неужели найдется человек, способный поднять руку на таких забавных и смешных мальчишек?
The man had left the pitchfork in the loft, clambered down the ladder, and now strode toward Taleswapper with his arms out as if to hug him.	Мужчина бросил вилы на сеновале, спустился вниз по лестнице и широким шагом направился к Сказителю, протягивая тому сразу обе руки, словно намереваясь заключить его в объятия.

"Welcome here, stranger," said the man. "I'm Alvin Miller, and these are my two youngest sons, Alvin Junior and Calvin."	- Добро пожаловать, чужеземец, - произнес он. -Меня зовут Элвин Миллер, а эти двое - мои младшие сыновья, Элвин-младший и Кэлвин.
"Cally," corrected the younger boy.	- Кэлли, - поправил младший брат.
"He doesn't like the way our names rhyme," said Alvin Junior.	- Ему не нравится, что наши имена рифмуются, -объяснил Элвин-младший.
"Alvin and Calvin.	- Элвин и Кэлвин.
See, they named him like me hoping he'd grow up to be as fine a specimen of manhood as I am.	Видите ли, его назвали похожим на мое именем, думая, что он вырастет таким же сильным и замечательным человеком, как я.

Too bad it ain't working."	К сожалению, надежды не всегда оправдываются.
Calvin gave him a shove of mock anger.	Кэлвин в шутливом гневе толкнул его:
"Near as I can tell, he was the first try, and when I came along they finally got it right!"	- Ничего подобного, он был всего лишь первой, неудачной попыткой. А вот я - я удался на славу!
"Mostly we call thern Al and Cally," said the father.	- Обычно мы зовем их Эл и Кэлли, - сказал отец.
"Mostly you call us 'shutup' and 'get over here,'" said Cally.	- Обычно вы зовете нас "Эй-заткнись" и "А-ну-быстро-сюда", - уточнил Кэлли.

Al Junior gave him a whack on the shoulder and sent him sprawling in the dirt.	Эл-младший схватил младшего брата за плечи и быстрым движением швырнул на пол домика.
Whereupon his father placed a boot on his backside and sent him head over heels out the door.	Отец же надежно прило-жил старшего сапогом по заднему место
All in fun.	- Элвин с воем выкатился из дверей на улицу.
Nobody was hurt.	Все было не более чем шуткой. Никто не обидел-ся, никто не ударился.
How could I have thought there was murder going on here?	"И как я мог подумать, что в этом доме может слу-читься, убийство?"

"You come with a message?	- Вы принесли какое-нибудь послание?
A letter?" asked Alvin Miller.	Письмо? - спросил Элвин Миллер.
Now, that the boys were outside, yelling at each other across the meadow, the grown men could get a word in.	Теперь, когда мальчишки возились на лугу, носясь друг за другом с воинственными воплями, взрослые мужчины наконец-то могли толком поговорить.
"Sorry," said Taleswapper. "Just a traveler.	- Увы, - пожал плечами Сказитель. - Я всего лишь путник.
A young lady in town said I might find a place to sleep up here.	Одна молодая леди в городе сказала, что здесь найдется для меня место переночевать.

In exchange for whatever good hard work you might have for my arms."	Взамен я могу исполнить любую, даже самую тяжелую работу, которую вы сможете подыскать.
Alvin Miller grinned.	Элвин Миллер широко ухмыльнулся:
"Let me see how much work those arms can do."	- Ну-ка, посмотрим, на что ты способен.
He thrust out an arm, but it wasn't to shake hands.	Он шагнул к Сказителю, но не для того, чтобы пожать ему руку.

He gripped Taleswapper by the forearm and braced his right foot against Taleswapper's right foot.	Схватив его за предплечье, Элвин-старший поставил правую ногу напротив правой ноги Сказителя.

"Think you can throw me?" asked Alvin Miller.	- Положить меня на лопатки сможешь? - спросил Миллер.
"Just tell me before we start," said Taleswapper, "whether I'll get a better supper if I throw you, or if I don't throw you."	- Прежде всего я хотел бы узнать, - ответил Сказитель, - каким исходом я заработаю себе на ужин: если положу вас или если буду побежден?
Alvin Miller leaned back his head and whooped like a Red.	Элвин Миллер запрокинул голову и издал долгий улюлюкающий клич на манер краснокожих.
"What's your name, stranger?"	- Как тебя зовут, незнакомец?
"Taleswapper."	- Сказитель.

"Well, Mr. Taleswapper, I hope you like the taste of dirt, cause that's what you'll eat before you eat anything else here!"	- Так вот, мистер Сказитель, надеюсь, тебе придется по вкусу местная грязь, потому что ее-то ты точно наешься вдоволь!
Taleswapper felt the grip on his forearm tighten.	Сказитель почувствовал, как рука мельника, лежащая у него на плече, сжалась.
His own arms were strong, but not like this man'sgrip.	Сам он к слабакам не относился, но с этим человеком равняться силой было бесполезно.
Still, a game of throws wasn't all strength.	Хотя подчас сила в борьбе не самое главное.
It was also wit, and Taleswapper had a bit of that.	Здесь требуются мозги, а Сказитель не мог пожаловаться на их отсутствие.

He let himself slowly flinch under Alvin Miller's pressure, long before he had forced the man to use his full strength.	Он стал медленно прогибаться под давлением Элвина Миллера, заставляя мужчину нагнуться над ним.
Then, suddenly, he pulled with all his might in the direction Miller was pushing.	И вдруг, совершенно внезапно, он ухватил мельника за рубаху и рванул со всей мочи в том же направлении, в котором толкали его.

Usually that was enough to topple the bigger man, using his own weight against him- but Alvin Miller was ready, pulled the other way, and flung Taleswapper so far that he landed right among the stones that formed the foundation for the missing millstone.	Обычно здоровяк-противник мигом слетал с ног, влекомый собственным весом, - но Элвин Миллер был готов к этой неожиданности. Он вывернулся и дернул в другом направлении, зашвырнув Сказителя так далеко, что странник приземлился прямо посреди камней, которые должны были служить основанием для мельничного жернова.
There had been no malice in it, though, just the love of the contest.	Злобы в этом рывке не было - одна только любовь к состязанию.

No sooner was Taleswapper down than Miller was helping him up, asking him if anything was broken.	Сказитель едва успел шлепнуться на землю, как Миллер уже помогал ему подняться, участливо выспрашивая, не повредил ли странник чего-нибудь.
"I'm just glad your millstone wasn't in place yet," said Taleswapper, "or you'd be stuffing brains back into my head."	- Хорошо, что жернова здесь не было, - охнул Сказитель. - Иначе отскребать бы вам мои мозги со стен.
"What?	- И что с того?

You're in Wobbish country, man!	Ты в Воббской долине, мужик!
There ain't no need for brains out here."	Чего горевать о каких-то там мозгах?

"Well, you threw me," said Taleswapper.	Здесь они тебе не понадобятся.
"Does that mean you won't let me earn a bed and a meal?"	- Вы победили меня, - промолвил Сказитель. -Значит ли это, что кровать и ужин я теперь не заслужу?
"Earn it?	- Кровать и ужин?
No sir.	Конечно, нет, сэр.
I won't allow such a thing." But the grin on his face denied the harshness of his words. "No, no, you can work if you like, because a man likes to feel that he pays his way in the world.	Тоже мне, работничек выискался. - Но довольная улыбка на лице выдавала притворную грубость слов. - Нет, нет, разумеется, если хочешь, можешь работать. Мужчина должен постоянно ощущать, что не просто так живет на этом свете.

But truth is I'd let you stay even if you had two legs broke and couldn't help a lick.	Но, честно говоря, я бы принял тебя даже с переломами всех конечностей, даже если б ты полено поднять не мог.
We've got a bed all ready for you, just off the kitchen, and I'll bet a hog against a huckleberry that them boys already told Faith to set another bowl for supper."	Кровать тебе готова, комната находится рядом с кухней, и могу поспорить на что угодно, мальчишки уже доложили Вере, чтобы она ставила лишнюю миску к ужину.
"That's kind of you, sir."	- Вы очень добры.
"Not at all," said Alvin Miller. "You sure nothing got broke?	- Ничуть, - пожал плечами Элвин Миллер. - Ты уверен, что ничего не сломал?
You hit them stones awful hard."	Приложился ты дай Боже как.

"Then I imagine you ought to check to make sure none of those stones got split, sir."	- В таком случае лучше проверить, не раздробил ли я какой-нибудь из ваших драгоценных булыжников, сэр.
Alvin laughed again, slapped him on the back, and led him up to the house.	Элвин снова расхохотался и, от души хлопнув Сказителя по спине, повел его к дому.
Such a house it was.	Домик оказался тот еще.
There couldn't be more screeching and shouting in hell.	По количеству воплей, визгов, воя и шума он мог смело состязаться с преисподней.
Miller tried to sort out all the children for him.	Миллер вкратце познакомил Сказителя со всеми детьми.

The four older girls were his daughters, busy as could be at half a dozen jobs, each one carrying on separate arguments with each of her sisters, at the top of her voice, passing from quarrel to quarrel as her work took her from room to room.	Четыре девушки приходились ему дочерьми; сейчас они исполняли по меньшей мере дюжину дел, переходили из комнаты в комнату и одновременно во весь голос споря друг с другом и затевая ссору за ссорой.
The screaming baby was a grandchild, as were the five toddlers playing Roundheads and Cavaliers on and under the dining table.	Визжащий младенец оказался внуком Миллера, внуками ему приходились и пятеро малолетних бандитов, играющих в круглоголовых 20 и роялистов на обеденном столе и под оным.

The mother, Faith, seemed oblivious to it all as she labored in the kitchen.	Мать, которую звали Верой, казалось, не слышала царящего в доме шума-гама.

Occasionally she'd reach out to cuff a nearby child, but otherwise she didn't let them interrupt her work-or her steady stream of orders, rebukes, threats, and complaints.	Трудясь у плиты, она лишь время от времени отвлекалась, чтобы наградить оплеухой подвернувшегося под руку сорванца, и сразу возвращалась к работе - продолжая исторгать неиссякаемый поток приказов, упреков, насмешек, угроз и жалоб.
"How do you keep your wits together, in all this?" Taleswapper asked her.	- Как у вас мозги не завернулись от такого шума?- спросил ее Сказитель.

"Wits?" she asked him sharply. "Do you think anyone with wits would put up with this?"	- Мозги? - резко переспросила она. - Вы думаете, нормальный человек, у которого сохранилась капля разума, выдержал бы хоть минуту в этом доме?
Miller showed him to his room.	Миллер провел Сказителя в его комнату.
That's what he called it, "your room, as long as you care to stay."	То есть в ту комнату, которая, по словам мельника, "станет твоей на тот срок, пока тебе не надоест наш дом".
It had a large bed and a feather pillow, and blankets, too, and half of one wall was the back of the chimney, so it was warm.	В ней стояла огромная кровать с пуховой подушкой и чистыми простынями. Одну из стен заменяла задняя половина печки, так что в комнате всегда было тепло.

Taleswapper hadn't been offered a bed like this in all his wandering.	Ни разу за долгое время странствий Сказителю не приходилось спать в подобной роскоши.
"Promise me that your name isn't really Procrustes," he said.	- Послушай, а ты точно не обманул меня, когда сказал, что тебя зовут Элвин, а не Прокруст? 21 -уточнил Сказитель.
Miller didn't understand the allusion, but it didn't matter, he knew the look on Taleswapper's face.	Миллер не понял сравнения, но это не имело значения, поскольку он видел перед собой лицо Сказителя.
No doubt he'd seen it before.	Наверное, с подобным удивлением он сталкивался не впервые.

"We don't put our guests in the worst room, Taleswapper, we put them in the best.	- Мы не имеем привычки помещать гостей в сарае, заруби себе на носу.
And no more talk about that."	Мы всегда укладываем их на лучшую кровать в доме. И все, на этом разговор закончен.
"You have to let me work for you tomorrow, then."	- Тогда я просто обязан завтра отработать свой ночлег.
"Oh, there's jobs to do, if you're good with your hands.	- Работа найдется, если ты дружишь с руками.
And if you ain't ashamed of women's work, my wife could use a help or two.	Тем более если не стыдишься заниматься женскими делами: моей жене помощник пришелся бы в самый раз.

We'll see what happens."	Ладно, утро вечера мудренее.
At that, Miller left the room and closed the door behind him.	С этими словами Миллер покинул комнату, притворив за собой дверь.

The noise of the house was only partly dampened by the closed door, but it was a music that Taleswapper didn't mind hearing.	Закрытая дверь лишь слегка заглушила царящий в доме шум, но против такой музыки Сказитель не возражал.
It was only afternoon, but he couldn't help himself.	День едва начал клониться к вечеру, но Сказитель ничего не мог с собой поделать.

He swung off his pack and pried off his boots and eased himself down on the mattress.	Странник скинул на пол котомку, стащил башмаки и с блаженным вздохом повалился на матрас.
It rustled like a straw tick, but there was a feather mattress on top of that, so it was deep and soft.	Тот хрустел, словно набитый соломой, но, видимо, поверх него был положен еще один, пуховый, поэтому кровать нежно приняла измученное тело в свои объятия.
And the straw was fresh, and dried herbs hung by the hearthstones to give it the smell of thyme and rosemary.	В воздухе витал запах свежей соломы, высушенные травы, висящие у печной трубы, испускали приятный аромат тмина и розмарина.

Did I ever lie upon so soft a bed in Philadelphia?	"Спал ли я когда-нибудь на такой мягкой и удобной постели в Филадельфии?
Or before that, in England?	Даже в Англии мне не довелось испытать подобного блаженства.
Not since I left my mother's womb, he thought.	Нет, ничего похожего я не знавал с тех пор, как покинул чрево матери", - подумал он.
There was nothing shy about the use of powers in this house; the hex was right in the open, painted above the door.	В этом доме не считалось зазорным прибегать к помощи скрытых сил: магический знак был в открытую начерчен прямо над дверью.
But he recognized the pattern.	И Сказитель узнал рисунок.

It wasn't a peacemaker, designed to quell any violence in the soul that slept here.	Вопреки ожиданиям, знак не являлся символом умиротворения, призванным изгонять любое насилие из души ночующего в комнате человека.
It wasn't a warning, and it wasn't a fending.	Это и не оберег вовсе.
Not a bit of it was designed to protect the house from the guest, or the guest from the house.	Он не предназначался для того, чтобы защитить дом от гостя - или гостя от дома.
It was for comfort, pure and simple.	Он даровал одно успокоение, чистое и простое.
And it was perfectly, exquisitely drawn, exactly the right proportions.	И был изумителен, совершенен по рисунку и размерам.

An exact hex wasn't easy to draw, being made of threes.	Точный магический знак нарисовать непросто.
Taleswapper couldn't remember seeing a more perfect one.	Сказитель не помнил, чтобы где-либо ему встречалось такое совершенство.
So it didn't surprise him, as he lay on the bed, to feel the muscles of his body unknotting, as if this bed and this room were undoing the weariness of twenty-five years of wandering.	Поэтому он ни капли не удивился, когда, лежа в постели, почувствовал, как напряженные, узловатые мускулы стали расслабляться и выпрямляться, будто постель и комната изгоняли из тела усталость, навеянную двадцатью пятью годами беспрерывных скитаний.

It occurred to him that when he died, he hoped the grave was as comfortable as this bed.	Сказитель даже понадеялся про себя, что, если наступит время прощания с жизнью, его могила будет похожа на эту кровать.
When Alvin Junior rocked him awake, the whole house smelled of sage and pepper and simmered beef.	Ко времени, когда Элвин-младший растолкал его, дом пропах запахами шалфея, перца и хорошо прожаренного мяса.
"You've just got time to use the privy, wash up, and come eat," said the boy.	- У тебя есть время облегчиться и помыться, а потом пора садиться за стол, - сообщил мальчуган.
"I must have fallen asleep," said Taleswapper.	- Я, должно быть, заснул, - промямлил Сказитель.

"That's what I made that hex to do," said the boy. "Works good, don't it?"	- Для этого я и рисовал тот знак, - ткнул пальцем мальчик. - Здорово работает, а?
Then he charged out of the room.	С этими словами он выскочил из комнаты.
Almost immediately Taleswapper heard one of the girls yelling the most alarming series of threats at the boy.	И тут же до ушей Сказителя донесся разъяренный вой одной из девушек, сулящей страшнейшие кары мальчику.

The quarrel continued at top volume as Taleswapper went out to the privy, and when he came back inside, the yelling was still going on- though Taleswapper thought perhaps now it was a different sister yelling.	Ссора велась на повышенных тонах, пока Сказитель следовал во двор, и не утихла, даже когда он вернулся, - правда, Сказителю показалось, что на этот раз Элвину угрожает другая сестра.
"I swear tonight in your sleep Al Junior I'll sew a skunk to the soles of your feet!"	- Клянусь, Элвин-младший, сегодня ночью я пришью у тебя под носом задницу скунса!
Al's answer was muffled by distance, but it caused another bout of screaming. Taleswapper had heard yelling before.	Ответ Элвина заглушили визги возящихся на полу малышей, зато Сказитель прекрасно расслышал очередной залп ругани в адрес мальчишки.

Sometimes it was love and sometimes it was hate.	С такими ссорами ему не раз приходилось сталкиваться.
When it was hate, he got out as quickly as he could.	Иногда в них проявлялась любовь, иногда - ненависть. Услышав в голосах ненависть, Сказитель старался как можно быстрее покинуть дом.
In this house, he could stay.	Под этой крышей можно было оставаться, ничего не опасаясь.
Hands and face washed, he was clean enough that Goody Faith allowed him to carry the loaves of bread to ihe table-"as long as you don't let the bread touch that gamy shirt of yours."	Руки и лицо были вымыты, он обрел достаточную чистоту, чтобы тетушка Вера дозволила ему отнести на стол ломти хлеба: "Если, конечно, ты не станешь прижимать их к своей рубашке, которая наверняка видала лучшие деньки".

Then Taleswapper took his place in line, bowl in hand, as the whole family trooped into the kitchen and emerged with the majority of a hog parceled out among them.	После чего Сказитель встал в очередь, держа в руке выданную чашку. Семья дружным строем промаршировала на кухню и вернулась с мисками, полными ароматной свинины.

It was Faith, not Miller himself, who called on one of the girls to pray, and Taleswapper took note that Miller didn't so much as close his eyes, though all the children had bowed heads and clasped hands.	Помолиться перед обедом призвала, как ни странно, Вера, а не сам Миллер, и от взгляда Сказителя не ускользнуло, что Миллер не позаботился даже прикрыть глаза, тогда как все дети склонили головы и сложили на груди руки.

It was as if prayer was a thing he tolerated, but didn't encourage.	Словно молитва являлась традицией, которую хозяин дома дозволял, но не поощрял.
Without having to ask, Taleswapper knew that Alvin Miller and the preacher down in that fine white church did not get along at all.	Можно было не расспрашивать, и так ясно, что Элвин Миллер и тот священник из высокой белой церкви на дух друг друга не переносят.
Taleswapper decided Miller might even appreciate a proverb from his book:	Сказитель про себя решил, что Миллеру наверняка придется по нраву одно присловие из его книги, гласящее:
"As the caterpillar chooses the fairest leaves to lay her eggs on, so the priest lays his curse on the fairest[j][o][y][s]"	"Как гусеница для яичек ищет лист получше, так и священник для проклятий ищет лучших из услад".

The meal was not a time of chaos, to Taleswapper's surprise.	К величайшему удивлению Сказителя, ужин прошел чинно и благородно.
Each child in turn reported what he did that day, and all listened, sometimes giving advice or praise.	Каждый член семьи по очереди отрапортовал, что он сделал за день, а остальные внимательно выслушали, иногда хваля или советуя.
Finally, when the stew was gone and Taleswapper was dabbing at the last traces in his bowl with a sop of bread, Miller turned to him, just like he had to everyone else in the family.	В конце концов, когда миска опустела и Сказитель добрал куском хлеба последние капли похлебки, Миллер повернулся к нему, как обращался до этого к каждому члену своей семьи:
"And your day, Taleswapper. Was it well spent?"	- Ну а твой день, Сказитель... Хорошо ли он прошел?

"I walked some miles before noon, and climbed a tree," said Taleswapper. "There I saw a steeple, which led me to a town.	- Встав с рассветом, я преодолел несколько миль, после чего взобрался на дерево, - начал рассказ Сказитель. - С него я увидел шпиль церкви, который и привел меня в ваш город.
There a Christian man feared my hidden powers, though he saw none of them, and so did a preacher, though he said he didn't believe I had any.	Сначала праведный христианин испугался моих скрытых сил, хотя я ничего такого не сделал, после чего их испугался священник, хоть и сказал, что не верит в мой дар.

Still, I was looking for a meal and a bed, and a chance to work to earn them, and a woman said that the folks at the end of a particular wagon track would take me in."	Но я должен был отыскать себе кров и ужин, а также возможность отработать постой, и одна женщина посоветовала мне обратиться к людям, которые живут в конце некой проезжей дороги.
"That would be our daughter Eleanor," said Faith.	- Это, вероятно, была наша дочь Элеанора, - догадалась Вера.
"Yes," said Taleswapper. "I see now that she has her mother's eyes, which are always calm no matter what is happening."	- Действительно, - кивнул Сказитель. - Теперь я и сам вижу, что ей по наследству от матери достались глаза, которые, чтобы ни произошло, всегда будут глядеть на мир с величавым спокойствием.

"No, friend," said Faith. "It's just that these eyes have seen, such times that since then it hasn't been easy to alarm me."	- Ты ошибаешься, мой друг, - вздохнула Вера. -Просто эти глаза видывали разные времена, и теперь очень нелегко вселить в меня тревогу.
"I hope before I leave to hear the story of such times," Taleswapper said.	- Надеюсь, прежде чем уйти, я выслушаю историю о тех временах, - произнес Сказитель.
Faith looked away as she put another slab of cheese on a grandchild's bread.	Вера отвернулась, положив еще один кусочек сыра на хлеб одному из внуков.

Taleswapper went right on with his account of the day, however, not wishing to show that she might have embarrassed him by not answering.	Однако Сказитель продолжал перечислять приключения сегодняшнего дня, не желая показывать, что она могла обидеть его своим молчанием.
"That wagon track was most peculiar," he said. "There were covered bridges over brooks that a child could wade in, and a man could step over.	- Дорога, по которой я шел, оказалась особой, -сказал он. - Над ручьями, которые маленький ребенок без труда перейдет вброд, а взрослый человек перепрыгнет, были возведены самые настоящие крытые мосты.
I hope to hear the story of those bridges before I go."	Я также надеюсь услышать историю этих мостов.

Again, no one would meet his gaze.	И снова никто не посмел встретиться с ним взглядом.
"And when I came out of the woods, I found a mill with no millstone, and two boys wrestling on a wagon, and a miller who gave me the worst throw of my life, and a family that took me in and gave me the best room in the house even though I was a stranger, and they didn't know me to be good or evil."	- А когда я вышел из леса, то обнаружил на берегу ручья мельницу без жернова, а после - двух мальчиков, борющихся на сене, мельника, который бросил меня так, что чуть дух не вышиб, и большое семейство, которое приняло меня и поселило в лучшей комнате в доме, несмотря на то что я был абсолютно незнакомым им человеком, не известно, злым или добрым.
"Of course you're good," said Al Junior.	- Конечно, ты добрый, - воскликнул Эл-младший.

"Do you mind my asking.	- Вы не хотите, чтобы я задавал вопросы?
I've met many hospitable people in my time, and stayed in many a happy home, but not one happier than this, and no one quite so glad to see me."	За время странствий я встречал множество радушных людей и останавливался во многих счастливо живущих домах, но никогда не видел столь счастливой семьи, как ваша. И никто мне не радовался так, как вы.
All were still around the table.	Хоть ужин и закончился, никто не спешил выходить из-за стола.
Finally, Faith raised her head and smiled at him.	Все замерли. Наконец Вера подняла голову и улыбнулась Сказителю.

"I'm glad you found us to be happy," she said. "But we all remember other times as well, and perhaps our present happiness is sweeter, from the memory of grief."	- Я рада, что мы показались тебе счастливой семьей, - сказала она. - Но мы помним и другие времена. Может быть, от этого наша радость становится только слаще - от памяти о временах горя и скорби.
"But why do you take in a man like me?"	- Но почему вы приняли меня, обыкновенного бродягу?
Miller himself answered.	На этот раз ответил Элвин Миллер:

"Because once we were strangers, and good folk took us in."	- Потому что сами когда-то были бродягами, и добрые люди приняли нас.

"I lived in Philadelphia for a time, and it strikes me to ask you, are you of the Society of Friends?"	- Некоторое время я жил в Филадельфии, поэтому должен спросить вас, вы, случаем, не принадлежите к "Обществу Друзей"?
Faith shook her head.	22 Вера покачала головой:
"I'm Presbyterian.	- Я пресвитерианка.
So are many of the children."	Как и многие из моих детей.
Taleswapper looked at Miller.	Сказитель перевел взгляд на Миллера.
"I'm nothing," he said.	- А я никто, - ответил тот на незаданный вопрос.

"A Christian isn't nothing," said Taleswapper.	- Быть христианином не означает быть никем, - возразил Сказитель.
"I'm no Christian, either."	- Я и не христианин.
"Ah," said Taleswapper. "A Deist, then, like Tom Jefferson."	- А, - понял Сказитель. - Стало быть, вы деист 23, как и Том Джефферсон.
The children murmured at his mention of the great man's name.	Дети, услышав упоминание имени великого человека, сразу зашептались.
"Taleswapper, I'm a father who loves his children, a husband who loves his wife, a farmer who pays his debts, and a miller without a millstone."	- Сказитель, я отец, любящий своих детей, я муж, любящий жену, фермер, платящий долги, и мельник без жернова.

Then the man stood up from the table and walked away.	Элвин-старший встал из-за стола и вышел на улицу.
They heard a door close. He was gone away outside.	Дверь хлопнула.
Taleswapper turned to Faith.	Сказитель повернулся к Вере.
"Oh, milady, I'm afraid you must regret my coming to your house.	- О миледи, боюсь, вы сейчас жалеете, что приняли меня у себя в доме.
"You ask a powerful lot of questions," she said.	- Ты задаешь очень много вопросов, - сказала она.
"I told you my name, and my name is what I do.	- Я представился, и мое имя отражает то, чему я посвятил жизнь.

Whenever I sense that there's a story, one that matters, one that's true, I hunger for it.	Когда я чувствую историю, историю, которая важна, которая правдива, я начинаю рыть землю.
And if I hear it, and believe it, then I remember it forever, and tell it again wherever I go."	И когда я наконец услышу ее и поверю, то запомню навсегда и буду рассказывать ее всюду, где бы ни оказался.
"That's how you earn your way?" asked one of the girls.	- Так вы зарабатываете себе на жизнь? - спросила одна из девушек.
"I earn my way by helping mend wagons and dig ditches and spin thread and anything else that needs doing.	- На жизнь я зарабатываю тем, что чиню телеги, копаю канавы, тку холст - в общем, делаю то, о чем меня попросят.

But my life work is tales, and I swap them one for one.	Но настоящая моя жизнь - в историях, я ищу их повсюду, запоминаю и разношу по белу свету.

You may think right now that you don't want to tell me any of your stories, and that's fine with me, because I never took a story that wasn't willingly told.	Может быть, вы думаете сейчас, что от вас я никаких историй не дождусь, ну и прекрасно, давайте так и договоримся, потому что я выслушиваю только то, что рассказывается по доброй воле.
I'm no thief.	Я не вор.
But you see, I've already got a story-the things that happened to me today.	Однако сегодня я уже добыл одну историю - о том, что произошло со мной.

The kindest people and the softest bed between the Mizzipy and the Alph."	О самых добрых и радушных людях и о самой мягкой кровати меж Миззипи и Альфом 24.
"Where's the Alph?	- А где находится Альф?
Is that a river?" asked Cally.	Это что, река? - спросил Кэлли.
"What, you want a story?" asked Taleswapper.	- Хотите, чтобы я рассказал вам какую-нибудь историю? - в ответ спросил Сказитель.
Yes, clamored the children.	- Да, - дружно загудели дети.
"But not about the river Alph," said Al Junior. "That's not a real place."	- Только не об Альфе, - сказал Эл-младший. -Такой реки не существует.

Taleswapper looked at him in genuine surprise.	Сказитель посмотрел на него с искренним изумлением.
"How did you know?	- Откуда ты знаешь?
Have you read Lord Byron's collection of Coleridge's poetry?"	Ты читал сборник поэзии Кольриджа, составленный лордом Байроном?
Al Junior looked around in bafflement.	Эл-младший непонимающе повел головой.
"We don't get much bookstuff here," said Faith. "The preacher gives them Bible lessons, so they can learn to read."	- Книг у нас немного, - сказала Вера. -Проповедник учит их Библии, поэтому они умеют читать.
"Then how did you know the river Alph isn't real?"	- Тогда откуда ты знаешь, что реки Альфы нет?

Al Junior scrunched his face, as if to say, Don't ask me questions when I don't even know the answer myself.	Эл-младший наморщил лицо, как бы говоря: "Не спрашивайте меня о том, чего я сам не знаю".
"The story I want is about Jefferson.	- Я хочу, чтобы вы рассказали нам о Джефферсоне.
You said his name like you met him."	Вы произнесли его имя так, будто встречались с ним.
"Oh, I did.	- А я действительно с ним знаком.
And Tom Paine, and Patrick Henry before they hanged him, and I saw the sword that cut off George Washington's head.	Я встречался и с Томом Пейном 25, и с Патриком Генри 26 - незадолго до того, как его повесили, видел меч, которым отрубили голову Джорджу Вашингтону.

I even saw King Robert the Second, before the French sank his ship back in naught one and took him to the bottom of the sea."	Я даже видел короля Роберта Второго - как раз перед тем, как французы превратили его корабль в ничто, отправив властителя на дно моря.
"Where he belonged," murmured Faith.	- Где ему самое место, - пробормотала Вера.

"If not deeper," said one of the older girls.	- Если не глубже, - прибавила одна из девушек.
"I'll say amen to that.	- Мне же остается добавить "аминь".

They say in Appalachee that he had so much blood on his hands that even his bones are stained brown with it, and even the most indiscriminate fish won't gnaw at them."	В Аппалачах поговаривают, будто на его руках было столько крови, что даже кости выкрасились в коричневый цвет, так что теперь самая презренная рыба не смеет дотронуться до этого утопленника.
The children laughed.	Дети рассмеялись.
"Even more than Tom Jefferson," said Al Junior, "I want a tale of the greatest American wizard.	- И кроме истории Тома Джефферсона, - сказал Эл-младший, - мне хотелось бы услышать рассказ о самом великом волшебнике Америки.
I bet you knew Ben Franklin."	Могу поспорить, вы знали Бена Франклина.
Again, the child had startled him.	Уже в который раз этот мальчик поражал Сказителя.

How did he guess that of all tales, those about Ben Franklin were the ones he best loved to tell?	Откуда он может знать, что из всех рассказов истории о жизни Бена Франклина - его самые любимые?
"Know him?	- Знавал ли я его?
Oh, a little," said Taleswapper, knowing that the way he said it promised them all the stories they could hope for. "I lived with him only half a dozen years, and there were eight hours every night that I wasn't with him- so I can't say I know much."	О, самую малость, - ответил Сказитель. После такого ответа дети должны были помереть от любопытства, и он не подведет их ожиданий. - Я прожил вместе с этим человеком всего шесть лет и, кроме того, ежедневно разлучался с ним часов на восемь, чтобы поспать. Поэтому вряд ли я могу утверждать, что знал Бена Франклина очень близко.

Al Junior leaned over the table, his eyes bright and unblinking.	Элвин-младший склонился над столом, сверля пылающим взглядом Сказителя:
"Was he truly a maker?"	- А он действительно был творцом?
"All those stories, each in its own time," said Taleswapper. "As long as your father and mother are willing to have me around, and as long as I believe I'm being useful, I'll stay and tell stories night and day."	- Каждой истории свое время, - ушел от ответа Сказитель. - Пока твои папа и мама не возражают против моего присутствия в этом доме и пока я сам не сочту, что отягощаю вас, я буду жить рядом с вами, день и ночь рассказывая всякие истории.
"Starting with Ben Franklin," insisted Alvin Junior. "Did he really pull lightning out of the sky?"	- Давайте начнем с Бена Франклина, - просящим голосом произнес Элвин-младший. - Он что, правда сумел поймать небесную молнию?

Chapter Ten-Visions	27 10. Видения
Alvin Junior woke up sweating from the nightmare.	Элвин-младший проснулся весь мокрый от пота.
It was so real, and he was panting just as if he had been trying to run away.	Кошмар был настолько правдоподобным, что мальчик судорожно дышал, будто отчаянно пытался убежать.
But there was no running away, he knew that.	Но бежать было некуда, и он это знал.

He lay there with his eyes closed, afraid to open them for a while, knowing that when he did, it would still be there.	Он лежал на кровати с плотно зажмуренными глазами и боялся открывать их, потому что не сомневался: стоит ему вглядеться в ночную тьму, как он увидит, что на самом деле кошмар никуда не девался, а наступает на него.
A long time ago, when he was still little, he used to cry out when this nightmare came.	Давным-давно, будучи совсем маленьким, он просыпался, заливаясь слезами, когда ему снился этот сон.
But when he tried to explain it to Pa and Mama, they always said the same thing.	Он несколько раз пытался рассказать о кошмарном сновидении папе и маме, но они всегда отвечали одно и то же:

"Why, that's just nothing, son.	"Сынок, чего ты боишься, это же всего-навсего сон, на самом деле ничего такого нет.
You're telling me you're so a-scared of nothing?"	Неужели ты боишься какого-то глупого сна?"
So he learned himself to stifle and never cry when the dream came.	Поэтому он приучил себя сдерживаться и больше не плакал, когда ночью сон возвращался.
He opened his eyes, and it fled away to the corners of the room, where he didn't have to look right at it.	Он открыл глаза, и кошмар удрал в темный угол комнаты, где его было не рассмотреть.
That was good enough.	"Ну и здорово.
Stay there and let me be, he said silently.	Сиди там и оставь меня в покое", - молча приказал ему Элвин.

Then he realized that it was full daylight, and Mama had laid out his black broadcloth pants and jacket and a clean shirt.	И вдруг он понял, что комнату заливают яркие солнечные лучи. На стуле рядом с кроватью лежали черные штаны, курточка и чистая рубашка, загодя приготовленные мамой.
His Sunday go-to-meeting clothes.	Воскресная выходная одежда.
He'd almost rather go back to the nightmare than wake up to this.	Уж лучше остаться в кошмарном сне, чем проснуться и увидеть рядом это.
Alvin Junior hated Sunday mornings.	Элвин-младший ненавидел воскресное утро.

He hated getting all dressed up, so he couldn't set on the ground or kneel in the grass or even bend over without something getting messed up and Mama telling him to have some respect for the Lord's day.	Он ненавидел одеваться во все чистое и праздничное, потому что в этой одежде он не мог ни на землю упасть, ни встать на колени в траве, нагнуться - и то толком не мог, потому что рубашка сразу вылезала, и мама принималась отчитывать его, советуя проявить к Господнему дню побольше почтения.
He hated having to tiptoe around the house all morning because it was the Sabbath and there wasn't to be no playing or making noise on the Sabbath.	Он ненавидел ходить целое утро на цыпочках, потому что когда-то давным-давно утром воскрес Иисус, а играть и шуметь в воскресенье запрещено.

Worst of all he hated the thought of sitting on a hard bench down front, with Reverend Thrower looking him in the eye while he preached about the fires of hell that were waiting for the ungodly who despised the true religion and put their faith in the feeble understanding of man.	Но больше всего он ненавидел сидеть на жесткой церковной скамье, когда прямо на него таращится преподобный Троуэр и вещает об огнях ада, которые ждут всякого грешника, посмевшего отречься от истинной веры и уверовавшего в жалкие силы человеческие.
Every Sunday, it seemed like.	Каждое воскресенье повторялось одно и то же.

And it wasn't that Alvin really despised religion.	Не то чтобы Элвин с презрением относился к религии.

He just despised Reverend Thrower.	Он презирал преподобного Троуэра.
It was all those hours in school, now that harvest was over.	Урожай собран, и теперь целыми днями Элвину приходилось торчать в школе.
Alvin Junior was a good reader, and he got right answers most of the time in his ciphering. But that wasn't enough for old Thrower.	Элвин-младший хорошо читал и справлялся почти со всеми задачками по арифметике, но зануде Троуэру все было мало.
He also had to teach religion right along with it.	Всюду ему надо было приплести свою религию.

The other children-the Swedes and Knickerbockers from upriver, the Scotch and English from down-only got a licking when they sassed or got three wrong answers in a row.	Другие дети - шведы и прочие европейцы с верховий реки, шотландцы и англичане с низовий - получали легкую взбучку, когда ошибались или выдавали по три неправильных ответа в одной домашней работе.
But Thrower took his cane to Alvin Junior every chance he got, it seemed like, and it wasn't over book-learning, it was always about religion.	Но Элвина-младшего Троуэр драл как Сидорову козу по любому поводу. И всякий раз дело упиралось не в чтение и не в арифметику, а в религию.
Of course it didn't help much that the Bible kept striking Alvin funny at all the wrong times.	Что Элвин может поделать, если Библия постоянно смешит его в самый неподходящий момент?

That's what Measure said, the time that Alvin ran away from school and hid in David's house till Measure found him nigh onto suppertime.	Однажды Элвин даже удрал из школы и спрятался в доме у Дэвида - его обнаружили только к вечеру. Нашедший его Мера потрепал мальчика по голове и сказал лишь:
"If you just didn't laugh when he reads from the Bible, you wouldn't get whupped so much."	- Если б ты не хохотал так громко, когда он читает Библию, он бы тебя и пальцем не тронул.
But it was funny.	Но ведь смешно же!
When Jonathan shot all those arrows in the sky and they missed. When Jeroboam didn't shoot enough arrows out his window.	Взять, к примеру, тот случай, когда Ионафан, опытный воин, делал вид, что с трех стрел не может попасть в цель, гоняя собирать их отрока 28.

When Pharaoh kept finding tricky ways to keep the Israelites from leaving.	Когда фараон упорно не отпускал колена израильские из страны 29.
When Samson was so dumb he told his secret to Delilah after she already betrayed him twice.	Да и неужели Самсон был настолько туп, что с готовностью раскрыл тайну своей силы Далиле, когда она успела предать его аж трижды? 30
"How can I keep from laughing?"	- Но я не могу удержаться от смеха!
"Just think about getting blisters on your butt," said Measure. "That ought to take the smile off your face."	- А ты каждый раз вспоминай о багровых рубцах на заднице, - посоветовал Мера. - Смех как рукой снимет.

"But I never remember till after I already laughed."	- Не получается. Я вспоминаю о них, когда уже рассмеюсь.

"Then you'll probably never need a chair till you're fifteen years old," said Measure. "Cause Mama won't ever let you out of that school, and Thrower won't ever let up on you, and you can't hide in David's house forever."	- Что ж, это проблема. Значит, лет до пятнадцати на стул тебе не садиться, - посочувствовал Мера. -Потому что бросить школу тебе не разрешит мама, да и Троуэр тебя так просто не отпустит, а у Дэвида ты вечно прятаться не можешь.
"Why not?"	- Почему?

"Because hiding from your enemy is the same as letting him win."	- Потому что прятаться от врага - все равно что заранее признавать свое поражение.
So Measure wouldn't keep him safe, and he had to go back- and take a licking from Pa, too, for scaring everybody by running away and hiding so long.	Если даже Мера не мог защитить его, Элвину ничего не оставалось делать, как вернуться домой, где он получил хорошую взбучку не только от мамы, но и от папы за то, что перепугал всех до смерти своим побегом.
Still, Measure had helped him.	Однако Мера помог ему.
It was a comfort to know that somebody else was willing to say that Thrower was his enemy.	Элвин немного утешился, узнав, что не один он мнит Троуэра своим врагом.

All the others were so full of how wonderful and godly and educated Thrower was, and how kind he was to teach the children from his fount of wisdom, that it like to made Alvin puke.	Всех остальных переполнял восторг: ах, какой замечательный этот Троуэр, какой благовоспитанный, образованный и набожный, как он добр, что взялся обучать детей. От таких речей Элвину блевать хотелось.

Even though Alvin mostly kept his face under control during school, and so got less lickings, Sunday was the most terrible struggle of all, because he sat there on that hard bench listening to Thrower, half the time wanting to bust out laughing till he fell on the floor, and half the time wanting to stand up and shout,	Все же Элвин научился держать себя в руках во время посещений школы - соответственно, уменьшились и наказания. Но самым страшным испытанием был воскресный день, потому что приходилось сидеть на жесткой скамье прямо перед Троуэром и делать вид, что внимательно его слушаешь, хотя иногда Элвину хотелось смеяться до упаду, а иногда встать и закричать:
"That's just about the stupidest thing I ever heard a growed man say!"	"Вы только послушайте! Взрослый человек, а мелет глупости!"

He even had a feeling Pa wouldn't lick him very hard for saying that to Thrower, since Pa never had much of an opinion of the man.	Элвину почему-то казалось, что папа не очень сильно отругает его за такой поступок, поскольку папа никогда не испытывал восторга от Троуэра.
But Mama-she'd never forgive him for doing blasphemy in the house of the Lord.	Но мама - она не простит ему подобного святотатства в доме Господнем.
Sunday morning, he decided, is designed to let sinners have a sample of the first day of eternity in hell.	Воскресное утро, решил Элвин, специально придумано, чтобы показать всем грешникам, каков будет их первый день в аду.

Probably Mama wouldn't even let Taleswapper tell so much as the tiniest story today, lessen it came from the Bible.	Наверное, сегодня о рассказах и речи быть не может: мама слова Сказителю не даст вымолвить, если только тот не заговорит о Библии.
And since Taleswapper never seemed to tell stories from the Bible, Alvin Junior guessed that nothing good would come today.	А поскольку Сказитель вроде бы не знал библейских историй, Элвин-младший окончательно уверился, что сегодняшний день для жизни потерян.
Mama's voice blasted up the stairs.	Снизу раздался громкий голос мамы:

"Alvin Junior, I'm so sick and tired of you taking three hours to get dressed on Sunday morning that I'm about to take you to church naked!"	- Элвин-младший, я устала от того, что каждое воскресенье ты одеваешься три часа кряду. Отправлю в церковь голышом - тогда попляшешь!
"I ain't naked!" Alvin shouted down.	- Вовсе я не голый! - крикнул в ответ Элвин.
But since what he was wearing was his nightgown, it was probably worse than being naked.	То, что на нем была надета ночная рубашка, ничуть не умаляло его вины, а наоборот, усугубляло.
He shucked off the flannel nightgown, hung it on a peg, and started dressing as fast as he could.	Он стянул фланелевую рубашку, повесил ее на колышек и принялся как можно быстрее облачаться в воскресный костюм.
It was funny.	Смешно.

On any other day, he only had to reach out for his clothes without even thinking, and they'd be there, just the piece he wanted. Shirt, trousers, stockings, shoes.	В любой другой день стоило ему руку протянуть, как рубашка или штаны, носки или башмаки, что бы он ни пожелал, мигом оказывались у него в пальцах.
Always there in his hand when he reached.	Всегда находились под рукой.
But on Sunday morning, it was like the clothes ran away from his hand.	Но в воскресное утро одежда словно убегала и пряталась от него.
He'd go for his shirt and come back with his pants.	Он шел за рубашкой - возвращался со штанами.

He'd reach for a sock and come up with a shoe, time after time.	Тянулся за носком - доставал башмак. И так раз за разом.
It was like as if the clothes didn't want to get put on his body any more than he wanted them there.	Похоже, Элвин и воскресный костюм испытывали друг к другу взаимную неприязнь: одежда не хотела надеваться на него, а он вовсе не жаждал облачаться в эту гадость.
So when Mama banged open the door, it wasn't altogether Alvin's fault that he didn't even have his pants on yet.	Поэтому, когда стукнула о стену распахнувшаяся дверь, отворенная разъяренной мамой, Элвин был ничуть не виноват в том, что даже штаны еще не успел надеть.
"You've missed breakfast!	- Ты пропустил завтрак!

You're still half-naked!	И до сих пор шляешься полуголым!
If you think I'm going to make the whole family parade into church late on account of you, you've got-"	Если ты считаешь, что все будут ждать тебя одного и в конце концов опоздают в церковь, то ты...
"Another think coming," said Alvin.	- Жестоко заблуждаешься, - закончил за нее Элвин.
It wasn't his fault that she always said the same thing.	Не его вина, что каждое воскресенье она говорила одно и то же.
But she got mad at him as if he should have pretended to be surprised to hear her say it for the ninetieth time since summer.	Но она разозлилась на него так, будто он должен был изумиться и испугаться фразы, которую она повторяла, наверное, в сотый раз.

Oh, she was all set to give him a licking, all right, or call for Pa to do it even worse, when there was Taleswapper, come to save him.	Все, головомойка ему обеспечена, может быть, она папу позовет, а это еще хуже. Но на помощь к нему пришел Сказитель.

"Goody Faith," said Taleswapper, "I'd be glad to see to it he comes to church, if you want to go on ahead with the others."	- Достопочтенная Вера, - сказал он. - Я с радостью приведу его в церковь. Вы можете никуда не торопиться.
The minute Taleswapper spoke, Mama whirled around and tried to hide how mad she'd been.	В ту секунду, когда Сказитель заговорил, мама быстренько повернулась к нему, попытавшись скрыть кипящую ярость.

Alvin right away started doing a calming on her- with his right hand, where she couldn't see it, since if she saw him doing a spell on her, she'd break his arm, and that was one threat Alvin Junior truly believed.	Элвин сразу наслал на нее заклятие спокойствия -правой рукой, которую она не видела. Если б она заметила, что он насылает на нее чары, то переломала бы ему руки-ноги. Этой маминой угрозе Элвин-младший искренне верил.
A calming didn't work so well without touching, but since she was trying so hard to look calm in front of Taleswapper, it worked all right.	Конечно, заклятие лучше сработало бы, если б он коснулся ее, но... Впрочем, она так старалась прикинуться спокойной, что все и без того прошло гладко.
"I hate to put you to any trouble," said Mama.	- Мне не хотелось бы доставлять тебе беспокойство, - сказала мама.

"No trouble, Goody Faith," said Taleswapper. "I do little enough to repay your kindness to me."	- Никакого беспокойства, тетушка Вера, -запротестовал Сказитель. - Эта услуга ничтожно мала по сравнению с добротой, которую вы проявляете ко мне.
"Little enough!" The fretfulness was almost gone from Mama's voice now. "Why, my husband says you do the work of two grown men.	- Ничтожно мала! - Голос мамы понизился до нормального уровня. - Напротив, мой муж говорит, что ты работаешь за двоих.

And when you tell stories to the little ones I get more peace and quiet in this house than I've had since-since ever." She turned back to Alvin, but now her anger was more an act than real. "Will you do what Taleswapper tells you, and come to church right quick?"	А когда ты рассказываешь свои истории детишкам, в доме воцаряется такой мир и покой, каких не было тут со времен... со времен... да, в общем, никогда. - Она повернулась к Элвину и вновь напустилась на него, впрочем, гнев ее был скорее притворным. - Будешь слушаться Сказителя? Обещаешь поспешить в церковь?
"Yes, Mama," said Alvin Junior. "Quick as I can."	- Да, мама, - ответил Элвин. - Постараюсь управиться как можно быстрее.
"All right then.	- Значит, договорились.
Thank you kindly, Taleswapper.	Благодарю тебя от всего сердца, Сказитель.

If you can get that boy to obey, that's more than anybody else has managed since he learned to talk."	Если тебе удастся заставить этого мальчишку слушаться, ты достигнешь большего, чем кто-либо. Научившись спорить, он стал сущим наказанием.
"He's a real brat," said Mary, from the hallway outside.	- Мелкое отродье, - обозвалась стоящая в коридоре Мэри.
"Shut your mouth, Mary," Mama said, "or I'll stuff your lower lip up your nose and tack it there to keep it shut."	- А ты заткни рот, Мэри, - немедленно приказала мама, - иначе я натяну твою нижнюю губу тебе на нос и так оставлю.
Alvin sighed in relief.	Элвин с облегчением вздохнул.

When Mama made impossible threats it meant she wasn't all that angry anymore.	Когда мама начинала сыпать неправдоподобными угрозами, это означало, что она больше не сердится.
Mary put her nose in the air and flounced down the hall, but Alvin didn't even bother with it.	Мэри задрала нос к небу и гордо прошествовала вниз по лестнице. Однако Элвин этого не заметил.
He just grinned at Taleswapper, and Taleswapper grinned at him.	Он улыбнулся Сказителю, а Сказитель улыбнулся в ответ.
"Having trouble getting dressed for church, lad?" asked Taleswapper.	- Что, парень, никак не можешь надеть свой воскресный костюм? - спросил Сказитель.

"I'd rather dress myself in lard and walk through a herd of hungry bears," said Alvin Junior.	- Да я лучше мешок на голову нацеплю и пройду через стаю голодных медведей, - сказал Элвин-младший.
"More people live through church than survive encounters with bears."	- Ну, я немало людей знаю, которые всю жизнь ходили в церковь и остались живы-здоровы.
"Not by much, though."	Зато ни разу не видел человека, который умудрился бы уцелеть в схватке с выводком взбесившихся медведей. - Можешь посмотреть. Я уцелею.
Soon enough he got dressed.	Вскоре Элвин оделся.

But he was able to talk Taleswapper into taking the shortcut, which meant walking through the woods up over the hill behind the house, instead of going around by way of the road.	Кроме того, ему удалось уговорить Сказителя немного срезать путь и пройти через лес за домом, чем обходить холм по кружной дороге.
Since it was right cold outside, and hadn't rained in a while, and wasn't about to snow yet, there'd be no mud and Mama'd probably not even guess.	Погода стояла не такая уж холодная, дождей несколько дней не было, впрочем, как и снега, а значит, не было и грязи - стало быть, мама не узнает.

And what Mama didn't know wouldn't hurt him.	Так что за это Элвина не накажут.
"I noticed," said Taleswapper as they climbed up the leaf-covered slope, "that your father didn't go with your mother and Cally and the girls."	- Я заметил, - заговорил Сказитель, когда они начали подниматься по усеянному опавшей листвой склону, - что твой отец не пошел вместе с мамой, Кэлли и девочками.
"He doesn't go to that church," said Alvin. "He says Reverend Thrower is a jackass.	- Он не ходит в церковь, - кивнул Элвин. -Говорит, что преподобный Троуэр - осел.
Course, he don't say that where Mama can hear."	Не при маме, разумеется.

"I suppose not," said Taleswapper.	- Естественно, - усмехнулся Сказитель.
They stood at the top of the hill, looking down across open meadowland toward the church.	Они стояли на вершине холма, оглядывая распростершийся у ног широкий луг.
The church's own hill hid the town of Vigor Church from view.	Возвышенность, на которой был возведен собор, закрывала собой город Церкви Вигора.

The frost was just beginning to melt off the brown autumn grass, so that the church looked to be the whitest thing in a world of whiteness, and the sun flashed on it like it was another sun.	Утренний иней еще не успел оттаять с побуревшей осенней травы, поэтому церковь выглядела ярчайшим белым пятном посреди мира белизны, и отражающиеся от ее чистых стен солнечные лучи превращали здание в новое светило.
Alvin could see wagons still pulling into place, and horses being tied to the posts on the meadow.	Элвин разглядел подъезжающие к ней телеги и лошадей, привязанных к столбикам на лугу.

If they hurried right now, they'd probably be in their places before Reverend Thrower started up the hymn.	Если бы они поспешили, то успели бы занять места, до того как преподобный Троуэр начнет первый псалом.
But Taleswapper didn't start down the hill.	Но Сказитель не торопился уходить с холма.
He just set himself on a stump and started to recite a poem.	Он присел на пенек и стал читать вслух какое-то стихотворение.
Alvin listened tight, because Taleswapper's poems often had a real bite to them.	Элвин внимательно вслушивался в строчки, потому что в глубине каждый стих Троуэра таил едкую горечь.

"I went to the Garden of Love, And saw what I never had seen: A chapel was built in the midst, Where I used to play on the green.	Я однажды пошел в Сад Любви, Я глядел и не верил глазам: На лугу, где играл столько раз,
"And the gates of this chapel were shut, And 'Thou shalt not' writ over the door, So I turned to the Garden of Love, That so many sweet flowers bore,	Посредине поставили Храм. Были двери его на замке - Прочитал я над ними: "Не смей!" И тогда заглянул в Сад Любви Посмотреть на цветы юных дней.
"And I saw it was filled with graves, And tomb-stones where flowers should be.	Но увидел могилы кругом И надгробия вместо цветов -

And priests in black gowns were walking their rounds, And binding with briars my joys and desires.	И священники пеньем моим наслажденьям Из вервий терновых крепи-ли оковы.31
Oh, Taleswapper had a knack, he did, for as he recited, the very world changed before Alvin's eyes.	Сказитель и в самом деле обладал даром, и каким! Казалось, весь мир изме-нился на глазах у Элвина.

The meadows and trees looked like the loudest shout of spring, vivid yellow-green with ten thousand blossoms, and the white of the chapel in the midst of it was no longer gleaming, but instead the dusty, chalky white of old bones.	Луга и деревья выражали пронзительный крик весны, ярко-желто-зеленый, усеянный десятками тысяч красочных бутонов, а белизна церкви посредине этого великолепия уже не мерцала солнечным светом, превратившись в пыльную, усыпанную мелом кучу старых костей.
"Binding with briars my joys and desires," Alvin repeated. "You ain't got much use for religion."	- Из вервий терновых крепили оковы, - повторил Элвин. - Ты, я гляжу, тоже не испытываешь особой любви к религии.

"I breathe religion with my every breath," said the Taleswapper. "I long for visions, I search for the traces of God's hand.	- Я вдыхаю религию с каждым вздохом, - ответил Сказитель. - Я жажду видений, ищу следы руки Господней.
But in this world I see more traces of the other.	Но в этом мире я чаще натыкаюсь на другие следы, оставленные иной рукой.
A trail of glistening slime that burns me when I touch it.	К примеру, на блестящую слизь, которая обжигает, если до нее дотронуться.

God is a bit standoffish these days, Al Junior, but Satan has no fear of getting down in the muck with mankind."	В последнее время Г осподь несколько отстранился от человечества, Эл-младший, зато сатана с удовольствием якшается и возится с нами.

"Thrower says his church is the house of God."	- Троуэр говорит, что его церковь служит домом Господу.
Taleswapper, he just sat there and said nothing for the longest time.	Сказитель ничего не ответил. Долгое время он сидел и просто молчал.
Finally Alvin asked him right out:	В конце концов Элвин не выдержал и спросил его напрямую:
"Have you seen devil traces in that church?"	- Ты видел в церкви след дьявола?
In the days that Taleswapper had been with them, Alvin had come to know that Taleswapper never exactly lied.	За то время, что Сказитель жил в их доме, Элвин успел узнать, что странник никогда не лжет.

But when he didn't want to get pinned down with the true answer, he'd say a poem.	Но когда он не хотел отвечать правдиво, он читал стих.
He said one now.	Как, например, сейчас.
"O Rose, thou art sick.	О Роза, ты чахнешь! - Окутанный тьмой
The invisible worm, That flies in the night, In the howling storm	Червь, реющий в бездне, Где буря и вой,
"Has found out thy bed, Of crimson joy, And his dark secret love, Does thy life destroy."	Пунцовое лоно Твое разоряет И черной любовью, Незримый, терзает32.
Alvin was impatient with such twisting answers.	Элвина столь завуалированный ответ не устраивал.

"If I want to hear something I don't understand, I can read Isaiah."	- Если мне хочется чего-нибудь непонятного, я обычно читаю Исайю 33.
"Music to my ears, my lad, to compare me to the greatest of prophets."	- Я ликую, друг мой, слыша, как ты сравниваешь меня с величайшим из пророков.
"He ain't much of a prophet if nobody can understand a thing he wrote."	- Какой же он пророк, если из его слов вообще ничего не понять?
"Or perhaps he meant us all to become prophets."	- Может быть, он хотел сделать пророками нас.
"I don't hold with prophets," said Alvin. "Near as I can tell, they end up just as dead as the next man."	- Я не доверяю пророкам, - заявил Элвин. -Насколько я знаю, умирают они точно так же, как обычные люди.

It was something he had heard his father say.	Нечто подобное он слышал из уст своего отца.
"Everybody ends up dead," said Taleswapper. "But some who are dead live on in their words."	- Каждый человек смертен, - ответил Сказитель. -Но некоторые, даже умерев, остаются жить вечно, поселившись в словах.
"Words never stay straight," said Alvin. "Now, when I make a thing, then it's the thing I made.	- Слова можно толковать по-разному, - возразил Элвин. - Вот, к примеру, если я сделаю что-то, оно таким и останется.
Like when I make a basket.	Допустим, сплету я корзину.
It's a basket.	Корзина всегда останется корзиной.

When it gets tore, then it's a tored-up basket.	Если ее днище порвется, она превратится в дырявую корзину.
But when I say words, they can get all twisted up.	Слова же все время путаются-перепутываются.
Thrower can take those same very words I said and bend them back and make them mean just contrary to what I said."	Троуэр может так истолковать и переиначить мои слова, что они будут говорить вовсе не то, что я хотел ими выразить.
"Think of it another way, Alvin.	- А теперь, Элвин, давай посмотрим на проблему с другой стороны.
When you make one basket, it can never be more than one basket.	Корзина, сплетенная тобой, всегда останется корзиной, одной-единственной корзиной.

But when you say words, they can be repeated over and over, and fill men's hearts a thousand miles from where you first spoke them.	Но твои слова могут повторяться и повторяться, наполнять сердца людей, живущих за многие тысячи миль от того места, где ты впервые их произнес.
Words can magnify, but things are never more than what they are."	Слова могут притягивать и зачаровывать, а вещи навсегда останутся такими, какие они есть.
Alvin tried to picture that, and with Taleswapper saying it, the picture came easy to his mind.	Элвин попытался представить нарисованную Сказителем картину. Это оказалось совсем несложно.

Words as invisible as air, coming out of Taleswapper's mouth and spreading from person to person.	Слова, невидимые, как воздух, вылетали изо рта Сказителя и переходили от человека к человеку.
Growing larger all the time, but still invisible.	Оставаясь невидимками, они с каждым разом все разрастались.
Then, suddenly, the vision changed.	Затем видение изменилось.

He saw the words coming from the preacher's mouth, like a trembling in the air, spreading out, seeping into everything- and suddenly it became his nightmare, the terrible, dream that came on him, waking or sleeping, and spiked his heart to his spine till he like to died.	Элвину представились слова, срывающиеся с губ проповедника. Они дрожали, волновали воздух и, распространяясь по свету, просачивались всюду. Внезапно они превратились в ночной кошмар, в тот страшный сон, что постоянно посещал Элвина, спал мальчик или бодрствовал. Сердце пронзила острая боль, и ему захотелось умереть, лишь бы не переживать то же самое еще раз.

The world filling up with an invisible trembling nothing that seeped into everything and shook it apart.	Слова были наполнены невидимой, дрожащей пустотой, которая лезла во все щели, разваливая окружающий мир.
Alvin could see it, rolling toward him like a huge ball, growing all the time.	Элвин отчетливо видел эту пустоту, накатывающуюся на него подобно огромному, постоянно прибавляющему в размерах валуну.

He knew from all the nightmares before that even if he clenched his fists it would thin itself out and seep between his fingers, and even when he closed his mouth and his eyes it would press on his face and ooze into his nose and ears and-	Прежние кошмары научили Элвина, что, даже если он сожмет кулаки, Ничто истончится до едва заметной дымки и просочится меж его пальцев, даже если он стиснет зубы, зажмурит глаза, Пустота надавит на лицо, проникнет в ноздри, в уши и...
Taleswapper shook him.	Сказитель потряс его за плечо.
Shook him hard.	Встряхнул со всей силы.

Alvin opened his eyes.	Элвин открыл глаза.

The trembling air retreated back to the edges of his sight.	Дрожащий воздух отпрянул в сторону, маяча смутной тенью поблизости.
That's where Alvin saw it most of the time, waiting just barely out of sight, wary as a weasel, ready to flit away if he turned his head.	Пустота постоянно держалась чуть в стороне, подстерегая удобный момент. Она была хитрой и осторожной, как хорек, и готова была мигом улизнуть, стоило мальчику повернуть голову, чтобы приглядеться к ней.
"What's wrong with you, lad?" asked Taleswapper.	- Что с тобой? - встревоженно спросил Сказитель.
His face looked afraid.	На лице его отражался испуг.
"Nothing," said Alvin.	- Ничего, - помотал головой Элвин.

"Don't tell me nothing," said Taleswapper. "All of a sudden I saw a fear come over you, as if you were seeing a terrible vision."	- Не ври, - строго приказал Сказитель. - Я вдруг увидел, как ты забился в страхе, словно тебе явилось какое-то ужасное видение.
"It wasn't a vision," said Alvin. "I had a vision once, and I know."	- Это было не видение, - сказал Элвин. - Меня как-то раз посетило видение, поэтому я знаю, как оно выглядит.
"Oh?" said Taleswapper. "What vision was that?"	- Да? - удивился Сказитель. - И что же за видение у тебя было?
"A Shining Man," said Alvin. "I never told nobody about it, and I don't reckon to start now."	- Ко мне явился Сияющий Человек, - ответил Элвин. - Я прежде никому о нем не рассказывал и вовсе не горю желанием говорить об этом сейчас.

Taleswapper didn't press him.	Сказитель не стал давить на него:
"What you saw now, if it wasn't a vision-well, what was it?"	- Хорошо, допустим, это было не видение - но что тогда?
"It was nothing."	- Ничто.
It was a true answer, but he also knew it was no answer at all.	Он сказал правду, хотя знал, что ответ вряд ли удовлетворит Сказителя.
But he didn't want to answer.	Но если ему не хотелось отвечать?
Whenever he told people, they just scoffed at him for being such a baby about nothing.	Раньше, когда он пытался поговорить с кем-нибудь на эту тему, над ним смеялись. Ведь только несмышленое дитя пугается непонятного Ничто.

But Taleswapper wouldn't let him slough off his question.	Но Сказитель не отставал от него:
"I've been longing for a true vision all my life, Al Junior, and you saw one, here in broad daylight, with your eyes wide open, you saw something so terrible it made you stop breathing, now tell me what it was."	- Знаешь, Эл-младший, всю свою жизнь я мечтал о настоящем видении. И тебе оно явилось, здесь, прямо сейчас, посреди бела дня. Глаза твои широко распахнулись, ты увидел нечто ужасное, аж дыхание перехватило. Говори немедленно, что ты видел.
"I told you!	- Я уже сказал!
It was nothing!" Then, quieter:	Ничто! - Взяв себя в руки, он повторил немного потише:

"It's nothing, but I can see it.	- Это было ничто, Пустота, и тем не менее я ее видел.
Like the air gets wobbly wherever it goes."	Она похожа на марево, когда движется.
"It's nothing, but not invisible?"	- И ты видел эту Пустоту, это Ничто?
"It gets into everything.	- Оно проникает повсюду.
It gets into all the smallest cracks and shakes everything apart.	Забирается в маленькие щели и начинает разрушать.

Just shivers and shivers until there's nothing left but dust, and then it shivers the dust, and I try to keep it out, but it gets bigger and bigger, it rolls over everything, till it like to fills the whole sky and the whole earth."	Оно просто трясет и трясет, пока не остается одна пыль, и тогда оно принимается трясти пыль. Я пытаюсь остановить его, но оно растет, становится все больше и больше, катится вперед, пока не заполнит небо и землю.
Alvin couldn't help himself.	Элвин ничего не мог с собой поделать.
He was shaking with cold, even though he was bundled up thick as a bear.	Его бил озноб, хотя на нем было столько вещей надето, что он напоминал толстого маленького медвежонка.
"How many times have you seen this before?"	- И сколько раз ты видел эту картину?

"Ever since I can remember.	- Она является ко мне, сколько я себя помню.
Just now and then it'll come on me.	Постоянно, от нее не отвязаться.
Most times I just think about other things and it stays back."	Хотя иногда я начинаю думать о другом, и она отступает.
"Where?"	- Куда?
"Back.	- Назад.
Out of sight."	За пределы зрения.
Alvin knelt down and then sat down, exhausted.	Элвин встал на колени и сел на землю, чувствуя, как кружится голова.
Sat right in the damp grass with his Sunday pants, but he didn't hardly notice.	В выходных штанах он сел прямо на мокрую траву, но даже не заметил этого.

"When you talked about words spreading and spreading, it made me see it again."	- Когда ты заговорил о распространяющихся по миру словах, я сразу увидел эту пустоту.
"A dream that comes again and again is trying to tell you the truth," said Taleswapper.	- Если сон возвращается вновь и вновь, значит, он пытается донести до тебя правду, - объяснил Сказитель.
The old man was so plainly eager about the whole thing that Alvin wondered if he really understood how frightening it was.	Старик пришел в такое возбуждение, что Элвин подумал: а понимает ли он, как это на самом деле страшно?

"This ain't one of your stories, Taleswapper."	- Это не одна из твоих историй, Сказитель.
"It will be," said Taleswapper, "as soon as I understand it."	- Я должен понять, - ответил Сказитель, - и тогда сложится новая история.
Taleswapper sat beside him and thought in silence for the longest time.	Он опустился рядом с Элвином и долго молчал, что-то обдумывая.

Alvin just sat there, twisting grass in his fingers.	Элвин также молчал, бессмысленно играя с травой.
After a while he got impatient.	Наконец он не смог больше сдерживаться.

"Maybe you can't understand everything," he said. "Maybe it's just a craziness in me.	- Наверное, ты не можешь понять всего на свете, -сказал он. - Может быть, это я свихнулся.
Maybe I get lunatic spells."	Может, кто-нибудь наложил на меня чокнутое заклятие.
"Here," said Taleswapper, taking no notice that Alvin had even spoke. "I've thought of a meaning.	- Послушай, - Сказитель, похоже, не услышал его,- я здесь придумал кое-какое объяснение.
Let me say it, and see if we believe it."	Давай я тебе его изложу, а потом посмотрим, стоит ли оно доверия или нет.
Alvin didn't like being ignored.	Элвин терпеть не мог, когда на него не обращают внимания:

"Or maybe you get lunatic spells, you ever think of that, Taleswapper?"	- А может быть, это ты где-нибудь подцепил чокнутые чары, подумай об этом, а, Сказитель?
Taleswapper brushed aside Alvin's doubt.	Но Сказитель опять не слышал:
"All the universe is just a dream in God's mind, and as long as he's asleep, he believes in it, and things stay real.	- Вся Вселенная есть сон разума нашего Господа, и пока Он спит. Он верит, воплощая ее в действительность.

What you see is God waking up, gradually waking up, and his wakefulness sweeps through the dream, undoes the universe, until finally he sits up, rubs his eyes, and says,	Ты же видишь Бога просыпающегося, постепенно приходящего в себя после долгого сна. Его сознание разрывает пелену сновидения и разрушает Вселенную. В конце концов он проснется, сядет, протрет глаза и скажет:
'My, what a dream, I wish I could remember what it was,' and in that moment we'll all be gone." He looked eagerly at Alvin.	"Да, ну и сон мне приснился, жаль, что не запомнился". Тут-то нас и не станет. - Он испытывающе поглядел на Элвина.
"How was that?"	- Ну как?
"If you believe that, Taleswapper, then you're a blamed fool, just like Armor-of-God says."	- Если ты веришь в это, Сказитель, то ты дурак психованный, как любит выражаться Армор.

"Oh, he says that, does he?" Taleswapper suddenly snaked out his hand and took Alvin by the wrist.	- Да, любит он так говорить... - Внезапно Сказитель рванулся вперед и схватил Элвина за запястье.
Alvin was so surprised he dropped what he was holding. "No!	Элвин совершенно не ожидал этого, поэтому выронил то, что держал в руке. - Нет!
Pick it up!	Подними сейчас же!
Look what you were doing!"	Ты посмотри, что ты делаешь!
"I was just fiddling, for pete's sake."	- Да я так, с травой играл...
Taleswapper reached down and picked up what Alvin had dropped.	Сказитель нагнулся и поднял выроненную Элвином корзиночку.

It was a tiny basket, not an inch across, made from autumn grasses.	Она была совсем крошечной, с полпальца величиной, сплетенная из осенних трав.
"You made this, just now."	- Ты ее только что сделал.

"I reckon so," said Alvin.	- Вроде бы, - признался Элвин.
"Why did you make it?"	- Но зачем?
"Just made it."	- Сделал, и все тут.
"You weren't even thinking about it?"	- Ты что, даже не думал?
"It ain't much of a basket, you know.	- То же мне, важная штука.
I used to make them for Cally.	Я раньше много таких плел для Кэлли.

He called them bug baskets when he was little.	Когда Кэлли был маленьким, он звал их жучиными гнездышками.
They just fall apart pretty soon."	Они быстро рассыпаются.
"You saw a vision of nothing, and then you had to make something. "	- Ты увидел ничто и поэтому должен был что-то сотворить.
Alvin looked at the basket.	Элвин снова поглядел на корзиночку.
"Reckon so."	- Может быть.
"Do you always do that?"	- Ты часто так поступаешь?
Alvin thought back to other times he'd seen the shivering air.	Элвин постарался припомнить, что происходило после того, как к нему являлся дрожащий воздух.

"I'm always making things," he said. "Don't mean much."	- Ну, я всегда чем-нибудь занимаюсь, - сказал он.- Что с того?
"But you don't feel right again until you've made something.	- Но ты не можешь прийти в себя, пока что-нибудь не сделаешь.
After you see the vision of nothing, you aren't at peace until you put something together."	Увидев пустоту, ты обязательно должен что-нибудь сотворить.
"Maybe I've just got to work it off."	- Честно говоря, работы у меня хватает...
"Not just work, though, is it, lad?	- Работа здесь ни при чем.
Chopping wood doesn't do the job for you.	Деревья рубить - ведь это не работа для тебя.

Gathering eggs, toting water, cutting hay, that doesn't ease you."	Яйца собирать, воду носить, сено косить - это тебе не помогает.
Now Alvin began to see the pattern Taleswapper had found.	Теперь и сам Элвин начал понимать, что подразумевает Сказитель.
It was true, near as he could remember.	А ведь правда, насколько он помнил, все так и было.
He'd wake up after such a dream at night, and couldn't stop fidgeting until he'd done some weaving or built a haystack or done up a doll out of corn shucks for one of the nieces.	Проснувшись после ночного кошмара, он никак не мог успокоиться. Ему обязательно надо было что-то сделать: сплести что-нибудь, поставить стог, вырезать из кукурузного початка куколку для какой-нибудь из племянниц.

Same thing when the vision came on him in the day-he wasn't no good at whatever chore he was doing, until he built something that hadn't been there before, even if it was nothing more than a pile of rocks or part of a stone wall.	Такое же беспокойство одолевало его, когда видение являлось днем, - все валилось из рук, пока он не создавал то, чего раньше не было. Хотя бы горку камней, хотя бы кусочек каменной стены.
"It's true, isn't it?	- Правда?

You do that every time, don't you?"	Ты так спасаешься каждый раз?
"Mostly."	- В основном.
"Then let me tell you the name of the nothing.	- Тогда позволь мне назвать имя той Пустоты.

It's the Unmaker."	Это Развоплотитель, проще говоря, Разрушитель.
"Never heard of it," said Alvin.	- Никогда не слышал о таком, - удивился Элвин.
"Neither did I, till now.	- Я тоже - до сегодняшнего дня.
That's because it likes to keep itself secret.	Это потому, что он предпочитает таиться.
It's the enemy of everything that exists.	Он враг всего существующего.
All it wants is to break everything into pieces, and break those pieces into pieces, until there's nothing left at all."	Желания его упираются в одно: разнести все в пыль и топтать ту пыль, пока вообще ничего не останется.

"If you break something into pieces, and break the pieces into pieces, you don't get nothing," said Alvin. "You just get lots of little pieces."	- Но если разрушить все в пыль, потом разрушить пылинки, пустоты не получится, - нахмурился Элвин. - Получится еще больше пылинок помельче.
"Shut up and listen to the story," said Taleswapper.	- Заткнись и слушай, - отрезал Сказитель.
Alvin was used to him saying that.	Элвин привык к такому ответу.
Taleswapper said it to Alvin Junior more often than to anybody else, even the nephews.	Сказитель говорил это Элвину-младшему чаще, чем кому бы то ни было, даже чаще, чем маленьким племянникам.

"I'm not talking about good and evil," said Taleswapper. "Even the devil himself can't afford to break everything down, can he, or he'd cease to be, just like everything else.	- Я говорю не о Добре и Зле, - пояснил Сказитель.- Сам дьявол не может позволить себе разрушить все вокруг, потому что сам тогда перестанет существовать - наряду с миром.
The most evil creatures don't desire the destruction of everything-they only desire to exploit it for themselves."	Наизлейшие твари никогда не мечтали о разрушении всего сущего - они жаждут эксплуатировать этот мир.
Alvin had never heard the word exploit before, but it sounded nasty.	Элвин раньше не слышал слова "эксплуатировать", но звучало оно премерзко.

"So in the great war between the Unmaker and everything else, God and the devil should be on the same side.	- Поэтому в великой войне против Разрушителя Бог и дьявол выступают на одной стороне.
But the devil, he doesn't know it, and so he serves the Unmaker as often as not."	Только дьявол - он того не знает, поэтому частенько служит целям Рассоздателя.
"You mean the devil's out to beat himself?"	- Ты хочешь сказать, что дьявол сам рубит сук, на котором сидит?
"My story isn't about the devil," said Taleswapper.	- Разговор сейчас не о дьяволе, - ответил Сказитель.

He was steady as rain when a story was coming out of him. "In the great war against the Unmaker of your vision, all the men and women of the world should be allies.	Как всегда, его история лилась ровно и мерно, как дождь. - В великой войне против Разрушителя из твоего видения мужчины и женщины нашего мира должны сплотиться.

But the great enemy remains invisible, so that no one guesses that they unwittingly serve him.	Но страшный враг невидим, поэтому никто и не догадывается, что, сам того не желая, служит ему.
They don't realize that war is the Unmaker's ally, because it tears down everything it touches.	Люди не сознают, что война есть верный пособник Рассоздателя, поскольку она уничтожает все, к чему прикасается.

They don't understand that fire, murder, crime, cupidity, and concupiscence break apart the fragile bonds that make human beings into nations, cities, families, friends, and souls."	Они не понимают, что пожары, убийства, преступления, алчность и похоть разбивают ту хрупкую связь, которая объединяет человеческие создания нациями, городами, семьями и душами.
"You must be a prophet right enough," said Alvin Junior, "cause I can't understand a thing you said."	- Ты, наверное, и в самом деле пророк, -уважительно произнес Элвин-младший, - потому что я ничего не понимаю из того, что ты говоришь.
"A prophet," murmured Taleswapper, "but it was your eyes that saw.	- Пророк... - пробормотал Сказитель. - Видят-то твои глаза, а не мои.

Now I know the agony of Aaron: to speak the words of truth, yet never have the vision for himself."	Теперь я могу оценить страдания Аарона: изрекать слова истины, но не видеть ее самому - что может быть горше?!
"You're making a big lot out of my nightmares."	- Ты столько умных мыслей извлек из моих кошмаров...
Taleswapper was silent, sitting on the ground, his elbows on his knees, his chin propped all dismal on his palms.	Сказитель молча сидел на земле, упершись локтями в колени и возложив подбородок на ладони.
Alvin tried to figure out what the man was talking about.	Элвин попробовал осмыслить вещи, о которых вел разговор старик.

It was a sure thing that what he saw in his bad dreams wasn't a thing of any kind, so it must be poetical to talk about the Unmaker like a person.	Наверняка ту тварь, которая являлась к нему в страшных видениях, нельзя потрогать пальцем, поэтому Сказитель понарошку приписывает Разрушителю обличие.
Maybe it was true, though, maybe the Unmaker wasn't just something he imagined up in his brain, maybe it was real, and Al Junior was the only person who could see it.	Хотя, может, он прав, может, Рассоздатель - не плод воспаленного воображения Элвина, возможно, он существует на самом деле, и Элвин-младший - единственный человек, который способен его увидеть.

Maybe the whole world was in terrible danger, and it was Alvin's job to fight it off, to beat it back, to keep the thing at bay. it was sure enough that when the dream was on him, Alvin couldn't bear it, wanted to drive it away.	Может быть, всему миру угрожает ужасная опасность, и задача Элвина - сразиться с пустотой, прогнать ее и восстановить порядок. Хотя из сновидений Элвин успел понять, что не способен вынести эту битву.
But he never could figure out how.	Да, он хотел прогнать Разрушителя, но не знал как.
"Sposing I believe you," said Alvin. "Sposing there's such a thing as the Unmaker.	- Предположим, я верю тебе, - сказал Элвин. -Допустим, действительно существует такая тварь, как Рассоздатель.
There ain't a blame thing I can do."	Но я ж ни черта не могу против него сделать!

A slow smile crept over Thleswapper's face.	Медленная улыбка расползлась по лицу Сказителя.

He tipped himself to one side, to free up his hand, which slowly reached down to the ground and picked up the little bug basket where it lay in the grass.	Он чуть отклонился в сторону, высвободил одну руку и, потихоньку опустив ее к земле, поднял из осенней травы маленькое жучиное гнездышко.
"Does that look like a blamed thing?"	- Это похоже на "ни черта"?
"That's just a bunch of grass."	- Пучок травы.

"It was a bunch of grass," said Taleswapper. "And if you tore it up it'd be a bunch of grass again.	- Это было пучком травы, - поправил Сказитель. -И если ты разорвешь корзиночку, она снова превратится в пучок травы.
But now, right now, it's something more than that."	Однако сейчас эта трава представляет собой нечто большее.
"A little bug basket is all."	- Да, очень большое!
"Something that you made."	Огромную жучиную корзинку.
"Well, it's a sure thing grass don't grow that way."	- Это ты ее такой сотворил.

"And when you made it, you beat back the Unmaker."	- Правильно, что-то я не видел, чтобы трава росла так странно. - И, сотворив ее, ты нанес удар Разрушителю.
"Not by much," said Alvin.	- Страшный удар, - фыркнул Элвин.
"No," said Taleswapper. "But by the making of one bug basket.	- Нет, не очень, - улыбнулся Сказитель. - Ты просто сделал маленькую корзиночку.
By that much, you beat him back."	И этим маленьким творением ты отбросил его назад.
It came together in Alvin's mind.	У Элвина в голове наконец все встало на свои места.
The whole story that the Taleswapper was trying to tell.	История, которую пытался рассказать Сказитель, разложилась по полочкам.

Alvin knew all kinds of opposites in the world: good and evil, light and dark, free and slave, love and hate.	Элвин и раньше знал, что мир полон противоположностей: добро и зло, свет и тьма, свобода и рабство, любовь и ненависть.
But deeper than all those opposites was making and unmaking.	Но самыми глубокими противоположностями были творение и разрушение.
So deep that hardly anybody noticed that it was the most important opposite of all.	Они залегали так глубоко, что никто не замечал их важности.
But he noticed, and so that made the Unmaker his enemy.	Но он заметил и тем самым превратился во врага Разрушителя.

That's why the Unmaker came after him in his sleep.	Вот почему пустота охотится за Элвином во сне.
After all, Alvin had his knack.	Кроме того, у Элвина имелся очень важный дар.
His knack for setting things in order, putting things in the shape they ought to be in.	Он умел следовать течению жизни, умел творить, не нарушая законов вещей.
"I think my real vision was about the same thing," said Alvin.	- Мне кажется, мое настоящее видение говорило о том же, - сказал Элвин.
"You don't have to tell me about the Shining Man," said Taleswapper. "I never mean to pry."	- Тебе вовсе не обязательно рассказывать мне о Сияющем Человеке, - предупредил Сказитель. - Я не хочу показаться любопытным.

"You mean you just pry by accident?" said Alvin.	- Ага, а твои вечные вопросы все время случайно срываются с языка.
That was the kind of remark that got him a slap across the face at home, but Taleswapper only laughed.	За подобные слова у себя дома Элвин мигом бы схлопотал оплеуху, но Сказитель только посмеялся.
"I did something evil and I didn't even know it," said Alvin. "The Shining Man came and stood by the foot of my bed, and first he showed me a vision of what I done, so I knowed it was bad.	- Я поступил зло, но даже не подозревал об этом, -рассказывал Элвин. - И тогда у подножия моей кровати появился Сияющий Человек. Сначала он показал мне, что я натворил, чтобы объяснить степень моего зла.
I tell you I cried, to know I was so wicked.	Честно говорю, я разрыдался, увидев это.

But then he showed me what my knack was for, and now I see it's the same thing you're talking about.	Затем он объяснил, для чего мне дан дар, и теперь я понимаю, ты говоришь о том же.
I saw a stone that I pulled out of a mountain, and it was round as a ball, and when I looked close I saw it was the whole world, with forests and animals and oceans and fish and all on it.	Я увидел камень, который выточил из горы. Он был круглым, как мячик, и когда я присмотрелся, то разглядел в нем целый мир, с лесами и океанами, животными и рыбами - все было на нем.
That's what my knack is for, to try to put things in order."	Вот для чего предназначен мой дар: я должен охранять порядок вещей.
Taleswapper's eyes were gleaming.	Глаза Сказителя засветились.

"The Shining Man showed you such a vision," he said. "Such a vision as I'd give my life to see."	- Сияющий Человек послал тебе такое видение... -проговорил он. - Да ради этого я жизнь отдам.
"Only cause I'd used my knack to cause harm to others, just for my own pleasure," said Alvin. "I made a promise then, my most solemn vow, that I'd never use my knack for my own good.	- Но я воспользовался даром ради собственного удовольствия, чтобы навредить остальным, -продолжал Элвин. - И тогда я поклялся, принес нерушимую клятву, что никогда не использую свой дар себе на благо.
Only for others."	Буду дарить его остальным.
"A good promise," said Taleswapper. "I wish all men and women in the world would take such an oath and keep it."	- Хорошая клятва, - кивнул Сказитель. - Если б все люди на этой земле могли принести такую же клятву и следовать ей всю жизнь...

"Anyway, that's how I know that the-the Unmaker, it isn't a vision.	- В общем, теперь я понял, что... что Рассоздатель- это не какое-то там видение.
The Shining Man wasn't even a vision.	Сияющий Человек мне тоже не привиделся.
What he showed me, that was a vision, but him standing there, he was real."	Видением было то, что он мне показывал, но сам он был настоящим.
"And the Unmaker?"	- А Разрушитель?
"Real, too.	- Он тоже существует.
I don't just see it in my head, it's there."	Я не придумал его, он на самом деле живет в нашем мире.
Taleswapper nodded, his eyes never leaving Alvin's face.	Сказитель кивнул, не сводя глаз с лица Элвина.

"I've got to make things," said Alvin. "Faster than he can tear them down."	- Я должен творить, - сказал Элвин. - Творить быстрее, чем он разрушает.

"Nobody can make things fast enough for that," said Taleswapper. "If all the men in all the world made all the earth into a million million million million bricks, and built a wall all the days of their lives, the wall would crumble faster than they could build it.	- Никто не может тягаться с ним в скорости, -ответил Сказитель. - Даже если б все люди нашего мира превратили всю землю в миллионы миллионов кирпичей, после чего всю жизнь строили бы из этих кирпичей стену, и то стена бы разрушалась быстрее, чем строилась.
Sections of the wall would fall apart even before they built them."	Она бы распадалась прямо на глазах.

"Now that's silly," said Alvin. "A wall can't fall down before you build it up."	- Глупость, - нахмурился Элвин. - Как может стена развалиться, еще не будучи построенной?
"If they keep at it long enough, the bricks will crumble into dust when they pick them up, their own hands will rot and slough like slime from their bones, until brick and flesh and bone alike all break down into the same indistinguishable dust.	- Пройдет время, и кирпичи будут рассыпаться в пыль от легкого прикосновения. Руки будут гнить, кожа облезет с человеческих костей. В конце концов, кирпичи, плоть, кость превратятся в одинаковый прах.
Then the Unmaker will sneeze, and the dust win be infinitely dispersed so that it can never come together again.	Тогда Разрушитель чихнет, и пыль рассеется, чтобы никогда не сплотиться в нечто новое.

The universe will be cold, still, silent, dark, and at last the Unmaker will be at rest."	Вселенную поглотят холод, мрак, тишина и пустота - тут-то Рас-создатель и сможет отдохнуть.
Alvin tried to make sense out of what Taleswapper was saying.	Элвин честно попы-тал-ся вникнуть в смысл слов Сказителя.
It was the same thing he did whenever Thrower talked about religion in school, so Alvin thought of it as kind of a dangerous thing to do. But he couldn't stop himself from doing it, and from asking his questions, even if they made people mad.	Точно так же он на-прягал свои мозги в школе, когда Троуэр заводил разговор о религии. Элвин знал, вопросы задавать опасно, но не мог удержаться, даже понимая, что на него будут сердиться:

"If things are breaking down faster than they're getting made, then how come anything's still around?	- Но если разрушение всегда опережает творение, почему наш мир существует?
Why hasn't the Unmaker already won?	Почему Рассоздатель еще не победил?
What are we doing here?"	Что мы делаем здесь?
Taleswapper wasn't Reverend Thrower. Alvin's question didn't make him angry.	В отличие от преподобного Троуэра, Сказитель не стал сердиться на вопросы Элвина.
He just knit his brow and shook his head.	Он всего лишь почесал лоб и помотал головой:
"I don't know.	- Не знаю.
You're right.	Ты прав.

We can't be here.	Нас не может быть здесь.
Our existence is impossible."	Наше существование невозможно.
"Well we are here, in case you didn't notice," said Alvin. "What kind of stupid tale is that, when we just have to look at each other to know it isn't true?"	- Но мы же существуем. Это я так, на всякий случай напомнил, чтобы ты не забыл, -возмутился Элвин. - Что за дурацкая история, если нам достаточно поглядеть друг на друга и увериться, что она врет?
"It has problems, I admit."	- Признаю, она несколько несовершенна.

"I thought you only told stories you believe."	- Я-то думал, ты рассказываешь только то, во что веришь.

"I believed it while I was telling it."	- Я верил в нее, когда рассказывал.
Taleswapper looked so mournful that Alvin reached out and laid his hand on the man's shoulder, though his coat was so thick and Alvin's hand so small that he wasn't altogether sure Taleswapper felt his touch.	Сказитель выглядел так понуро, что Элвин подсел к нему поближе и положил ему руку на плечо. Хотя вряд ли Сказитель почувствовал легкое прикосновение маленькой ручки Элвина.
"I believed it, too.	- Знаешь, я тоже ей верю.
Parts of it.	Отдельным ее частям.
For a while." "Then there is truth in it.	- Значит, в ней все-таки есть правда.

Maybe not much, but some." Taleswapper looked relieved.	Может, ее не очень много, но все равно она есть. -Морщины на лице Сказителя разгладились.
But Alvin couldn't leave well enough alone.	Но Элвин не мог просто так отвязаться:
"Just because you believe it doesn't make it so."	- Для правды одной веры мало.
Taleswapper's eyes went wide.	Глаза Сказителя расширились.
Now I've done it, thought Alvin. Now I've made him mad, just like I make Thrower mad.	"Доигрался, - подумал Элвин. - Вот теперь я его разозлил, в точности как Троуэра.
I do it to everbody.	Всех я злю".

So he wasn't surprised when Taleswapper reached out both arms toward him, took Alvin's face between his hands, and spoke with such force as to drive the words deep into Alvin's forehead.	Поэтому он вовсе не удивился, когда Сказитель вскочил с земли, сжал лицо Элвина ладонями и заговорил с такой силой, словно хотел молотком вбить каждое слово Элвину в голову:
"Everything possible to be believed is an image of truth."	- Все, во что можно поверить, есть образ истины.
And the words did pierce him, and he understood them, though he could not have put in words what it was he understood.	И слова действительно пробили его, он понял их, хотя и не мог объяснить, что именно он понял.
Everything possible to be believed is an image of truth.	"Все, во что можно поверить, есть образ истины.

If it feels true to me, then there is something true in it, even if it isn't all true.	Если я чему-то верю, значит, это правда, пусть даже не вся целиком.
And if I study it out in my mind, then maybe I can find what parts of it are true, and what parts are false, and- And Alvin realized something else.	Но если я подумаю подольше, то, может быть, сумею отделить истину от лжи, а тогда..." И Элвин понял еще одно.
That all his arguments with Thrower came down to this: that if something just plain didn't make sense to Alvin, he didn't believe it, and no amount of quoting from the Bible would convince him.	Он осознал, почему между ним и Троуэром все время возникали раздоры: не видя смысла, Элвин не мог поверить, и никакие цитаты из Библии не были способны убедить его.

Now Taleswapper was telling him that he was right to refuse to believe things that made no sense.	Сказитель подтвердил, что Элвин был прав, отказываясь верить в то, что не имеет смысла.
"Taleswapper, does that mean that what I don't believe can't be true?"	- Сказитель, тогда если я во что-то не верю, значит, это не может быть правдой?

Taleswapper raised his eyebrows and came back with another proverb.	Сказитель поднял брови и выдал ему очередную пословицу:
"Truth can never be told so as to be understood, and not be believed."	- Не внемлют истине, покуда не поверят.
Alvin was fed up with proverbs.	Элвин был по горло сыт всякими присказками:

"For once would you tell me straight!"	- Ты хоть раз можешь ответить напрямик?!
"The proverb is the straight truth, lad.	- Пословица есть истина в чистом виде, парень.
I refuse to twist it up to fit a confused mind."	И я не стану искажать ее смысл в угоду запутавшемуся уму.
"Well, if my mind's confused, it's all your fault.	- В том, что я запутался, виноват прежде всего ты.
All your talk about bricks crumbling before the wall is built-"	Вещаешь тут о всяких кирпичах, которые превращаются в пыль еще до того, как стена построена...
"Didn't you believe that?"	- Ты не поверил.
"Maybe I did.	- Может, и поверил.

I reckon if I set out to weave all the grass of this meadow into bug baskets, before I got to the far end of the meadow the grass would all have died and rotted to nothing.	Если я, к примеру, сяду плести из травы на этом лугу травяные корзиночки, то не успею добраться до края, как трава вся высохнет.
I reckon if I set out to turn all the trees from here to Noisy River into barns, the trees'd all be dead and fell before I ever got to the last of them.	А если попробую вырубить все деревья отсюда и до реки Нойс, построив из них амбары, бревна давно сгниют, прежде чем я срублю последнее.
Can't build a house out of rotted logs."	Не много домов понастроишь, если бревна -труха.
"I was going to say, 'Men cannot build permanent things out of impermanent pieces.'	- Я как раз собирался сказать, что нельзя построить вечного, взяв за основу преходящее.

That is the law.	Это закон.
But the way you said it was the proverb of the law:	Но то, как ты его выразил, - присловие.
'You can't build a house out of rotted logs.'"	"Не много домов понастроишь, если бревна -труха".
"I said a proverb?"	- Так я придумал пословицу?
"And when we get back to the house, I'll write it in my book."	- Да, и когда мы вернемся домой, я занесу ее к себе в книгу.
"In the sealed part?" asked Alvin.	- В ту часть, что закрыта на замочек? - спросил Элвин.

Then he remembered that he had only seen that book by peeking through a crack in his floor late at night when Taleswapper was writing by candlelight in the room below him.	Вопрос уже слетел с языка, когда он вспомнил, что книгу он видел, подглядывая в щелку в полу за Сказителем, скрипящим пером при тусклом свете свечи.
Thleswapper looked at him sharp.	Сказитель бросил на него внимательный взгляд:
"I hope you never tried to conjure open that seal."	- Надеюсь, ты не пытался распечатать ее?
Alvin was offended.	Элвин даже обиделся.

He might peek through a crack, but he'd never sneak.	Может, он и подсматривал, но лазать по чужим вещам...

"Just knowing you don't want me to read that part is better than any old seal, and if you don't know that, you ain't my friend.	- Сразу можно понять, если закрыто на замок, значит, нельзя лезть. А если ты считаешь, что я сую нос повсюду, ты мне не друг.
I don't pry into your secrets."	Меня не интересуют твои тайны.
"My secrets?" Taleswapper laughed. "I seal that back part because that's where my own writings go, and I simply don't want anyone else writing in that part of the book."	- Мои тайны? - расхохотался Сказитель. - Я закрыл ту часть, потому что записываю туда собственные мысли и сочинения. Просто затем, чтобы туда никто ничего не писал.
"Do other people write in the front part?"	- А на других страницах писать можно?
"They do."	- Можно.

"Well, what do they write?	- И что туда пишут?
Can I write there?"	Можно я там что-нибудь напишу?
"They write one sentence about the most important thing they ever did or ever saw with their own eyes.	- Люди обычно записывают туда всего одно предложение, которое рассказывает о самом важном событии, случившемся в их жизни.
That one sentence is all I need from then on to remind me of their story.	Может, они видели что-нибудь очень важное. Этого обычно хватает, чтобы я вспомнил рассказанную мне когда-то историю.

So when I visit in another city, in another house, I can open the book, read the sentence, and tell the story."	Поэтому, придя в другой город, в другой дом, я могу открыть книгу, прочесть написанную там фразу и рассказать историю.
Alvin thought of a remarkable possibility.	У Элвина аж дух захватило.
Taleswapper had lived with Ben Franklin, hadn't he?	А может?.. Ведь Сказитель сам говорил, что жил вместе с Беном Франклином!
"Did Ben Franklin write in your book?"	- А Бен Франклин написал что-нибудь в твоей книге?
"He wrote the very first sentence."	- Самая первая фраза в ней написана его рукой.

"He wrote down the most important thing he ever did?"	- И он рассказал о самом важном событии, случившемся с ним?
"That he did."	- Именно так.
"Well, what was it?"	- И что ж там написано?
Taleswapper stood up.	Сказитель отряхнул штаны:
"Come back to the house with me, lad, and I'll show you.	- Пойдем-ка в дом, приятель, и я покажу тебе.
And on the way I'll tell you the story to explain what he wrote."	А по пути расскажу одну историю, которая растолкует тебе смысл написанного.

Alvin sprang up spry, and took the old man by his heavy sleeve, and fairly dragged him toward the path back down to the house.	Элвин подпрыгнул, как пружинка, вцепился страннику в тяжелый рукав и чуть ли не поволок его по тропинке обратно к дому.
"Come on, then!"	- Так пойдем же быстрее!

Alvin didn't know if Taleswapper had decided not to go on to church, or if he plumb forgot that's where they were supposed to go-whatever the reason, Alvin was happy enough with the result.	Элвин понятия не имел, то ли Сказитель решил вообще не идти в церковь, то ли начисто забыл, где им нужно сейчас находиться, - как бы то ни было, подобный исход Элвина вполне устраивал.

A Sunday with no church at all was a Sunday worth being alive.	Воскресный денек, в который не нужно идти в церковь, вовсе не так уж плох и стоит того, чтобы жить.
Add to that Taleswapper's stories and Maker Ben's own writing in a book, and it was well nigh to being a perfect day.	А если прибавить к этому истории Сказителя и целое предложение, занесенное в книгу рукой самого Творца Бена, то вообще получается идеально прожитый день.
"There's no hurry, lad.	- Не спеши ты так, парень.
I won't die before noon, nor will you, and stories take some time to tell."	Не волнуйся, умирать я пока не собираюсь, да и ты вроде тоже, а для рассказа потребуется время.

"Was it something he made?" asked Alvin. "The most important thing?"	- Франклин написал о собственном творении? -спросил Элвин. - О самом важном творении в его жизни?
"As a matter of fact, it was."	- Где-то так.
"I knew it!	- Я знал, я знал!
The two-glass spectacles?	Это очки с двумя линзами?
The stove?"	Или плита?
"People used to say to him all the time, Ben, you're a true Maker.	- Люди все время твердили ему: "Бен, ты истинный Творец".
But he always denied it.	Только он всегда отрицал это.
Just like he denied he was a wizard.	Как не соглашался с теми, кто называл его волшебником.

I've got no knack for hidden powers, he said. I just take pieces of things and put them together in a better way.	"Не умею я пользоваться всякими скрытыми силами, - говаривал он. - Я просто беру отдельные части и складываю их так, как никто до меня не складывал.
There were stoves before I made my stove.	Я не первый изобрел плиту.
There were spectacles before I made my spectacles.	И очки существовали задолго до того, как я сделал свою первую пару.
I never really made anything in my life, in the way a true Maker would do it.	На самом деле я ничего в своей жизни не сотворил, как это пристало настоящему Творцу.
I give you two-glass spectacles, but a Maker would give you new eyes."	Я принес вам очки с двумя стеклами, а Творец подарил бы новые глаза".

"He figured he never made anything?"	- Он действительно считал, будто ничего в своей жизни не сделал?
"I asked him that one day.	- Однажды я задал ему такой же вопрос.
The very day that I was starting out with my book.	В тот самый день, когда начал писать свою книгу.
I said to him, Ben, what's the most important thing you ever made?	Я спросил его: "Бен, какое твое самое важное творение в жизни?"

And he started in on what I just told you, about how he never really made anything, and I said to him, Ben, you don't believe that, and I don't believe that.	Он начал было отнекиваться, мол, не было ничего такого, но тогда я сказал ему: "Бен, да ты сам не веришь в это, как не верю я".

And he said, Bill, you found me out.	И он ответил: "Билл, ты видишь меня насквозь.
There's one thing I made, and it's the most important thing I ever did, and it's the most important thing I ever saw."	Действительно, кое-что я сделал, и это самое важное мое творение, самое важное творение, что я когда-либо видел".
Taleswapper fell silent, just shambling down the slope through leaves that whispered loud underfoot.	Сказитель замолк, шаркая вниз по склону и разбрасывая шепчущие под ногами сухие листья.
"Well, what was it?"	- Ну, не тяни, что же это?
"Don't you want to wait till you get home and read it for yourself?"	- А ты не хочешь подождать? Придешь домой да сам прочтешь.

Alvin got real mad then, madder than he meant to.	Элвин страшно разозлился, он сам не понимал, насколько рассердился.
"I hate it when people know something and they won't say!"	- Терпеть не могу, когда знают и не говорят!
"No need to get your dander up, lad.	- Эй-эй, не надо так злиться, парень.
I'll tell you.	Скажу я тебе, куда ж денусь.
What he wrote was this: The only thing I ever truly made was Americans."	Вот что он написал: "За свою жизнь я создал только одно - американцев".
"That don't make sense.	- Чушь какая.
Americans are born."	Американцы сами рождаются.

"Well, now, that's not so, Alvin.	- Да нет, Элвин, ошибаешься.
Babies are born.	Рождаются дети.
In England the same as in America.	Как в Англии, так и в Америке.
So it isn't being born that makes them American."	Появиться на свет не означает стать американцем.
Alvin thought about that for a second.	Элвин секунду поразмыслил над этим.
"It's being born in America."	- Чтобы быть американцем, нужно родиться в Америке.
"Well, that's true enough.	- Ну, в чем-то ты прав.

But along about fifty years ago, a baby born in Philadelphia was never called an American baby.	Но пятьдесят лет тому назад ребенка, родившегося в Филадельфии, не называли американцем.
It was a Pennsylvanian baby.	Он был пенсильванцем.
And babies born in New Amsterdam were Knickerbockers, and babies born in Boston were Yankees, and babies born in Charleston were Jacobians or Cavaliers or some such name."	А тот, кто рождался в Нью-Амстердаме, звался бриджем, тот, кто в Бостоне, - янки. В Чарльстоне на свет появлялись якобинцы, роялисты и прочие им подобные.
"They still are," Alvin pointed out.	- Дети как рождались, так и рождаются, - пожал плечами Элвин.

"They are indeed, lad, but they're something else besides.	- Все правильно, но теперь они немного другие.

All those names, Old Ben figured, those names divided us up into Virginians and Orangemen and Rhode Islanders, into Whites and Reds and Blacks, into Quakers and Papists and Puritans and Presbyterians, into Dutch, Swedish, French, and English.	Все эти прозвища, как посчитал старик Бен, разделяют нас на виргинцев, оранжцев, родосцев, на белых, черных и краснокожих, на квакеров, папистов, пуритан и просвитериан, на голландцев, шведов, французов и англичан.

Old Ben saw how a Virginian could never quite trust a man from Netticut, and how a White man could never quite trust a Red, because they were different.	Старик Бен подметил, что виргинец никогда не доверится человеку из Нетикута, а белый -краснокожему. Потому что они различны.
And he said to himself, If we've got all these names to hold us apart, why not a name to bind us together?	И он сказал себе: "Столько всевозможных названий нас разделяет, почему бы не найти хотя б одно, которое будет связывать?"
He toyed with a lot of names that already were used.	Он долго перебирал всевозможные слова, которые использовались тогда.
Colonials, for instance.	Колонисты, к примеру.

But he didn't like calling us all Colonials because that made us always turn our eyes back to Europe, and besides, the Reds aren't Colonials, are they!	Но, назвавшись колонистами, мы бы постоянно вспоминали о Европе, да и, кроме того, краснокожие никакие ведь не колонисты!
Nor are the Blacks, since they came as slaves.	Как и чернокожие, которые прибыли в эту страну рабами.
Do you see the problem?"	Оценил проблему?
"He wanted a name we could all share the same," said Alvin.	- Он хотел, чтобы мы все назывались одинаково, - кивнул Элвин.
"Just right.	- Именно.

There was one thing we all had in common.	У нас была всего одна общая черта.
We all lived on the same continent.	Все мы жили на одном и том же континенте.
North America.	В Северной Америке.
So he thought of calling us North Americans.	Вот он и придумал назвать нас североамериканцами.
But that was too long.	Но это слишком длинно.
So-"	Так что остались просто...
"Americans."	- Американцы.

"That's a name that belongs to a fisherman living on the rugged coast of West Anglia as much as to a baron ruling his slavehold in the southwest part of Dryden.	- Это имя одновременно принадлежит рыбаку, живущему на иссеченном побережье Западной Англии, и барону, правящему рабовладельческим хозяйством в южно-восточной части Драйдена.
It belongs as much to the Mohawk chief in Irrakwa as to the Knickerbocker shopkeeper in New Amsterdam.	Им может назваться как вождь могавков из Ирраквы, так и торговец-бридж из Нью-Амстердама.
Old Ben knew that if people could once start thinking of themselves as Americans, we'd become a nation.	Старик Бен знал, что, как только люди начнут называть себя американцами, мы станем единой нацией.

Not just a piece of some tired old European country, but a single new nation here in a new land.	Не осколками усталых европейских держав, а единой нацией, поселившейся на новых землях.

So he started using that word in everything he wrote.	Поэтому он стал прибегать к помощи этого слова во всех своих статьях.
Poor Richard's Almanac was full of talk about Americans this and Americans that.	"Альманах простака Ричарда" постоянно твердил: американцы то, американцы это.

And Old Ben wrote letters to everybody, saying things like, Conflict over land claims is a problem for Americans to solve together.	Кроме того, старик Бен принялся рассылать по всей стране письма, убеждая, что конфликт о наследовании земель есть проблема, которую американцы должны решать вместе.
Europeans can't possibly understand what Americans need to survive.	Европейцы никогда не поймут, что нужно американцам, чтобы выжить.
Why should Americans die for European wars?	Почему тогда американцы должны погибать в европейских войнах?
Why should Americans be bound by European precedents in our courts of law?	Почему наши родные суды должны решать дела жителей Америки, руководствуясь законами Европы?

Inside of five years, there was hardly a person from New England to Jacobia who didn't think of himself as being, at least partly, an American."	Спустя пять лет каждый поселенец от Новой Англии до Якобии хотя бы отчасти, но считал себя американцем.
"It was just a name."	- Это всего лишь слово.
"But it is the name by which we call ourselves.	- Этим словом мы себя зовем.
And it includes everyone else on this continent who's willing to accept the name.	Любой человек на этом континенте может назваться американцем, если захочет.

Old Ben worked hard to make sure that name included as many people as possible.	Старик Бен изрядно потрудился, чтобы включить в общность американцев как можно больше людей.
Without ever holding any public office except postmaster, he singlehandedly turned a name into a nation.	Занимая должность заурядного почтмейстера, он в одиночку создал целую нацию.
With the King ruling over the Cavaliers in the south, and the Lord Protector's men ruling over New England in the north, he saw nothing but chaos and war ahead, with Pennsylvania smack in the middle.	Пока король правит роялистами на юге, лорд-протектор насаждает законы в северной Новой Англии, а разделяет их Пенсильвания, ничто не сможет удержать грядущие войну и хаос.

He wanted to forestall that war, and he used the name 'American' to fend it off.	Старик Бен хотел предупредить грозящую нам смерть, и для этого он изобрел американцев.
He made the New Englanders fear to offend Pennsylvania, and made the Cavaliers bend over backward trying to woo Pennsylvanian support.	Именно он внушил страх Новой Англии, заставив ее поосторожнее обращаться с Пенсильванией. Именно он заставил роялистов отступить и искать поддержки Пенсильвании.
He was the one who agitated for an American Congress to establish trade policies and uniform land law.	В конце концов, именно он призвал к Всеамериканскому Конгрессу, чтобы разработать единую торговую политику и установить единые законы.

"And finally," Taleswapper continued, "just before he invited me over from England, he wrote the American Compact and got the seven original colonies to sign it.	- Как раз перед тем как вызвать меня из Англии, -продолжал Сказитель, - он составил "Американское Соглашение", которое подписали семь колоний.

It wasn't easy, you know-even the number of states was the result of a great deal of struggle.	Как ты понимаешь, это было вовсе нелегко - а сколько спорили о количестве штатов и их границах!

The Dutch could see that most of the immigrants to America were English and Irish and Scotch, and they didn't want to be swallowed up- so Old Ben allowed them to divide New Netherland into three colonies so they'd have more votes in the Congress.	Голландцы не дураки, они видели, что англичане, ирландцы и шотландцы как иммигранты значительно преобладают над голландской частью населения, так что им вовсе не хотелось терять свои голоса - поэтому старик Бен позволил им разделить Нью-Нидерланды на целых три колонии, чтобы обеспечить голландцам равную долю голосов в Конгрессе.
With Suskwahenny split off from the land claimed by New Sweden and Pennsylvania, another squabble was put to rest."	Чтобы уладить другой спор, от Новой Швеции и Пенсильвании пришлось отделить Сасквахеннию.

"That's only six states," said Alvin.	- Но получается всего шесть штатов, а их семь, -вспомнил Элвин.
"Old Ben refused to allow anyone to sign the Compact unless the Irrakwa were included as the seventh state, with firm borders, with Reds governing themselves.	- Старик Бен настоял, чтобы в "Соглашение" седьмым штатом была включена Ирраква. Определение четких границ этого штата и полная независимость краснокожих - такие он выставил условия.
There were plenty of people who wanted a White man's nation, but Old Ben wouldn't hear of it.	Нашлось, конечно, много недовольных, которые желали, чтобы американцы стали нацией исключительно белых людей, но старик Бен и слышать об этом не захотел.

The only way to have peace, he said, was for all Americans to join together as equals.	"Сохранить мир мы можем только в том случае, -сказал он, - если все американцы станут равными друг перед другом".
That's why his Compact doesn't allow slavery or even bonding.	Вот почему его "Соглашение" запрещает всякие виды рабства.
That's why his Compact doesn't allow any religion to have authority over any other.	Вот почему его "Соглашение" не объявляет превосходства какого-нибудь одного вероисповедания над всеми остальными.
That's why his Compact doesn't let the government close down a press or silence a speech.	Вот почему "Соглашение" не дозволяет правительству затыкать рты выступающим.

White, Black, and Red; Papist, Puritan, and Presbyterian; rich man, poor man, beggarman, thief- we all live under the same laws.	Белые, черные и красно-кожие; паписты, пуритане и пресвитериане; богатые, бедняки, нищие и воры - все мы живем по одним законам.
One nation, created out of a single word."	Мы стали единой нацией, которую создало одно единственное слово.
"American."	- Американцы.
"Now do you see why he calls it his greatest deed?"	- Теперь ты понимаешь, почему он назвал американцев своим самым великим деянием?
"How come the Compact itself ain't more important?"	- По-моему, "Соглашение" куда важнее.

"The Compact was just the words.	- "Соглашение" - это набор фраз.
The name 'American' was the idea that made the words."	А словосочетание "американский народ" стало идеей, которая породила эти фразы.

"It still doesn't include the Yankees and the Cavaliers, and it didn't stop war, neither, cause the Appalachee folk are still fighting against the King."	- Но янки и роялисты не превратились от этого в американцев. И война не прекратилась, потому что Аппалачи по-прежнему сражаются с королем.
"But it does include all those people, Alvin.	- На самом деле все эти люди давно стали американцами, Элвин.

Remember the story of George Washington in Shenandoah?	Вспомни историю Джорджа Вашингтона.
He was Lord Potomac in those days, leading King Robert's largest army against that poor ragtag band that was all Ben Arnold had left.	Когда-то он был лордом Потомакским и возглавлял огромную армию короля Роберта, направляющуюся расправиться с жалкими осколками отряда, который возглавлял Бен Арнольд 34. Никто не сомневался в победе Вашингтона - его роялисты с легкостью захватили бы маленькую крепость, подписав смертный приговор восстанию Тома Джефферсона, призвавшему горы стать свободными.

It was plain to see that in the morning, Lord Potomac's Cavaliers would overrun that little fort and seal the doom of Tom Jefferson's free-mountain rebellion.	Но во время войны с Францией лорд Потомакский сражался плечом к плечу с этими горцами. И Том Джефферсон когда-то был его другом.
But Lord Potomac had fought beside those mountain men in the wars against the French.	Сердце Вашингтона разрывалось, когда он думал об исходе завтрашней битвы.
And Tom Jefferson had been his friend in days gone[b]y.	Кто такой король Роберт, чтобы во славу ему проливалось столько крови?
In his heart he could not bear to think of the morrow's battle.	Восставшие всего лишь хотели получить во владение по клочку земли.

Who was King Robert, that so much blood should be shed for him?	Они не желали, чтобы над ними сидели королевские ставленники-бароны и обдирали их как липку налогами.
All these rebels wanted was to own their land, and not have the King set barons over them, to tax them dry and turn them into slaves as surely as any Black in the Crown Colonies.	По сути дела, они были такими же рабами, как и чернокожие, гнущие спины в Королевских Колониях.
He didn't sleep at all that night."	В ночь перед боем Вашингтон не сомкнул глаз.
"He was praying," said Alvin.	- Он молился, - кивнул Элвин.

"That's the way Thrower tells it," Taleswapper said sharply.	- Так утверждает Троуэр, - резко произнес Сказитель. - Но точно никто не знает.
"But no one knows.	Когда он на следующее утро обратился к войскам с речью, он даже не упомянул о молитве.
And when he spoke to the troops the next morning, he didn't say a word about prayer.	Говорил он о слове, сотворенном Беном Франклином.
But he did speak about the word Ben Franklin made.	Он написал королю послание, в котором снимал с себя полномочия главнокомандующего и отказывался от своих земельных владений и титулов.

He wrote a letter to the King, resigning from his command and rejecting his lands and titles.	И подписался он не как "лорд Потомакский", а как

He didn't sign it	"Джордж Вашингтон".
'Lord Potomac,' he signed it	Поднявшись рано утром, он встал перед облаченными в голубые мундиры солдатами короля и рассказал им о своем решении.
'George Washington.'	Он сказал, что они вольны выбирать: либо подчиниться офицерам и ринуться в бой, либо встать на защиту великой

Then he rose up in the morning and stood before the blue-coat soldiers of the King and told them what he had done, and told them that they were free to choose, all of them, whether to obey their officers and go into battle, or march instead in defense of Tom Jefferson's great Declaration of Freedom.	"Декларации Свободы".
He said,	"Выбор за вами, - сказал он. - Что же касается меня, то..."
'The choice is yours, but as for me-'"	Элвин наизусть выучил эти слова - их знали даже маленькие дети.

Alvin knew the words, as did every man, woman, and child on the continent.	Но сейчас он впервые осознал их великое значение и, не в силах сдержаться, выкрикнул:
Now the words meant all the more to him, and he shouted them out: "'My American sword will never shed a drop of American blood!'"	- "Мой американский клинок не прольет ни капли американской крови!"
"And then, when most of his army had gone and joined the Appalachee rebels, with their guns and their powder, their wagons and their supplies, he ordered the senior officer of the men loyal to the King to arrest him.	- Затем, когда его армия большей частью перешла на сторону восставших Аппалачей, забрав с собой ружья и порох, обоз и припасы, Джордж приказал старшему офицеру из тех, что сохранили преданность королю, арестовать его.

'I broke my oath to the King,' he said.	"Я преступил данную королю клятву, - сказал он. - Как бы ни были высоки цели, которыми я руководствовался, клятва все же нарушена.
'It was for the sake of a higher good, but still I broke my oath, and I will pay the price for my treason.'	И я заплачу цену за свое предательство".
He paid, yes sir, paid with a blade through his neck.	И он заплатил, заплатил сполна - почувствовав, как меч отделяет голову от тела.
But how many people outside the court of the King think it was really treason?"	Решение королевского двора было единодушным, но разве обвиняли Вашингтона обычные люди?

"Not a one," said Alvin.	- Никогда, - покачал головой Элвин.
"And has the King been able to fight a single battle against the Appalachees since that day?"	- И сколько побед одержали с тех пор королевские войска в войне с Аппалачами?
"Not a one."	- Ни одной.
"Not a man on that battlefield in Shenandoah was a citizen of the United States.	- Люди, собравшиеся в тот день на поле боя у реки Шенандоа, не являлись гражданами Соединенных Штатов.
Not a man of them lived under the American Compact.	Ни один из них не подпадал под действие "Американского Соглашения".

And yet when George Washington spoke of American swords and American blood, they understood the name to mean themselves.	Но когда Джордж Вашингтон заговорил об американских клинках и американской крови, солдаты вспомнили, что их объединяет.
Now tell me, Alvin Junior, was old Ben wrong to say that the greatest thing he ever made was a single word?"	А теперь ответь мне, Элвин-младший, так ли уж не прав был старик Бен, когда сказал, что самое великое его творение заключено в одном слове?
Alvin would have answered, but right then they stepped up onto the porch of the house, and before they could get to the door, it swung open, and Ma stood there looking down at him.	Элвин, конечно, ответил бы, но они как раз подошли к крыльцу дома. Стоило им подняться по ступенькам, как дверь от резкого толчка распахнулась, и на пороге возникла мама.

From the look on her face, Alvin knew that he was in trouble this time, and he knew why.	Увидев ее лицо, Элвин понял, что на этот раз ему грозит нешуточная беда. И самое главное - он сам был виноват.
"I meant to go to church, Ma!"	- Я хотел пойти в церковь, ма!
"Lots of dead people meant to go to heaven," she answered, "and they didn't get there, neither."	- Многие души стремятся попасть на небеса, -ответила она, - но туда не попадают.
"It was my fault, Goody Faith," said Taleswapper.	- Это полностью моя вина, тетушка Вера, -вступился Сказитель.
"It surely was not, Taleswapper," she said.	- Сомневаюсь, - отрезала она.

"We got to talking, Goody Faith, and I'm afraid I distracted the boy."	- Мы заговорились, и, боюсь, мальчик совсем забыл, куда мы идем.
"The boy was born distracted," said Ma, never taking her eyes from Alvin's face. "He takes after his father.	- Он от рождения страдает забывчивостью. - Мама не сводила пылающих глаз с лица Элвина. -Пошел по стопам отца.
If you don't bridle and saddle him and ride him to church, he never gets there, and if you don't nail his feet to the floor of the church he's out that door in a minute.	В церковь его можно затащить только силком, сам он никогда не пойдет, и если не приколотить его ноги гвоздями к полу - оглянуться не успеешь, как сбежит.
A ten-year-old boy who hates the Lord is enough to make his mother wish he'd never been born."	Ему уже десять лет, а он ненавидит Г оспода - я и в самом деле начинаю жалеть, что родила его на свет.

The words struck Alvin Junior to the heart.	Эти слова ужалили Элвина-младшего в самое сердце.
"That's a terrible thing to wish," said Taleswapper.	- Не стоило этого говорить, - произнес Сказитель.
His voice was real quiet, and Ma finally lifted her gaze to the old man's face.	Голос его прозвучал очень тихо, и мама наконец оторвала взгляд от Элвина, внимательно поглядев на старика.
"I don't wish it," she finally said.	- Правду говоря, я никогда так не думала, - в конце концов призналась она.
"I'm sorry, Mama," said Alvin Junior.	- Прости меня, мам, - сказал Элвин-младший.

"Come inside," she said. "I left church to come and find you, and now there's not time to get back before the sermon ends."	- Иди в дом, - приказала она. - Я ушла из церкви, чтобы разыскать тебя, но возвращаться теперь поздно, мы не успеем.

"We talked about a lot of things, Mama," Alvin said. "About my dreams, and about Ben Franklin, and-"	- Мы о стольком поговорили, мам, - начал рассказывать Элвин. - О моих снах, о Бене Франклине, о...
"The only story I want to hear from you," said Ma, "is the sound of hymn singing.	- Сейчас мне хочется услышать лишь одно, - перебила мама, - как ты распеваешь псалмы.
If you won't go to the church, then you'll sit in the kitchen with me and sing me hymns while I fix the dinner."	Раз ты не пошел в церковь, будешь сидеть со мной на кухне и петь псалмы, пока я готовлю обед.

So Alvin didn't get to see Old Ben's sentence in Taleswapper's book, not for hours.	Так что Элвину еще долго не пришлось увидеть фразу, которую написал в книге Сказителя старик Бен.
Ma kept him singing and working till dinnertime, and after dinner Pa and the big boys and Taleswapper sat around planning tomorrow's expedition to bring a millstone down from the granite mountain.	Он работал и распевал церковные гимны до самого обеда, а после еды папа, старшие братья и Сказитель уселись обсуждать завтрашний день. Завтра они собирались отправиться в каменоломню за жерновом для мельницы.
"I'm doing it for you," Pa said to Taleswapper, "so you better come along."	- Вот на какие беспокойства я иду ради тебя, -упрекнул папа Сказителя. - Все делаю ради того, чтобы тебе лучше с нами жилось.

"I never asked you to bring a millstone."	- О жернове я ни разу не просил.
"Not a day since you've been here that you haven't said something about what a shame it is that such a fine mill gets used as nothing but a haybarn, when people hereabouts need good flour."	- Дня не проходит, чтобы ты не пожаловался, мол, как жаль, что в такой замечательной мельнице хранится сено, когда местные жители не отказались бы от хорошей муки.
"I only said it the once, that I remember."	- Если не ошибаюсь, я упомянул это только однажды.
"Well, maybe so," said Pa, "but every time I see you, I think about that millstone."	- Ну, может, и так, - согласился папа. - Но теперь каждый Божий день я вспоминаю о жернове.

"That's because you keep wishing the millstone had been there when you threw me."	- Наверное, ты просто жалеешь, что там, куда ты меня швырнул, не оказалось камня побольше.
"He don't wish that!" shouted Cally. "Cause then you'd be dead!"	- И вовсе он не жалеет об этом! - закричал Кэлли.- Потому что ты бы тогда умер!
Taleswapper just grinned, and Papa grinned back.	В ответ Сказитель лишь улыбнулся, и папа тоже расплылся в улыбке.
And they went on talking about this and that.	После чего они продолжили обсуждать детали предстоящей работы.

Then the wives brought the nephews and nieces over for Sunday supper, and they made Taleswapper sing them the laughing song so many times that Alvin thought he'd scream if he heard another chorus of	А затем на воскресный ужин пожаловали братья с женами, племянниками и племянницами. Детишки насели на Сказителя, выпрашивая спеть "Смешную песенку". Не в силах противиться уговорам. Сказитель спел ее столько раз, что Элвин готов был заорать благим матом, услышав снова дружный припев
"Ha, Ha, Hee."	"Ха-ха, хи-хи".
It wasn't till after supper, after the nephews and nieces were all gone, that Taleswapper brought out his book.	Наконец, после ужина племянники и племянницы были уведены домой, и Сказитель достал свою книгу.

"I wondered if you'd ever open that book," Pa said.	- А я все гадал, открываешь ли ты ее когда-нибудь, - сказал папа.
"Just waiting for the right time." Then Taleswapper explained about how people wrote down their most important deed.	- Я просто ждал подходящего момента. - И Сказитель рассказал, как люди записывают в нее самое важное событие в своей жизни.
"I hope you don't expect me to write in there," Pa said.	- Надеюсь, меня ты не будешь просить написать в ней что-нибудь, - нахмурился папа.
"Oh, I wouldn't let you write in it, not yet.	- Я бы тебе и не позволил этого.

You haven't even told me the story of your most important deed."	Ты еще не рассказал мне свою историю.
Taleswapper's voice got even softer. "Maybe you didn't actually do your most important deed."	- Г олос Сказителя вдруг смягчился. - Хотя, может быть, ты пока не совершил самого важного в жизни поступка.
Pa looked just a little angry then, or maybe a little afraid.	Папа чуть-чуть сердито - а может, испуганно -взгля-нул на него.
Whichever it was, he got up and came over.	Как бы то ни было, не в си-лах совладать с любопыт-ством, он встал и подошел к Сказителю.

"Show me what's in that book, that other people thought was so all-fired important."	- Ну-ка, покажи мне, чего там такого важного содержится.
"Oh," said Taleswapper. "Can you read?"	- А ты читать умеешь? - поинтересовался Сказитель.
"I'll have you know I got a Yankee education in Massachusetts before I ever got married and set up as a miller in West Hampshire, and long before I ever came out here.	- К твоему сведению, до женитьбы я получил образование янки в Массачусетсе. Уже потом я осел мельником в Западном Гемпшире и много позже переселился сюда.

It may not amount to much compared to a London education like you got, Taleswapper, but you don't know how to write a word I can't read, lessen it's Latin."	Конечно, может, мое образование ни в какое сравнение не идет с лондонским, которым хвалишься ты, но, могу поспорить, нет такого слова, которое я не смог бы прочитать, разве что на латыни оно будет написано.
Taleswapper didn't answer.	Сказитель не ответил.
He just opened the book. Pa read the first sentence.	Он открыл книгу, и папа прочел вслух первое предложение.
"The only thing I ever truly made was Americans." Pa looked up at Taleswapper. "Who wrote that?"	- "За свою жизнь я создал только одно -американцев". - Папа недоуменно поглядел на Сказителя. - И кто ж такое написал?

"Old Ben Franklin."	- Старик Бен Франклин.
"The way I heard it the only American he ever made was illegitimate."	- Насколько я слышал, единственный американец, которого он "создал", был незаконнорожденным.
"Maybe Al Junior will explain it to you later," said Taleswapper.	- Ну, может, Эл-младший растолкует тебе потом смысл этой фразы, - пожал плечами Сказитель.
While they said this, Alvin wormed his way in front of them, to stare at Old Ben's handwriting.	Пока они переговаривались, Элвин пролез вперед, чтобы посмотреть на буквы, написанные стариком Беном.
It looked no different from other men's writing.	Они ничем не отличались от других.

Alvin felt a little disappointed, though he couldn't have said what he expected.	Элвин даже чуть-чуть расстроился, хотя сам толком не мог сказать, чего ожидал увидеть.
Should the letters be made of gold?	Что, старик Бен должен был золотыми чернилами писать?
Of course not.	Конечно, нет.
There was no reason why a great man's words should look any different on a page than the words of a fool.	Буквы, написанные великим человеком, вряд ли чем отличаются от букв, выведенных глупцом.
Still, he couldn't rid himself of frustration that the words were so plain.	И все-таки он никак не мог избавиться от разочарования: слова казались такими обычными, такими простыми.

He reached out and turned the page, turned many pages, riffling them with his fingers.	Он протянул руку и перевернул страницу, затем еще одну, и еще, и еще.
The words were all the same.	Все слова были похожи друг на друга.
Grey ink on yellowing paper.	Серые чернила на желтеющей бумаге.
A flash of light came from the book, blinding him for a moment.	Вдруг книга сверкнула яркой вспышкой света, на мгновение ослепив Элвина.
"Don't play with the pages like that," said Papa.	- Эй, кончай шебуршать страницами, - обратил на мальчика внимание папа.
"You'll tear one."	- Порвешь.

Alvin turned around to took at Taleswapper.	Элвин повернулся и посмотрел на Сказителя.
"What's the page with light on it?" he asked. "What does it say there?"	- А что там за свет? - спросил он. - Та страница, что светится, - что на ней написано?
"Light?" asked Taleswapper.	- Светится? - переспросил Сказитель.
Then Alvin knew that he alone had seen it.	Элвин понял, что свет виден ему одному.
"Find the page yourself," said Taleswapper.	- Ну-ка, найди ее, - кивнул Сказитель.
"He'll just tear it," said Papa.	- Он обязательно что-нибудь порвет, -предупредил папа.
"He'll be careful," said Taleswapper.	- Ничего, он осторожно, - успокоил Сказитель.

But Papa sounded angry.	Но в голосе папы внезапно зазвучали злые нотки:
"I said stand away from that book, Alvin Junior."	- Я сказал, положи книгу, Элвин-младший.
Alvin started to obey, but felt Taleswapper's hand on his shoulder.	Элвин было попятился, но почувствовал на плече руку Сказителя.
Taleswapper's voice was quiet, and Alvin felt the old man's fingers moving in a sign of warding.	Голос Сказителя был тих и спокоен, и Элвин почувствовал, как пальцы старика слегка шевельнулись, налагая оберег.
"The boy saw something in the book," said Taleswapper, "and I want him to find it again for me."	- Мальчик что-то увидел в книге, - промолвил Сказитель. - Я хочу, чтобы он нашел для меня это место.

And, to Alvin's surprise, Papa backed down.	К вящему удивлению Элвина, папа спорить не стал.

"If you don't mind getting your book ripped up by that careless lazy boy," he murmured, then fell silent.	- Ну, если ты хочешь, чтобы какой-то глупый лентяй разодрал тебе всю книгу... - пробормотал он и замолк.
Alvin turned to the book and carefully thumbed the pages, one at a time.	Элвин шагнул к книге и осторожно, одну за другой, принялся листать страницы.

Finally one fell into place, and from it came a light, which at first dazzled him, but gradually subsided until it came only from a single sentence, whose letters were on fire.	В конце концов он нашел нужное место, и в глаза ему снова ударило ослепительное сияние. Он сначала зажмурился, но потом свет постепенно погас, так что можно было разглядеть, что исходит он от маленького предложения с горящими буквами.
"Do you see them burning?" asked Alvin.	- Ты видишь пламя? - спросил Элвин.
"No," said Taleswapper, "But I smell the smoke of it.	- Нет, - покачал головой Сказитель. - Но чувствую легкий дымок.
Touch the words that burn for you."	Коснись слов, которые, по-твоему, горят.

Alvin reached out and gingerly touched the beginning of the sentence.	Указательным пальцем Элвин легонько дотронулся до начала фразы.
The flame, to his surprise, was not hot, though it did warm him.	Пламя, к его изумлению, вовсе не обжигало, хотя чуточку грело.
It warmed him through to the bone.	Внезапно это тепло проняло его до самых костей.
He shuddered as the last cold of autumn fled from his body.	Он передернулся, выгоняя из тела последние отзвуки осеннего холода.
He smiled, he was so bright inside.	Улыбнувшись, он почувствовал, как весь изнутри пылает.

But almost as soon as he touched it, the flame collapsed, cooled, was gone.	Но пламя, ощутив касание его пальца, сразу съежилось, начало затухать и быстро пропало.
"What does it say?" asked Mama.	- Что там говорится? - спросила мама.
She was standing now across the table from them.	Она стояла рядом со столом, прямо напротив них.
She wasn't such a good reader, and the words were upside down to her.	Читала она не особенно хорошо, да и буквы, если смотреть с ее стороны, были перевернуты вверх ногами.
Taleswapper read. "A Maker is born."	- "Творец на свет появился", - прочитал вслух Сказитель.

"There hasn't been a Maker," said Mama, "since the one who changed the water into wine."	- Нет иного Творца, - сказала мама, - кроме того, кто превращал воду в вино.
"Maybe not, but that's what she wrote," said Taleswapper.	- Может быть, - согласился Сказитель, - но она написала именно так.
"Who wrote?" demanded Mama.	- Кто она? - продолжала выпытывать мама.
"A slip of a girl.	- Маленькая девочка.
About five years ago."	Примерно пять лет назад.
"What was the story that went with her sentence?" asked Alvin Junior.	- А что за история кроется за этим предложением?- поинтересовался Элвин-младший.
Taleswapper shook his head.	Сказитель пожал плечами.

"You said you never let people write unless you knew their story."	- Ты же говорил, что не позволяешь писать в книге, если не выслушаешь историю.
"She wrote it when I wasn't looking," said Taleswapper. "I didn't see it till the next place I stopped."	- Она написала эту фразу тайком, - ответил Сказитель. - И я увидел ее, когда ушел далеко от той деревни.
"Then how did you know it was her?" asked Alvin.	- Тогда откуда тебе знать, что это написала именно она? - удивился Элвин.
"It was her," he answered.	- Больше некому.
"She was the only one there who could have opened the hex I kept on the book in those days."	Ни один другой человек не смог бы открыть заговор, которым я закрывал книгу в те дни.

"So you don't know what it means?	- Значит, ты не знаешь, о чем говорится в этом предложении?
You can't even tell me why I saw those letters burning?"	Ты даже не можешь мне объяснить, почему эти буквы горели?
Taleswapper shook his head.	Сказитель кивнул.
"She was an innkeeper's daughter, if I remember rightly.	- Если я правильно помню, та девочка приходилась дочерью хозяину постоялого двора.
She spoke very little, and when she did, what she said was always strictly truthful.	Говорила она редко, но когда все же открывала рот, слова ее все до единого были правдивы.
Never a lie, even to be kind.	Она никогда не шла на ложь - даже ради добра.

She was considered to be something of a shrew.	Ее считали нелюдимой.
But as the proverb says, If you always speak your mind, the evil man will avoid you.	Но как гласит присловие: "Всегда говори правду -и зло минует тебя".
Or something like that."	Или что-то вроде этого.
"Her name?" asked Mama.	- А как ее звали? - спросила мама.
Alvin looked up in surprise.	Элвин удивленно взглянул на нее.
Mama hadn't seen the glowing letters, so why did she look so powerful eager to know about who wrote them?	Мама не видела сияющих букв, почему же она так стремится вызнать, кто их написал?

"Sorry," said Taleswapper. "I don't remember her name right now.	- Увы, - произнес Сказитель. - Я не помню ее имя.
And if I remembered her name, I wouldn't tell it, nor will I tell whether I know the place where she lived.	А если б даже вспомнил, то не сказал бы.
I don't want people seeking her out, troubling her for answers that she may not want to give.	Как не сказал бы, где она живет. Я не хочу, чтобы толпы народа повалили туда, беспокоя девочку вопросами, ответы на которые она, может, не хочет давать.
But I will say this.	Я могу сказать лишь одно.
She was a torch, and saw with true eyes.	Она была светлячком и умела видеть мир.

So if she wrote that a Maker was born, I believe it, and that's why I let her words stay in the book."	Если она написала о рождении Творца, значит, это правда.
"I want to know her story someday," said Alvin.	Вот почему я не вырвал эту страницу.

"I want to know why the letters were so bright."	- Я хочу, чтобы как-нибудь ты рассказал мне об этой девочке, - сказал Элвин. - Я хочу понять, почему буквы горели.
He looked up and saw Mama and Taleswapper looking steadily into each other's eyes.	Он поднял глаза и увидел, что мама и Сказитель сверлят друг друга настороженными взглядами.

And then, around the fringes of his own vision, where he could almost but not quite see it, he sensed the Unmaker, trembling, invisible, waiting to shiver the world apart.	И вдруг краешком глаза он заметил, как где-то сбоку замаячила тень Рассоздателя, дрожащая, незримая, поджидающая возможности разнести мир в пыль.
Without even thinking about it, Alvin pulled the front of his shirt out of his pants and knotted the corners together.	Неосознанным движением Элвин вытащил из штанов рубаху и быстро связал вместе ее уголки.
The Unmaker wavered, then retreated out of sight.	Разрушитель вздрогнул и ретировался.
Chapter Eleven-Millstone	11. Жернов

Taleswapper woke up to somebody shaking him.	Сказителя разбудила чья-то рука, тряхнувшая за плечо.
Still full dark outside, but it was time to be moving.	Снаружи царила кромешная темень, но пора было выезжать.
He sat, flexed himself a little, and took some pleasure in how few knots and pains he had these days, sleeping on a soft bed.	Он сел, потянулся и с удовольствием ощутил, что боль в суставах почти исчезла, излеченная сном на мягкой перине.
I could get used to this, he thought. I could enjoy living here.	"Я могу привыкнуть к такой жизни, - подумал он. - Мне нравится этот дом".
The bacon was so fat he could hear it sizzling clear from the kitchen.	Шипение бекона, жарящегося на кухне, проникало через плотно затворенную дверь.

He was just about to pull his boots on when Mary knocked at the door.	Он натягивал башмаки, когда постучалась Мэри.
"I'm presentable, more or less," he said.	- Можно заходить, я более-менее готов, - сказал он.
She came in, holding out two pair of long thick stockings.	Она вошла, сжимая в руках пару длинных толстых носков.
"I knotted them myself," she said.	- Я сама связала их, - сказала она.
"I couldn't buy socks this thick in Philadelphia."	- Таких прекрасных носков я не встречал даже в Филадельфии.
"Winter gets right cold here in the Wobbish country, and-" She didn't finish.	- Зимой в Воббской долине бывает очень холодно и... Она не закончила фразу.

Got too shy, ducked her head, and scampered out of the room.	Смутившись, она склонила голову и поспешила выскользнуть за дверь.
Taleswapper pulled on the stockings, and his boots over them, and grinned.	Сказитель надел носки, на них - башмаки и довольно притопнул.
He didn't feel bad about accepting a few things like this.	Он никогда не отказывался от подобных даров.
He worked as hard as anybody, and he'd done a lot to help ready this farm for winter.	Работал он наравне со всеми и сделал немало, чтобы подготовить ферму к грядущей зиме.

He was a good roof man-he liked climbing and didn't get dizzy.	Кроме того, он был хорошим кровельщиком: лазать он любил, и голова у него никогда не кружилась.
So his own hands had made sure the house and barns and coops and sheds all were tight and dry.	Собственными руками он поправил и подлатал крыши дома, амбаров, сараев и курятников, чтобы там всегда было сухо и тепло.
And, without anybody ever deciding to do it, he had prepared the millhouse to receive a millstone. He had personally loaded all the hay from the mill floor, five wagons full.	Не спрашивая никого, он в одиночку подготовил мельницу к приему жернова, перекидав солому с пола в телеги - пять повозок вышло.

The twins, who really hadn't got their two farms going yet, since they married only that summer, did the unloading up in the big barn.	Близнецы, которые еще не успели обзавестись собственным хозяйством, поскольку женились прошлым летом, разгрузили солому в общем сарае.
It was all done without Miller himself ever touching a pitchfork. Taleswapper saw to that, without making a fuss over it, and Miller never insisted.	Миллер и не притронулся к вилам - Сказитель специально проследил за этим, незаметно, не привлекая внимания, хотя Миллер не очень-то настаивал.
Other things, though, weren't going so well.	На ферме все шло хорошо, хотя общее положение дел оставляло желать лучшего.

Ta-Kumsaw and his Shaw-Nee Reds were driving off so many folks from down Carthage way that everybody had the jitters.	Все больше и больше людей уходило из окрестностей Карфаген-сити, напуганных воинственным Такумсе и его краснокожими из племени июни.
It was fine for the Prophet to have his big town of thousands of Reds across the river, all talking about how they'd never again raise their hands in war for any reason.	Конечно, хорошо, что на противоположном берегу реки Пророк основал свой город, где учил тысячи краснокожих никогда и ни по какой причине не проливать человеческую кровь, тем более в войне.

But there were a lot of Reds who felt the way Ta-Kumsaw did, that the White man ought to be forced to the shores of the Atlantic and floated back to Europe, with or without boats.	Но и у Такумсе было немало последователей, считающих, что бледнолицые должны покинуть берега Атлантики и, на кораблях или вплавь, быть изгнаны обратно в Европу.
There was war talk, and word was that Bill Harrison down in Carthage was only too happy to fan that particular flame, not to mention the French in Detroit, always urging the Reds to attack the American settlers in land the French claimed was part of Canada.	Распространился слух о близящейся войне, ходили сплетни, что Билл Г аррисон из Карфагена довольно потирает руки, радуясь возможности раздуть пламя ненависти, не говоря уже о французах в Детройте, которые всегда науськивали краснокожих на американских поселенцев, занявших, как они считали, принадлежащие Франции канадские земли.

Folks in the town of Vigor Church talked about this all the time, but Taleswapper knew that Miller didn't take it all that seriously.	Народ в поселении Церковь Вигора только и говорил о надвигающейся войне, но Сказитель знал, что Миллер эти слухи всерьез не воспринимает.
He thought of Reds as country clowns that wanted nothing more than to guzzle such whisky as they could find.	Он считал, что все краснокожие поголовно -сельские клоуны, ведомые жаждой виски и желающие лишь одного: как следует напиться.

Taleswapper had seen that attitude before, but only in New England.	Сказителю и раньше доводилось встречаться с людьми, считающими так, - хотя было это в Новой Англии.

Yankees never seemed to realize that New England Reds with any gumption had long since moved to the state of Irrakwa.	Янки, казалось, никак не могли понять, что все новоанглийские краснокожие, обладающие практической сметкой, давным-давно перебрались в штат Ирраква.
It would surely open Yankee eyes to see that the Irrakwa were working heavily with steam engines brought straight from England, and up in the Finger Lakes country a White named Eli Whitney was helping them make a factory that could turn out guns about twenty times faster than it had ever been done before.	Вскоре глаза янки откроются, и они увидят, что Ирраква вовсю работает на паровых машинах, доставленных непосредственно из Англии, а в стране Пальчиковых озер белый человек по имени Эли Уитни 35 помогает краснокожим строить фабрику, которая будет выпускать ружья в двадцать раз быстрее, чем какой-либо оружейный завод.

Someday those Yankees were going to wake up and find out that the Reds weren't all likker-mad, and some White folks were going to have to scramble fast to catch up.	Когда-нибудь янки проснутся и обнаружат, что краснокожие вовсе не такие уж горькие пьяницы, - тогда-то и придется кое-кому подсуетиться, чтобы нагнать прытких туземцев.
In the meantime, though, Miller didn't take the war talk very seriously.	Ведь тот же самый Миллер не принимал разговоры о близящейся войне всерьез, приговаривая:
"Everybody knows there's Reds in the woods.	"Каждый человек знает, что в лесах обитают краснокожие.
Can't stop them from skulking around, but I haven't missed any chickens so it's no problem yet."	Ну и пусть себе шатаются там - курицы у меня покамест все целы, так что и проблем нет".

"More bacon?" asked Miller. He shoved the bacon board across the table toward Taleswapper.	- Еще бекона? - спросил Миллер и подвинул доску с кусочками ветчины к Сказителю.
"I'm not used to eating so much in the morning," said Taleswapper. "Since I've been here I've had more food at every meal than I used to eat in a whole day."	- Я не привык наедаться по утрам, - ответил тот. -С тех пор как поселился у вас, за один прием я поглощаю столько пищи, сколько раньше не ел за целый день.
"Put some meat on your bones," said Faith. She slapped down a couple of hot scones with honey smeared on them.	- Ничего, ничего, нарасти немного мясца на кости,- усмехнулась Вера, шлепнув ему на тарелку пару горячих блинов, обильно намазанных сверху медом.

"I can't eat another bite," protested Taleswapper.	- Да в меня уже не лезет, - запротестовал Сказитель.
The scones slid right off Taleswapper's plate.	Блины мигом стащила чья-то проворная рука.
"Got em," said Al Junior.	- Я помогу, - предложил Эл-младший.
"Don't reach across the table like that," said Miller. "And you can't eat both those scones."	- Не прыгай вокруг стола, - приказал Миллер. -Кроме того, в тебя эти два блина тоже не влезут.
Al Junior proved his father wrong in an alarmingly short time.	Эл-младший в мгновение ока доказал ошибочность утверждений отца.

Then they washed the honey off their hands, put on their gloves, and went out to the wagon.	Затем они смыли с рук липкий мед, надели рукавицы и пошли к повозке.

The first light was just showing in the east as David and Calm, who lived townward from the farm, rodeцp.	На востоке пробивался первый свет, когда подъехали Дэвид и Кальм, жившие неподалеку.
Al Junior climbed in the back of the wagon, along with all the tools and ropes and tents and supplies-it would be a few days before they came back.	Эл-младший вскарабкался на задок повозки, где пристроился среди инструментов, веревок, палаток и корзин с едой, - назад они должны были вернуться не раньше чем через пару дней.

"So-do we wait for the twins and Measure?" asked Taleswapper.	- А... близнецов и Меру ждать не будем? - огляделся вокруг Сказитель.
Miller swung up onto the wagon seat.	Миллер вспрыгнул на повозку.
"Measure's on ahead, felling trees for the sledge.	- Мера поехал вперед, валит деревья для дровней.
And Wastenot and Wantnot are staying back here, riding circuit from house to house." He grinned. "Can't leave the womenfolk unprotected, with all the talk of wild Reds prowling around, can we?"	А Нет и Нед останутся дома. Будут кругами по нашим семьям ездить. - Он усмехнулся. - Нельзя ж оставлять женщин одних, когда вокруг только и говорят о кровожадных краснокожих, шляющихся поблизости.

Taleswapper grinned back. Good to know that Miller wasn't as complacent as he seemed.	Сказитель улыбнулся в ответ, с облегчением отметив, что Миллер вовсе не так беспечен, как кажется.
It was a good long way up to the quarry.	Путь до каменоломни был неблизкий.
On the road they passed the ruins of a wagon with a split millstone right in the middle of it.	По дороге они миновали останки телеги с разломанным жерновом, возлежащим посредине.
"That was our first try," said Miller. "But an axle dried out and jammed up coming down this steep hill, and the whole wagon fell in under the weight of the stone."	- То была наша первая попытка, - объяснил Миллер. - Но высохшая ось не выдержала и подломилась, а холм, как видишь, крутой - телега так и полетела вниз.

They came near a good-sized stream, and Miller told about how they had tried to float two millstones down on a raft, but both times the raft just up and sank.	Они подъехали к приличной ширины ручью, и Миллер рассказал, как они дважды пытались спустить жернов вниз по течению на плоту, но оба раза плот быстро тонул.
"We've had bad luck," said Miller, but from the set of his face he seemed to take it personally, as if someone had set out to make things fail.	- Не везло нам, - развел руками Миллер, но по выражению его лица было видно, что каждую неудачу он воспринимал как личное оскорбление, будто кто-то специально мешал ему привезти жернов на мельницу.

"That's why we're using a sledge and rollers this time," said Al Junior, leaning over the back of the seat. "Nothing can fall off, nothing can break, and even if it does, it's all just logs, and we got no shortage of replacements."	- Поэтому-то мы и решили воспользоваться на сей раз дровнями, - встрял Эл-младший, наклонившись с задка телеги. - Они не упадут, не развалятся, а если какая неприятность случится -это всего лишь бревна, которых можно нарубить кучу.
"As long as it don't rain," said Miller.	- Все будет нормально, - сказал Миллер, - если дождь не пойдет.
"Nor snow."	Или снег.
"Sky looks clear enough," said Taleswapper.	- Небо выглядит чистым, - заметил Сказитель.

"Sky's a liar," said Miller. "When it comes to anything I want to do, water always gets in my way."	- Небо - известный притворщик, - хмыкнул Миллер. - Когда доходит до настоящего дела, вода все время становится мне поперек дороги.
They got to the quarry when the sun was full up, but still far from noon.	Они добрались до каменоломни, когда солнце стояло высоко в небе, хотя до полудня было еще далеко.
Of course, the trip back would be much longer.	Обратный путь, разумеется, будет куда дольше.
Measure had already felled six stout young trees and about twenty small ones.	К их приезду Мера успел свалить шесть крепких молоденьких деревьев и около двадцати поменьше.

David and Calm set right to work, stripping off branches and rounding them smooth as possible.	Дэвид и Кальм сразу приступили к работе, обрубая ветви и сучки, чтобы не цеплялись за дорогу.
To Taleswapper's surprise, it was Al Junior who picked up the sack of stonecutting tools and headed up into the rocks.	Элвин-младший, к удивлению Сказителя, достал инструменты и направился прямиком к скалам.
"Where are you going?" asked Taleswapper.	- Ты куда? - окликнул Сказитель.
"Oh, I've got to find a good place for cutting," said Al Junior.	- Пойду найду место получше, - ответил Эл-младший.
"He's got an eye for stone," said Miller.	- Он чувствует камень, - объяснил Миллер.

But he wasn't saying all he knew.	И замолчал, не желая больше ничего говорить.
"And when you find the stone, what'll you do then?" asked Taleswapper.	- А когда найдешь, что будешь делать? - спросил у Элвина Сказитель.
"Why, I'll cut it."	- Буду рубить жернов.
Alvin sauntered on up the path with all the arrogance of a boy who knows he's about to do a man's job.	И Элвин уверенно запрыгал вверх по тропинке, гордясь тем, что ему поручена взрослая работа, -типичный мальчишка.
"Got a good hand for stone, too," said Miller.	- И с камнем обращаться он умеет, - подтвердил Миллер.
"He's only ten years old," said Taleswapper.	- Ему всего десять лет, - обратил внимание Сказитель.

"He cut the first stone when he was six," said Miller.	- Первый свой жернов он вырубил в возрасте шести.
"Are you saying it's a knack?"	- Говоришь, дар у него такой?
"I ain't saying nothing."	- Ничего я не говорю.
"Will you say this, Al Miller?	- Так скажи, Эл Миллер!
Tell me if by chance you are a seventh son."	Скажи, ты, случаем, не седьмой сын?
"Why do you ask?"	- А с чего ты спрашиваешь?

"It's said, by those who know such things, that a seventh son of a seventh son is born with the knowledge of how things look under the surface.	- Знающие люди поговаривают, что седьмой сын седьмого сына умеет видеть суть вещей.
That's why they make such good dowsers."	Из них получаются отличные лозоходцы.

"Is that what they say?"	- Неужели и вправду так говорят?
Measure walked up, faced his father, put his hands on his hips, and looked plain exasperated.	Подошел Мера и встал лицом к отцу, скрестив руки на груди. Юноша был явно чем-то раздражен.
"Pa, what harm is there in telling him?	- Пап, что плохого, если ты наконец расскажешь ему?

Everybody in the whole country roundabout here knows it."	Да все в округе знают об этом.
"Maybe I think Taleswapper here knows more than I want him to know already."	- А может, мне кажется, что Сказитель уже знает больше, чем мне хотелось бы?
"That's a right ungracious thing to say, Pa, to a man who's proved himself a friend twice over."	- Постыдился бы говорить такое человеку, который не раз доказал свою дружбу.
"He doesn't have to tell me anything he doesn't want me to know," said Taleswapper.	- Он не обязан ничего рассказывать, если не хочет, - вступил в спор Сказитель.

"Then I'll tell you," said Measure. "Pa is a seventh son, all right."	- Тогда я отвечу тебе, - сказал Мера. - Да, ты прав: папа - седьмой сын.
"And so is Al Junior," said Taleswapper. "Am I right?	- Как и Эл-младший, - заметил Сказитель. - Верно?
You've never mentioned it, but I'd guess that when a man gives his own name to a son other than his firstborn, it's bound to be his seventh born."	Вы никогда об этом не упоминали, но, насколько мне известно, собственное имя дается либо первенцу, либо седьмому сыну.
"Our oldest brother Vigor died in the Hatrack River only a few minutes after Al Junior was born," said Measure.	- Наш старший брат Вигор погиб в реке Хатрак за несколько минут до того, как родился Эл-младший, - объяснил Мера.

"Hatrack," said Taleswapper.	- Хатрак... - проговорил Сказитель.
"Do you know the place?" asked Measure.	- Ты бывал там? - спросил Мера.
"I know every place.	- Я бывал везде.
But for some reason that name makes me think I should have remembered it before now, and I can't think why.	Но почему-то мне кажется, я должен был вспомнить об этой речке гораздо раньше, хотя никак не могу взять в толк почему.
Seventh son of a seventh son. Does he conjure the millstone out of the rock?"	Седьмой сын седьмого сына... Он магией вызовет жернов из скалы?
"We don't talk about it like that," said Measure.	- О магии мы стараемся не говорить, - сказал Мера.

"He cuts," said Miller. "Just like any stonecutter."	- Он вырубит его, - ответил Миллер. - Как самый обычный каменотес.
"He's a big boy, but he's still just a boy," said Taleswapper.	- Он большой мальчик, но все же очень юн, - намекнул Сказитель.
"Let's just say," said Measure, "that when he cuts the stone it's a mite softer than when I cut it."	- Скажем так, - снова заговорил Мера, - когда он берется за инструмент, камень становится неизмеримо мягче, чем когда рублю я.
"I'd appreciate it," said Miller, "if you'd stay down here and help with the rounding and notching.	- Было бы здорово, - сказал Миллер, - если бы ты остался здесь и помог парням обтесать деревья.

We need a nice tight sledge and some smooth true rollers."	Нам понадобятся крепкие дровни и хорошие, гладкие шесты, чтобы выкладывать дорогу.
What he didn't say, but Taleswapper heard just as plain as day, was, Stay down here and don't ask too many questions about Al Junior.	Того, что было у него на душе, он не сказал, но слова его толковались однозначно: "Оставайся внизу и не задавай слишком много вопросов об Элвине-младшем".
So Taleswapper worked with David and Measure and Calm all morning and well into the afternoon, all the time hearing a steady chinking sound of iron on stone.	Поэтому Сказитель все утро и большую часть дня проработал с Дэвидом, Мерой и Кальмом под мерный звон железа о камень, доносившийся сверху.

Alvin Junior's stonecutting set the rhythm for all their work, though no one commented on it.	Стук Элвина-младшего задавал ритм всей работе, хотя никто ни словом об этом не обмолвился.
Taleswapper wasn't the sort of man who could work in silence, though.	Вот только Сказитель не привык работать в тишине.
Since the others weren't too conversational at first, he told stories the whole time.	А раз остальные поначалу предпочитали хранить молчание, рассказывал в основном он.
And since they were grown men instead of children, he told stories that weren't all adventure and heroics and tragic death.	И поскольку трудился он на равных со взрослыми мужчинами, а не с детьми, он рассказывал вовсе не о приключениях, героях и трагических смертях.

Most of the afternoon, in fact, he devoted to the sap of John Adams: How his house was burnt down by a Boston mob after he won the acquittal of ten women accused of witchcraft.	Большую часть времени он посвятил саге о Джоне Адамсе 36. Как дом его был сожжен бостонской толпой, после того как Адамс выиграл дело десяти женщин, обвиненных в колдовстве.
How Alex Hamilton invited him to Manhattan Island, where the two of them set up a law practice together.	Как Алекс Гамильтон 37 пригласил его на остров Манхэттэн, где они вдвоем основали совместное юридическое дело.

How in ten years they managed to maneuver the Dutch government to allow unlimited immigration of non-Dutch-speaking people, until English, Scotch, Welsh, and Irish were a majority in New Amsterdam and New Orange, and a large minority in New Holland.	Как в течение десяти лет они убеждали голландское правительство открыть неограниченный въезд в колонии для неголландских иммигрантов и как англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы составили большую часть поселенцев Нью-Амстердама и Нью-Оранжа, хотя в Новой Голландии их было пока очень мало.

How they got English declared a second official language in 1780, just in time for the Dutch colonies to become three of the seven original states under the American Compact.	Как в тысяча семьсот восьмидесятом году два юриста заставили Англию принять второй официальный язык, как раз перед тем как голландские колонии стали тремя из семи первоначальных штатов, объединенных "Американским Соглашением".
"I'll bet the Dutchmen hated those boys, by the time they were through," said David.	- Спорю на что угодно, в конце концов голландцы возненавидели эту парочку, - отозвался Дэвид.

"They were better politicians than that," said Taleswapper. "Why, both of them learned to speak Dutch better than most Dutchmen, and had their children grow up speaking Dutch in Dutch schools.	- Они были слишком хорошими политиками, чтобы допустить это, - промолвил Сказитель. - И тот, и другой говорили на голландском подчас лучше коренных голландцев, а дети их учились в голландских школах.

They were so dadgum Dutch, boys, that when Alex Hamilton ran for governor of New Amsterdam and John Adams ran for president of the United States, they both did better in the Dutch parts of New Netherland than they did among the Scotch and Irish."	Они настолько пропитались голландским духом, что, когда Алекс Гамильтон баллотировался на пост губернатора Нью-Амстердама, а Джон Адамс - на пост президента Соединенных Штатов, они набрали больше голосов в голландских районах Новых Нидерландов, нежели в шотландских и ирландских.
"Reckon if I run for mayor, I could get those Swedes and Dutchmen downriver to vote for me?" said David.	- Интересно, если бы я баллотировался в мэры, эти шведы и голландцы, что живут ниже по реке, проголосовали бы за меня или нет? - вслух подумал Дэвид.

"I wouldn't even vote for you," said Calm.	- Вот я бы никогда за тебя не отдал голос, - сказал Кальм.
"I would," said Measure. "And I hope someday you do run for mayor."	- А я бы отдал, - ответил Мера. - И надеюсь, в один прекрасный день ты и в самом деле будешь баллотироваться в мэры.
"He can't run for mayor," said Calm. "This ain't even a proper town."	- Куда баллотироваться? - переспросил Кальм. - У нас даже города как такового нет.
"It will be," said Taleswapper. "I've seen it before.	- Будет, - пообещал Сказитель. - Я немало повидал подобных поселений.

Once you get this mill working, it won't be long before three hundred people dwell between your mill and Vigor Church."	Стоит заработать вашей мельнице, глазом не успеете моргнуть, как между вами и Церковью Вигора поселятся сотни три людей.
"You think so?"	- Ты считаешь?
"Right now people come in to Armor's store maybe three or four times a year," said Taleswapper. "But when they can get flour, they'll come in much more often.	- Сейчас люди приезжают в лавку Армора раза три, может, четыре в год, - продолжил объяснение Сказитель. - Но за мукой они будут приезжать гораздо чаще.

They'll prefer your mill to any other around here for some time, too, since you've got a smooth road and good bridges."	Кроме того, они предпочтут вашу мельницу любой другой в округе, поскольку у вас ровные дороги и добрые мосты.
"If the mill makes money," Measure said, "Pa's sure to send for a Buhr Stone from France.	- А если мельница начнет приносить деньги, -сказал Мера, - папа наверняка закажет во Франции бурский камень.
We had one back in West Hampshire, before the flood broke up the mill.	У нас был такой в Западном Гемпшире, когда мельницу разрушило наводнением.
And a Buhr Stone means fine white flour."	А бурский камень означает, что у нас будет прекрасная белая мука.

"And white flour means good business," said David. "We older ones, we remember." He smiled wistfully. "We were almost rich there, once."	- А станем молоть белую муку, дела пойдут еще лучше, - подтвердил Дэвид. - Мы, постарше, помним, как все было. - И улыбнулся тоскливо. -Мы тогда чуть не стали настоящими богачами...
"So," said Taleswapper. "With all that traffic here, it won't be just a store and a church and a mill.	- Так вот, - проговорил Сказитель, - когда сюда начнут стекаться повозки, это будет не просто торговая лавка, церковь да мельница.
There's good white clay down on the Wobbish.	В Воббской долине залегает хорошая белая глина.

Some potter's bound to go into business, making redware and stoneware for the whole territory. "	Наверняка объявится какой-нибудь гончар, который поселится рядом с вами.
"Sure wish they'd hurry with that," said Calm. "My wife is sick unto death, she says, of having to serve food on tin plates."	- Да уж поскорей бы, - кивнул Кальм. - Мою жену, по ее словам, до смерти утомили эти жестяные тарелки.
"That's how towns grow," said Taleswapper. "A good store, a church, then a mill, then a pottery.	- Вот так возникает город, - подвел итог Сказитель. - Хорошая лавка, церковь, мельница, гончарная.
Bricks, too, for that matter.	Кирпичи, опять же.

And when there's a town-"	А когда появится город...
"David can be mayor," said Measure.	- Дэвид может стать мэром, - закончил за него Мера.
"Not me," said David. "All that politics business is too much.	- Только не я, - открестился Дэвид. - Политика меня никогда не привлекала.
It's Armor wants that, not me."	Она нужна Армору, не мне.
"Armor wants to be king," said Calm.	- Армор мечтает стать королем, - заявил Кальм.
"That's not kind," said David.	- Ты несправедлив к нему, - сказал Дэвид.

"But it's true," said Calm. "He'd try to be God, if he thought the job was open."	- Но это правда! - воскликнул Кальм. - Да он и в боги станет набиваться, если увидит, что место освободилось.
Measure explained to Taleswapper. "Calm and Armor don't get along."	- Кальм и Армор не сошлись характерами, -повернулся к Сказителю Мера.
"It ain't much of a husband that calls his wife a witch," said Calm bitterly.	- Что ж он за муж, если зовет свою жену ведьмой?! - горько возмутился Кальм.
"Why would he call her that?" asked Taleswapper.	- А почему он зовет ее так? - спросил Сказитель.
"It's sure he doesn't call her that now," said Measure. "She promised him to give them up.	- Сейчас он ее так не называет, - поправил Мера. -Она обещала ему больше не заниматься этим.

All her knacks in the kitchen.	Ну, не колдовать на кухне.
It's a shame to make a woman run a household with just her own two hands."	Но какая женщина управится с огромным хозяйством всего лишь двумя руками?
"That's enough," David said.	- Ладно, хватит, - сказал Дэвид.
Taleswapper caught just a corner of his warning look.	Краем глаза Сказитель заметил его предостерегающий взгляд.
Obviously they didn't trust Taleswapper enough to let him in on the truth.	Очевидно, они не очень-то и доверяли Сказителю, раз не хотели посвящать его в правду.

So Taleswapper let them know that the secret was already in his possession.	Поэтому Сказитель дал им понять, что это уже не тайна для него.
"It seems to me that she uses more than Armor guesses," said Taleswapper. "There's a clever hex out of baskets on the front porch.	- По-моему, Армор и не догадывается, что она не отступилась от своего, - сказал он. - На переднем крыльце я заметил весьма умело замаскированный магический оберег из корзиночек для цветов.
And she used a calming on him before my eyes, the day I arrived in town."	Кроме того, когда я пришел в ваш город, я видел, как она успокоила его заклятием.

Work stopped then, for just a moment.	Работа на секунду замерла.

Nobody looked at him, but for a second they did nothing.	Никто не взглянул в его сторону, но на какую-то секунду их руки остановились.
Just took in the fact that Taleswapper knew Eleanor's secret and hadn't told about it to outsiders.	Они осмысливали тот факт, что Сказитель знал о секрете Элеаноры и никому не сказал.
Or to Armor-of-God Weaver.	В том числе и Армору Уиверу.
Still, it was one thing for him to know, and something else for them to confirm it.	Однако одно дело, когда он знает, а другое - когда они собственными словами подтвердят его знание.
So they said nothing, just resumed notching and binding the sledge.	Поэтому они, ничего не сказав, снова начали стучать топорами.

Taleswapper broke the silence by returning to the main topic.	Сказитель решил вернуться к основной теме:
"It's just a matter of time before these western lands have enough people in them to call themselves states, and petition to join the American Compact.	- Так что дело лишь во времени. Вскоре в западных краях поселится достаточно людей, чтобы организовать штаты и послать прошение о вступлении в "Американское Соглашение".
When that happens, there'll be need for honest men to hold office."	А когда это случится, возникнет потребность в честном человеке.
"You won't find no Hamilton or Adams or Jefferson out here in the wild country," said David.	- В нашей глуши Гамильтонов, Адамсов или Джефферсонов ты днем с огнем не сыщешь, -сказал Дэвид.

"Maybe not," said Taleswapper. "But if you local boys don't set up your own government, you can bet there'll be plenty of city men willing to do it for you.	- Может, ты прав, - согласился Сказитель. - Но если вы, местные, не организуете собственное правительство, держу пари, найдется множество городских выскочек, которые пожелают сделать это за вас.
That's how Aaron Burr got to be governor of Suskwahenny, before Daniel Boone shot him dead in ninety-nine."	Именно так Аарон Бурр 38 и стал губернатором Сасквахеннии, прежде чем Даниэль Бун 39 пристрелил его в девяносто девятом.
"You make it sound like murder," said Measure. "It was a fair duel."	- Ты настолько презрительно отозвался об этом, словно Бун совершил убийство, - заметил Мера. -А то была честная дуэль.

"To my way of thinking," said Taleswapper, "a duel is just two murderers who agree to take turns trying to kill each other."	- Как мне кажется, - ответил Сказитель, - всякие дуэлянты - убийцы, которые пришли к соглашению по очереди попытаться убить друг друга.
"Not when one of them is an old country boy in buckskin and the other is a lying cheating city man," said Measure.	- Но не в случае, когда один из них - старый поселенец, одетый в звериные шкуры, а другой -лживый вор-горожанин, - вспыхнул Мера.
"I don't want no Aaron Burr trying to be governor over the Wobbish country," said David. "And that's what kind of man Bill Harrison is, down there in Carthage City.	- Мне бы не хотелось, чтобы губернатором Воббской долины стал какой-нибудь тип вроде Аарона Бурра, - сказал Дэвид. - Или вроде того Билла Гаррисона, что правит сейчас в Карфаген-сити.

I'd vote for Armor before I'd vote for him."	Я уж лучше проголосую за Армора.

"And I'd vote for you before I'd vote for Armor," said Taleswapper.	- А я лучше проголосую за тебя, - произнес Сказитель.
David grunted. He continued weaving rope around the notches of the sledge logs, binding them together.	Хмыкнув, Дэвид продолжил опутывать веревками стволы молодых деревьев, связывая их вместе.
Taleswapper was doing the same thing on the other side.	Сказитель занимался тем же, только с другой стороны.

When he got to the knotting place, Taleswapper started to tie the two ends of the rope together.	Добравшись до середины, Сказитель взял в руки оба конца веревки, собираясь завязать их узлом.
"Wait on that," said Measure. "I'll go fetch Al Junior."	- Погоди, - вдруг остановил его Мера. - Я позову Эла-младшего.
Measure took off at a jog up the slope to the quarry.	И затрусил по склону к каменоломням.
Taleswapper dropped the ends of the rope.	Сказитель бросил веревку на землю.
"Alvin Junior ties the knots?	- Элвин-младший и узлы вяжет?
I would have thought grown men like you could tie them tighter."	Я думал, что взрослые парни вроде вас затянут куда крепче.

David grinned. "He's got a knack."	- У него дар, - усмехнулся Дэвид.
"Don't any of you have knacks?" asked Taleswapper.	- По-моему, у каждого из вас имеется какой-то дар.
"A few."	- Есть такое дело.
"David's got a knack with the ladies," said Calm.	- Вот Дэвид, к примеру, умеет обращаться с дамами, - сказал Кальм.
"Calm's got dancing feet at a hoedown.	- А Кальм танцует, как никто другой.
Ain't nobody fiddles like him, neither," said David. "It ain't on tune all the time, but he keeps that bow busy."	И на скрипке играет - музыкант позавидует, -промолвил Дэвид. - Правда, не всегда в такт попадает, но смычок так и ходит.

"Measure's a true shot," said Calm. "He's got an eye for things too far off for most folks to see."	- У Меры верный глаз, - продолжал Кальм. - Он видит, как никто в здешних краях.
"We got our knacks," said David. "The twins have a way of knowing when trouble's brewing, and getting there just about in time."	- Дарами мы не обделены, - подтвердил Дэвид. -Близнецы чувствуют, где произойдет какая-нибудь беда, и все время оказываются поблизости.
"And Pa, he fits things together.	- А папа - тот умеет сращивать вещи.
We have him do all the wood joints when we're building furniture."	Работой по дереву, когда нужно какую мебель для дома сделать, занимается только он.
"The womenfolk got women's knacks."	- У женщин - свои умения.

"But," said Calm, "there ain't nobody like Al Junior."	- Но Эл-младший один такой, - сказал Кальм.
David nodded gravely.	Дэвид мрачно кивнул.
"Thing is, Taleswapper, he don't seem to know about it.	- Дело в том, Сказитель, что он, такое впечатление, даже не ведает о своих способностях.
I mean, he's always kind of surprised when things turn out good.	Ну, я хочу сказать, он всегда словно удивляется, когда у него что-нибудь выходит гладко и ладно.

He's right proud when we give him a job to do.	Он очень гордится, когда мы поручаем ему какую-нибудь работу.

I never seen him lord it over nobody because he's got more of a knack than they do."	И я никогда не видел, чтобы он насмехался над людьми, видя, что они по сравнению с ним ничего не умеют.
"He's a good boy," said Calm.	- Он хороший мальчик, - сказал Кальм.
"Kind of clumsy," said David.	- Правда, немного неуклюжий, - добавил Дэвид.
"Not clumsy," said Calm. "Most times it isn't his fault."	- Ну нет, - не согласился Кальм. - Он как раз ни в чем не виноват.
"Let's just say that accidents happen more common around him."	- Проще сказать, всякие неприятности случаются с ним чаще, чем с остальными.
"I wouldn't say jinx or nothing," said Calm.	- Но я бы не сказал, что он приносит несчастье, -заметил Кальм.

"No, I wouldn't say jinx."	- Я о несчастьях тоже не говорил.
Taleswapper noted that in fact they both had said it.	Сказитель про себя отметил, что оба юноши, пусть ненарочно, но дважды вспомнили о беде.
But he didn't comment on their indiscretion.	Но он не стал их поправлять.
After all, it was the third voice that made bad luck true.	Ведь надо помянуть дурное трижды, чтобы оно непременно случилось.
His silence was the best cure for their carelessness.	Теперь ошибку можно исправить только молчанием.
And the other two caught on quickly enough.	Однако юноши и сами поняли, что натворили.

They, too, held their silence.	Поэтому тоже примолкли.
After a while, Measure came down the hill with Alvin Junior.	Вскоре с холма спустился Мера, ведя за собой Элвина-младшего.
Taleswapper dared not be the third voice, since he had taken part in the conversation before.	Сказитель не мог заговорить первым, поскольку участвовал в прежней беседе.
And it would be even worse if Alvin himself spoke next, since he was the one who had been linked with a jinx.	Но будет еще хуже, если первым скажет слово Элвин, поскольку именно его имя связывали с несчастьями.

So Taleswapper kept his eye on Measure, and raised his eyebrows, to show Measure that he was expected to speak.	Поэтому Сказитель внимательно посмотрел Мере в глаза и чуть-чуть приподнял бровь, показывая, что начать разговор следует ему.
Measure answered the question that he thought Taleswapper was asking. "Oh, Pa's staying up by the rock. To watch."	- А-а, папа решил остаться наверху. Приглядеть за жерновом, - ответил Мера, думая, что Сказитель удивляется, почему не пришел Элвин Миллер.
Taleswapper could hear David and Calm breathe a sigh of relief.	Сказитель услышал, как Дэвид и Кальм облегченно вздохнули.

The third voice didn't have jinx in his mind, so Alvin Junior was safe.	Третий заговоривший не имел на уме дурного, так что теперь Элвину-младшему ничего не грозило.

Now Taleswapper was free to wonder why Miller felt he had to keep watch at the quarry. "What could happen to a rock? I've never heard of Reds stealing rocks."	- А что может случиться с камнем? Никогда не слышал, чтобы краснокожие воровали булыжники, - заинтересовался Сказитель тем, что Миллер решил вдруг приглядеть за каменоломнями.
Measure winked. "Powerful strange things happen sometimes, specially with millstones."	- Порой очень странные вещи случаются, в особенности с жерновами, - поморщился Мера.

Alvin was joking with David and Calm now, as he tied the knots.	Завязывая узлы, Элвин перешучивался с Дэвидом и Кальмом.
He worked hard to get them as tight as he could, but Taleswapper saw that it wasn't in the knot itself that his knack was revealed.	Он старался затянуть веревки как можно крепче, но Сказитель заметил, что дар вязать узлы здесь вовсе ни при чем.
As Al Junior pulled the ropes tight, they seemed to twist and bite into the wood in all the notches, drawing the whole sledge tighter together.	Стоило Элвину-младшему потянуть за веревку, как она сразу натягивалась и глубоко впивалась в зарубки на бревнах, надежно стягивая дровни.

It was subtle, and if Taleswapper hadn't been watching for it, he wouldn't have seen. But it was real.	Если не приглядываться, этого можно было бы и не заметить, но Сказитель видел все собственными глазами.
What Al Junior bound was bound tight.	Веревки, завязанные Элом, будут держать веч-но.
"That's tight enough to be a raft," said Al Junior, standing back to admire.	- Ну вот, теперь можно хоть на воду спускать, - поднялся с колен Элвин, чтобы повосхищаться своей работой.
"Well, it's floating on solid earth this time," said Measure. "Pa says he won't even piss into water no more."	- Этот плот поплывет по твердой земле, - сказал Мера. - Папа говорит, что к воде не подойдет, даже чтоб помочиться.

Since the sun was low in the west, they set to laying the fire.	Поскольку солнце уже клонилось к западу, они принялись разводить костер.
Work had kept them warm today, but tonight they'd need the fire to back off the animals and keep the autumn cold at bay.	Днем их согревала работа, но ночью понадобится добрый огонь, чтобы отгонять животных и осенние холода.
Miller didn't come down, even at supper, and when Calm got up to carry food up the hill to his father, Taleswapper offered to come along.	На ужин Миллер не спустился, и когда Кальм принялся собирать еду в корзину, чтобы отнести отцу на холм, Сказитель предложил помочь.
"I don't know," said Calm. "You don't need to."	- Ну, не знаю, - неуверенно протянул Кальм. - Я и сам справлюсь.

"I want to."	- Мне бы очень хотелось побывать наверху.
"Pa-he don't like lots of people gathered at the rock face, time like this." Calm looked a little sheepish. "He's a miller, and it's his stone getting cut there."	- Папа - он не любит, когда во время работы над камнем вокруг бродит много людей, ну, вот как сейчас. - На лице Кальма промелькнула робость. -Ведь он мельник, и это его будущий жернов.
"I'm not a lot of people," said Taleswapper.	- Я один - не так уж много, - резонно возразил Сказитель.
Calm didn't say anything more.	Кальм ничего не ответил.
Taleswapper followed him up among the rocks.	Сказитель последовал за ним по тропинке, вьющейся среди скал.

On the way, they passed the sites of two early stonecuttings.	По пути они миновали два камня, из которых были вырезаны предыдущие жернова.
The scraps of cut stone had been used to make a smooth ramp from the cliff face to ground level. The cuts were almost perfectly round.	Гладкие следы срубов, плавно закругляясь и образуя практически идеальный круг, шли от вершины камней до самой земли.
Taleswapper had seen plenty of stone cut before, and he'd never seen one cut this way-perfectly round, right in the cliff.	Сказителю за свою долгую жизнь не раз доводилось наблюдать работу каменотесов, но такого он не видел никогда: как будто из скалы взяли и вытащили большой ровный круг.
Most times it was a whole slab they cut, then rounded it on the ground.	Обычно каменотесы откалывали кусок гранита и обтесывали его на земле.

There were several good reasons for doing it that way, but the best of all was that there was no way to cut the back of the stone unless you took a whole slab.	В этом содержалось немало преимуществ, главным из которых было то, что заднюю сторону камня иначе не обтесать, если специально не выбрать плоскую, не очень большую скалу.
Calm didn't slow down for him, so Taleswapper didn't have a chance to look closely, but as near as he could tell there was no possible way that the stonecutter in this quarry could have cut the back of the stone.	Кальм не стал задерживаться рядом с разработками, поэтому Сказитель не успел хорошенько разглядеть камни, из которых были вытесаны прежние жернова.

It looked just the same at the new site, too.	Он так и не понял, каким образом каменотесу, трудившемуся здесь, удалось срезать заднюю часть камня. Новое место разработок ничем не отличалось от предыдущих.
Miller was raking chipped rock into a level ramp in front of the millstone.	Миллер сгребал обломки гранита в ровную кучку перед будущим жерновом.
Taleswapper stood back and, in the last specks of daylight, studied the cliff.	Сказитель задержался поодаль и, воспользовавшись тем, что солнце не совсем село, внимательно осмотрел скалу.

In a single day, working alone, Al Junior had smoothed the front of the millstone and chipped away the whole circumference.	За один день, без чьей-либо помощи, Элвин-младший гладко обтесал внешнюю сторону камня и обрезал по краям, сделав окружность.
The stone was practically polished, still attached to the cliff face.	Создавалось впечатление, будто к скале зачем-то прилепили новенький мельничный жернов.
Not only that, but the center hole had been cut to take the main shaft of the mill machinery.	Даже дырка в середине камня, где пройдет ось мельничного механизма, была уже просверлена.
It was fully cut.	За один-единственный день Элвин проделал всю работу.

And there was no way in the world that anybody could get a chisel in position to cut away the back.	Правда, никакой резец в мире не сможет отделить камень от скалы.
"That's some knack the boy has," said Taleswapper.	- У мальчика действительно дар, - удивился Сказитель.
Miller grunted assent.	Миллер буркнул что-то невнятное.
"Hear you plan to spend the night up here," said Taleswapper.	- Слышал, ты собираешься провести здесь всю ночь, - продолжил Сказитель.
"Heard right."	- Правильно слышал.

"Mind company?" asked Taleswapper.	- Не возражаешь, если я присоединюсь?
Calm rolled his eyes.	Кальм закатил глаза.

But after a little bit, Miller shrugged.	Но Миллер, подумав немножко, пожал плечами:
"Suit yourself."	- Устраивайся.
Calm looked at Taleswapper with wide eyes and raised eyebrows, as if to say, Miracles never cease.	Кальм, широко раскрыв глаза, смерил Сказителя удивленным взглядом. Потом вздернул брови, как бы намекая на чудеса, которые еще случаются.
When Calm had set down Miller's supper, he left.	Поставив корзину с ужином для Миллера, юноша зашагал вниз по тропке.
Miller set aside the rake.	Элвин-старший опустился на землю рядом с кучей каменных осколков.
"You et yet?"	- Поесть успел?

"I'll gather wood for tonight's fire," said Taleswapper. "While there's still light.	- Я лучше наберу хвороста для костра, - ответил Сказитель. - Пока совсем не стемнело.
You eat."	Ты ешь.
"Watch out for snakes," said Miller. "They're mostly shut in for the winter now, but you never know."	- Поосторожней там, на змею не наступи, -предупредил Миллер. - В основном они уже расползлись по норам, готовясь к зимней спячке, но всякое бывает.
Taleswapper watched out for snakes, but he never saw any.	Сказитель внял предупреждению, но ни одной змеи так и не увидел.
And soon they had a good fire, laid with a heavy log that would burn all night.	Вскоре перед ними весело плясали жаркие огоньки, жадно пожирая огромное бревно, которое будет гореть до самого утра.

They lay there in the firelight, wrapped in their blankets.	Завернувшись в одеяла, они легли рядом с костром.
It occurred to Taleswapper that Miller might have found softer ground a few yards away from the quarry.	Сказителю вдруг пришло на ум, что Миллер мог бы найти местечко поуютнее, чем лежать чуть ли не на куче щебня.
But apparently it was more important to keep the millstone in plain sight.	Но, видимо, по каким-то причинам мельнику не хотелось спускать глаз с будущего жернова.
Taleswapper began talking.	Сказитель завел разговор.

Quietly, but steadily, he talked about how hard it must be for fathers, to watch their sons grow, so full of hope for the boys, but never knowing when death would come and take the child away.	Он отметил, как, должно быть, тяжело отцам воспитывать детей - надежда наполняет сердца, но смерть приходит нежданно и отнимает ребенка.
It was the right thing to talk about, because soon it was Alvin Miller doing the talking.	Сказитель правильно угадал тему, потому что вскоре говорил в основном Элвин Миллер.
He told the story of how his oldest boy Vigor died in the Hatrack River, only a few minutes after Alvin Junior was born.	Он рассказал, как его старший сын Вигор погиб в реке Хатрак спустя считанные минуты после рождения Элвина-младшего.

And from there, he turned to the dozens of ways that Al Junior had almost died.	Затем принялся описывать всевозможные переделки, в которые за свою жизнь попадал Эл-младший, каждый раз проходя на волосок от смерти.
"Always water," Miller said at the end. "Nobody believes me, but it's so.	- И в каждой передряге всегда участвовала вода, -подвел итог Миллер. - Мне никто не верит, но я говорю чистую правду.
Always water."	Во всем была виновата вода.
"The question is," said Taleswapper, "is the water evil, trying to destroy a good boy?	- Вопрос состоит в том, - догадался Сказитель, -несет ли вода зло, пытаясь уничтожить хорошего и доброго мальчика?
Or is it good, trying to destroy an evil power?"	Или, наоборот, пытается сделать добро, стерев с лица земли злую силу?

It was a question that might have made some men angry, but Taleswapper had given up trying to guess when Miller's temper would flare.	Многие, услышав похожие слова, наверняка бы разозлились, но Сказитель давным-давно отчаялся научиться предугадывать вспышки гнева Элвина-старшего.
This time it didn't.	К примеру, сейчас он вовсе не разъярился.
"I've wondered that myself," said Miller. "I've watched him close, Taleswapper.	- Я сам об этом думал, - признался Миллер. - Я все время приглядываюсь к нему, Сказитель.
Of course, he has a knack for making people love him.	Он обладает даром вызывать у людей любовь.
Even his sisters.	Даже сестры обожают его.

He's tormented them unmerciful since he was old enough to spit in their food.	Он беспощадно измывается над ними с тех самых пор, как достаточно подрос, чтобы плюнуть им в тарелку.
Yet there's not a one of them who doesn't find a way to make him something special, and not just at Christmas.	И они платят ему той же монетой, подстраивая всякие гадости, - и не только на Рождество.
They'll sew his socks shut or smear soot on the privy bench or needle up his nightshirt, but they'd also die for him."	То носки зашьют, то измажут сажей стульчак в туалете, то иголок в ночную рубашку напихают, но вместе с тем они готовы умереть за него.

"I've found," said Taleswapper, "that some people have a knack for winning love without ever earning it."	- Мне приходилось встречаться с людьми, -промолвил Сказитель, - которые обладали даром завоевывать любовь ближних, вовсе не заслуживая ее.
"I feared that, too," said Miller. "But the boy doesn't know he has that knack.	- Вот и я боюсь того же, - вздохнул мельник. - Но парнишка даже не подозревает о своем даре.
He doesn't trick people into doing what he wants.	Он не вертит людьми как попало.
He lets me punish him when he does wrong.	Совершив проступок, он сносит заслуженное наказание.
And he could stop me, if he wanted."	Хотя мог бы остановить меня, если б захотел.
"How?"	- Как же это?

"Because he knows that sometimes when I see him, I see my boy Vigor, my firstborn, and then I can't do him any harm, even harm that's for his own good."	- Ему хорошо извест-но, что иногда, глядя на него, я вижу Вигора, сво-его первенца. И тогда я не способен поднять на него руку, хоть это и пошло бы ему на пользу.
Maybe that reason was partly true, Taleswapper thought.	"Может, отчасти, так, - подумал про себя Скази-тель. - Но это еще не вся правда".
But it certainly wasn't the whole truth.	В воздухе повисла тиши-на.

A bit later, after Taleswapper stirred the fire to make sure the log caught well, Miller told the story that Taleswapper had come for.	Чуть спустя, когда Сказитель приподнялся на локте, чтобы поправить лежащее в огне полено, Миллер наконец решился рассказать то, за чем пришел Сказитель.
"I've got a story," he said, "that might belong in your book."	- Есть у меня одна история, - сказал он, - которая подошла бы для твоей книжки.
"Give it a try," said Taleswapper.	- Ну, попробуй, - пожал плечами Сказитель.
"Didn't happen to me, though."	- Но случилась она не со мной.

"Has to be something you saw yourself," said Taleswapper. "I hear the craziest stories that somebody heard happened to a friend of a friend."	- Тогда ты должен был присутствовать при происходящем, - произнес Сказитель. - Я выслушивал самые сумасшедшие басни, которые якобы случились с другом брата одного знакомого.
"Oh, I saw this happen.	- О, я видел все собственными глазами.
It's been going on for years now, and I've had some discussions with the fellow.	Много лет подряд это случается, и я не раз обсуждал происходящее с тем человеком.
It's one of the Swedes downriver, speaks English good as I do.	Это один из шведских поселенцев, что живет в низовьях реки, по-английски он говорит не хуже меня.

We helped him put up his cabin and his barn when he first come here, the year after us.	Мы помогали ему строить хижину и амбар, когда он переехал сюда, спустя несколько лет после нас.
And I watched him a little bit even then.	Уже тогда я стал присматриваться к нему.
See, he has a boy, a blond Swede boy, you know how they get."	Видишь ли, у него есть сын, белокурый мальчик, ну, в общем, типичный швед.
"Hair almost white?"	- Волосы абсолютно белые?
"Like frost in the first morning sun, white like that, and shiny.	- Ну да, словно иней при первых лучиках солнца, аж сияют.
A beautiful boy."	Красивый парнишка.
"I can see him in my mind," said Taleswapper.	- Вижу как наяву, - кивнул Сказитель.

"And that boy, his papa loved him.	- Тот парнишка... в общем, отец очень любил его.
Better than his life.	Больше жизни.
You know that Bible story, about that papa who gave his boy a coat of many colors?"	Наверное, ты слышал ту библейскую историю, в которой отец подарил сыну разноцветное платье? 40
"I've heard tell of it."	- Приходилось.
"He loved his boy like that.	- Он любил своего сына не меньше.

But I saw them two walking alongside the river, and the father all of a sudden lurched kind of, just bumped his boy, and sent the lad tumbling down into the Wobbish.	Так вот, однажды я увидел, как они гуляли вдоль реки. Вдруг на отца что-то нашло, он со всех сил пихнул своего сына, и тот свалился прямо в воду.
Now, it happened that the boy caught onto a log and his father and I helped pull him in, but it was a scary thing to see that the father might have killed his own best-loved child.	Малышу повезло, он ухватился за бревно, что проплывало рядом, и его отец и я вытащили мальчика. Я, помню, страшно перепугался: не верил собственным глазам, ведь отец мог убить любимого сына.

It wouldn't've been a-purpose, mind you, but that wouldn't make the boy any less dead, or the father any less blameful."	Но не подумай, он вовсе не хотел убивать его, однако если б мальчик утонул, тщетно отец винил бы себя.
"I can see the father might never get over such a thing."	- Представляю. Отец, наверное, не пережил бы этого.
"Well, of course not.	- Конечно, нет.
Yet not long after that, I seen him a few more times.	Потом я еще пару раз встречался с тем шведом.

Chopping wood, and he swung that axe wild, and if the boy hadn't slipped and fell right at that very second, that axe would've bit into the boy's head, and I never seen nobody live after something like that." "Nor I."	Как-то раз он рубил дерево и так размахнулся топором, что, если б мальчик в ту секунду не поскользнулся и не упал, лезвие вонзилось бы прямо ему в голову. После такого удара вряд ли бы кто выжил. - Уж я бы точно помер.
"And I tried to imagine what must be happening.	- И я попытался представить, что было бы дальше.
What that father must be thinking.	О чем бы думал отец.
So I went to him one day, and I said,	Поэтому, заглянув к нему в гости, я сказал:
'Nels, you ought to be more careful round that boy.	"Нильс, тебе бы быть поосторожнее с мальчишкой.

You're likely to take that boy's head off someday, if you keep swinging that axe so free.'	В один прекрасный день ты раскроишь ему голову, если и дальше будешь бездумно махать топором".
"And Nels, he says to me,	А Нильс мне и ответил:
'Mr. Miller, that wasn't no accident.'	"Мистер Миллер, то была вовсе не случайность".
Well, you could've blowed me down with a baby's burp.	Помню, услышав его ответ, я немало растерялся и даже забыл, где нахожусь.
What does he mean, no accident?	Что он имел в виду, говоря, будто бы это не случайность?
And he says to me,	Но он мне объяснил:

'You don't know how bad it is.	"Вы и не подозреваете, что происходит на самом деле.
I think maybe a witch cursed me, or the devil takes me, but I'm just working there, thinking how much I love the boy, and suddenly I have this wish to kill him.	Может, ведьма какая наслала на меня проклятие или дьявол мозги похитил, но стучал я мирно топором, думал, как сильно люблю своего сына, и вдруг ощутил страшное желание убить его.

It came on me first when he was just a baby, and I stood at the top of the stairs, holding him, and it was like a voice inside my head, it said, "Throw him down," and I wanted to do it, even though I also knew it would be the most terrible thing in the world.	Впервые подобное затмение нашло на меня, когда он был грудным младенцем, а я держал его на руках, стоя у нас дома, на лестнице, что вела на второй этаж. Словно голос чей-то в моей голове заговорил, подзуживая: "Брось, ну, брось его вниз". И мне страшно захотелось подчиниться этому настоянию, хотя я знал, что совершу страшнейший грех в мире.
I was hungry to throw him off, like a boy gets when he wants to smash a bug with a stone.	Я мечтал бросить сына об пол, я превратился в мальчишку, давящего жука булыжником.

I wanted to see his head break open on the floor.	Я жаждал увидеть, как голова его расколется, ударившись о доски пола.
"'Well, I just fought off that feeling, just swallowed it back and held that boy so tight I like to smothered him.	Но я поборол желание, подавил его и прижал сына к себе так крепко, будто хотел задушить.
Finally when I got him back into his cradle, I knew that from then on I wasn't going to carry him up those stairs no more.	Положив наконец мальчика в колыбельку, я понял, что отныне никогда не буду ходить с ним на руках по лестницам.
"'But I couldn't just leave him alone, could I?	Но я же не мог позабыть о его существовании, ведь он мой родной сын.

He was my boy, and he grew up so bright and good and beautiful that I had to love him.	Он рос чистым, хорошим, замечательным мальчиком, и я не мог не любить его.
If I stayed away, he cried cause his papa didn't play with him.	Если я начинал избегать его, он плакал, потому что папа не играл с ним.
But if I stayed with him, then those feelings came back, again and again.	Но, оставаясь с ним, я ощущал прежнее желание убить - оно возвращалось снова и снова.
Not every day, but many a day, sometimes so fast that I did it afore I even knew what I was doing.	Не каждый день, но довольно часто. Иногда оно завладевало мной настолько стремительно, что я какое-то время не осознавал, что творю.

Like the day I bumped him into the river, I just took a wrong step and tripped, but I knew even as I took that step that it was a wrong step, and that I'd trip, and that I'd bump him, I knew it, but I didn't have time to stop myself.	Как в тот день, когда я сбил его в реку. Я тогда споткнулся и ударил его, но, делая шаг, я знал, что непременно споткнусь и обязательно собью с ног сына - я знал, но не успел остановить себя.
And someday I know that I won't be able to stop myself, I won't mean to do it, but someday when that boy is under my hand, I'll kill him.'"	И я понимаю, что когда-нибудь не смогу остановиться и убью своего сына, если он попадется под руку".

Taleswapper could see Miller's arm move, as if to wipe tears away from his cheek.	Сказитель заметил, что рука Миллера слегка дернулась, как будто смахивая со щеки слезы.
"Ain't that the strangest thing." Miller asked. "A man having that kind of feeling for his own son."	- Неправда ли, странно? - спросил Миллер. - Отец питает столь противоречивые чувства к собственному сыну.
"Does that fellow have any other sons?"	- А у того шведа есть другие сыновья?
"A few.	- Есть несколько, постарше.
Why?"	А что?

"I just wondered if he ever felt a desire to kill them."	- Я вдруг подумал, а не хотелось ли ему когда-нибудь и их убить?

"Never, not a speck.	- Никогда, ни разу.
I asked him that, matter of fact.	Я тоже его об этом спросил.
I asked him, and he said not a speck."	Спросил, и он ответил: "Ни разу".
"Well, Mr. Miller, what did you tell him?"	- И что же, мистер Миллер, вы ему посоветовали?
Miller breathed in and out a few times.	Миллер несколько раз глубоко вдохнул.
"I didn't know what to tell him.	- Я не знал, что ему и посоветовать.
Some things are just too big for a man like me to understand.	Некоторые вещи я просто не могу осмыслить -они слишком велики для меня.
I mean, the way that water is out to kill my boy Alvin.	К примеру, почему вода хочет убить моего Элвина?

And then this Swede fellow with his son. Maybe there's some children that wasn't meant to grow up.	И этот швед со своим сыном... Может быть, некоторым детям нельзя становиться взрослыми.
Do you think so, Taleswapper?"	Ты как думаешь, Сказитель?
"I think there are some children that are so important, that someone-some force in the world-may want them dead.	- По-моему, иногда рождаются дети, которые настолько важны для всего мира, что кто-то -некая неведомая сила - желает им смерти.
But there are always other forces, maybe stronger forces, that want them alive."	Однако той силе всегда противостоят другие стихии, может быть, куда более могущественные, которые охраняют детей.

"Then why don't those forces show theirselves, Taleswapper?	- Тогда почему эти силы никак не проявляются?
Why don't some power from heaven come and say-come to that poor Swedish man and say,	Почему не явится кто-нибудь и не скажет... не явится к тому бедняге шведу и не скажет ему:
'Don't you fear no more, your boy is safe, even from you!'"	"Ты не бойся, твоему мальчику больше ничего не грозит!"
"Maybe those forces don't speak out loud in words. Maybe those forces just show you what they're doing."	- Вероятно, эти силы не умеют говорить, а могут проявить себя только поступками.
"The only force that shows itself in this world is the one that kills."	- Единственная сила, которая проявляется в этом мире, - та, что убивает.

"I don't know about that Swedish boy," said Taleswapper, "but I'd guess that there's a powerful protection on your son.	- Ничего не могу сказать насчет того мальчика шведа, - промолвил Сказитель, - но мне кажется, что твоего сына защищает нечто весьма могущественное.
From what you said, it's a miracle he isn't dead ten times over."	Судя по твоим словам, чудо, что он вообще ходит по свету, поскольку должен по меньшей мере десять лет назад лечь в могилу.
"That's the truth."	- Это правда.
"I think he's being watched over."	- Я думаю, что-то или кто-то его бережет.
"Not well enough."	- Плохо бережет.

"The water never got him, did it?"	- Но ведь вода пока не добралась до него?

"It came so close, Taleswapper."	- Ты представить себе не можешь, Сказитель, насколько близко она подбиралась.
"And as for that Swedish,boy, I know he's got somebody watching over him."	- Если ж говорить о шведе, то я точно знаю, что его кто-то бережет.
"Who?" asked Miller.	- Кто же? - поинтересовался Миллер.
"Why, his own father."	- Да его собственный отец хотя бы.
"His father is the enemy," said Miller.	- Отец - его злейший враг, - покачал головой Миллер.

"I don't think so," said Taleswapper. "Do you know how many fathers kill their sons by accident?	- Я так не считаю, - возразил Сказитель. - Знаешь ли ты, сколько отцов случайно убивают своих сыновей?
They're out hunting, and a shot goes wrong.	Идут на охоту, и ружье вдруг случайно выстреливает.
Or a wagon crushes the boy, or he takes a fall.	Или телегой переезжают сына, или падает он откуда-нибудь.
Happens all the time.	Такое происходит везде и всюду.
Maybe those fathers just didn't see what was happening.	Может, те отцы просто не видят, что происходит.

But this Swedish man is sharp, he sees what's happening, and he watches himself, catches himself in time."	Однако твой швед очень умен, он видит и поэтому следит за каждым своим шагом, вовремя себя удерживая.
Miller sounded a little more hopeful. "You make it sound like maybe the father ain't all bad."	- Послушать тебя, он вовсе не так уж плох, как кажется, - в голосе Миллера прозвучала толика робкой надежды.
"If he were all bad, Mr. Miller, that boy would be dead and buried long ago."	- Если б он был дурным человеком, мистер Миллер, его сын давно бы лежал в могиле.
"Maybe. Maybe."	- Возможно, возможно.
Miller thought for a while more.	Миллер снова задумался.

So long, in fact, that Taleswapper dozed a little.	На этот раз он молчал долго - Сказитель даже успел задремать.
He snapped awake with Miller already talking.	Проснулся он, когда Миллер говорил:
"-and it's just getting worse, not better.	- ...все хуже и хуже.
Harder to fight off those feelings.	Все труднее ему бороться с этими желаниями.
Not all that long ago, he was standing up in a loft in the-in his bam-and he was pitching down hay.	Недавно он работал на сеновале на... в сарае, скидывая на телегу солому.

And there below him was his boy, and all it would take is to let fly with the pitchfork, easiest thing in the world, he could say the pitchfork slipped and no one would ever know.	А сразу под ним стоял его мальчик - ему и надо было всего лишь выпустить из рук вилы. Легче легкого, а потом бы он сказал, что вилы сами выскользнули у него из рук, и никто бы ничего плохого не подумал.
Just let it fly, and stick that boy right through.	Надо было просто отпустить их, чтобы насквозь прошить мальчишку.

And he was going to do it.	И он уже собрался это сделать.
Do you understand me?	Ты понимаешь?

It was so hard to fight off those feelings, harder than ever before, and he just gave up.	Он больше не мог бороться с нарастающим желанием, оно было сильнее, чем обычно, и он поддался.
Just decided to have it done with, to give in.	Решил уступить и покончить с этим сумасшествием.
And in that very moment, why, a stranger appeared in the doorway, and shouted,	Но в тот самый миг, откуда ни возьмись, в дверях объявился незнакомец и закричал:
'No,' and I set down the pitchfork-that's what he said,	"Нет!" И я опустил вилы... это он так сказал:

'I set down the pitchfork, but I was shaking so bad I could hardly walk, knowing that the stranger saw me with murder in my heart, he must think I'm the most terrible man in the world to think of killing my own boy, he can't even guess how hard I've struggled all those years before-'"	"Я опустил вилы, но тело мое так дрожало, что я шагу ступить не мог. Я знал, что незнакомец разглядел живущую в моем сердце жажду убийства и, наверное, посчитал меня самым ужасным человеком в мире, раз я замыслил убийство собственного сына. Он и догадываться не мог, какую упорную борьбу я вел все прошлые годы..."
"Maybe that stranger knew something about the powers that can work inside a man's heart," said Taleswapper.	- А может быть, тот незнакомец знал кое-что о силах, обитающих в сердце каждого человека? -предположил Сказитель.
"Do you think so?"	- Ты думаешь?

"Oh, I can't be sure, but maybe that stranger also saw how much that father loved the boy.	- Ну конечно с полной уверенностью я утверждать этого не могу, но скорее всего тот незнакомец понял, насколько отец любит сына.
Maybe the stranger was confused for a long time, but finally began to realize that the child was extraordinary, with powerful enemies.	Возможно, долгое время незнакомец пребывал в растерянности, но наконец понял, что ребенок, обладая исключительными силами, нажил весьма могущественных врагов.
And then maybe he came to understand that no matter how many enemies the boy had, his father wasn't one of them.	А после, поразмыслив как следует, пришел к выводу, что скольких бы врагов мальчик ни имел, его отец не входит в их число.
Wasn't an enemy.	Что он не враг ему.

And he wanted to say something to that father."	И у него нашлись бы слова, которые он мог бы сказать отцу того мальчика.
"What did he want to say?" Miller brushed his eyes with his sleeve again.	- И что же это были бы за слова? - Миллер снова провел по щеке рукавом.
"What do you think that stranger might want to say?"	- Как ты считаешь, что мог бы сказать незнакомец?
"Maybe he wanted to say,	- Может, ему захотелось бы сказать:
'You've done all you can do, and now it's too strong for you.	"Ты сделал все, что было в твоих силах, теперь ты должен отступить.
Now you ought to send that boy away.	Должен отослать мальчика подальше от себя.

To relatives back east, maybe, or as a prentice in some town.'	К родственникам на восток или подмастерьем в какой-нибудь город".

That might be a hard thing for the father to do, since he loves the boy so much, but he'll do it because he knows that real love is to take the boy out of danger."	Решение будет не из легких, потому что отец очень любит своего сына, но вместе с тем он знает, что любить - значит защищать.
"Yes," said Miller.	- Верно, - кивнул Миллер.
"For that matter," said Taleswapper, "maybe you ought to do something like that with your own boy, Alvin."	- И если уж мы заговорили на эту тему, -продолжал Сказитель, - может быть, тебе следует подумать о том же. Касательно Элвина.

"Maybe," said Miller.	- Возможно, - согласился мельник.
"He's in some danger from the water around here, wouldn't you say?	- Ты же сам утверждал, что вода угрожает ему.
Somebody's protecting him, or something.	И его кто-то защищает - кто-то или что-то.
But maybe if Alvin weren't living here-"	Но если случится, что Элвин уедет отсюда...
"Then some of the dangers would go away," said Miller.	- Часть опасностей отступит, - пробормотал Миллер.
"Think about it," said Taleswapper.	- Ты подумай, - посоветовал Сказитель.

"It's a terrible thing," said Miller, "to send your boy away to live with strangers."	- У меня сердце щемит при одной мысли отсылать сына к чужим людям, - сказал Миллер.
"It's a worse thing, though, to put him in the ground."	- Оно еще больше защемит, когда ты станешь зарывать его в землю.
"Yes," said Miller. "That's the worst thing in the world. To put your child in the ground."	- Да, - кивнул Миллер. - Похоронить собственного сына - что может быть страшнее?
They didn't talk any more, and after a while they both slept.	Больше они не разговаривали, заснув вскоре крепким сном.

The morning was cold, with a heavy frost, but Miller wouldn't even let Al Junior come up to the rock until the sun burned it away.	Утро выдалось холодным, траву покрыл толстый слой инея, и Миллер не подпускал Элвина-младшего к скале, пока солнце не растопило снежный налет.
Instead they all spent the morning preparing the ground from the cliff face to the sledge, so they could roll the stone down the mountain.	Все утро они посвятили разравниванию тропы, ведущей от каменоломен к дровням, чтобы легко скатить жернов с холма.
By now, Taleswapper was sure that Al Junior used a hidden power to get the millstone away from the cliff face, even if he didn't realize it himself.	К тому времени Сказитель полностью уверился, что Эл-младший пользовался скрытыми силами, чтобы отделить жернов от камня, пусть даже сам этого не понимал.

Taleswapper was curious.	Сказитель сгорал от любопытства.
He wanted to see just how powerful this power was, so he could understand more about its nature.	Ему не терпелось увидеть, насколько могущественны его силы, - тогда он сможет кое-что понять об их природе.
And since Al Junior didn't realize what he was doing, Taleswapper's experiment had to be subtle, too.	А поскольку Эл-младший не понимал, что делает, Сказитель тоже должен был действовать осторожно.
"How do you dress your stone?" asked Taleswapper.	- А как вы обрабатываете жернов? - спросил Сказитель.
Miller shrugged.	Миллер пожал плечами:

"Buhr Stone is what I used before.	- Раньше я всегда использовал бурский камень.
They all come with sickle dress."	На нем идет серповидная нарезка.
"Can you show me?" asked Taleswapper.	- А ты нарисовать можешь? - попросил Сказитель.
Using a corner of the rake, Miller drew a circle in the frost.	Острым камешком Миллер начертил круг на тонкой изморози инея.
Then he drew a series of arcs, radiating from the center of the circle out to the edges.	Затем нанес на него несколько полукружий, начинающихся у центра и идущих к краям.

Between each pair of arcs he drew a shorter arc, which began at the edge but never came closer than two-thirds of the way toward the center.	Между двумя большими полукружиями он пририсовал по маленькой дуге, которая начиналась у края жернова, но, не дойдя примерно одной трети до центра, обрывалась.
"Like, that," said Miller.	- Вот так примерно он выглядит, - сказал Миллер.
"Most millstones in Pennsylvania and Suskwahenny are quarter dress," said Taleswapper. "You know that cut?"	- Жернова, которые я видел в Пенсильвании и Сасквахеннии, носят большей частью четвертную нарезку, - проговорил Сказитель. - Ты видел ее когда-нибудь?
"Show me."	- Нарисуй.
So Taleswapper drew another circle.	Сказитель начертил еще один круг.

It didn't show up as well, since the frost was burning off now, but it was good enough.	Он вышел не таким ладным, поскольку иней начал стаивать, но кое-что было видно.
He drew straight lines instead of curved ones from the center to the edge, and the shorter lines branched directly from the long ones and ran straight to the edge.	Вместо полукружий Сказитель нарисовал прямые линии, от которых, заканчиваясь у края жернова, отходили линии поменьше.
"Some millers like this better, because you can keep it sharp longer.	- Некоторые мельники предпочитают эту нарезку, поскольку она меньше тупится.
Since all the lines are straight, you get a nice even draw when you're tooling the stone."	Кроме того, линии прямые, а стало быть, их легче наносить, обрабатывая камень.

"I can see that," said Miller. "I don't know, though.	- Ага, вижу, - кивнул Миллер. - Хотя не знаю.
I'm used to those curvy lines."	Я привык к изгибам.
"Well, suit yourself," said Taleswapper. "I've never been a miller, so I don't know.	- Ну, дело твое, - пожал плечами Сказитель. - Я на мельнице никогда не работал, так что не знаю.
I just tell stories about what I've seen."	Я лишь рассказываю о том, что видел.
"Oh, I don't mind you showing me," said Miller. "Don't mind a bit."	- Да нет, я вовсе не против, - сказал Мельник. -Вовсе не против.
Al Junior stood there, studying both circles.	Подошел Эл-младший и встал рядом, изучая оба круга.

"I think if we once get this stone home," said Miller "I'll try that quarter dress on it.	- Думаю, если мы таки притащим этот камень домой, - решил Миллер, - попробую я эту четвертную нарезку.
Looks to me like it might be easier to keep up a clean grind."	Вроде бы ее и в самом деле будет полегче натачивать.

Finally the ground was dry, and Al Junior walked to the cliff face.	Наконец земля просохла, и Эл-младший подошел к скале.
The other boys were all down below, breaking camp or bringing the horses up to the quarry.	Остальные юноши остались внизу, собирая лагерь или занимаясь лошадьми.

Only Miller and Taleswapper watched as Al Junior finally carried his hammer to the cliff face.	Только Миллер и Сказитель остались у каменоломни, когда Элвин снова взялся за молот.
He had a little more cutting to do, to get the circle to its full depth all around.	Ему надо было немного подровнять жернов, чтобы по всей окружности он углублялся на равное расстояние.
To Taleswapper's surprise, when Al Junior set the chisel in place and gave a whang with the hammer, a whole section of stone, some six inches long, split away from the cliff face and crumbled to the ground.	К удивлению Сказителя, Эл-младший едва ударил по резцу, как от скалы откололся сразу целый кусок гранита, длиной дюймов шесть, не меньше.

"Why, that stone's as soft as coal," said Taleswapper. "What kind of millstone can it make, if it's as weak as that?"	- Этот камень не тверже угля! - воскликнул Сказитель. - Что же за жернов из него получится, если он крошится от малейшего стука?
Miller grinned and shook his head.	Миллер ухмыльнулся и потряс головой.
Al Junior stepped away from the stone.	Эл-младший отступил на шаг от камня.
"Oh, Taleswapper, it's hard stone, unless you know just the right place to crack it.	- Нет, Сказитель, на самом деле это очень твердый камень.
Give it a try, you'll see."	Надо просто знать, как и куда бить. Хочешь, сам убедись.
He held out the chisel and hammer.	Он протянул резец и молот.

Taleswapper took them and approached the rock.	Сказитель взял инструменты и приблизился к скале.
Carefully he laid the chisel onto the stone, a slight angle away from perpendicular.	Осторожно приладив к камню резец, чуть-чуть под углом от перпендикуляра, он пару раз на пробу стукнул по нему.
Then, after a few trial taps, he laid on a blow with the hammer.	Наконец он размахнулся и ударил со всех сил.
The chisel practically jumped out of his left hand, and the shock of impact was so great that he dropped the hammer.	Резец зайцем выпрыгнул у него из левой руки, а отдача от удара была так велика, что он выронил молот.

"Sorry," he said, "I've done this before, but I must have lost the skill-"	- Извините, - поморщился он. - Мне доводилось заниматься обработкой камня, но, должно быть, я несколько утратил навык...
"0h, it's just the stone," said Al Junior. "It's kind of temperamental.	- Да нет, это камень такой, - сказал Эл-младший. -Он немного своенравный.
It only likes to give in certain directions."	И поддается, только если бить по нему в определенных направлениях.
Taleswapper inspected the place where he had tried to cut.	Сказитель осмотрел место, где пытался откололоть кусочек.
He couldn't find the spot.	И ничего не нашел.

His mighty blow had left no mark at all.	Его сильный удар даже царапины не оставил на скале.
Al Junior picked up the tools and laid the chisel against the stone.	Эл-младший подобрал инструменты и снова приладил резец к камню.
It looked to Taleswapper as though he put it in exactly the same place.	Сказителю показалось, что и он ставил туда же.
But Al acted as though he had placed it quite differently.	Но Эл объяснял, что якобы резец стоит совсем по-другому:
"See, it's getting just the angle on it.	- Видишь, вот такой угол надо держать.
Like this."	Примерно.

He whanged with the hammer, the iron rang out, there was a cracking of stone, and once again crumbled stone pattered on the ground.	Он взмахнул молотом, железо зазвенело, на камне появилась трещина - и снова щебенка застучала по земле.
"I can see why you have him do all the cutting," Taleswapper said.	- Теперь я понимаю, почему вы доверяете ему обрабатывать жернов, - признался Сказитель.
"Seems like the best way," said Miller.	- Да, так меньше хлопот, - подтвердил Миллер.
In only a few minutes, the stone was fully rounded.	Спустя пару минут камень образовал идеальный круг.
Taleswapper said nothing, just watched to see what Al would do.	Сказитель не произнес ни слова, наблюдая, что Эл будет делать дальше.

He set down his tools, walked to the millstone, and embraced it.	Мальчик положил на землю резец и молот, подошел к жернову и обхватил его руками.
His right hand curled around the lip of it.	Правая рука ухватилась за изгиб.
His left hand probed back into the cut on the other side.	Пальцы левой руки проникли в трещину напротив.
Alvin's cheek pressed against the stone.	Щекой Элвин прижался к камню.
His eyes were closed.	Глаза его были закрыты.
It looked for all the world as though he were listening to the rock.	Казалось, будто бы он прислушивается к тому, что творится внутри скалы.
He began to hum softly.	Затем он начал тихонько напевать.
A mindless little tune.	Что-то неразборчивое.

He moved his hands.	Он передвинул руки.
Shifted his position.	Переместился немного в сторону.
Listened with the other ear.	Прислушался другим ухом.
"Well," Alvin said, "I can't hardly believe it."	- М-да, - сказал наконец Элвин. - Трудно поверить.
"Believe what?" asked his father.	- Чему? - спросил отец.
"Those last few cuts must have set up a real shiver in the rock.	- Последние несколько ударов, наверное, всю скалу растрескали.
The back is already split right off."	Задняя половина полностью отделилась.

"You mean that millstone is standing free?" asked Taleswapper.	- Ты хочешь сказать, что жернов стоит сам по себе? - удивился Сказитель.
"I think we can rock it forward now," said Alvin. "It takes a little rope work, but we'll get it out of there without too much trouble."	- Думаю, мы можем катить его, - кивнул Элвин. -Придется повозиться с веревками, но вытащить его можно без особых проблем.
The brothers arrived with the ropes and horses.	Вскоре подошли братья, неся веревки и ведя лошадей.
Alvin passed a rope back behind the stone.	Элвин закинул веревку за камень.

Even though not a single cut had been made against the back, the rope dropped easily into place.	И несмотря на то что заднюю половину и не пытались отбить от скалы, веревка легко провалилась.
Then another rope, and another, and soon they were all tugging, first left, then right, as they slowly walked the heavy stone out of its bed in the cliff face.	За ней последовала еще одна веревка, потом - другая, и вскоре Элвин-старший, его сыновья и Сказитель принялись дружно тянуть: сначала влево, затем вправо, раскачивая и постепенно вытаскивая тяжеленный камень из углубления в скале.
"If I hadn't seen it," murmured Taleswapper.	- Если б я собственными глазами не видел... -пробормотал под нос Сказитель.
"But you did," said Miller.	- Но ведь видел же, - усмехнулся Миллер.

It was only a few inches clear when they changed the ropes, passing four lines through the center hole and hitching them to a team of horses uphill of the stone.	Камень вылез на несколько дюймов. Они сменили веревки, пропустив их через отверстие посредине жернова, и впрягли в них лошадей, стоящих выше на склоне холма.
"It'll roll on downhill just fine," Miller explained to Taleswapper. "The horses are there as a drag, pulling against it."	- Он сам покатится вниз, - пояснил Миллер Сказителю. - Лошади его придержат немного, чтобы не слишком разгонялся.
"It looks heavy."	- Тяжелый он.
"Just don't lie down in front of it," said Miller.	- Да, ложиться под него всяко не стоит.

They started it rolling, very gently.	Осторожно они покатили камень.
Miller took hold of Alvin's shoulder and kept the boy well back from the stone-and uphill of it, too.	Миллер ухватил Элвина за плечо и удерживал мальчика подальше от жернова.
Taleswapper helped with the horses, so he didn't get a good look at the back surface of the stone until it was down on level ground by the sledge.	Сказитель помогал управляться с лошадьми, поэтому ему так и не удалось взглянуть на заднюю сторону камня, пока жернов не встал рядом с дровнями.
It was smooth as a baby's backside.	Поверхность была гладкой, как попка младенца.
Flat as ice in a basin.	Как лед в ведерке.

Except that it was scored in a quarter dress pattern, straight lines radiating from the lip of the center hole to the edge of the stone.	Лишь острые линии проходили по ней, образуя четвертную нарезку и протянувшись от дыры в центре к краям.
Alvin came up to stand beside him.	Элвин подошел к Сказителю.
"Did I do it right?" he asked.	- Все правильно? - спросил он.
"Yes," said Taleswapper.	- Да, - кивнул Сказитель.

"It was the luckiest thing," said the boy. "I could just feel that stone ready to split right along those lines.	- Очень повезло, - сказал мальчик. - Я вдруг почувствовал, что камень готов треснуть прямо по этим линиям.

It just wanted to split, easy as you please."	Он рад был отделиться таким образом, и делать ничего не пришлось.
Taleswapper reached out and drew his finger gently along the edge of a dress cut.	Сказитель протянул руку и тихонько провел пальцем по линии нарезки.
It stung.	Что-то защипало.
He brought his finger to his mouth, sucked, and tasted blood.	Он сунул палец в рот, пососал и почувствовал на языке вкус крови.
"Stone holds a nice sharp edge, don't it?" said Measure.	- Камень бывает ужасно острым, да? -полюбопытствовал Мера.
He sounded as if this sort of thing happened every day.	Его голос звучал вполне обыденно, словно подобное случается каждый Божий день.

But Taleswapper could see the awe in his eyes.	Но Сказитель уловил восхищение, скользнувшее в его глазах.
"Good cut," said Calm.	- Отличная работа, - сказал Кальм.
"Best one yet," said David.	- Лучше не видел, - согласился Дэвид.
Then, with horses bracing against a rapid fall, they gently tipped it to lie on the sledge, dress side up.	Лошади снова натянули веревки, и камень медленно лег на дровни нарезкой вверх.
"Will you do me a favor, Taleswapper?" asked Miller.	- Окажешь мне одну услугу, Сказитель? -подошел к старику Миллер.
"If I can."	- Все, что в моих силах.
"Take Alvin back home with you now.	- Забирай Элвина и поезжай домой.

His work's done."	Он отлично справился со своей частью работы.
"No, Papa!" Alvin shouted. He ran over to his father. "You can't make me go home now."	- Папа, нет! - закричал Элвин, подбежав к отцу. -Теперь я точно никуда не поеду.
"Don't need no ten-year-old boys underfoot while we're manhandling a stone that size," said his father.	- Мне не нужно, чтобы под ногами болталась всякая мелюзга, пока мы будем тащить этот камень, - ответил отец.
"But I've got to watch the stone, to make sure it don't split or chip, Pa!"	- Но я должен присмотреть за ним. Вдруг он треснет или еще что случится, пап?
The older sons looked at their father, waiting.	Старшие сыновья молча смотрели на отца, ожидая его решения.

Taleswapper wondered what they hoped for.	Сказитель попытался представить, о чем они сейчас думают.
They were too old now, surely, to resent their father's particular love for his seventh son.	Они уже не маленькие, поэтому вряд ли завидуют той особой любви, с которой отец относится к своему седьмому сыну.
They also must hope to keep the boy safe from harm.	Они, наверное, не меньше его хотят, чтобы мальчик вернулся живым и здоровым.

Yet it meant much to all of them that the stone arrive safely, unbroken, to begin its service in the mill.	Однако не менее важно, чтобы жернов прибыл целым и невредимым и мельница наконец заработала.

There could be no doubt that young Alvin had the power to keep it whole.	В том, что Элвин способен помочь сохранить камень, сомневаться не приходилось.
"You can ride with us till sundown," Miller finally said. "By then we'll be close enough to home that you and Taleswapper can head back and spend the night in beds."	- Поедете с нами до заката, - наконец решил Миллер. - А там уже и до дома будет недалеко, так что вы со Сказителем сможете провести ночь в уютных кроватях.
"Fine with me," said Taleswapper.	- Я - за, - согласился Сказитель.
Alvin Junior plainly wasn't satisfied, but he didn't answer back.	Элвин-младший не испытывал особого восторга от решения отца, но ничего в ответ не возразил.

They got the sledge under way before noon.	В путь они двинулись незадолго до полудня.
Two horses in front and two behind, for stopping, were hitched to the stone itself.	Двух лошадей запрягли в жернов спереди, и двух - сзади, чтобы тормозить.
The stone rested on the wooden raft of the sledge, and the sledge rode atop seven or eight of the small rollers at a time.	Камень величественно возлежал на деревянных дровнях, а сами дровни - на семи или восьми шестах.
The sledge moved forward, passing over new rollers waiting in front.	Дровни двигались вперед, перекатываясь по шестам.

As the rollers emerged from the back, one of the boys immediately yanked the roller out from under the ropes hitched to the trailing team, raced to the front, and laid it in place directly behind the lead team.	Всякий раз, когда один из кольев выскакивал сзади, кто-нибудь из юношей выхватывал его из-под веревок, которыми были привязаны лошади, бежал вперед и снова подкладывал под дровни.
It meant that each man ran about five miles for every mile the stone traveled.	Это означало, что на каждую милю пути камня приходилось пробегать по пять миль.
Taleswapper tried to take his turn, but David, Calm, and Measure wouldn't hear of it.	Сказитель попытался было помочь, но Дэвид, Кальм и Мера ничего и слышать не захотели.

He ended up tending the trailing team, with Alvin perched atop one of the horses.	Кончилось все тем, что его поставили надзирать за двумя задними лошадьми, на спине одной из которых гордо восседал Элвин.
Miller drove the leading team, walking backward half the time to make sure he wasn't going too fast for the boys to keep up.	Миллер вел вперед первую пару лошадей, периодически оглядываясь, чтобы посмотреть, не быстро ли он тащит и успевают ли сыновья.
Hour after hour they went on.	Час за часом они шли вперед.

Miller offered to let them stop and rest, but they seemed not to tire, and Taleswapper was amazed to see how the rollers held up.	Миллер предложил остановиться и передохнуть, но юноши, казалось, не устали, да и колья, что подкладывали под дровни, к огромному изумлению Сказителя, еще держались.
Not a one split on a rock or from the sheer weight of the stone.	Ни один не расщепился о случайный булыжник на дороге или под весом жернова.
They got scuffed and dented, but that was about all.	Шесты слегка обтрепались да ободрались - и больше ничего.

And as the sun sank to about two fingers above the horizon, awash in the ruddy clouds of the western sky, Taleswapper recognized the meadow opening up before them.	Когда солнце зависло в двух пальцах от западного горизонта, полуутонув в пурпурных облаках, Сказитель вдруг узнал открывшийся перед ними луг.
They had made the whole journey in a single afternoon.	Весь путь они проделали за один день.
"I think I got the strongest brothers in the whole world," Alvin murmured.	- Иногда мне кажется, что у меня самые сильные братья на свете, - пробормотал Элвин.

I have no doubt of it, Taleswapper said silently. You who can cut a stone from the mountain without hands, because you "find" the right fractures in the rock, it's no surprise that your brothers find in themselves exactly as much strength as you believe they have.	"Не сомневаюсь, - согласился молча Сказитель. -Ты способен голыми руками отколоть от скалы огромный камень, якобы "следуя" тоненьким жилкам в граните; неудивительно, что в твоих братьях находится ровно столько силы, сколько ты в них видишь".
Taleswapper tried again, as he had tried so many times before, to puzzle out the nature of the hidden powers.	В который раз Сказитель попытался проникнуть в природу скрытых сил.

Surely there was some natural law that governed their use-Old Ben had always said so.	Наверняка ими управляют какие-то естественные законы - и старик Бен думал точно так же.
And yet here was this boy who, by mere belief and desire, could cut stone like butter and give strength to his brothers.	И вот перед ним стоит мальчик, который простой верой и желанием может резать камень, как масло, и вселять силу в братьев.
There was a theory that the hidden power came from friendship with a particular element, but which was it that could do all that Alvin did?	Существовала теория, что скрытая сила связана с какой-то определенной стихией, но какая стихия способна сотворить то, что сделал сегодня Элвин?
Earth?	Земля?

Air?	Воздух?
Fire?	Огонь?
Certainly not water, for Taleswapper knew that Miller's stories were all true.	Уж всяко не вода, ибо Сказитель знал, что рассказанное Миллером - правда.
Why was it that Alvin Junior could wish for something, and the earth itself would bend to his will, while others could long for things and never cause so much as a breeze to blow?	Тогда почему, стоит Элвину-младшему пожелать, и земля склоняется перед его волей, в то время как остальные целую жизнь тратят, а даже жалкого ветерка создать не могут?

They needed lanterns inside the millhouse by the time they rolled the stone through the doors.	Чтобы закатить жернов в мельницу, потребовалось бы зажечь лампы.
"Might as well lay it in place tonight," said Miller.	- Ничего, полежит ночку на улице, - пробурчал Миллер.
Taleswapper imagined the fears that ran through Miller's mind.	Сказитель подумал о страхах, которые терзали сейчас мельника.
If he left the stone upright, it would surely roll in the morning and crush a particular child as he innocently carried water up to the house.	Если он оставит жернов рядом с мельницей, то камень непременно скатится утром со склона и раздавит некоего мальчика, когда тот невинно понесет воду в дом.

Since the stone had miraculously come down from the mountain in a single day, it would be foolish to leave it anywhere but in its proper place, on the foundation of rammed earth and stone in the millhouse.	А поскольку жернов каким-то чудом спустили с каменоломен за один день, было бы глупо не положить его туда, где он и должен лежать, - на землю и щебень внутри мельницы.
They brought a team inside and hitched it to the stone, as they had when they lowered it on the sledge back by the quarry.	Они втащили камень внутрь, после чего запрягли лошадей так, как запрягали, когда укладывали камень на дровни.
The team would pull against the weight of the stone as they levered it downward onto the foundation.	Снова лошади будут придерживать его, постепенно опуская на основание.

At the moment, though, the stone was resting on built-up earth just outside the circle of foundation stones. Measure and Calm were working their lever poles under the outside edge of the stone, ready to pry it up and make it fall into place.	Но пока камень покоился на горке земли рядом с кругом щебня, Мера и Кальм просовывали под него шесты, чтобы приподнять и перетащить его на место.
The stone rocked a little as they worked.	Жернов тихонько покачивался из стороны в сторону.
David was holding the horses, since it would be a disaster if they pulled too soon and rocked the stone over the wrong way, to lie on its dress face in the plain dirt.	Дэвид держал лошадей, чтобы те не потянули слишком сильно и не перевернули камень, уложив его нарезкой в обыкновенную грязь.

Taleswapper stood aside, watching as Miller directed his sons with useless calls of	Сказитель стоял неподалеку, наблюдая, как Миллер руководит сыновьями ненужными
"Careful there" and	"Сейчас осторожней" и
"Steady now."	"Теперь потихоньку".
Alvin had been beside him ever since they brought the millstone inside.	С тех пор как они втянули камень внутрь мельницы, Сказитель старался придерживать Элвина рядом.
One of the horses got jumpy.	Одна из лошадей отчего-то вдруг заволновалась.
Miller reacted at once. "Calm, go help your brother with the horses!"	- Кальм, помоги брату управиться с лошадьми! -приказал Миллер.

Miller also took a step that way.	И сам сделал шаг к упряжке.
At that moment, Taleswapper realized that Alvin was not beside him, after all.	В эту секунду Сказитель осознал, что Элвин куда-то подевался.
He was carrying a broom, walking briskly toward the millstone.	Мальчик тащил метлу, быстро приближаясь к жернову.
Perhaps he had seen some loose stones lying on the foundation; he had to sweep them away, didn't he?	Может быть, он заметил горку камней в основании и решил разровнять ее.
The horses backed up; the lines went slack.	Лошади шарахнулись назад; веревки ослабли.

Taleswapper realized, just as Alvin got behind the stone, that with ropes so slack there'd be nothing to keep the stone from falling all the way over, if it should fall at just this, moment.	Увидев, что Элвин скрылся за камнем, Сказитель понял: теперь, когда веревки не натянуты, ничто не удержит жернов, если тот вдруг решит перевернуться.
Surely it would not fall, in a reasonable world.	В мире, где действуют физические законы, он никогда бы не перевернулся.

But Taleswapper knew by now that it was not a reasonable world at all.	Но за сегодняшний день Сказитель успел убедиться, что в этом мире не действуют никакие законы.

Alvin Junior had a powerful, invisible enemy, and it would not miss such a chance as this.	У Элвина-младшего был могучий невидимый враг, который ни за что не упустит такой удобной возможности.
Taleswapper bounded forward.	Сказитель рванулся вперед.
Just as he came level with the stone, he felt a lurching in the earth under his feet, a collapse of the firm dirt.	И, поравнявшись с камнем, почувствовал, как твердая земля под его ногами чуть-чуть просела.

Not much, just a few inches, but it was enough to let the inside lip of the millstone fall that much, which rocked the top of the great wheel more than two feet, and so quickly that the momentum could not be stopped.	Ненамно- го, всего на несколько дюймов, но этого вполне хватило, чтобы нижний край камня подался вперед, а верхняя часть разом переместилась фута на два - это произошло так быстро, что падение было не остановить.
The millstone would fall all the way down, right into its proper place on the foundation, with Alvin Junior underneath, ground like grain under the stone.	Жернов должен был упасть прямо на основание, похоронив под собой Элвина-младшего, растерев его в пыль, как зерно.

With a shout, Taleswapper caught hold of Alvin's arm and yanked him back, away from the stone.	С громким криком Сказитель ухватил Элвина за руку и рванул мальчишку назад, вытаскивая из-под камня.
Only then did Alvin see the great stone falling upon him.	Только тогда Элвин заметил громаду, падающую на него.
Taleswapper had enough force in his movement to carry the boy several feet back, but it was not quite enough.	Сказителю достало силы, чтобы протащить мальчика несколько футов - и все же этого оказалось мало.
The boy's legs still lay in the stone's shadow.	Ноги Элвина по-прежнему лежали в надвигающейся тени жернова.

It was falling fast now, too fast for Taleswapper to respond, to do anything but watch it crush Alvin's legs.	Теперь камень падал быстрее, куда быстрее, и Сказитель не успевал ничего сделать.
He knew that such an injury was the same as death, except that it would take longer.	Он мог лишь смотреть, как огромный вес перемалывает ноги Элвина.
He had failed. In that moment, though, as he watched the stone in its murderous fall, he saw a crack appear in the stone and, in less than an instant, it became a clean split right through the stone.	Он знал: остаться без ног равносильно смерти, правда, конец наступает несколько позднее. Он ошибся и не успел. Вдруг на его глазах по неотвратимо падающему камню пробежала глубокая трещина, а меньше чем через мгновение жернов начал трескаться пополам.

The two halves leapt apart from each other, each with such a movement that it would fall beside Alvin's leg, not touching him.	Вместо целого камня падали две половинки, и каждая двигалась по плавной дуге, так что обломки должны были опуститься на землю по обе стороны от ног Элвина, не коснувшись его.
No sooner had Taleswapper seen lantern light through the middle of the stone than Alvin himself cried,	Но одновременно с тем, как сквозь твердь жернова пробился лучик света от лампы, Элвин отчаянно закричал:
"No!"	- Нет!

To anyone else, it would seem the boy was shouting at the fall of the stone, at his impending death.	Всем остальным могло показаться, что мальчик кричит, испугавшись камня, который нес несомненную смерть.

But to Taleswapper, lying on the ground beside the boy, with the light of the lantern dazzling through the split in the millstone, the cry meant something else altogether.	Но Сказитель, который лежал на земле рядом с Элвином и ясно видел лампу, ослепительно сияющую сквозь трещину в жернове, воспринял этот крик несколько иначе.
Heedless of his own danger, as children usually are, Alvin was crying out against the breaking of the millstone.	Позабыв о нависшей опасности, как это свойственно детям, Элвин кричал, протестуя против того, чтобы жернов разламывался.
After all his work, and the labors in bringing the stone home, he could not bear to see it breaking.	Он столько трудился над камнем, столько сил ушло, чтобы привезти его сюда, - Элвин не мог вынести, что жернов вот-вот превратится в ненужные осколки.

And because he could not bear it, it did not happen.	Все произошло согласно его желаниям.
The halves of the stone jumped back together like a needle umping at a magnet, and the stone fell in one piece.	Половинки камня немедля прыгнули обратно навстречу друг другу, как иголка прыгает к магниту, и жернов вновь стал целым.
The shadow of the stone had exaggerated its footprint on the ground.	Громадная вытянувшаяся тень покрыла следы Элвина.
It did not crush both Alvin's legs.	На самом деле только одна, правая нога Элвина попала под камень.

His left leg, in fact, was completely clear of the stone, tucked up under him as it was.	Его левая нога, подвернувшись, оказалась вне досягаемости.
The right leg, however, lay so that the rim of the stone overlapped his shin by two inches at the widest point.	А вот правая легла так, что жернов захватывал по меньшей мере два дюйма голени.
Since Alvin was still pulling his legs away, the blow from the stone pushed it further in the direction it was already going.	Поскольку Элвин продолжал подтягивать ногу к себе, падающая громада, защемив, протолкнула ее немного вперед.

It peeled off all the skin and muscle, right down to the bone, but it did not catch the leg directly when it came to rest.	Она содрала огромный кусок кожи и мускулов, дойдя до самой кости, но всю ногу не отняла.
The leg might not even have broken, had the broom not been lying crosswise under it.	Дело обошлось бы одной раной, если б не метла, попавшая под ногу.
The stone drove Alvin's leg downward against the broom handle, just hard enough to snap both bones of the lower leg clean in half.	Камню, прижавшему голень Элвина к лежащей на земле метле, было достаточно легкого нажатия, чтобы переломать нижнюю кость ноги на две ровные половинки.

The sharp edges of the bone broke the skin and came to rest like two sides of a vise, gripping the broom handle.	Острые концы кости прорвали кожу и одновременно вышли сразу с двух сторон, словно тисками зажав палку метлы.
But the leg was not under the millstone, and the bones were broken cleanly, not ground to dust under the rock.	И все же нога не осталась похороненной под жерновом, а перелом был чистым, кости не растерлись в ничто, попав под вес камня.

The air was filled with the crash of stone on stone, the great-throated shouts of men surprised by grief, and above all the piercing cry of agony from one boy who was never so young and frail as now.	Воздух был наполнен треском камней, отчаянными криками мужчин, но весь шум легко перекрыл пронзительный, страдальческий крик маленького мальчика, который никогда не был так юн и хрупок, как в эту минуту.
By the time anyone else could get there, Taleswapper had seen that both Alvin's legs were free of the stone.	Сказитель, поскольку находился ближе всех, первым заметил, что камень не захватил ног Элвина.
Alvin tried to sit up and look at his injury.	Элвин попытался сесть и взглянуть на рану.
Either the sight or the pain of it was too much for him, and he fainted.	То ли вид, то ли боль от нее окончательно сломили его, и он потерял сознание.

Alvin's father reached him then; he had not been nearest, but he had moved faster than Alvin's brothers.	Тут же его подхватили сильные руки отца -Миллер, стоявший дальше всех от места происшествия, двигался куда быстрее братьев Элвина.
Taleswapper tried to reassure him, for with the bones gripping the broom handle, the leg did not look broken.	Сказитель попытался ободрить его, сказав, что, хоть кости и вышли наружу, перелом не опасен.
Miller lifted his son, but the leg would not come, and even unconscious the pain wrung a cruel moan from the boy.	Миллер поднял сына, но нога не поддалась, и боль была настолько ужасна, что Элвин бессознательно вскрикнул. Взяв себя в руки.
It was Measure who steeled himself to pull on the leg and free it from the broom handle.	Мера опустился на колени и, надавив на ногу мальчика, освободил ее от метлы.

David already held a lantern, and as Miller carried the boy, David ran alongside, lighting the way.	Дэвид сжимал в руках ярко горящую лампу. Шагнув за порог, Миллер понес мальчика к дому, а Дэвид бежал рядом, освещая путь.
Measure and Calm would have followed, but Taleswapper called to them.	Мера и Кальм было ринулись следом, но их окликнул Сказитель:
"The womenfolk are there, and David, and your father," he said. "Someone needs to see to all this."	- В доме есть женщины, туда пошли Дэвид и ваш отец, - сказал он. - Но кому-то надо прибраться в мельнице.
"You're right," said Calm. "Father won't be eager to come down here soon."	- Ты прав, - кивнул Кальм. - Вряд ли в ближайшее время отец здесь появится.

The young men used levers to raise the stone enough that Taleswapper could pull out the broom handle and the ropes that were still tied to the horses.	При помощи шестов юноши немного приподняли жернов, чтобы Сказитель мог вытащить метлу и освободить веревки, привязанные к лошадям.
The three of them cleared all the equipment out of the millhouse, then stabled the horses and put away the tools and supplies.	Втроем они навели порядок внутри, поставили лошадей в конюшню и забрали из повозки инструмент и прочие вещи.
Only then did Taleswapper return to the house to find that Alvin Junior was sleeping in Taleswapper's bed.	Только после этого Сказитель вернулся в дом. Элвин к тому времени забылся сном в постели Сказителя.

"I hope you don't mind," said Anne anxiously.	- Мы подумали, ты не станешь возражать, - с беспокойством объяснила Энн.
"Of course not," said Taleswapper.	- Конечно, нет, - ответил Сказитель.

The other girls and Cally were clearing away the supper dishes.	Остальные девочки и Кэлли мыли тарелки, оставшиеся после ужина.
In the room that had been Taleswapper's, Faith and Miller, both ashen and tight-lipped, sat beside the bed, where Alvin lay with his leg splinted and bandaged.	В комнате, в которой раньше спал Сказитель, поджав губы, сидели пепельно-серые Вера и Миллер. На кровати лежал Элвин, нога его была туго перебинтована.

David stood near the door. "It was a clean break," he whispered to Taleswapper.	- Перелом оказался чистым, - шепотом объяснил Сказителю стоящий у дверей Дэвид. - Но рана... мы боимся заражения.
"But the cuts in the skin-we fear infection. He lost all the skin off the front of his shin.	Ему содрало всю кожу с передней части голени.
I don't know if bare bone like that can ever heal."	Там кость видна, даже не знаю, как теперь это заживет.
"Did you put the skin back?" asked Taleswapper.	- Вы приложили кожу обратно? - спросил Сказитель.
"Such as was left, we pressed into place, and Mother sewed it there."	- Ту, что осталась, мы прижали к ране, а мама пришила.

"That was well done," said Taleswapper.	- Все правильно, - кивнул Сказитель.
Faith lifted her head.	Вера подняла голову:
"Do you know aught of physicking, then, Taleswapper?"	- Стало быть, ты и во врачевании кое-что смыслишь, Сказитель?
"Such as a man learns after years trying to do what he can among those who know as little as he."	- Ровно столько, сколько смыслит человек, пытающийся делать, что в его силах, и живущий рядом с людьми, которые знают не больше его.
"How could this happen?" Miller said.	- Как могло так случиться? - произнес Миллер. -Почему?

"Why now, after so many other times that did him no injury?" He looked up at Taleswapper. "I had come to think the boy had a protector."	Ведь столько раз он мог пострадать, а оказывался жив-здоров. - Он поднял голову и поглядел на Сказителя. - А я начал подумывать, что мальчика и впрямь кто-то защищает.
"He has."	- Защищает.
"Then the protector failed him."	- Значит, защитник его подвел...
"It did not fail," said Taleswapper. "For a moment, as the stone fell, I saw it split, wide enough that it wouldn't have touched him."	- Защитник сделал, что мог, - возразил Сказитель.- Я лежал рядом и видел, как падающий камень на секунду треснул.
"Like the ridgebeam," whispered Faith.	Еще немного, и нога Элвина осталась бы целой.

"I thought I saw it too, Father," said David.	- Все в точности, как с той балкой, - прошептала Вера.
"But when it came down whole, I decided I must have seen what I wished for, and not what was."	- И мне показалось то же самое, отец, - встрял Дэвид. - Но когда жернов упал и я увидел, что он цел, решил, что мне просто привиделось то, чего я очень желал.
"There's no split in it now," said Miller.	- Сейчас в камне ни трещинки, - сказал Миллер.

"No," said Taleswapper. "Because Alvin Junior refused to let it split."	- Да, - кивнул Сказитель. - И это потому, что Элвин-младший так решил.
"Are you saying he knit it back together?	- Ты хочешь сказать, он восстановил жернов?

So it would strike him and wreck his leg?"	Дозволил, чтобы тот упал на него и повредил ногу?
"I'm saying he had no thought of his leg," said Taleswapper. "Only of the stone."	- Я хочу сказать, что в ту секунду он не думал о ноге, - поправил Сказитель. - Его мысли были заняты ломающимся жерновом.
"Oh, my boy, my good boy," murmured his mother, gently caressing the arm that extended thoughtlessly toward her.	- О мой мальчик, мой милый мальчик, -пробормотала мать, нежно баюкая руку, которая безвольно лежала на простынях.
As she moved his fingers, they limply bent as she pushed them, then sprang back.	Пальцы Элвина покорно сгибались, когда она на них нажимала, и тут же возвращались в прежнее положение.

"Is it possible?" asked David. "That the stone split and was made whole again, as quickly as that?"	- Возможно ли такое? - изумился Дэвид. - Чтобы камень треснул, а потом вдруг снова стал целым, и все за какое-то мгновение?
"It must be," said Taleswapper, "because it happened."	- Возможно, - ответил Сказитель. - Потому что это произошло.
Faith moved her son's fingers again, but this time they did not spring back.	Вера опять согнула пальцы своего сына, но на этот раз они не разогнулись.
They extended even further, then flexed into a fist, then extended flat again.	Наоборот, согнулись еще больше, сжались в кулак и уже потом тихонько распрямились.
"He's awake," said his father.	- Он проснулся, - заметил отец.

"I'll fetch some rum for the boy," said David. "To slack the pain.	- Пойду, поищу ему рому, - сказал Дэвид. - Это уймет боль.
Armor'll have some in his store."	Вроде бы у Армора в лавке завалялась пара бутылок.
"No," murmured Alvin.	- Нет, - прошептал Элвин.
"The boy says no," said Taleswapper.	- Мальчик говорит "нет", - промолвил Сказитель.
"What does he know, in pain as he is?"	- Да что он понимает, боль, наверное, адская...

"He has to keep his wits about him, if he can," said Taleswapper. He knelt by the bed, just to the right of Faith, so he was even nearer to the boy's face. "Alvin, do you hear me?"	- Он должен сохранить разум, - пояснил Сказитель, вставая на колени перед кроватью, справа от Веры, и наклоняясь над мальчиком. -Элвин, ты слышишь меня?
Alvin groaned.	Элвин застонал.
It must have meant yes.	Вероятно, это означало "да".
"Then listen to me.	- Тогда слушай внимательно.
Your leg is very badly hurt.	Твоя нога очень сильно повреждена.
The bones are broken, but they've been set in place-they'll heal well enough.	Кости сломаны, но их поставили на место - прекрасно заживут сами.

But the skin was torn away, and even though your mother has sewn it back in place, there's a good chance the skin will die and take gangrene, and kill you.	Но содрана вся кожа, и хоть твоя мать пришила ее обратно, существует вероятность, что она отомрет, а следовательно, начнется гангрена, которая убьет тебя.
Most surgeons would cut off your leg to save your life."	Большинство хирургов отрезали бы ногу целиком, чтобы спасти тебе жизнь.
Alvin tossed his head back and forth, trying to shout.	Элвин замотал головой по подушке, отчаянно пытаясь кричать.
It came out as a moan:	Но с губ его сорвался лишь негромкий стон:
"No, no, no."	- Нет, нет, нет!

"You're making things worse!" Faith said angrily.	- Своими разговорами ты только бередишь его! -сердито рявкнула Вера.
Taleswapper looked at the father for permission to go on.	Сказитель посмотрел на отца, как бы спрашивая разрешения продолжать.
"Don't torment the boy," said Miller.	- Не пытай мальчика, - сказал Миллер.
"There's a proverb,",said Taleswapper. "The apple tree never asks the beech how he shall grow, nor the lion the horse, how he shall take his prey."	- Есть одно присловие, - вспомнил Сказитель. - Не учит яблоня бука, как цвести, ни лев - коня, как жертву загонять.
"What does that mean?" asked Faith.	- И что это означает? - спросила Вера.

"It means that I have no business trying to teach him how to use powers that I can't begin to understand.	- Это означает, что не мое дело учить его использовать силы, которые выше моего понимания.
But since he doesn't know how to do it himself, I'll have to try, won't I?"	Но поскольку он сам ничего не умеет, я должен попробовать. Вы разрешаете?
Miller pondered a moment.	Миллер на секунду задумался.
"Go ahead, Taleswapper.	- Давай, Сказитель.
Better for him to know how bad it is, whether he can heal himself or not."	Уж лучше пусть сразу узнает, что дела плохи, а исцелится он или нет - посмотрим.
Taleswapper held the boy's hand gently between his own.	Сказитель нежно зажал ручку мальчика в пальцах.

"Alvin, you want to keep your leg, don't you?	- Элвин, ты же не хочешь лишиться ноги, правда?
Then you have to think of it the way you thought of the stone.	Тогда подумай о ней, как ты думал о камне.
You have to think of the skin of your leg, growing back, attaching to the bone as it should.	Ты должен представить, что кожа на ноге снова нарастает и вновь крепится к кости, как было.
You have to study it out.	Ты должен научиться.
You'll have plenty of time for it, lying here.	Времени у тебя много, все равно лежишь.
Don't think about the pain, think about the leg as it should be, whole and strong again."	Не думай о боли, думай о том, какой должна стать твоя нога. Она должна опять стать здоровой и сильной.

Alvin lay there, squinting his eyes closed against the pain.	Элвин, сжимая веки, боролся с наступающей болью.

"Are you doing that, Alvin?	- Ты сделаешь это, Элвин?
Can you try?"	Сможешь попробовать?
"No," said Alvin.	- Нет, - выдавил Элвин.
"You have to fight against the pain, so you can use your own knack to make things right."	- Ты должен бороться с болью, чтобы воспользоваться своим даром возвращать целостность.
"I never will," said Alvin.	- Не буду, - прошептал Элвин.
"Why not!" cried Faith.	- Почему?! - воскликнула Вера.

"The Shining Man," said Alvin. "I promised him."	- Сияющий Человек, - еле-еле ответил Элвин. - Я обещал ему.
Taleswapper remembered Alvin's oath to the Shining Man, and his heart sank.	Сказитель вспомнил, какую клятву принес Элвин Сияющему Человеку, и сердце его опустилось.
"What's the Shining Man?" asked Miller.	- Что еще за Сияющий Человек? - спросил Миллер.
"A-visitation he had, when he was little," said Taleswapper.	- Э-э... видение, которое явилось к нему в раннем детстве, - раскрыл тайну Сказитель.
"How come we never heard of this afore now?" Miller asked.	- А почему мы об этом никогда прежде не слышали? - удивился Миллер.

"It was the night the ridgebeam split," said Taleswapper. "Alvin promised the Shining Man that he'd never use his power for his own benefit."	- Это случилось вечером того дня, когда на Элвина упала балка, - ответил Сказитель. - Элвин пообещал Сияющему Человеку, что никогда не воспользуется своим даром ради собственной выгоды.
"But Alvin," said Faith. "This isn't to make you rich or nothing, this is to save your life."	- Но, Элвин, - сказала Вера, - это ж не ради того, чтоб разбогатеть. Ты спасаешь себе жизнь.
The boy only winced against the pain and shook his head.	Мальчик поморщился, борясь с очередным приступом боли, и помотал головой.

"Will you leave me with him?" said Taleswapper. "Just for a few minutes, so I can talk to him?"	- Пожалуйста, оставьте нас наедине, - попросил Сказитель. - На пару минут, чтобы я мог перемолвиться с мальчиком.
Miller was rushing Faith out the door of the room before Taleswapper even finished his sentence.	Не успел Сказитель договорить, как Миллер уже вытолкал из комнаты Веру и Дэвида и вышел сам.
"Alvin," said Taleswapper. "You must listen to me, listen carefully.	- Элвин, - произнес Сказитель. - Ты должен выслушать меня, выслушать внимательно.
You know I won't lie to you.	Ты знаешь, я не стану лгать тебе.

An oath is a terrible thing, and I'd never counsel a man to break his word, even to save his own life.	Клятва - ужасная вещь, и я бы никогда не посоветовал человеку отступиться от данного слова, даже ради спасения жизни.
So I won't tell you to use your power for your own good.	Поэтому я не буду убеждать тебя использовать силу себе на благо.
Do you hear me?"	Ты слышишь меня?
Alvin nodded.	Элвин кивнул.
"Just think, though.	- Но сам подумай.

Think of the Unmaker going through the world.	Вспомни Разрушителя, идущего по миру.
Nobody sees him as he does his work, as he tears down and destroys things.	Никто не видит его, а он тем временем делает свое дело, разрушает и уничтожает.

Nobody but one solitary boy.	И никто не способен справиться с ним, кроме одного маленького мальчика.
Who is that boy, Alvin?"	Кто этот мальчик, Элвин?
Alvin's lips formed the word, though no sound came out.	Губы Элвина чуть-чуть двинулись, как бы произнося слово, хотя не раздалось ни звука:
Me.	"Я".
"And that boy has been given a power that he can't even begin to understand.	- И этому мальчику была дана сила, которую он сам понять не может.
The power to build against the enemy's unbuilding.	Сила создавать, препятствуя врагу.

And more than that, Alvin, the desire to build as well.	Больше того, Элвин, ему было дано желание создавать.
A boy who answers every glimpse of the Unmaker with a bit of making.	На каждый шаг Рассоздателя мальчик отвечает маленьким творением.
Now, tell me, Alvin, those who help the Unmaker, are they the friend or the enemy of mankind?"	А теперь скажи мне, Элвин, те, кто помогает Рассоздателю, - враги они или друзья человечеству?
Enemy, said Alvin's lips.	- Враги, - беззвучно прошептали губы Элвина.
"So if you help the Unmaker destroy his most dangerous foe, you're an enemy of mankind, aren't you?"	- Стало быть, раз ты помогаешь Рассоздателю уничтожить его самого опасного противника, ты -враг всему живому.

Anguish wrung sound from the boy.	Мальчик издал страдальческий стон.
"You're twisting it," he said.	- Ты все переиначиваешь, - сказал Элвин.
"I'm straightening it," said Taleswapper. "Your oath was never to use your power for your own benefit.	- Наоборот, я разъясняю, - ответил Сказитель. -Ты дал клятву никогда не использовать дар на собственное благо.
But if you die, only the Unmaker benefits, and if you live, if that leg is healed, then that's for the good of all mankind.	Но от твоей смерти выиграет один Рассоздатель, а если же ты выживешь, если нога заживет, все человечество ощутит добро, сделанное тобой.
No, Alvin, it's for the good of the world and all that's in it."	Нет, Элвин, ты излечишь себя ради нашего мира, вот в чем дело.

Alvin whimpered, more against the pain in his mind than the pain in his body.	Элвин заплакал - сейчас ему куда большую боль причиняли страдания души, нежели боль тела.
"But your oath was clear, wasn't it?	- Ты дал клятву.
Never to your own benefit.	Никогда не пользоваться даром ради собственной выгоды.
So why not satisfy one oath with another, Alvin?	Так почему бы не принести еще одну клятву, Элвин?
Take an oath now, that you will devote your whole life to building up against the Unmaker.	Поклянись, что посвятишь всю свою жизнь борьбе с Разрушителем.

If you keep that oath-and you will, Alvin, you're a boy who keeps his word- if you keep that oath, then saving your own life is truly for the benefit of others, and not for your private good at all."	И если ты выполнишь эту клятву - а ты ее выполнишь, Элвин, потому что умеешь держать слово, - если ты ее сдержишь, значит, спасение собственной жизни пойдет на благо других людей.
Taleswapper waited, waited, until at last Alvin nodded slightly.	Сказитель стал ждать. Прошло довольно много времени, прежде чем Элвин наконец еле заметно кивнул.

"Do you take an oath, Alvin Junior, that you will live your life to defeat the Unmaker, to make things whole and good and right?"	- Клянешься ли ты, Элвин-младший, посвятить жизнь борьбе с Рассоздателем, будешь ли творить только добро и справедливость, восстанавливая наш мир?
"Yes," whispered the boy.	- Да, - прошептал мальчик.
"Then I tell you, by the terms of your own promise, you must heal yourself."	- Тогда, чтобы исполнить данную тобой клятву, ты должен исцелить себя.
Alvin gripped Taleswapper's arm.	Элвин схватил Сказителя за руку.
"How," he whispered.	- Но как? - спросил он.

"That I don't know, boy," said Taleswapper. "How to use your power, you have to find that out inside yourself.	- Этого я не знаю, малыш, - покачал головой Сказитель. - Секрет владения силой ты должен найти внутри себя.
I can only tell you that you must try, or the enemy has his victory, and I'll have to end your tale with your body being lowered into a grave."	Я могу лишь посоветовать не отступать до последнего, иначе враг одержит победу, и мне придется закончить историю на том, как тело твое опустили в могилу.
To Taleswapper's surprise, Alvin smiled.	К удивлению Сказителя, Элвин улыбнулся.
Then Taleswapper understood the joke.	Затем Сказитель понял смысл шутки.

His tale would end with the grave no matter what he did today.	Его история так и так закончится на кладбище, что бы сегодня ни произошло.
"Right enough, boy," said Taleswapper. "But I'd rather have a few more pages about you before I put finis to the Book of Alvin."	- Да, ты прав, малыш, - согласился Сказитель. - Но мне хотелось бы написать еще пару-другую страниц в Книге Элвина, прежде чем поставить последнюю точку.
"I'll try," whispered Alvin.	- Я постараюсь, - прошептал Элвин.
If he tried, then surely he would succeed.	Если он постарается, то практически наверняка достигнет успеха.

Alvin's protector had not brought him this far only to let him die.	Неведомый защитник-покровитель не для того охранял Элвина десять лет, чтобы позволить ему так просто умереть.
Taleswapper had no doubt that Alvin had the power to heal himself, if he could only figure out the way.	Сказитель не сомневался: Элвину достанет сил излечить себя - главное, чтобы он нашел способ, как это сделать.
His own body was far more complicated than the stone.	Его тело было сложнее обыкновенной скалы.
But if he was to live, he had to learn the pathways of his own flesh, bind the fissures in the bones.	Но чтобы выжить, он должен узнать тропки собственной плоти, зарастить трещины в костях.

They made a bed for Taleswapper out in the great room.	Кровать Сказителю устроили в большой комнате.
He offered to sleep on the floor beside Alvin's bed, but Miller shook his head and answered,	Он было предложил лечь спать на полу у кровати Элвина, но Миллер покачал головой и ответил:
"That's my place."	- Это мое место.
Taleswapper found it hard to sleep, though.	Сказитель долго крутился с боку на бок, но сон не шел.
It was the middle of the night when he finally gave up, lit a lantern with a match from the fire, bundled on his coat, and went outside.	Посреди ночи он наконец не выдержал, зажег лампу лучиной из очага, накинул куртку и вышел на улицу.
The wind was brisk.	Ветер яростно набросился на него.

There was a storm coming, and from the smell in the air, it would be snow.	Надвигалась буря и, судя по запаху, витавшему в воздухе, несла снег.
The animals were restless in the big barn.	В большом сарае беспокойно перекликались животные.
It occurred to Taleswapper that he might not be alone outside tonight.	Сказитель вдруг подумал, что, может быть, не он один гуляет сегодня ночью.
There might be Reds in the shadows, or even wandering among the buildings of the farm, watching him.	В тенях могли затаиться краснокожие, могли бродить среди пристроек фермы, следя за ним.
He shuddered once, then shrugged off the fear.	Он вздрогнул и усилием воли прогнал страх.

It was too cold a night.	Слишком холодно сегодня.
Even the most bloodthirsty, White-hating Choc-Taws or Cree-Eks spying from the south were too smart to be outside with such a storm coming.	Даже самые кровожадные, больше всех ненавидящие бледнолицых чоктавы и крики, живущие на юге, не такие дураки, чтобы бродить по лесу, когда вот-вот разразится буря.
Soon the snow would fall, the first of the season, but it would be no slight trace.	Вскоре с неба повалит снег, первый за эту осень, но быстро он не стает.

It would snow all day tomorrow, Taleswapper could feel it, for the air behind the storm would be even colder than this, cold enough for the snow to be fluffy and dry, the kind of snow that piled deeper and deeper, hour after hour.	Сказитель чувствовал: снежить будет весь завтрашний день, потому что воздух, идущий за бурей, был еще холоднее. Снежинки будут пушистыми и сухими, такой снегопад длится час за часом, все выше громоздя сугробы.
If Alvin had not hurried them home with the millstone in a single day, they would have been trying to sledge the stone home in the midst of the snowfall.	Если бы Элвин не поторопил их, настояв доставить жернов за один день, им пришлось бы тащить камень сквозь пургу.
It would have become slippery.	Пробираясь через грязь и слякоть.

Something even worse might have happened.	И переломанной ногой дело бы не обошлось.
Taleswapper found himself in the millhouse, looking at the stone.	Сказитель сам не заметил, как добрел до мельницы.
It was so solid-looking, it was hard to imagine anyone ever moving it.	Он очнулся от раздумий, стоя у жернова.

He touched the face of it again, being careful not to cut himself.	Камень казался неимоверно огромным, даже невозможно было представить, что кто-то смог поднять его. Сказитель снова дотронулся до верхней части жернова, осторожно, чтобы не порезаться.

His fingers brushed over the shallow dress cuts, where flour would collect when the great water wheel turned the shaft and made the grindstone roll around and around atop the millstone, as steadily as the Earth rolled around and around the sun, year after year, turning time into dust as surely as the mill turned grain into flour.	Пальцы пробежались по глубоким нарезкам-желобам, в которых будет скапливаться мука, когда большое водяное колесо закрутится и стронет с места малый жернов. Так же степенно крутится Земля вокруг Солнца, год за годом, перемалывая время в пыль, как мельница превращает зерно в муку.

He glanced down, to the place where the earth had given way slightly under the millstone, tipping it and nearly killing the boy.	Он внимательно осмотрел пол, там, где земля подалась под весом жернова, заставив его перевернуться и чуть не убив мальчика.
The bottom of the depression glistened in the lantern light.	Дно выемки поблескивало в свете лампы.
Taleswapper knelt and dipped his finger into a half-inch of water.	Сказитель сел на корточки и дотронулся до блестящей поверхности пальцем: с полдюйма воды.
It must have collected there, weakening the ground, carrying away the soil.	Она, должно быть, давно собралась под землей, подмыв ее изнутри.

Not so that it would ever be visibly moist.	Так, чтобы сверху ничего не было видно.
Just enough that when great weight was placed on it, it would give way.	Чтобы немедленно провалиться, когда что-нибудь большое попробуют прокатить по мельнице.
Ah, Unmaker, thought Taleswapper, show yourself to me, and I'll build such a building that you'll be trussed up and held captive forever.	"Ага, Рассоздатель собственной персоной, -подумал Сказитель. - Наконец-то ты проявился, но я построю вокруг тебя крепкие стены, и ты никогда не выберешься из своей тюрьмы".
But try as he might, he could not make his eyes see the trembling air that had shown itself to Alvin Miller's seventh son.	Но, как странник ни напрягал зрение, он так и не увидел дрожащего воздуха, о котором упоминал седьмой сын Элвина Миллера.

Finally Taleswapper took up the lantern and left the millhouse.	В конце концов Сказитель поднял с полу лампу и покинул мельницу.
The first flakes were falling.	С неба падали первые снежинки.
The wind had almost died.	Ветер почти утих.
The snow came faster and faster, dancing in the light of his lantern.	За какие-то секунды снегопад усилился настолько, что в свете лампы затанцевали целые рои снежинок.
By the time he reached the house, the ground was grey with snow, the forest invisible in the distance.	К тому времени, как Сказитель добрался до дома, землю покрыл серый налет снега, а лес совсем исчез за снежным покрывалом.

He went inside the house, lay down on the floor without removing even his boots, and fell asleep.	Странник зашел в дом, не снимая ботинок, упал на свое ложе у очага и быстро заснул.
Chapter Twelve-Book	12. Книга

They kept a three-log fire, night and day, so the stones of the wall seemed to glow with heat, and the air in his room was dry.	В очаге день и ночь полыхал огонь, и камни настолько раскалились, что светились от жара; воздух в комнате Элвина был сух и горяч.

Alvin lay unmoving on his bed, his right leg heavy with splints and bandages, pressing into the bed like an anchor, the rest of his body afloat, adrift, pitching and rolling and yawing.	Мальчик без движения лежал на постели, правая нога, обмотанная тяжелыми бинтами, словно якорь, приковывала его к постели. Остальное тело казалось невесомым, оно плавало, ныряло, перекатывалось, ныло.
He was dizzy, and a little sick.	Голова кружилась.
But he hardly noticed the weight of his leg, or the dizziness.	Но ни веса ноги, ни головокружения Элвин не замечал.
The pain was his enemy, throbs and stabs of it taking his mind away from the task that Taleswapper had set him: to heal himself.	Его врагом была боль, постоянные приступы мешали сосредоточиться на задаче, поставленной перед ним Сказителем: излечить себя.

Yet the pain was his friend, too.	И в то же самое время боль была ему другом.
It built a wall around him so he scarce knew he was in a house, in a roof, on a bed.	Она возвела вокруг него настолько высокие стены, что он даже не осознавал, где находится, -лишь краем разума он продолжал отмечать, что лежит в каком-то доме, в какой-то комнате, в какой-то постели.
The outside world could burn up and turn to ash and he'd never notice it.	Внешний мир мог гореть ярким пламенем, рассыпаться в прах - он бы этого не заметил.
It was the world inside that he was exploring now.	Сейчас Элвин исследовал внутренний мир.
Taleswapper didn't know half what he was talking about.	Сказитель и половины не знал из того, о чем говорил.

It wasn't a matter of making pictures in his mind.	Нарисовать в уме картинку - мало.
His leg wouldn't get better from just pretending it was all healed up.	Его нога не излечится, если он притворится, будто бы с ней все нормально.
But Taleswapper still had the right idea.	И все же Сказитель подкинул ему одну верную мысль.
If Alvin could feel his way through the rock, could find the weak and strong places and teach them where to break and where to hold firm, why couldn't he do it with skin and bone?	Если Элвин умел чувствовать сквозь скалу, мог находить в камне слабые и сильные стороны и учить его, где ломаться, а где держаться крепко, то почему бы ему не проделать то же самое с кожей и костью?

Trouble was, skin and bone was all mixed up.	Сложность заключалась в том, что кость и кожа были неотделимы друг от друга.
The rock was pretty much the same thing through and through, but the skin changed with every layer, and it wasn't no easy trick figuring where everything went.	Скала отдаленно напоминала человеческое тело, но кожа слой за слоем менялась, поэтому разобраться, что откуда, оказалось вовсе не легко.
He lay there with his eyes closed, looking into his own flesh for the first time.	Он лежал с закрытыми глазами и впервые в жизни заглядывал в собственную плоть.

At first he tried following the pain, but that didn't get nowhere, just led him to where everything was mashed and cut and messed up so he couldn't tell up from down.	Сначала он пытался следовать за болью, но эта тропа никуда его не привела, он добрался лишь до места, где все было разрублено, раздавлено и перемешано - верх от низа не отличить.

After a long while he tried a different tack.	Спустя некоторое время он предпринял другую попытку.
He listened to his heart beating.	Он прислушался к биению сердца.
At first the pain kept tearing him away, but after a while he closed in on that sound.	Сначала отвлекала боль, но вскоре он полностью замкнулся на мерном стуке.

If there was noise in the world outside he didn't know about it, because the pain shut all that out.	Если что-то и происходило в окружающем мире, он не знал этого, потому что боль отсекла все звуки.
And the rhythm of the heartbeat, that shut out the pain, or mostly, anyway.	А ритм ударов сердца заслонил собой боль - не полностью, но большей частью.
He followed the tracks of his blood, the big strong stream, the little streams.	Элвин пустился в путь по венам, следуя широкими, сильными потоками, затем ручейками.
Sometimes he got lost.	Несколько раз он сбивался с дороги.

Sometimes a stab from his leg just broke in and demanded to be heard.	Иногда в сознание врывался особо сильный укол боли в ноге и требовал внимания.
But by and by he found his way to healthy skin and bone in the other leg.	Но постепенно, начиная снова и снова, он нашел тропку, ведущую к здоровой коже и кости левой ноги.
The blood wasn't half so strong there, but it led him where he wanted to go.	Там кровь неслась не так стремительно и вскоре привела его туда, куда нужно.
He found all the layers, like the skin of an onion.	Он рассмотрел слои кожи, напомнившие ему луковицу.

He learned their order, saw how the muscle was tied together, how the tiny veins linked up, how the skin stretched taut and bonded tight.	Он изучил и запомнил их порядок, узнал, как связываются друг с другом мускулы, как крепятся крошечные вены, как вытягивается и облегает кость кожа.
Only then did he find his way to the bad leg.	После этого он снова пробрался в больную ногу.
The patch of skin Mama sewed on was pretty much dead, just turning to rot.	Лоскут кожи, который пришила мама, большей частью отмер, начав загнивать.
Alvin Junior knew what it needed, though, if any part of it was to live.	Однако Элвин-младший уже знал, как можно спасти его - не весь, но хотя бы часть.

He found the mashed-off ends of the arteries around the wound, and began to urge them to grow, just the way he made cracks travel through stone.	Он нащупал раздавленные концы артерий вокруг раны и начал принуждать их срастись, точно так же, как когда-то проделывал трещинки в скале.
The stone was easy, compared to this- to make a crack, it just had to let go, that's all.	С камнем, впрочем, было неизмеримо легче: чтобы создать трещинку, нужно было чуть-чуть поднажать, вот и все.
The living flesh was slower to do what he wanted, and pretty soon he gave up on all but the strongest artery.	С живой плотью дело шло медленнее, чем ему бы хотелось, поэтому он отказался от попыток залечить все разом и сосредоточился на одной, основной артерии.

He began to see how it was using bits and pieces of this and that to build with.	Он стал изучать, каким образом она использует кусочки того, кусочки сего, как и чем восстанавливается.

A lot was happening that was far too small and fast and complicated for Alvin to get hold of with his mind.	Большей частью происходящее было слишком сложно для восприятия Элвина.
But he could get his body to free up what the artery needed in order to grow.	Миниатюрные комочки стремительно сновали то туда, то сюда.
He could send it where it was needed, and after a while the artery linked up with the rotted tissue.	Однако он сумел заставить тело освободиться от оков и позволить артерии зарасти самой.

It took some doing, but he finally found the end of a shriveled artery and linked them up, and sent the blood flowing into the sewn-on patch.	Он посылал ей все необходимое, и довольно скоро она приросла к загнившей коже. Потратив немножко времени на поиски, он наконец обнаружил концы раздавленной артерии, совместил их и послал кровь по вновь возведенному мостику.
Too soon, too fast.	И поспешил.
He felt the heat on his leg from blood pouring out of the dead flesh at a dozen points; it couldn't hold in all the blood he sent.	Он почувствовал, как по ноге разлилось волной тепло - из-под мертвой кожи забил десяток фонтанчиков крови: артерия не сумела вместить всю кровь, которую он протолкнул.
Slow, slow, slow.	Медленнее, медленнее, медленнее.

He followed the blood, now seeping instead of pumping, and again linked up blood vessels, arteries to veins, trying to match it, as best he could, to the other leg.	Он проследовал за кровью, которая теперь сочилась, а не била, и заново принялся сращивать кровяные сосуды, артерии с венами, пытаясь следовать образцу, который видел в левой ноге.
Finally it was done, or well enough.	Наконец с этим было покончено - более или менее.
The normal flow of blood could be contained.	Кровь мерно текла по венам.
Many parts of the patch of skin came back to life as the blood returned.	С ее возвращением ожили частички кожи.
Other parts stayed dead.	Но часть лоскута все равно оставалась мертвой.

Alvin kept going around and around with the blood, stripping away the dead parts, breaking them up into bits and pieces too small for him to recognize.	Элвин кружил и кружил по своей ноге вместе с кровью, обрывая мертвые кусочки и разбивая их на мелкие части, которые и глазом не видно.
But the living parts recognized them well enough, took them up, put them to work.	Зато живая кожа сразу узнавала их, принимала и перестраивала.
Wherever Alvin explored, he made the flesh grow.	Там, где проходил Элвин, начинала расти здоровая плоть.
Until he was so weary in his mind from thinking so small and working so hard that he fell asleep in spite of himself.	В конце концов кропотливое складывание по частичкам настолько утомило его, что он сам не заметил, как заснул.

"I don't want to wake him."	- Я не хочу будить его.
"No way to change the bandage without touching it, Faith."	- Иначе бинты не сменить, Вера.
"All right, then-oh, be careful, Alvin!	- Ну, ладно, хорошо... ой, осторожнее ты, Элвин!
No, let me!"	Нет, дай лучше я!

"I've done this before-"	- Я не раз менял бинты...
"On cows, Alvin, not on little boys!"	- На коровах, Элвин, а не на маленьких мальчиках!
Alvin Junior felt pressure on his leg.	Элвин-младший почувствовал, как на ногу что-то надавило.
Something pulling at the skin there.	Что-то тянуло за кожу.

The pain wasn't as bad as yesterday.	Хотя было не так больно, как вчера.
But he was still too tired even to open his eyes.	Но он слишком устал, чтобы открыть глаза.
Even to make a sound to let them know he was awake, he could hear them.	Он не мог даже звука издать, чтобы дать понять родителям, что не спит, хотя отчетливо слышал их беседу.
"Good laws, Faith, he must have bled something awful in the night."	- Боже мой. Вера, у него ночью, наверное, кровотечение открылось.
"Mama, Mary says I have to-"	- Мама, Мэри говорит, я должен...
"Hush up and get on out of here, Cally!	- Тихо, Кэлли! Убирайся отсюда!
Can't you see your ma's worried about-"	Разве ты не видишь, что мама занята...

"No need to yell at the boy, Alvin.	- Не надо кричать на мальчика, Элвин.
He's only seven."	Ему всего семь лет.
"Seven's old enough to keep his mouth shut and leave grown-ups alone when we've got things to-look at that."	- Он достаточно вырос, чтобы научиться держать рот закрытым и не вмешиваться в дела взрослых... ты только посмотри.
"I can hardly believe it."	- Глазам своим не верю.
"I thought to see pus coming out like cream from a cow's tit."	- Я-то думал, гной сочится, как сливки из коровьего вымени...
"Clean as can be."	- А тут все чисто.
"And skin growing back, will you look at that?	- И кожа приросла, смотри, смотри!
Your sewing must've took."	Правильно ты сделала, что пришила ее.

"I hardly dared to hope that skin would live."	- Я и не надеялась, что она приживется.
"Can't even see no bone under there."	- Кости совсем не видно.
"The Lord is blessing us.	- Господь благословляет нас.
I prayed all night, Alvin, and look what God has done."	Я молилась всю ночь, Элвин, и посмотри, что сотворил Господь.
"Well, you should've prayed harder, then, and got it healed up tight.	- Ну, может, если бы ты молилась чуточку по-упорнее, он бы вообще всю рану залечил.
I need this boy for chores."	Тогда бы я отдал мальчика в церковный хор.
"Don't you get blasphemous with me, Alvin Miller."	- Не святотатствуй, Элвин Миллер.

"It just gripes me hollow, the way God always sneaks in to take the credit.	- Да нет, просто мне иногда бывает обидно при виде того, насколько ловко Г осподь умеет подвернуться под руку и присвоить чужую славу.

Maybe Alvin's just a good healer, you ever think of that?"	Может, Элвин сам себя залечил, ты об этом не подумала?
"Look, your nastiness is waking the boy."	- Посмотри, твои грязные речи разбудили малыша.
"See if he wants a drink of water."	- Спроси, не хочет ли он воды.
"He's getting one whether he wants it or not."	- Он ее выпьет, хочет или нет.
Alvin wanted it badly.	Элвину очень хотелось пить.

His body was dry, not just his mouth; it needed to make back what it lost in blood.	У него не только рот пересох, все тело жаждало воды: она была нужна, чтобы восстановить потерянную кровь.
So he swallowed as much as he could, from a tin cup held to his mouth.	Поэтому он пил и не мог напиться, с жадностью глотая из жестяной чашки, поднесенной рукой мамы к его губам.
A lot of it spilled around his face and neck but he didn't hardly notice that.	Большей частью вода проливалась на лицо, текла по шее, но он не замечал этого.
It was the water that trickled into his belly that mattered.	Важна была та влага, что плескалась сейчас у него в животе.

He lay back and tried to find out from the inside how his wound was doing.	Он откинулся на подушку и попытался заглянуть внутрь себя, чтобы проверить, как поживает рана.
But it was too hard to get back there, too hard to concentrate.	Но это ему не удалось: слишком много сил потребовалось.
He dropped off before he was halfway there.	Он провалился в сон, не добравшись и до половины пути.
He woke again, and thought it must be night again, or maybe the curtains were drawn.	Проснувшись снова, он решил, что на улице опять ночь, - а может, занавески были задернуты.

He couldn't find out cause it was too hard to open his eyes, and the pain was back, fierce again, and something maybe even worse: the wound was a-tickling till he could hardly keep himself from reaching down to scratch.	Проверить он не мог, потому что слишком уж невыносимо было открывать глаза. Кроме того, вернулась прежняя боль, с новой яростью впиваясь в его тело, а нога ужасно чесалась, и он едва удерживался от того, чтобы не дотянуться до нее и не начать драть ногтями.
After a while, though, he was able to find the wound and once again help the layers to grow.	Сосредоточившись, он проник в область раны и вновь принялся помогать коже расти.
By the time he slept, there was a thin, complete layer of skin over the whole wound.	За время сна открытая плоть успела затянуться тонкой пленкой.

Underneath, the body was still working to renew the ravaged muscles and knit the broken bones.	Под ней тело все еще трудилось, восстанавливая порванные мускулы, сращивая сломанные кости.
But there'd be no more loss of blood, no more open wound to get infected.	Но потеря крови больше Элвину не грозила, как, впрочем, и заражение.
"Look at this, Taleswapper.	- Взгляни, Сказитель.
You ever seen the like of this?"	Ты когда-нибудь видел подобное?
"Skin like a newborn baby."	- Кожа как у новорожденного.

"Maybe I'm crazy, but except for the splint I can't see no reason to leave this leg bound up no more."	- Может, я свихнулся, но если б не перелом, бинты можно было бы снять.
"Not a sign of a wound.	- Да, раны как не бывало.
No, you're right, there's no need for a bandage now."	Ты прав, бинты действительно больше не нужны.
"Maybe my wife is right, Taleswapper.	- Наверное, моя жена правду говорила, Сказитель.
Maybe God just rared back and passed a miracle on my boy."	Может быть, это Господь решил поступиться принципами и сотворил чудо с моим мальчиком.
"Can't prove anything.	- Доказательств тому нет.

When the boy wakes up, maybe he'll know something about it."	Когда малыш проснется, возможно, он нам что-нибудь объяснит.
"Not a chance of that. He hasn't even opened his eyes this whole time."	- Вряд ли он что-нибудь понимает - за все время даже глаз не открыл.
"One thing's certain, Mr. Miller.	- Одно несомненно, мистер Миллер.
The boy isn't about to die.	Угроза смерти миновала.
That's more than I could have guessed yesterday."	Хотя вчера я думал совсем наоборот.
"I was set to build him a box to hold him underground, that I was.	- А я вообще собрался сколачивать ему гробик, чтоб в землицу опустить, вот так вот.
I didn't see no chance him living.	Даже представить не мог, что он выживет.

Will you look at how healthy he is?	А ты посмотри, каким здоровым он выглядит сейчас!
I want to know what's protecting him, or who."	Интересно все же, что его защищает - или кто?
"Whatever is protecting him, Mr. Miller, the boy is stronger.	- Кто бы его ни защищал, мистер Миллер, мальчик куда сильнее.
That's something to think about.	Тут есть над чем поразмыслить.
His protector split that stone, but Al Junior put it back together and not a thing his protector could do about it."	Его защитник разломил камень, но Эл-младший срастил его обратно, и покровитель не смог помешать ему.
"Reckon he even knew what he was doing?"	- Думаешь, он знал, что делает?

"He must have some notion of his powers.	- Да, ему кое-что известно о таящихся внутри силах.
He knew what he could do with the stone."	Он мог сотворить с камнем что угодно.
"I never heard of a knack like this, to tell you straight.	- Сказать прямо, никогда не слышал о подобном даре.
I told Faith what he did with that stone, dressing it on the backside without ever laying on a tool, and she starts reading from the Book of Daniel and crying about fulfilment of the prophecy.	Я рассказал Вере о том, как он обтесал камень, нанеся нарезку без всякого инструмента, так она сразу принялась читать мне Книгу Пророка Даниила и что-то верещать о исполнившемся пророчестве.

Wanted to rush in here and warn the boy about clay feet.	Хотела бежать к мальчику в комнату и предупредить о железных и глиняных ногах 41, но я ее остановил.
Don't that beat all?	Разве не глупо?

Religion makes them crazy.	Религия превращает людей в буйнопомешанных.
Not a woman I ever met wasn't crazy with religion."	Я ни разу не встречал женщины, которая бы не сходила с ума по религии.
The door opened.	Дверь открылась.
"Get out of here!	- А ну вон отсюда!
Are you so dumb I have to tell you twenty times, Cally?	Ты что, настолько туп, Кэлли, что тебе двадцать раз повторять приходится?

Where's his mother, can't she keep one seven-year-old boy away from-"	Так, где мать, неужели она не может держать семилетнего пацана по-дальше от...
"Be easy on the lad, Miller.	- Помягче с парнишкой, Миллер.
He's gone now, anyway."	Он уже убежал.
"I don't know what's wrong with him.	- Не знаю, что с ним случилось.
As soon as Al Junior is down, I see Cally's face wherever I look.	С той поры, как Эл-младший слег, куда ни брошу взгляд, повсюду вижу Кэлли.
Like an undertaker hoping for a fee."	Он как гробовщик, выбивающий плату.
"Maybe it's strange to him.	- Может, он растерян.
To have Alvin hurt."	Он ведь никогда не видел Элвина больным...

"As many times as Alvin's been an inch from death-"	- Элвин неоднократно был на волосок от смерти...
"But never injured."	- Но ни разу не пострадал.
A long silence.	Долгое молчание.
"Taleswapper."	- Сказитель...
"Yes, Mr. Miller?"	- Да, мистер Миллер?
"You've been a good friend to us here, sometimes in spite of ourselfs.	- Ты был нам хорошим другом, хотя порой мы этого не заслуживали.
But I reckon you're still a walking man."	Я хочу спросить, ты ведь не завязал со странствиями?
"That I am, Mr. Miller."	- Вроде нет, мистер Миллер.

"What I'm saying is, not to rush you off but if you go anytime soon, and you happen to be heading generally eastward, do you think you could carry a letter for me?"	- Не то чтобы я тебя из дому гоню, но если ты в ближайшее время решишь пуститься в путь и, мало ли, направишься на восток, не мог бы ты отнести одно письмецо?
"I'd be glad to.	- С радостью.
And no fee, to sender or receiver."	И не возьму ни монеты - ни с отправителя, ни с получателя.
"That's right kind of you.	- Спасибо тебе большое.
I been thinking on what you said.	Я долго обдумывал твои слова.

About a boy needing to be sent far off from certain dangers.	Ну, насчет мальчика, которого следует отослать, чтобы избегнуть опасностей, угрожающих ему.
And I thought, in all the world where's there some folks I can trust to took after the boy?	Я вдруг подумал: а есть ли вообще такие люди, которым бы я мог доверить присмотр за ним?

We got no kin worth speaking of back in New England-I don't want the boy raised Puritan on the brink of hell anyway."	Там, откуда мы приехали, то есть в Новой Англии, особых родственников у нас не имеется, да и, кроме того, мне что-то не хочется, чтобы моего сына превратили в фанатика-пуританина.

"I'm relieved to hear that, Mr. Miller, because I have no great longing to see New England again myself."	- Я рад слышать это, мистер Миллер, потому что сам не горю желанием вновь посещать земли Новой Англии.
"If you just follow back on the road we made coming west, sooner or later you come along to a place on the Hatrack River, some thirty miles north of the Hio, not all that far downriver from Fort Dekane.	- Но если ты пойдешь по дороге, по который мы ехали сюда, на запад, то рано или поздно выйдешь к одной деревеньке, что на берегу реки Хатрак, милях в тридцати к северу от Гайо, недалеко от форта Дикэйна.

There's a road house there, or leastwise there was, with a graveyard out back where a stone says	Там есть один постоялый двор, по крайней мере был когда-то, за ним еще кладбище, на котором стоит камень с надписью:
' Vigor he died to save his kin.'"	"Вигор - он погиб, спасая жизнь брата".
"You want me to take the boy?"	- Ты хочешь, чтобы я отвел туда мальчика?
"No, no, I'll not send him now that the snow's come.	- Нет, нет. Пока снег лежит на земле, я никуда его не пущу.
Water-"	Вода...
"I understand."	- Понимаю.

"There's a blacksmith there, and I thought he might want a prentice.	- В той деревеньке есть кузня, и я подумал, может, тамошнему кузнецу сгодится подмастерье.
Alvin's young, but he's big for his age, and I reckon he'll be a bargain for the smith."	Элвин молод годами, но для своего возраста он вымахал дай Боже. Думаю, он будет стоящим приобретением для кузнеца.
"Prentice?"	- Подмастерьем?
"Well, I sure won't make him a bond slave, now, will I?	- Ну, мне не хочется делать из него раба.
And I got no money to send him off to school."	А денег, чтобы послать его в школу, у меня нет.
"I'll take the letter.	- Я отнесу письмо.

But I hope I can stay till the boy is awake, so I can say good-bye."	Но, надеюсь, могу задержаться еще на пару дней? Хочу дождаться, когда мальчик очнется, чтоб попрощаться.
"I wasn't going to send you out tonight, was I?	- Да я ж не выталкиваю тебя прямо сегодня ночью.
Nor tomorrow, with new snow deep enough to smother bunnies."	На улице слишком глубокие сугробы, так что и завтра ты никуда не пойдешь.
"I didn't know if you had noticed the weather."	- Вот уж не подозревал, что за эти дни ты хоть раз выглянул в окно.
"I always notice when there's water underfoot."	- Воду под ногами я замечу всегда.

He laughed wryly, and they left the room.	Он сухо засмеялся, и они покинули комнату.

Alvin Junior lay there, trying to figure why Pa wanted to send him away.	Элвин-младший лежал на кровати и тщетно пытался разобраться, почему папа хочет отослать его в другую деревню.
Hadn't he done right all his life, as best he could?	Разве Элвин плохо себя вел?
Hadn't he tried to help all he knew how?	Разве не старался помогать всем, чем мог?
Didn't he go to Reverend Thrower's school, even though the preacher was out to make him mad or stupid?	Разве не ходил в школу преподобного Троуэра, пусть проповедник твердо вознамерился превратить его в сумасшедшего или дурака?

Most of all, didn't he finally get a perfect stone down from the mountain, holding it together all the time, teaching it the way to go, and at the very end risking his leg just so the stone wouldn't split?	И, кроме того, не он ли выточил прекрасный жернов, следил за ним, наставлял, каким быть, а в самом конце разве не он рисковал ногой, лишь бы камень не раскололся?
And now they were going to send him away.	И вот теперь его собираются куда-то отправить.
Prentice!	Подмастерьем!
To a blacksmith!	К кузнецу!
In his whole life he never even saw a blacksmith up to now.	За десять лет жизни он в глаза кузнеца не видел.

They had to ride three days to the nearest smithy, and Pa never let him go along.	До ближайшей кузни три дня пути, и папа никогда не брал его с собой.
In his whole life he never even been ten mile from home one way or any other.	За всю свою жизнь он ни разу не отходил от дома дальше чем на десять миль.
In fact, the more he thought about it the madder he got.	По сути дела, чем больше он раздумывал над словами отца, тем больше злился.
Hadn't he been begging Mama and Papa just to let him go out walking in the woods alone, and they wouldn't let him.	Он ведь столько раз умолял маму и папу позволить ему погулять по лесу одному, но они не отпускали его.

Had to have somebody with him all the time, like he was a captive or a slave about to run off.	Все время рядом с ним должен был кто-то находиться, будто он пленник или раб, норовящий сбежать.
If he was five minutes late getting somewhere, they came to look for him.	Если он опаздывал куда-нибудь хотя бы на пять минут, вся семья дружно бросалась на поиски.
He never got to go on long trips-the longest one ever was to the quarry a few times.	Он никогда не уезжал далеко от дома - лишь пару раз добирался с папой до каменоломен.

And now, after they kept him penned up like a Christmas goose all his life, they were set to send him off to the end of the whole earth.	И вот теперь, продержав его десять лет на коротком поводке, как рождественского гуся, они вознамерились отправить его на другой конец земного шара.
It was so blame unfair that tears come to his eyes and squeezed out and tickled down his cheeks right into his ears, which felt so silly it made him laugh.	От подобной несправедливости на глаза навернулись слезы. Он крепко сжал веки, и капельки побежали по щекам, скатились в уши и защекотали. Он почувствовал себя ужасно глупо и рассмеялся.
"What you laughing at?" asked Cally.	- Ты чего смеешься? - спросил Кэлли.
Alvin hadn't heard him come in.	Элвин не слышал, как малыш вошел.

"Are you all better now?	- Тебе лучше?
It ain't bleeding nowhere, Al."	Кровь больше не течет, Эл.
Cally touched his cheek.	Кэлли дотронулся до его щеки.
"You crying cause it hurts so bad?"	- Ты плачешь, потому что тебе больно?
Alvin probably could have spoke to him, but it seemed like too much work to open up his mouth and push words out, so he kind of shook his head, slow and gentle.	Элвин мог бы поговорить с ним, но не было сил, ведь сначала нужно открыть рот, потом выдавить слова... Поэтому он медленно покачал головой.
"You going to die, Alvin?" asked Cally.	- Ты умрешь, Элвин? - спросил Кэлли.

He shook his head again.	Он снова помотал головой.
"Oh," said Cally.	- А-а, - протянул Кэлли.
He sounded so disappointed that it made Alvin a little mad.	Голос его звучал так разочарованно, что Элвин даже взбесился.
Mad enough to get his mouth working after all.	Ровно настолько, чтобы все-таки открыть рот.
"Sorry," he croaked.	- Ну, извини, - прокаркал он.
"Well it ain't fair, anyhow," said Cally. "I didn't want you dead, but they all said you was going to die.	- Это нечестно, - сказал Кэлли. - Я не хотел, чтобы ты умирал, но все только и говорили о твоей смерти.

And I got to thinking what it'd be like if I was the one they all took care of.	И я представил, а что будет, когда они начнут заботиться обо мне так, как сейчас о тебе.
All the time, everybody watching out for you, and when I say one little thing they just say, Get out of here, Cally, Just shut up, Cally.	Все время за тобой кто-нибудь приглядывает, а на меня, стоит словечко вымолвить, сразу орут: "Уматывай, Кэлли!", "Заткнись, Кэлли!"
Nobody asked you, Cally, Ain't you spose to be in bed, Cally?	Никто не спросит: "Кэлли, а разве тебе не пора в кроватку?"
They don't care what I do.	Им плевать на меня.
Except when I start hitting you, then they all say, Don't get in fights, Cally."	За исключением тех случаев, когда я начинаю бороться с тобой. Тогда мне говорят: "Кэлли, не дерись".

"You wrestle real good for a field mouse." At least that was what Alvin meant to say, but he didn't know for sure if his lips even moved.	- Для мыши-полевки ты дерешься неплохо. - Так по крайней мере хотел сказал Элвин, правда, он не знал, получилось ли у него что-нибудь.
"You know what I did one time when I was six?	- Знаешь, что я сделал, когда мне исполнилось шесть лет?
I went out and got myself lost in the woods.	Я ушел из дому и заблудился в лесу.
I just walked and walked.	Я шел и шел.
Sometimes I closed my eyes and spun around a few times so I'd sure not know where I was.	Иногда закрывал глаза и несколько раз проворачивался на пятках, чтобы наверняка потеряться.

I must have been lost half the day.	Я плутал полдня, не меньше.
Did one soul come looking for me?	И хоть одна живая душа побежала искать меня?

I finally had to turn around and find my own way home.	В конце концов мне пришлось развернуться и самому искать дорогу домой.
Nobody said, Where you been all day, Cally?	И никто не спросил: "Кэлли, а где ты был весь день?"
Mama just said, Your hands are dirty as the back end of a sick horse, go wash yourself."	Мама только сказала: "Твои руки вымазаны, как задница у страдающей поносом лошади, иди умойся".
Alvin laughed again, near silently, his chest heaving.	Элвин рассмеялся, почти неслышно, его грудь тяжело заходила.

"It's funny for you.	- Тебе смешно.
Everybody looks after you."	О тебе-то все заботятся.
Alvin worked hard to make a sound this time.	На этот раз Элвину пришлось собрать все силы, чтобы спросить:
"You want me gone?"	- Ты хочешь, чтоб я ушел?
Cally waited a long time to answer.	Кэлли долго не отвечал, но потом произнес:
"No.	- Да нет.
Who'd play with me then?	Кто со мной играть будет?
Just the dumb old cousins.	Кузены - дураки все.
There ain't a good wrassler in the bunch of them."	Из них никто бороться толком не умеет.

"I'm going," whispered Alvin.	- Я уеду скоро, - прошептал Элвин.
"No you ain't.	- Никуда ты не уедешь.
You're the seventh son, and they'll never let you go."	Ты седьмой сын, тебя не отпустят.
"Going."	- Уеду.
"Course the way I count up it's me that's number seven.	- Я много раз пересчитывал, и каждый раз выходило, что это я седьмой.
David, Calm, Measure, Wastenot, Wantnot, Alvin Junior that's you, and then me, that's seven."	Дэвид, Кальм, Мера, Нет, Нед, Элвин-младший -это ты, а затем иду я. Получается семь.

"Vigor."	- Вигор.
"He's dead.	- Он умер.
He's been dead a long time.	Давным-давно.
Somebody ought to tell that to Ma. and Pa."	Почему-то никто не сказал об этом маме и папе.
Alvin lay there, near wore out from the few things he said.	Те несколько слов, что пришлось произнести, израсходовали все силы. Элвин чувствовал себя вымотанным до крайности.
Cally didn't say anything much after that.	Кэлли больше ничего не говорил.
Just sat there, still as could be.	Сидел тихонько, как мог.
Holding Alvin's hand real tight.	И крепко сжимал руку Элвина.

Pretty soon Alvin started drifting, so he wasn't sure altogether whether Cally really spoke or it was in a dream.	Вскоре Элвина закачали волны сна, поэтому он так и не понял, приснились ему или нет следующие слова Кэлли.

But he heard Cally say,	Но вроде бы он точно слышал, как Кэлли произнес:
"I don't never wish you dead, Alvin."	"Я никогда, никогда не хотел, чтобы ты умер, Элвин".
And then he might have said,	А потом он, похоже, добавил:

"I wish I was you." But anyway Alvin drifted off to sleep, and when he woke up again there was nobody with him and the house was still except for nightsounds, the wind rattling the shutters, the timbers popping as they shrunk from the cold, the log snapping in the hearth.	"Вот если б я был тобой..." Элвин провалился в сон, а когда снова проснулся, никого рядом не было. Дом был погружен в ночную тишину, изредка разрываемую стуками-шорохами - то ветер ставней грохнет, то балки затрещат, сжимаясь от холода, то бревно выстрелит в очаге.
One more time Alvin went inside himself and worked his way down to the wound.	Элвин опять заглянул внутрь себя и пробрался к ране.

Only this time he didn't have much to do with the skin and muscle.	Этой ночью он не стал возиться с кожей и мускулами.
It was the bones he worked on now.	Теперь он должен поработать над костями.
It surprised him how lacy it was, pocked with little hollows all over, not solid straight through like the millstone was.	Приглядевшись, он удивился: кости словно сотканы из кружев и усеяны крошечными дырочками. В отличие от камня, они были прозрачными и ломкими.
But he learned the way of it soon enough, and it was easy after a while to knit the bones up tight.	Однако он довольно быстро научился управляться с ними и вскоре крепко срастил друг с другом.

Still, there was something wrong with that bone.	Но что-то ему не нравилось.
Something in his bad leg just wouldn't get exactly like the good leg.	Больная нога чем-то отличалась от здоровой.
But it was so small he couldn't see it clear.	Разница была незначительной, невидимой глазу.
Just knew that whatever it was, it made the bone sick inside, just a little patch of sickness, but he couldn't figure how to make it better.	Элвин просто знал, что эта разница, в чем бы она ни заключалась, делает кость больной изнутри. В ней будто какая червоточинка поселилась, но Элвин, как ни старался, так и не смог понять, как ее исправить.

Like trying to pick up snowflakes off the ground, whenever he thought he had ahold of something, it turned out to be nothing, or maybe just too small to see.	Это все равно что снежинки с земли собирать: думаешь, хватаешь что-то твердое, а в руке одна грязь.
Maybe, though, it would just go away.	Хотя, может, все пройдет.
Maybe if everything else got better, that sick place on his bone would get better by itself.	Может быть, когда он вылечится, больное место само зарастет.
Eleanor was late getting back from her mother's house.	* * * Элеанора задержалась у матери допоздна.

Armor believed that a wife should have strong ties with her family, but coming home at dusk was too dangerous.	Армор ничего не имел против того, что жена поддерживает отношения с родителями, но возвращаться домой в сумерках слишком опасно.

"There's talk of wild Reds up from the south," said Armor-of-God. "And you traipsing about after dark."	- Говорят, на юге объявились какие-то дикие краснокожие, - начал разговор Армор. - А ты по лесу бродишь по ночам.
"I hurried home," she said. "I know the way in the dark."	- Я старалась идти побыстрее, - ответила Элеанора, - а дорогу домой я найду всегда.
"It's not a question of knowing the way," he said sternly. "The French are giving guns as bounty on White scalps now.	- Вопрос не в том, найдешь ты дорогу или нет, -ядовито произнес он. - Французы стали раздавать ружья в награду за скальпы бледнолицых.

It won't tempt the Prophet's people, but there's many a Choc-Taw who'd be glad to come up to Fort Detroit, gathering scalps along the way."	Людей Пророка это не соблазнит, но чоктавы будут только рады возможности наведаться в форт Детройт, пожиная по пути урожай скальпов.
"Alvin isn't going to die," said Eleanor.	- Элвин будет жить, - сказала Элеанора.
Armor hated it when she turned the subject like that.	Армор терпеть не мог, когда она перескакивала с темы на тему.
But it was such news that he couldn't very well not ask after it.	Но такую новость он не мог не обсудить.
"They decide to take off the leg, then?"	- Значит, решили отнять ногу?
"I saw the leg.	- Я видела рану.
It's getting better.	Она затягивается.

And Alvin Junior was awake late this afternoon.	Под вечер Элвин-младший проснулся.
I talked to him awhile."	Мы даже поговорили с ним немножко.
"I'm glad he was awake, Elly, I truly am, but I hope you don't expect the leg to get better.	- Я рад, что он пришел в себя, Элли, искренне рад, но надеюсь, ты не обольщаешься этим.
A big wound like that may look to be healing for a while, but the rot'll set in pretty soon."	Огромная рана может сначала затянуться, только вскоре гной возьмет свое.
"I don't think so this time," she said. "You want supper?"	- На этот раз, думаю, все обойдется хорошо, -промолвила она. - Ужинать будешь?

"I must have gnawed down two loaves just pacing back and forth wondering whether you were even coming home."	- Я сожрал, наверное, батона два, пока бродил по комнате взад-вперед, гадая, вернешься ли ты вообще домой.
"It isn't good for a man to get a belly."	- Живот мужчину не украшает.
"Well, I got one, and it calls out for food just like any other man's."	- Не всякий. Мой, к примеру, сейчас отчаянно взывает к пище, как и любое другое нормальное брюхо.
"Mama gave me a cheese to bring home." She set it out on the table.	- Мама дала мне сыру. - Она развернула сверток на столе.
Armor had his doubts.	У Армора имелись определенные сомнения насчет этого сыра.

He figured half the reason Faith Miller's cheeses turned out so good was because she did things to the milk.	Он считал, сыр у Веры Миллер получается столь вкусным, потому что она проделывает с молоком всякие штучки.

At the same time, there wasn't no better cheese on the banks of the Wobbish, nor up Tippy-Canoe Creek neither.	Но в то же самое время на обоих берегах Воббской реки, да и на Типпи-каноэ не найти сыра вкуснее.
It put him out of sorts when he caught himself compromising with witchery.	Каждый раз, ловя себя на том, что мирится с колдовством, Армор выходил из себя.

And being out of sorts, he wasn't about to let anything lie, even though he knew Elly plain didn't want to talk about it.	А выйдя из себя, он придирался ко всякой мелочи. Вот и сейчас он не мог успокоиться, хотя знал, Элли не хочется говорить об Элвине.
"Why don't you think the leg will rot?"	- А почему ты решила, что рана не загноится?
"It's just getting better so fast," she said.	- Она быстро затянулась, - пожала плечами она.
"How much better?"	- Что, совсем?
"Oh, pert near fixed."	- Почти.
"How near?"	- И насколько почти?

She turned around, rolled her eyes, and turned back away from him.	Она обернулась, устало закатила глаза и повернулась обратно к столу.
She started cutting up an apple to eat with the cheese.	Взяв в руки нож, она принялась нарезать яблоко к сыру.
"I said how near, Elly?	- Я спросил, насколько, Элли.
How near fixed?"	Насколько она затянулась?
"Fixed."	- Вообще затянулась.
"Two days after a millstone rips off the front half of his leg, and it's fixed?"	- Два дня прошло с тех пор, как жернов содрал все мясо с ноги, и раны уже нет?
"Only two days?" she said. "Seems like a week to me."	- Всего два дня? - переспросила она. - Мне казалось, неделя, не меньше.

"Calendar says it's two days," said Armor. "Which means there's been witchery up there."	- Если календарь не врет, минуло два дня, -подтвердил Армор. - А это означает, что там имело место ведьмовство.
"As I read the gospels, the one that healed people wasn't no witch."	- Насколько я помню Писание, человек, излечивающий раны, не обязательно колдун.
"Who did it?	- Кто это сделал?
Don't tell me your pa or ma suddenly figured out something as strong as that.	Только не надо мне говорить, что твои папа с мамой открыли вдруг какое-то сильнодействующее снадобье.
Did they conjure up a devil?"	Они что, дьявола на помощь вызвали?

She turned around, the knife in her hands still poised for cutting.	Она обернулась, сжимая в руках острый нож.
There was a flash in her eyes.	Глаза ее яростно вспыхнули.
"Pa may be no kind of church man, but the devil never set foot in our house."	- Папа, может, и не любит ходить в церковь, но дьявол никогда не ступал на порог нашего дома.
That wasn't what Reverend Thrower said, but Armor knew better than to bring him into the conversation.	Преподобный Троуэр имел несколько другое мнение, но Армор счел, что о проповеднике сейчас лучше не упоминать.

"It's that beggar, then."	- Ага, значит, тот попрошайка...
"He works for his room and board.	- Он честно отрабатывает свой стол и кров.

Hard as anyone."	И трудится не меньше остальных.
"They say he knew that old wizard Ben Franklin.	- Поговаривают, он знавался с колдуном Беном Франклином.
And that atheist from Appalachee, Tom Jefferson."	И ходил в знакомых у этого безбожника с Аппалачей, Тома Джефферсона.
"He tells good stories.	- Он знает много интересных историй.
And he didn't heal the boy neither."	Но мальчика исцелил не он.
"Well, somebody did."	- Тогда кто же?
"Maybe he just healed up himself.	- Может, Элвин сам себя исцелил.
Anyway, the leg's still broke.	По крайней мере, нога еще сломана.

So it ain't a miracle or nothing.	Так что это не чудо.
He's just a fast healer."	Просто раны на нем заживают как на кошке.
"Well maybe he's a fast healer cause the devil takes care of his own."	- Ну да, дьявол обычно заботится о своих выкормышах. Может, потому на нем так быстро все заживает, а?
From the look in her eye when she turned around, Armor kind of wished he hadn't said it.	Она снова повернулась, и, взглянув ей в глаза, Армор тысячу раз пожалел о своих словах.
But dad-gum it, Reverend Thrower as much as said the boy was as bad as the Beast of the Apocalypse.	Хотя чего он такого сказал? Преподобный Троуэр сам не раз говорил, что мальчик этот все равно что Зверь Апокалипсиса.

But beast or boy, he was Elly's brother, and whereas she might be as quiet as you please most of the time, when she got her dander up she could be a terror.	Мальчик не мальчик, зверь не зверь, но Элвин приходился родным братом Элли. Большей частью она была тише воды ниже травы, иного и пожелать нельзя, но если ее разозлить, она превращалась в ходячий ужас.
"Take that back," she said.	- А ну-ка, забери слова назад, - приказала она.
"Now, that's about as silly a thing as I ever heard.	- В жизни ничего глупее не слышал.
How can I take back what I said?"	Как я могу забрать обратно слова, которые уже произнес?
"By saying you know it ain't so."	- Ты можешь извиниться и сказать, что это не так, ведь ты сам знаешь.

"I don't know it is and I don't know it ain't.	- На самом деле я не знаю, так это или нет.
I said maybe, and if a man can't say his maybes to his wife then he might as well be dead."	Я сказал "может быть", а если муж перед лицом собственной жены не имеет права выдвигать предположений, то лучше вообще умереть.
"I reckon that's about true," she said. "And if you don't take that back you'll wish you was dead!"	- Вот здесь ты прав, - сказала она. - И если ты не откажешься от своих слов, то сильно пожалеешь, что еще жив!
And she started coming after him with two chunks of apple, one in each hand.	И она, судорожно сжав в обоих руках по дольке яблока, пошла на него.

Now, most times she came for him like that, even if she was really mad, if he let her chase him around the house awhile she usually ended up laughing.	В большинстве случаев, когда она на него злилась, ей хватало одного раза обежать за ним вокруг дома, чтобы злость бесследно испарилась и она начала хохотать.
But not this time.	Только не сегодня.
She mushed one apple in his hair and threw the other one at him, and then just sat down in the upstairs bedroom, crying her eyes out.	Одну половинку яблока она раздавила ему об голову, вторую швырнула в лицо, после чего убежала в спальню наверху и разрыдалась.
She wasn't one to cry, so Armor figured this had got right out of hand.	Слез она не любила и плакала очень редко, отсюда Армор сделал вывод, что ссора разгорелась не на шутку.

"I take it back, Elly," he said. "He's a good boy, I know that."	- Элли, я забираю свои слова обратно, -примиряюще произнес он. - Я прекрасно знаю, Элвин хороший мальчик.
"Oh, I don't care what you think," she said. "You don't know a thing about it anyway."	- А мне плевать, что ты знаешь, - рыдала она. - Ты вообще ничего знать не можешь.
There weren't many husbands who'd let their wife say such a thing without slapping her upside the head.	Немногие мужья способны выслушать подобные речи от жены и не съездить ей по уху.
Armor wished sometimes that Elly'd appreciate how him being a Christian worked to her advantage.	Жаль, Элли не понимала, насколько выгодно иметь в мужьях истинного христианина.

"I know a thing or two," he said.	- Ну, кое-что мне все-таки известно, - сказал он.
"They're going to send him off," she said. "Once spring comes, they're going to prentice him out.	- Его хотят отослать в другую деревню, - плакала она. - С наступлением весны он пойдет в подмастерья.
He's none too happy about it, I can tell, but he don't argue none, he just lies there in his bed, talking real quiet, but looking at me and everybody else like he was saying good-bye all the time."	Ему не хочется, я же вижу, но он не спорит, просто лежит в кровати, говорит очень тихо, но смотрит так, будто прощается со всеми.
"What are they wanting to send him off for?"	- А зачем его отсылают?

"I told you, to prentice him."	- Я ж объяснила: чтобы в подмастерья отдать.
"The way they baby that boy, I can't hardly believe they'd let him out of their sight."	- Они так нянчились с этим мальчишкой... Никогда б не поверил, что его куда-то отпустят.
"They ain't talking about nothing close by, neither. Clear back at the east end of Hio Territory, near Fort Dekane.	- Он должен будет уехать на восток Гайо, в деревню у форта Дикэйна.
Why, that's halfway to the ocean."	Это на полпути к океану.
"You know, it just makes sense, when you think about it."	- Ну, ты знаешь, если подумать, в этом есть смысл.
"It does?"	- Неужели?

"With Red trouble starting up, they want him plumb gone.	- Здесь краснокожие чего-то колобродят, вот они и решили отправить пацана подальше.
The others can all stick around to get an arrow in their face, but not Alvin Junior."	Других пусть хоть нашпигуют стрелами, но только не Элвина-младшего.
She looked at him with withering contempt.	Она подняла голову и с презрением оглядела его.

"Sometimes you're so suspicious you make me want to puke, Armor-of-God."	- От твоих досужих домыслов, Армор, меня иногда тошнит.
"It ain't suspicion to say what's really happening."	- То, что происходит, вовсе не мои домыслы.

"You can't tell real from a rutabaga."	- Да ты человека от брюквы не отличишь.
"You going to wash this apple out of my hair, or do I have to make you lick it out?"	- Так ты наконец вытащишь из моих волос это яблоко или заставить тебя языком вылизать голову?
"I expect I'll have to do something, or you'll rub it all over the bed linen."	- Да уж придется помочь, иначе ты мне все простыни извозишь.
Taleswapper felt almost like a thief, to take so much with him as he left.	* * * "Наглый ворюга", - думал о себе Сказитель. Семья Миллеров чуть ли не силой всучила ему кучу подарков на дорогу.
Two pair of thick stockings.	Две пары шерстяных носков.
A new blanket.	Новое одеяло.

An elkhide cloak.	Накидку из оленьей шкуры.
Jerky and cheese.	Вяленое мясо и сыр.
A good whetstone.	Хороший точильный камень.
And things they couldn't even know they gave him.	Да он обворовал этих честных людей!
A rested body, free of aches and bruises.	Кроме того, он приобрел много такого, о чем они и не догадывались. Тело, отдохнувшее от дорожной усталости и вечных синяков.
A jaunty step.	Легкую походку.
Kind faces fresh in his mind.	Добрые лица, которые навсегда останутся в памяти.
And stories.	И истории.

Stories jotted in the sealed-up part of the book, the ones he wrote down himself.	Истории, скрытые в запечатанной части книги и написанные его собственной рукой.
And true stories painfully inscribed by their own hands.	И правдивые рассказы, которые они занесли в книгу сами.
Still, he gave them fair return, or tried to.	Хотя он честно расплатился с ними - во всяком случае попытался.
Roofs patched for winter, other jobs here and there.	Залатал крыши на зиму, переделал кучу мелкой работы.

More important, they'd seen a book with Ben Franklin's own handwriting in it, with sentences from Tom Jefferson, Ben Arnold, Pat Henry, John Adams, Alex Hamilton- even Aaron Burr, from before the duel, and Daniel Boone, from after.	И что более важно, они увидели почерк самого Бена Франклина. Прочли фразы, написанные Томом Джефферсоном, Беном Арнольдом, Пэтом Г енри, Джоном Адамсом, Алексом Г амильтоном -даже Аароном Бурром, перед дуэлью, и Даниэлем Буном, сразу после оной.
Before Taleswapper came they were part of their family, and part of the Wobbish country, and that's all.	До прихода Сказителя Миллеры были обыкновенной семьей, частичкой Воббской долины.

Now they belonged to much larger stories.	Теперь они попали на огромное полотно, состоящее из великих историй.

The War of Appalachee Independence.	О Войне за Независимость Аппалачей.
The American Compact.	Об "Американском Соглашении".
They saw their own trek through the wilderness as one thread among many, and felt the strength of the whole tapestry woven from those threads.	Они увидели собственный путь через глушь и леса, ниточкой вливающийся в великую картину, и почувствовали силу этого гобелена, сотканного из множества подобных нитей.
Not a tapestry, really.	Впрочем, нет, не гобелена.
A rug.	Скорее ковра.
A good, thick, solid rug that generations of Americans after them could tread on.	Доброго, прочного ковра, на котором будут основываться следующие поколения американцев.

There was a poem in that; he'd work that into a poem sometime.	В этом была поэма, и когда-нибудь он напишет ее.
He left them a few other things, too.	Он тоже кое-что им оставил.
A beloved son he pulled from under a falling millstone.	Любимого сына, которого выдернул прямо из-под падающего жернова.
A father who now had the strength to send away his son before he killed him.	Искушаемого убийством отца, который обрел наконец силу отослать сына в другую деревню.
A name for a young man's nightmare, so he could understand that his enemy was real.	Имя для ночного кошмара мальчика, объясняющее, что враг реален и существует на самом деле.

A whispered encouragement for a broken child to heal himself.	Яростный шепот, убедивший раненого юношу исцелить себя.
And a single drawing, burnt into a fine slab of oakwood with the tip of a hot knife.	И рисунок, выжженный на хорошей дубовой доске кончиком раскаленного ножа.
He'd rather have worked with wax and acid on metal, but there was neither to be had in this place.	Конечно, Сказитель предпочел бы вытравить его воском и кислотой на металле, но такие материалы в здешних краях были редкостью.
So he burnt lines into the wood, making of it what he could.	Поэтому он выжег его, постаравшись, как мог.

A picture of a young man caught in a strong river, bound up in the roots of a floating tree, gasping for breath, his eyes facing death fearlessly.	На картине был изображен юноша, попавший в плен сильной реки, запутавшийся в корнях плавучего дерева. Он задыхался, но глаза его бесстрашно смотрели в лицо смерти.
It would have earned nothing but scorn at the Lord Protector's Academy of Art, being so plain.	В Академии искусств это незамысловатое творение было бы встречено всеобщим презрением.
But Goody Faith cried out when she saw it, and hugged it to her, dropping her tears over it like the last drips from the eaves after a rainstorm.	Но тетушка Вера разрыдалась, увидев картину, и прижала ее к груди, заливая слезами, похожими на последние капли легкого, завершающего грозу дождика.

And Father Alvin, when he saw it, nodded and said,	И отец Элвин, взглянув на нее, кивнул и сказал:
"That's your vision, Taleswapper.	- Тебе явилось видение, Сказитель.

You got his face perfect, and you never even saw him.	Ты изобразил мальчика очень точно, хотя никогда не видел.
That's Vigor.	Это Вигор.
That's my boy."	Мой сын.
Then he cried, too.	После чего Миллер тоже расплакался.
They set it right up on the mantel.	Картину поставили на камин.

It might not be great art, thought Taleswapper, but it was true, and it meant more to these folks than any portrait could mean to some fat old lord or parliamentarian in London or Camelot or Paris or Vienna.	"Это, разумеется, не шедевр, - подумал Сказитель. - Но здесь изображена правда, и рисунок значит для этой семьи больше, чем любой портрет - для жирного старого лорда или заседателя парламента в Лондоне, Камелоте, Париже или Вене".
"It's fair morning now," said Goody Faith. "You've got long to go before dark."	- Вот и утро настало, - сказала тетушка Вера. - До заката путь неблизкий.
"You can't blame me for being reluctant to leave.	- Не вините меня за то, что я с неохотой покидаю ваш дом.
Though I'm glad you trusted me with this errand, and I won't fail you."	Хотя я рад за оказанное доверие и не подведу вас.

He patted his pocket, wherein lay the letter to the blacksmith of Hatrack River.	Он похлопал по карману, внутри которого лежало письмо кузнецу с реки Хатрак.
"You can't go without you say good-bye to the boy," said Miller.	- Ты не можешь уйти, не попрощавшись с мальчиком, - напомнил Миллер.
He'd put it off as long as it could be delayed.	Сказитель оттягивал момент прощания как можно дольше.
He nodded once, then eased himself from the comfortable chair by the fire and went on into the room where he'd slept the best nights of his life.	Но тут он кивнул, с сожалением покинул удобные объятия кресла у камина и зашел в комнату, где провел лучшие ночи в своей жизни.

It was good to see Alvin Junior's eyes wide open, his face lively, no longer slack the way it was for a while, or winced up with pain.	Элвин-младший уже проснулся и широко распахнутыми глазами смотрел на мир; на лицо его вернулись краски жизни, больше оно не искажалось от нестерпимых страданий и не теряло цвет.
But the pain was still there, Taleswapper knew.	Но боль не спешила отступать, она по-прежнему таилась поблизости, и Сказитель догадывался об этом.
"You going?" asked the boy.	- Уходишь? - спросил мальчик.
"I'm gone, except for saying good-bye to you."	- Да, попрощаться решил.
Alvin looked a little angry.	Элвин сердито взглянул на него исподлобья:

"So you ain't even going to let me write in your book?"	- Ты даже не дашь мне написать что-нибудь в твоей книге?
"Not everybody does, you know."	- Ну, не всякому это позволяется.
"Pa did.	- А папе можно.
And Mama."	И маме.
"And Cally, too."	- Да, и Кэлли тоже.

"I bet that looks good," said Alvin. "He writes like a, like a-"	- Да, Кэлли точно украсил книгу, - кивнул Элвин.- У него почерк, как у... как у...
"Like a seven-year-old." It was a rebuke, but Alvin had no intention of squirming.	- Как у семилетнего мальчишки, - пошутил Сказитель, но Элвин не улыбнулся.
"Why not me, then?	- Почему тогда мне нельзя?

Why Cally and not me?"	Кэлли можно, а мне, значит, нет?
"Because I only let people write the most important thing they ever did or ever saw with their own eyes.	- Потому что в этой книге люди пишут о своем самом важном деянии или событии, что видели когда-то собственными глазами.
What would you write?"	Ты бы о чем написал?
"I don't know.	- Ну, не знаю.
Maybe about the millstone."	Может, о жернове.
Taleswapper made a face.	Сказитель скорчил рожу.
"Then maybe my vision.	- Тогда, наверное, о своем видении.
That's important, you said so yourself."	Ты сам утверждал, что оно очень важно.

"And that got written up somewhere else, Alvin."	- Да, и записано где-то еще, Элвин.
"I want to write in the book," he said. "I want my sentence in there along with Maker Ben's."	- Я хочу написать что-нибудь в твоей книге, -уперся Элвин. - Сам Бен Франклин оставил в ней свое предложение, я тоже хочу.
"Not yet," said Taleswapper.	- Не сейчас, - возразил Сказитель.
"When!"	- Но когда?!
"When you've whipped that old Unmaker, lad.	- Когда ты как следует отчехвостишь этого Разрушителя.
That's when I'll let you write in this book."	Вот тогда можешь писать в книге что захочешь.
"What if I don't ever whip him?"	- А если я с ним не справлюсь?

"Then this book won't amount to much, anyway."	- Тогда и в книге никакого проку не будет.
Tears sprang to Alvin's eyes.	На глаза Элвина навернулись крупные слезы:
"What if I die?"	- Но вдруг я умру?
Taleswapper felt a thrill of fear.	Сказитель почувствовал, как легкий холодок пробежал по спине.
"How's the leg?"	- Как твоя нога?
The boy shrugged.	Мальчик пожал плечами.
He blinked back the tears. They were gone.	Моргнул, смахивая непрошенные слезы.
"That's no answer, lad."	- Это не ответ, парень.
"It won't stop hurting."	- Болит не переставая.

"It'll be that way till the bone knits."	- Так и будет, пока кость не срастется.
Alvin Junior smiled wanly. "Bone's all knit."	- Кость уже срослась, - болезненно улыбнулся Элвин-младший.

"Then why don't you walk?"	- Тогда почему ты не встаешь с постели?
"It pains me, Taleswapper.	- Нога причиняет мне боль, Сказитель.
It never goes away.	Болит и болит.
It's got a bad place on the bone, and I ain't figured out yet how to make it right."	Там, в кости, засело что-то плохое, и я еще не понял, как излечить это.
"You'll find a way."	- Ты справишься.
"I ain't found it yet."	- Пока не получается.

"An old trapper once said to me,	- Один старый траппер как-то сказал мне:
'It don't matter if you start at the bung or the breastbone, any old way you get the skin off a panther is a good way.'"	"Не думай долго, откуда лучше начать - с головы или с хвоста. Г лавное - содрать с пантеры шкуру, неважно как".
"Is that a proverb?"	- Это присловие?
"It's close.	- Близко.
You'll find a way, even if it isn't what you expect."	Ты сумеешь. Не тем, так другим способом.
"Nothing's what I expect," said Alvin. "Nothing turns out like anything I figured."	- Пока все впустую, - сказал Элвин. - Что бы я ни делал, не получается.
"You're ten years old, lad.	- Парень, тебе всего десять лет.

Weary of the world already?"	Ты что, успел устать от жизни?
Alvin kept rubbing folds of the blanket between his thumb and fingers.	Элвин продолжал мять в руках одеяло:
"Taleswapper, I'm dying."	- Сказитель, я умираю.
Taleswapper studied his face, trying to see death there.	Сказитель всмотрелся в его глаза, пытаясь разглядеть в них смерть.
It wasn't.	Ее там не было.
"I don't think so."	- Не думаю.
"The bad place on my leg. It's growing.	- То плохое место у меня на ноге... Оно растет.
Slow, maybe, but it's growing.	Медленно, но растет.

It's invisible, and it's eating away at the hard places of the bone, and after a while it'll go faster and faster and-"	Оно невидимо, оно потихоньку вгрызается в твердую кость, а потом все быстрее, быстрее...
"And Unmake you."	- Рассоздает тебя.
Alvin started to cry for real this time, and his hands were shaking.	На этот раз Элвин расплакался по-настоящему, руки его задрожали.
"I'm scared to die, Taleswapper, but it got inside me and I can't get it out."	- Я не хочу умирать. Сказитель, но оно внутри, и его никак не выгнать.
Taleswapper laid a hand on his, to still the trembling.	Сказитель взял его пальцы, унимая дрожь.
"You'll find a way.	- Ты найдешь способ.

You've got too much work to do in this world, to die now."	В этом мире тебе предстоит немало потрудиться, так что умирать рано.

Alvin rolled his eyes.	Элвин закатил глаза:
"That's about as dumb a thing as I've heard this year.	- Пожалуй, это самая большая глупость из тех, что я слышал за весь год.
Just because somebody's got things to do don't mean he won't die."	Ты хочешь сказать, что, если у человека осталось много дел, он и умереть не может?
"But it does mean he won't die willingly."	- По собственной воле - нет.
"I ain't willing."	- Но я не хочу умирать.
"That's why you'll find a way to live."	- Поэтому ты найдешь способ выжить.

Alvin was silent for a few seconds.	Несколько секунд Элвин молчал, после чего вновь заговорил:
"I've been thinking.	- Я много думал.
About if I do live, what I'll do.	О том, что буду делать, если выживу.
Like what I done to make my leg get mostly better. I can do that for other folks, I bet.	К примеру, я почти излечил свою ногу, так я ведь смогу и других людей лечить, почти наверняка.
I can lay hands on them and feel the way it is inside, and fix it up.	Буду дотрагиваться до них, затем распознавать, что за болезнь внутри них, а потом исцелять.
Wouldn't that be good?"	Ведь это будет здорово, да?

"They'd love you for it, all the folks you healed."	- Тебя будут любить за это те, кого ты вылечишь.
"I reckon the first time was the hardest, and I wasn't partickler strong when I done it.	- Могу поспорить, в первый раз труднее всего, да и не особо силен я был, когда лечил себе ногу.
I bet I can do it faster on other people."	С другими у меня получится куда быстрее.
"Maybe so.	- Возможно.

But even if you heal a hundred sick people every day, and move on to the next place and heal a hundred more, there'll be ten thousand people die behind you, and ten thousand more ahead of you, and by the time you die, even the ones you healed will almost all be dead."	Но даже если в день ты станешь исцелять по сотне больных, потом будешь переходить в другую деревню и исцелять еще сотню, за твоей спиной умрут десятки тысяч, а к скольким ты не успеешь! И к тому времени, как ты умрешь, те, кого ты исцелил, наверняка тоже сойдут под землю.
Alvin turned his face away.	Элвин повернулся лицом к стенке.
"If I know how to fix them, then I got to fix them, Taleswapper."	- Раз я знаю, как лечить, я должен лечить, Сказитель.
"Those you can, you must," said Taleswapper. "But not as your life's work.	- Да, должен. Тех, кого сможешь, - согласился Сказитель. - Но труд твоей жизни заключается в другом.

Bricks in the wall, Alvin, that's all they'll ever be.	Кирпичики в стене, Элвин, - вот что представляют собой люди.
You can never catch up by repairing the crumbling bricks.	Починяя рассыпающиеся в пыль камни, ты никуда не успеешь.
Heal those who chance to fall under your hand, but your life's work is deeper than that."	Исцеляй тех, кто встретится тебе на пути, но цель твоей жизни лежит куда глубже.
"I know how to heal people.	- Я умею исцелять людей.

But I don't know how to beat down the Un-the Unmaker.	И ума не приложу, как победить этого Рас... Рассоздателя.
I don't even know what it is."	Я даже не знаю, что это такое.

"As long as you're the only one that can see him, though, you're also the only one who has a hope of beating him."	- Ты единственный видишь его. Больше надеяться не на кого.
"Maybe."	- Ну да...
Another long silence.	Очередная долгая пауза.
Taleswapper knew it was time to go.	Сказитель понял: настало время уходить.
"Wait."	Он встал, направляясь к двери.
"I've got to leave now."	- Подожди. - Я должен идти.
Alvin caught at his sleeve.	Элвин поймал его за рукав.
"Not yet."	- Задержись немножко.

"Pretty soon."	- Разве что на минутку-другую.
"At least-at least let me read what the others wrote."	- По крайней мере... по крайней мере позволь мне прочесть, что написали другие.
Taleswapper reached into his bag and pulled out the book pouch.	Сказитель сунул руку в котомку и достал книгу.
"I can't promise I'll explain what they mean," he said, sliding the book out of its waterproof cover.	- Только не обещаю, что объясню написанное, -предупредил он, снимая с книги влагонепроницаемый чехольчик.
Alvin quickly found the last, newest writings.	Элвин быстро пролистал страницы и отыскал последние, самые свежие записи.

In his mother's hand:	Маминой рукой было написано:
"Vigor he push a log and he don die til the boy is bornd."	"Вигор он толкнул бревно и не умирал пака мальчик ни родился".
In David's hand:	Рукой Дэвида:
"A mil ston splits in two then it suks bak not a crak."	"Жернов развалился на две палавинки потом срося как небывало".
In Cally's hand:	Рукой Кэлли:
"A sevent sunn."	"Сидьмой сынн".
Alvin looked up. "He ain't talking about me, you know."	- Знаешь, - поднял глаза Элвин, - а ведь это он не обо мне написал.
"I know," said Taleswapper.	- Знаю, - кивнул Сказитель.

Alvin looked back at the book.	Элвин снова заглянул в книгу.
In his father's hand:	Увидел почерк отца:
"He dont kil a boy cus a stranjer com in time."	"Он не пагубил мальчика патаму што неснакомец во время пришол".
"What's Pa talking about?" asked Alvin.	- О чем это он? - спросил Элвин.

Taleswapper took the book from his hands and closed it.	Сказитель взял у него из рук книгу и закрыл ее.
"Find a way to heal your leg," he said. "There's a lot more souls than you who need it to be strong.	- Найди путь и исцели свою ногу, - сказал он. -Она должна вернуть былую силу - не одному тебе это нужно.

It's not for yourself, remember?"	Это ты делаешь не ради себя, помни.
He bent over and kissed the boy on the forehead.	Сказитель наклонился и поцеловал мальчика в лоб.
Alvin reached up and held him with both arms, hanging on him so that he couldn't stand up without lifting the boy clear out of bed.	Элвин вскинул руки и крепко обнял старика за шею, так что тот не мог выпрямиться, не подняв мальчика с постели.
After a while, Taleswapper had to reach up and pull the boy's arms away.	Спустя некоторое время Сказителю пришлось высвободиться из этих объятий.
His cheek was wet with Alvin's tears.	Щека его была мокрой от слез Элвина.
He didn't wipe them away.	Но вытирать их он не стал.

He let the breeze dry them as he trudged along the cold dry path, with fields of half-melted snow stretching left and right.	Эти слезы высушил ветерок, когда Сказитель зашагал по холодной, сухой тропинке, по раскинувшимся слева и справа полям, покрытым полустаявшим снегом.
He paused a moment on the second covered bridge.	На втором мостике он на секунду задержался.
Just long enough to wonder if he'd ever come back here, or see them again.	Оглянувшись назад, странник подумал: доведется ли ему когда-нибудь вернуться сюда, увидеть этих людей вновь?
Or get Alvin Junior's sentence for his book.	Напишет ли Элвин-младший в книге то, что хочет?

If he were a prophet, he'd know.	Если б Сказитель был пророком, то знал бы ответ на вопрос.
But he hadn't the faintest idea.	Но он даже на миг не мог проникнуть под покров будущего.
He walked on, setting his feet toward morning.	Он двинулся дальше, в сторону разгорающегося дня.
Chapter Thirteen-Surgery	13. Хирургия
The visitor sat comfortably upon the altar, leaning casually on his left arm, so that his body had a jaunty tilt.	Облокотившись на левую руку, Посетитель удобно развалился на алтаре.

Reverend Thrower had seen just such an informal pose taken by a dandy from Camelot, a rakehell who clearly despised everything that the Puritan churches of England and Scotland stood for.	Точно так же, фривольно раскинувшись, сидел один денди из Камелота, с которым преподобному Троуэру приходилось однажды встречаться. То был страшный распутник и повеса, от души презиравший добродетели, к которым призывали пуританские церкви Англии и Шотландии.
It made Thrower more than a little uncomfortable to see the Visitor in such an irreverent pose.	Троуэр отвел глаза: такую неловкость внушила ему беспардонная поза Посетителя.

"Why?" asked the Visitor. "Just because the only way you can maintain control over your bodily passions is to sit straight in your chair, knees together, hands delicately arranged in your lap, fingers tightly intertwined, does not mean that I am required to do the same."	- А что в ней такого? - спросил Посетитель. - Ты способен удерживать под контролем свои плотские страстишки, только если сидишь на стуле, выпрямившись как палка, сжав колени, важно сложив на животе руки и переплетя пальцы, однако это вовсе не значит, что я должен поступать так же.
Thrower was embarrassed.	Троуэр ощутил волну стыда:
"It isn't fair to chastise me for my thoughts."	- Несправедливо выговаривать человеку за его мысли.

"It is, when your thoughts chastise me for my actions.	- Справедливо - если его мысли устраивают судилище над моими поступками.
Beware of hubris, my friend.	Остерегайся заносчивости, друг мой.
Do not fancy yourself so righteous that you can judge the acts of angels."	Надеюсь, ты не мнишь себя невероятным праведником, способным судить деяния ангелов.
It was the first time the Visitor had ever called himself an angel.	В первый раз Посетитель в открытую признал свое ангельское происхождение.
"I did not call myself anything," said the Visitor. "You must learn to control your thoughts, Thrower.	- Ничего я не признавал, - возразил Посетитель. -Ты должен научиться контролировать мысли, Троуэр.

You leap to conclusions far too easily."	Ты слишком легко приходишь ко всяким умозаключениям.
"Why have you come to me?"	- Зачем ты явился ко мне?
"It's a matter of the maker of this altar," said the Visitor. He patted one of the crosses Alvin Junior had burnt into the wood.	- Хочу узнать, как поживает создатель вот этого вот алтаря, - ответил Посетитель и постучал пальцем по одному из крестов, выжженных в дереве Элвином-младшим.
"I've done my best, but the boy is unteachable.	- Я делал все возможное, но мальчишку невозможно чему бы то ни было научить.

He doubts everything, and contests each point of theology as if it were required to meet the same tests of logic and consistency that prevail in the world of science."	Он ставит под сомнение все и вся, оспаривает каждый пункт теологии, как будто в религии применимы те же самые законы логики и последовательности, что имеют место быть в мире науки.
"In other words, he expects your doctrines to make sense."	- Другими словами, он ищет в твоих доктринах здравый смысл.
"He is unwilling to accept the idea that some things remain mysteries, comprehensible only to the mind of God.	- Он не желает принимать во внимание, что некоторые загадки подвластны и доступны только разуму Господа.

Ambiguity makes him saucy, and paradox causes open rebellion."	Узрев двусмысленность, он дерзит, а парадокс вызывает у него открытое неповиновение.
"An obnoxious child."	- Несносный ребенок!
"The worst I have ever seen," said Thrower.	- Хуже не бывает, - подтвердил Троуэр.
The Visitor's eyes flashed.	Глаза Посетителя полыхнули.

Thrower felt a stab in his heart.	Троуэр почувствовал, что сердце как-то странно защемило.
"I've tried," said Thrower. "I've tried to turn him to serve the Lord.	- Я старался, - принялся оправдываться Троуэр. -Я пытался обратить его в веру Господню.

But the influence of his father-"	Но влияние отца...
"It is a weak man who blames his failures on the strength of others," said the Visitor.	- Оправдываясь в неудачах, слабак ищет причину в силе остальных, - подчеркнул Посетитель.
"I haven't failed yet!" said Thrower. "You told me I had until the boy was fourteen-"	- Но еще ничего не кончено! - воскликнул Троуэр.- Ты сказал, мальчик в моем распоряжении до четырнадцати лет, а ему всего...
"No.	- Нет.
I told you I had until the boy was fourteen.	Я сказал, что мальчик в моем распоряжении до четырнадцати лет.
You only have him as long as he lives here."	Ты можешь влиять на него, пока он живет в этой деревеньке.

"I've heard nothing about the Millers moving.	- Разве Миллеры переезжают? Ничего не слышал.
They just got their millstone in place, they're going to start grinding in the spring, they wouldn't leave without-"	Они недавно поставили жернов в мельницу, весной хотят начать молоть муку, они ж не уедут просто...
The Visitor stood up from the altar.	Посетитель слез с алтаря.
"Let me put a case to you, Reverend Thrower.	- Позволь я изложу суть дела, которое имею к тебе, преподобный Троуэр.
Purely hypothetical.	Опишу общими штрихами, чисто гипотетически.

Let us suppose you were in the same room with the worst enemy of all that I stand for.	Давай представим, ты находишься в одной комнате с самым страшным врагом тех сил, на чьей стороне я выступаю.
Let us suppose that he were ill, and lay helpless in his bed.	Предположим, враг этот болен, лежит, беспомощный, в постели.
If he recovered, he would be removed from your reach, and would thus go on to destroy all that you and I love in this world.	Выздоровев, он скроется, исчезнет, а стало быть, и дальше будет уничтожать то, что нам с тобой так дорого в этом мире.
But if he died, our great cause would be safe.	Но если он умрет, наше великое дело будет спасено.

Now suppose that someone put a knife into your hand, and begged you to perform a delicate surgery upon the boy.	А теперь представь, кто-то вкладывает тебе в руку нож и просит исполнить весьма сложную хирургическую операцию, дабы спасти мальчика.
And suppose that if you were to slip, just the tiniest bit, your knife could cut a great artery.	И предположим, что если нож соскользнет чуть в сторону, самую малость, то перерубит основную артерию.
And suppose that if you simply delayed, his lifeblood would flow out so quickly that in moments he would die.	Ты вдруг растеряешься при виде крови, а жизнь настолько быстро покинет тело мальчишки, что спустя считанные мгновения он умрет.
In that case, Reverend Thrower, what would be your duty?"	Итак, преподобный Троуэр, в чем будут состоять твои обязанности и моральный долг?

Thrower was aghast.	Троуэр был ошеломлен.
All his life he had prepared to teach, persuade, exhort, expound.	Всю жизнь он готовился учить, убеждать, увещевать и призывать.
Never to perform a bloody-handed act like the one the Visitor suggested.	Но сейчас Посетитель предложил ему обагрить руки кровью...
"I'm not suited for such things," he said.	- Я не подхожу для такого, - ответил наконец священник.
"Are you suited for the kingdom of God?" asked the Visitor.	- А подходишь ли ты для Царствия Божьего? -поинтересовался Посетитель.
"But the Lord said Thou shalt not kill."	- Но Господь сказал: "Не убий".
"Oh?	- Да неужто?

Is that what he said to Joshua, when he sent him into the promised land?	То ли он сказал Иисусу, отправляя его в Земли Обетованные?
Is that what he said to Saul, when he sent him against the Amalekites?"	42 То ли он напутствовал Саулу 43, посылая его наказать амаликитян?
Thrower thought of those dark passages in the Old Testament, and trembled with fear at the thought of taking part in such things himself.	Троуэр вспомнил эти темные места из Ветхого Завета и задрожал, охваченный страхом при мысли, что теперь столь страшные испытания выпали на его долю.
But the Visitor did not relent.	Но Посетитель не отступал:

"The high priest Samuel commanded King Saul to kill all the Amalekites, every man and woman, every child.	- Пророк Самуил приказал царю Саулу не давать пощады Амалику, но предать смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца.
But Saul hadn't the stomach for it.	Но у Саула кишка была тонка.
He saved the king of the Amalekites and brought him back alive.	Он пощадил царя Амаликитского и захватил его живым.
For that crime of disobedience, what did the Lord do?"	И что ответил Господь на подобное неповиновение?
"Chose David to be king in his place," murmured Thrower.	- Он поставил Давида на место Саула, -пробормотал Троуэр.

The Visitor stood close to Thrower, his eyes wounding him with their fire.	Посетитель подступил к Троуэру, глаза его поедом ели священника.
"And then Samuel, the high priest, the gentle servant of God, what did he do?"	- А затем Самуил, пророк, всепрощающий слуга Бога, - что он сделал?
"He called for Agag the king of the Amalekites to be brought before him."	- Он призвал Агага, царя Амаликитского, к себе.
The Visitor would not relent. "And what did Samuel do?"	- И как потом поступил Самуил? - продолжал допытываться Посетитель.
"Killed him," whispered Thrower.	- Убил его, - прошептал Троуэр.

"What does the scripture say that he did!" roared the Visitor.	- Что говорит об этом святое Писание? - заревел Посетитель.
The walls of the meetinghouse shook, the glass of the windows rattled.	Стены церкви заходили, стекло в окнах задребезжало.

Thrower wept in fear, but he spoke the words that the Visitor demanded:	Троуэр расплакался от страха, но все же выдавил слова, которых добивался Посетитель:
"Samuel hacked Agag in pieces in the presence of the Lord."	- Самуил разрубил Агага на части... пред лицом Господа.

Now the only sound in the church was Thrower's own ragged breath as he tried to control his hysterical weeping.	Церковь поглотила глубокая тишина - лишь затрудненное дыхание Троуэра, который пытался сдержать рвущиеся наружу истерические рыдания, нарушало покой.
The Visitor smiled at him, his eyes filled with love and forgiveness.	Посетитель улыбнулся священнику, глаза его наполнились любовью и всепрощением.
Then he was gone.	И исчез.
Thrower sank to his knees before the altar and prayed.	Троуэр упал перед алтарем на колени и принялся неистово молиться.
0 Father, I would die for Thee, but do not ask me to kill.	"О Отец, я жизнь отдам за Тебя, но не проси меня убивать.

Take away this cup from my lips, I am too weak, I am unworthy, do not lay this burden upon my shoulders.	Отними эту чашу от губ моих, ибо слаб я, недостойный, не возлагай сию ношу на мои жалкие плечи".
His tears fell on the altar.	Слезы его упали на алтарь.
He heard a sizzling sound and jumped back from the altar, startled.	Он услышал шипящий звук и, изумленный, отпрыгнул в сторону.
His tears skittered along the surface of the altar like water on a hot skillet, until finally they were consumed.	Капельки слез танцевали на поверхности алтаря, как вода на раскаленном железе, пока не испарились совсем.

The Lord has rejected me, he thought. I pledged to serve Him however He required, and now, when He asks something difficult, when He commands me to be as strong as the great prophets of old, I discover myself to be a broken vessel in the hands of the Lord.	"Господь отверг меня, - подумал священник. - Я принес обет служить Ему, чего бы Он ни испросил, но стоило Ему поставить трудную задачу, стоило приказать мне исполниться силы великих пророков древности, как я превратился в разбитый сосуд в перстах Господа.
I cannot contain the destiny He wanted to pour into me.	Я не могу удержать ту судьбу, что Он вливает в меня".
The door of the church opened, letting in a wave of freezing air that rushed along the floor and sent a chill through the minister's flesh.	Дверь церкви отворилась, впустив внутрь порыв ледяного ветра. Холод вихрем промчался по полу и пустил дрожь по телу священника.

He looked up, fearing that it was an angel sent to punish him.	Троуэр поднял глаза, в страхе думая, что явился ангел, ниспосланный наказать его.
It was no angel, though.	Однако это был не ангел.
Merely Armor-of-God Weaver.	То был просто Армор Уивер.
"I didn't mean to interrupt you in prayer," said Armor.	- О простите, я не хотел прерывать вашу молитву,- извинился Армор.
"Come in," said Thrower. "Close the door.	- Входите, - сказал Троуэр. - Только дверь закройте.
What can I do for you?"	Чем я могу помочь?

"Not for me," said Armor.	- Помощь нужна не мне... - начал Армор.
"Come here.	- Идите сюда.
Sit down.	Сядьте.
Tell me."	Рассказывайте.
Thrower hoped that perhaps it was a sign from God that Armor had come just now.	Троуэр надеялся, что, посылая сюда Армора, Господь подает какой-то знак.
A member of the congregation, coming to him for help, right after he prayed-surely the Lord was letting him know that he was accepted after all.	Не успел он помолиться, как к нему за помощью обратился член его паствы - Господь Бог явно давал понять, что Троуэру отвержение пока не грозит.

"It's my wife's brother," said Armor. "The boy, Alvin Junior."	- Дело в брате моей жены, - сказал Армор. - В мальчике, в Элвине-младшем.
Thrower felt a thrill of dread run through him, freezing him to the bone.	Троуэр ощутил, как ледяной холод впился иглами в его плоть, пронзив до самых костей.
"I know him.	- Я знаком с ним.
What about him?"	И что же за дело?
"You know he got his leg mashed."	- Вы, наверное, знаете, он ногу покалечил.
"I heard of it."	- Слышал.
"You didn't happen to go visit and see him afore it healed up?"	- А вам не случалось навещать его до того, как нога зажила?
"I've been given to believe that I'm not welcome in that house."	- Мне недвусмысленно объяснили, что мое присутствие в том доме не приветствуется.

"Well, let me tell you, it was bad.	- Тогда я вам расскажу.
A whole patch of skin tore off.	Нога была в ужасном состоянии. Огромный лоскут кожи сорван.
Bones broke.	Кости переломаны пополам.
But two days later, it was healed right up.	Но два дня спустя рана зажила.
Couldn't even see no scar.	Даже шрама не разглядеть.
Three days later he was walking."	А спустя три дня он стал ходить.
"It must not have been as bad as you thought."	- Может, рана оказалась вовсе не так страшна, как вы ее себе рисовали?
"I'm telling you, that leg was broke and the wound was bad.	- Говорю вам, нога была переломана, а страшнее раны я не видел.

The whole family figured the boy was bound to die.	Вся семья в мыслях уже хоронила мальчишку.
They asked me about buying nails for a coffin.	Они и ко мне обратились - хотели приобрести гвоздей для гробика.
And they looked so bad from grieving that I wasn't sure but what we'd bury the boy's ma and pa, too."	Так они скорбели, так жалели, что я подумал, как бы не пришлось нам хоронить вместе с мальчиком его маму и папу.
"Then it can't be as fully healed as you say."	- Значит, нога не могла зажить за несколько дней.

"Well, it ain't fully healed, and that's why I come to you.	Говорите, рана затянулась? - Ну, не вся, поэтому-то я и обратился к вам.

I know you don't believe in such things, but I tell you they witched the boy's leg to heal somehow.	Я знаю, вы не верите во всякие предрассудки, но голову даю на отсечение, они исцелили парня ведьмовством.
Elly says the boy did the witching himself.	Элли говорит, он сам себя заколдовал.
He was even walking on the leg for a few days, no splint even.	Даже ходить мог несколько дней, ступая на больную ногу.
But the pain never let up, and now he says there's a sick place on his bone.	Но боль не отпускает его, и теперь мальчишка утверждает, где-то в его кости засела какая-то дрянь.
He's got a fever, too."	Кроме того, у него началась лихорадка.

"There's a perfectly natural explanation for everything," said Thrower.	- Вот прекрасное и естественное объяснение происшедшему, - улыбнулся Троуэр.
"Well, be that as you like, the way I see it the boy invited the devil with his witchery, and now the devil's eating him alive inside.	- Вы думайте что хотите, но я лично считаю, парень вызвал своим ведьмовством дьявола, и теперь нечистый грызет его изнутри.

And seeing how you're an ordained minister of God, I thought maybe you could cast out that devil in the name of the Lord Jesus."	Однако у нас есть вы, духовный слуга Господа Бога, и я подумал, может, вы изгоните дьявола именем Иисуса Христа.
Superstitions and sorceries were nonsense, of course, but when Armor brought up the possibility of a devil being in the boy, it made sense, it fit with what he knew from the Visitor.	Упомянутые Армором суеверия и колдовские штучки можно было не принимать во внимание, это все ерунда, но когда Уивер выдвинул гипотезу о поселившемся в мальчике дьяволе, Троуэр задумался. Смысл в этом присутствовал, и история полностью согласовалась с тем, что он узнал от Посетителя.

Maybe the Lord wanted him to exorcise the child, to purge the evil from him, not to kill the boy at all.	Может быть, Господь хочет, чтобы Троуэр изгнал из ребенка сатану, освободил его от зла, а вовсе не убивал.
It was a chance for him to redeem himself from his failure of will a few minutes before.	Священнику представился шанс оправдать себя в глазах Небес и искупить продемонстрированное несколько минут назад безволие.
"I'll go," he said.	- Я схожу туда, - решительно произнес он.
He reached for his heavy cloak and whipped it around his shoulders.	Взяв тяжелую накидку, он завернулся в нее.

"I better warn you, nobody up at their house asked me to bring you."	- Но предупреждаю, никто из ихней семьи не просил, чтобы я приводил вас.
"I'm prepared to deal with the anger of the unfaithful," said Thrower. "It's the victim of deviltry that concerns me, not his foolish and superstitious family."	- Я готов встретиться с гневом неверующих, -ответил Троуэр. - Меня волнует мальчик - жертва дьявольских козней, а вовсе не его глупое суеверное семейство.
Alvin lay on his bed, burning with the heat of his fever.	* * * Элвин лежал на постели, лихорадка сжигала его огнем.

Now, in the daylight, they kept his shutters closed, so the light wouldn't hurt his eyes.	Даже днем ставни были плотно прикрыты, чтобы свет не резал ему глаза.

At night, though, he made them open things up, let some of the cold air in. He would breathe it in relief.	Они открывались только ночью, по настоянию самого Элвина, чтобы впустить в комнату немножко холодного, свежего воздуха, которым он жадно дышал.
During the few days when he could walk, he had seen the snow covering the meadow.	Поднявшись с постели, он увидел, что луга засыпал снег.

Now he tried to imagine himself lying under that blanket of snow.	Сейчас он рисовал себе, что его с головой покрывает белое одеяло снега.
Relief from the fire burning through his body.	Так он хоть немного отвлекался от того пламени, что жарило его тело.
He just couldn't see small enough inside himself.	Частички лихорадки, поселившиеся внутри него, были слишком малы, недоступны взгляду.
What he did with the bone, with the strands of muscle and layers of skin, it was harder than ever it was to find the cracks in the quarry stone.	То, что он сотворил с костью, мускулами и кожей, было трудно, куда сложнее, чем увидеть трещинки в гранитном камне.

But he could feel his way through the labyrinth of his body, find the large wounds, help them to close.	Но он нашел путь в лабиринте тела, отыскал большие раны, заживил их.
Most of what went on, though, was too small and fast for him to comprehend.	А сейчас он был бессилен - просто не успевал уследить за крошечными частичками, которые стремительно носились внутри.
He could see the result, but he couldn't see the pieces, couldn't make out how it happened.	Результат он видел, но не видел его составляющих и, следовательно, не мог определить, как это происходит.
That's how it was with the bad place in his bone.	То же самое и с костью.

Just a patch of it that was weakening, rotting away.	Маленький кусочек ее дал слабинку, сгнил.
He could feel the difference between the bad place and the good healthy bone, he could find the borders of the sickness.	Он ощущал разницу между больным местом и хорошей, здоровой костью, мог определить границы болезни.
But he couldn't actually see what was happening.	Но разглядеть, в чем дело, не мог.
He couldn't undo it.	Не мог помешать рассозданию.
He was going to die.	А значит, должен был умереть.
He wasn't alone in the room, he knew.	В комнате он был не один.

Someone always sat at his bedside.	Все время рядом с его постелью кто-нибудь сидел.
He would open his eyes and see Mama, or Papa, or one of the girls.	Он открывал глаза и видел маму, папу или какую-нибудь из сестер.
Sometimes even one of the brothers, even though it meant he had left his wife and his chores.	Иногда дежурили братья, а это значило, что они оставили ради него своих жен и детей.
It was a comfort to Alvin, but it was also a burden.	Отчасти это утешало Элвина, но одновременно он чувствовал себя виноватым.
He kept thinking he ought to hurry up and die so they could all get back to their regular lives.	Он уже стал подумывать, как бы умереть побыстрей, чтобы его близкие могли вернуться к обычной размеренной жизни.

This afternoon it was Measure sitting there.	Сегодня у него дежурил Мера.
Alvin said howdy to him when he first came, but there wasn't much to talk about.	Увидев брата, Элвин поздоровался с ним, но больше разговаривать было не о чем.
Howdy do?	"Привет, как жизнь?" -
I'm dying, thanks, and you?	"Да нормально, умираю помаленьку, а у тебя как?"
Kind of hard to keep chatting.	Трудновато поддерживать такой разговор.
Measure talked about how he and the twins had tried to cut a grindstone.	Мера рассказал ему, как они с близнецами попытались вытесать малый жернов.

They chose a softer stone than what Alvin worked with, and still they had a devil of a time cutting.	Они выбрали камень помягче, чем тот, с которым работал Элвин, но все равно потратили уйму времени и сил.
"We finally gave right up," said Measure. "It's just going to have to wait till you can go up the mountain and get us a stone yourself."	- В конце концов мы бросили его, - сказал Мера. -Придется жернову подождать, пока ты встанешь на ноги, поднимешься на гору и сам вырубишь его.
Alvin didn't answer that, and they neither one said a word since then.	Элвин не ответил, и с тех пор они не обменялись ни словом.

Alvin just lay there, sweating, feeling the rot in his bone as it slowly, steadily grew.	Элвин просто лежал, потел и ощущал, как гниение в кости медленно, но верно распространяется.
Measure sat there, lightly holding his hand.	Мера сидел рядом и легонько сжимал его руку.
Measure started to whistle.	Вдруг Мера начал что-то насвистывать.
The sound of it startled Alvin.	Этот звук поразил Элвина.

He'd been so caught up inside himself that the music seemed to come from a great distance, and he had to travel some distance to discover where it was coming from.	Он настолько глубоко ушел в себя, что музыка, казалось, доносилась из далекого далека - ему при- шлось вернуться назад, чтобы понять, откуда она исходит.
"Measure," he cried; but the sound of his voice was a whisper.	- Мера, - крикнул он, но голос подвел его, обратив- шись в шепот.
The whistling stopped.	Свист прекратился.
"Sorry," said Measure. "Does it bother you?"	- Прости, - сказал Мера. - Мой свист тебе мешает?
"No," said Alvin.	- Нет, - прошептал Элвин.

Measure started in whistling again.	Мера снова принялся насвистывать.
It was a strange tune, one that Alvin didn't recollect he ever heard before.	Мелодия была странной, Элвин ее ни разу не слышал - во всяком случае, не помнил ее.
In fact it didn't sound like any kind of tune at all.	По сути дела, это вообще нельзя было назвать мелодией.
It never did repeat itself, just went on with new patterns all the time, ,like as if Measure was making it up on the way.	Она ни разу не повторялась, а длилась и длилась, переливаясь из образа в образ, как будто Мера сочинял ее прямо сейчас.

As Alvin lay there and listened, the melody seemed like it was a map, winding through a wilderness, and he started to follow it.	Элвин лежал и слушал, пока музыка не превратилась в карту, уводящую в дикую глушь. И он последовал за ней.

Not that he saw anything, the way he would following a real map.	Не то чтобы он увидел что-нибудь, как если бы ориентировался по настоящей карте.
It just seemed always to show him the center of things, and everything he thought about, he thought about as if he was standing in that place.	Он очутился в центре вещей, и стоило ему о чем-нибудь подумать, как он в мгновение ока оказывался там, где бродили его мысли.

Almost like he could see all the thinking he had done before, trying to figure out a way to fix the bad place on his bone, only now he was looking from a ways off, maybe higher up a mountain or in a clearing, somewhere that he could see more.	Он словно взглянул на собственный ум со стороны, обозрел свои прошлые мысли, касающиеся исцеления кости. Но теперь он взирал на них с расстояния - с вершины горы, с опушки леса, оттуда, откуда он мог увидеть нечто большее.
Now he thought of something he never thought of before.	И он кое-что придумал - раньше эта мысль не приходила ему на ум.
When his leg was first broke, with the skin all tore up, everybody could see how bad off he was, but nobody could help him, only himself.	Когда его нога была сломана, а кожа сорвана, рана была открыта взгляду, но никто не смог помочь ему, кроме него самого.

He had to fix it all from inside.	Ему пришлось исцелить ее самому, изнутри.
Now, though, nobody else could see the wound that was killing him.	А нынешняя рана, которая уносит его жизнь, не видна никому.
And even though he could see it, he couldn't do a blame thing to make it better.	Он хоть и видит ее, но ничего сделать не может.
So maybe this time, somebody else could fix him up.	Так, может быть, на этот раз кто-нибудь другой поможет ему.
Not using any kind of hidden power at all.	Забудем всякие скрытые силы.
Just plain old bloody-handed surgery.	Прибегнем к старушке хирургии, к самому заурядному кровавому костоправству.

"Measure," he whispered.	- Мера, - прошептал он.
"I'm here," said Measure.	- Я здесь, - ответил Мера.
"I know a way to fix my leg," he said.	- Я знаю, как исцелить ногу, - сказал он.
Measure leaned in close.	Мера наклонился ближе.
Alvin didn't open his eyes, but he could feel his brother's breath on his cheek.	Элвин не стал открывать глаза, но почувствовал дыхание брата на своей щеке.

"The bad place on my bone, it's growing, but it ain't spread all over yet," Alvin said. "I can't make it better, but I reckon if somebody cut off that part of my bone and took it right out of my leg, I could heal it up the rest of the way."	- Та гниль у меня на кости, она растет, но пока она не распространилась, - начал объяснять Элвин. - Я ничего сделать не могу, но если кто-нибудь вырежет этот кусочек из моей кости и вытащит его из ноги, думаю, остальное я как-нибудь залечу.
"Cut it out?"	- Вырежет?
"Pa's bone saw that he uses when he's cutting up meat, that'd do the trick I think."	- Папина пила... Которой он пилит кости, которые нельзя перерубить при рубке мяса. По-моему, она сойдет.
"But there ain't a surgeon in three hundred mile."	- Но отсюда до ближайшего хирурга миль триста, не меньше.

"Then I reckon somebody better learn how real quick, or I'm dead."	- Тогда придется кому-нибудь из вас исполнить его роль. И побыстрее, иначе я мертвец.
Measure was breathing quicker now.	Дыхание Меры участилось.
"You think cutting your bone would save your life?"	- Ты уверен, что это спасет тебе жизнь?
"It's the best I can think of."	- Ничего лучшего я придумать не смог.
"It might mess up your leg real bad," said Measure.	- Но ногу тебе покромсают изрядно, -предупредил Мера.
"If I'm dead, I won't care.	- Мертвому мне будет не до покалеченной ноги.

And if I live, it'll be worth a messed-up leg."	Уж лучше ходить с изрезанной ногой, но живым.
"I'm going to fetch Pa."	- Пойду отыщу папу.
Measure scuffed back his chair and thumped out of the room.	Мера с грохотом отодвинул стул и, бухая башмаками, выбежал из комнаты.
Thrower let Armor lead the way onto the Millers' porch.	* * * Армор привел Троуэра прямиком к крыльцу дома Миллеров и постучал в дверь.
They couldn't very well turn away their daughter's husband.	Дочкиного мужа они просто так не выставят.
His concern was unfounded, however.	Впрочем, беспокойство Троуэра оказалось напрасным.

It was Goody Faith who opened the door, not her pagan husband.	Дверь открыла тетушка Вера, а не ее язычник-муж.
"Why, Reverend Thrower, if you ain't being too kind to us, stopping up here," she said.	- О, преподобный Троуэр, - воскликнула она. -Как это мило с вашей стороны, что вы решили заглянуть к нам на огонек.
The cheerfulness of her voice was a lie, though, if her haggard face was telling the truth.	Напускная радушность оказалась заурядной ложью, ибо встревоженное, измученное лицо женщины выдавало правду.
There hadn't been much good sleep in this house lately.	В этом доме успели позабыть про сон и покой.

"I brought him along, Mother Faith," said Armor. "He come only cause I asked him."	- Это я привел его с собой, мать Вера, - сказал Армор. - Он пришел, потому что я попросил.
"The pastor of our church is welcome in my home whenever it pleases him to come by," said Faith.	- Пастор нашей церкви всегда приветствуется в моем доме, каковы бы ни были причины его прихода, - ответила Вера.
She ushered them into the great room.	Хлопоча вокруг, она ввела гостей в большую комнату.
A group of girls making quilt squares looked up at him from their chairs near the hearth.	У очага на стульчиках ткали салфетки несколько девушек; заслышав шаги, они подняли головы.

The little boy, Cally, was doing his letters on a board, writing with charcoal from the fire.	Малыш Кэлли прилежно рисовал углем буквы на чистой доске.
"I'm glad to see you doing your letters," said Thrower.	- Рад, что ты упражняешься в чистописании, -похвалил его Троуэр.

Cally just looked at him. There was a hint of hostility in his eyes.	Кэлли ничего не ответил, лишь угрюмо посмотрел на священника. В глазах его таилась враждебность.
Apparently the boy resented having his teacher look at his work here at home, which he had supposed was a sanctuary.	Очевидно, мальчик не хотел, чтобы учитель проверял его работу здесь, в родном доме, который малыш считал неприступной крепостью.

"You're doing them well," said Thrower, trying to put the boy at ease.	- У тебя прекрасно получается, - заметил Троуэр, решив подбодрить мальчика.
Cally said nothing, just looked down again at his makeshift slate and kept on scrawling out words.	Кэлли опять ничего не сказал. Он вернулся к своей доске и продолжил выписывать слова.
Armor brought up their business right away.	Армор перешел прямо к делу:
"Mother Faith, we come cause of Alvin.	- Мама Вера, мы пришли сюда из-за Элвина.
You know how I feel about witchery, but I never before said a word against what you folks do in your house.	Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к колдовству, но никогда прежде я слова не сказал против того, чем вы занимаетесь у себя в доме.

I always reckoned that was your business and none of mine.	Я всегда считал, что это ваше дело, не мое.
But that boy is paying the price for the evil ways that you've let go on here.	Но сейчас за те злые дела, что вы практикуете здесь, расплачивается невинный младенец.
He witched his leg, and now there's a devil in him, killing him off, and I brought Reverend Thrower here to wring that devil on out of him."	Он заколдовал свою ногу, и в ней поселился дьявол, который теперь убивает его. Я привел преподобного Троуэра, чтобы он изгнал порождение ада.
Goody Faith looked puzzled.	Тетушка Вера смерила его непонимающим взглядом:
"There ain't no devil in this house."	- Но в этом доме нет никакого дьявола.

Ah, poor woman, said Thrower silently. If you only knew how long a devil has dwelt here.	"Бедняжка, - промолвил про себя Троуэр. - Если б ты только знала, что дья- вол давным-давно свил здесь гнездовище".
"It is possible to become so accustomed to the presence of a devil as not to recognize that it is presene."	- К присутствию дьявола тоже можно привыкнуть, - произнес он вслух, - а привыкнув, перестаешь замечать.
A door by the stairs opened up, and Mr. Miller stepped backward through the doorway.	Дверь у лестницы распах- нулась, и из нее шагнул мистер Миллер. Он стоял спиной к присутствую- щим, поэтому не видел гостей.
"Not me," he said, talking to whoever was in that room. "I'll not lay a knife to the boy."	- Только не я, - помотал головой он, обращаясь к человеку, оставшемуся в комнате. - Я не стану ре- зать мальчика.

Cally jumped up at the sound of his father's voice and ran to him.	Заслышав голос отца, Кэлли подпрыгнул и подбежал к папе.
"Armor brung old Thrower here, Papa, to kill the devil."	- Пап, Армор привел сюда старика Троуэра, чтобы убить дьявола.
Mr. Miller turned around, his face twisted with unidentified emotion, and looked at the visitors as if he hardly recognized them.	Мистер Миллер повернулся, лицо его непонятно исказилось. Словно не узнавая, он оглядел вновь прибывших.

"I've got good strong hexes on this house," said Goody Faith.	- На дом наложены хорошие, надежные обереги, -сказала тетушка Вера.

"Those hexes are a summons for the devil," said Armor. "You think they protect your house, but they drive away the Lord."	- Эти обереги и есть дьявольская приманка, -ответил Армор. - Вы считаете, они защищают ваш дом, а на самом деле они отвращают Господа.
"No devil ever came in here," she insisted.	- Дьявола здесь никогда не было и нет, -упорствовала она.
"Not by itself," said Armor. "You called it in with all you're conjuring.	- Не было, - подчеркнул Армор. - Но вы призвали его.

You forced the Holy Spirit to leave your house by your witchery and idolatry, and having swept goodness from your home, the devils naturally come right in.	Свершая колдовство и идолопоклонство, вы вынудили Святого Духа покинуть ваш дом, вы изгнали отсюда добро, так что дьяволы поселились здесь.
They always come in, where they see a fair chance to do mischief."	Они никогда не упустят возможности напакостить и нагадить.
Thrower became a little concerned that Armor was saying too much about things he didn't really understand.	Троуэр слегка забеспокоился. Слишком уж много Армор рассуждал о том, чего не понимал.

It would have been better had he simply asked if Thrower could pray for the boy at Alvin's bedside.	Лучше бы он просто спросил, нельзя ли Троуэру помолиться о спасении души Элвина у изголовья его кровати.
Now Armor was drawing battle lines that should never have been drawn.	Так нет же, Армору непременно надо начать войну, в которой нет никакой необходимости.
And whatever was going on in Mr. Miller's head right now, it was plain to see that this wasn't the best of times to provoke the man.	Что бы сейчас ни происходило в голове у мистера Миллера, невооруженным взглядом было видно, что сейчас этого человека лучше не провоцировать.
He slowly walked toward Armor.	Миллер медленно двинулся к Армору.

"You telling me that what comes into a man's house to do mischief is the devil?"	- Ты утверждаешь, только дьявол является в дом к человеку, чтоб напакостить?
"I bear you my witness as one who loves the Lord Jesus," Armor began, but before he could get any further into his testimony, Miller had him by the shoulder of his coat and the waist of his pants, and he turned him right toward the door.	- Как человек, любящий Господа нашего Иисуса, могу поклясться в этом... - начал было Армор, но Миллер не дал ему закончить проповедь. Одной рукой он схватил его за загривок, другой ухватил за штаны и повернул лицом к двери.

"Somebody better open this door!" roared Miller. "Or there's going to be a powerful big hole right in the middle of it!"	- Эй, кто-нибудь, ну-ка, дверь откройте! - проорал Миллер. - Не то сейчас прям посреди будет красоваться огромная дырища!
"What do you think you're doing, Alvin Miller!" shouted his wife.	- Ты что творишь, Элвин Миллер?! - закричала жена.
"Casting out devils!" cried Miller.	- Дьявола изгоняю!
Cally had swung the door open by then, and Miller walked his son-in-law to the edge of the porch and sent him flying.	Тут Кэлли распахнул дверь, Миллер вытащил своего зятя на крыльцо и одним движением швырнул его на дорогу.

Armor's cry of outrage ended up muffled by the snow on the ground, and there wasn't much chance to hear his yelling after that because Miller closed and barred the door.	Г невный вопль Армора заглушил снег, набившийся ему в рот, а после этого воплей и вовсе стало не слышно, поскольку Миллер закрыл дверь и задвинул засов.
"Ain't you a big man," said Goody Faith, "throwing out your own daughter's husband."	- Ах, какой сильный, смелый мужчина, - съязвила тетушка Вера, - как славно ты выкинул из дома мужа собственной дочки...
"I didn't do but what he said the Lord wanted done," said Miller.	- Я сделал то, чего, по его словам, требовал Господь, - огрызнулся Миллер.
Then he turned his gaze upon the pastor.	И обратил взгляд на пастора.

"Armor didn't speak for me," said Thrower mildly.	- Армор говорил от своего лица, - миролюбиво объяснил Троуэр.
"If you lay a hand on a man of the cloth," said Goody Faith, "you'll sleep in a cold bed for the rest of your life."	- Если ты посмеешь наложить руку на человека в одеждах Господних, - вмешалась тетушка Вера, -то до конца дней своих будешь спать в холодной постели.
"Wouldn't think of touching the man," said Miller. "But the way I figure it, I stay out of his place, and he ought to stay out of mine."	- Даже не думал трогать его, - проворчал Миллер.- Но, насколько помню, у нас существует договоренность: я не лезу к нему в дом, а он держится подальше от моего.
"You may not believe in the power of prayer," said Thrower.	- Вы можете не верить в силу молитвы... -заговорил Троуэр.

"I reckon it depends on who's doing the praying, and who's doing the listening," said Miller.	- Это зависит от того, кто творит молитву и кто ее слушает, - сказал Миллер.
"Even so," said Thrower, "your wife believes in the religion of Jesus Christ, in the which I have been called and ordained a minister.	- Пусть даже так, - согласился Троуэр, - но ваша жена верит в учение Иисуса Христа, сановным служителем которого я являюсь.
It is her belief, and my belief, that for me to pray at the boy's bedside might be efficacious in his cure."	Это ее вера и моя вера, так что вознесенная молитва у изголовья мальчика может послужить его вящему исцелению.

"If you use words like that in your praying," said Miller, "it's a wonder the Lord even knows what you're talking about."	- Когда в своей молитве вы станете изъясняться точно так же, - заметил Миллер, - я немало удивлюсь, если Господь поймет, о чем вы ведете речь.
"Though you don't believe such prayer will help," Thrower went on, "it certainly can't hurt, can it?"	- А поскольку вы не верите, что моя молитва подействует, - продолжал Троуэр, - значит, вреда она принести точно не сможет, как думаете?
Miller looked from Thrower to his wife and back again.	Миллер перевел взгляд на жену, потом обратно на Троуэра.

Thrower had no doubt that if Faith had not been there, he would have been eating snow alongside Armor-ofGod.	Троуэр не сомневался, что, если б не Вера, он бы сейчас отплевывался от снега вместе с Армором.
But Faith was there and had already uttered the threat of Lysistrata.	Но Вера уже предупредила мужа, произнеся угрозу Лисистраты 44.
A man does not have fourteen children if his wife's bed holds no attraction to him.	У мужчины не было б четырнадцати детей, если бы супружеское ложе не влекло его.

Miller gave in.	Так что Миллер уступил.
"Go on in," he said. "But don't pester the boy too long."	- Заходите, - буркнул он. - Только не мучьте парня чересчур долго.

Thrower nodded graciously. "No more than a few hours," he said.	- Это займет пару-другую часов, не больше, -благодарно склонился Троуэр.
"Minutes!" Miller insisted.	- Минут, а не часов! - стоял на своем Миллер.
But Thrower was already headed for the door by the stairs, and Miller made no move to stop him.	Но Троуэр бодрым шагом направился к двери у лестницы, и Миллер не спешил воспрепятствовать ему.
He could have hours with the boy, if he wanted to.	Значит, он может провести с мальчиком несколько часов, если захочет.
He closed the door behind him.	Войдя в комнату, Троуэр плотно притворил за собой дверь.

No sense in letting any of the pagans interfere with this.	Нечего здесь мешаться всяким язычникам.
"Alvin," he said.	- Элвин, - позвал он.
The boy was stretched out under a blanket, his forehead beaded with sweat.	Мальчик вытянулся под одеялом, лоб его покрывали крупные капли пота.
His eyes were closed.	Глаза Элвина были закрыты.
After a while, though, he opened his mouth a little.	Впрочем, спустя секунду губы его едва заметно шевельнулись:
"Reverend Thrower," he whispered.	- Преподобный Троуэр, - прошептал он.

"The very same," said Thrower. "Alvin, I've come to pray for you, so the Lord will free your body of the devil that is making you sick."	- Он самый, - подтвердил Троуэр. - Элвин, я пришел помолиться, чтобы Господь освободил твое тело от дьявола, который насылает на тебя порчу и болезнь.
Again a pause, as if it took a while for Thrower's words to reach Alvin and just as long again for his answer to return.	Снова пауза; как будто требовалось время, чтобы слова Троуэра достигли Элвина и вернулись обратно, обернувшись ответом.
"Ain't no devil," he said.	- Дьявола не существует, - сказал Элвин.

"One can hardly expect a child to be well-versed in matters of religion," said Thrower. "But I must tell you that healing comes only to those who have the faith to be healed."	- Вряд ли можно требовать от ребенка подкованности в вопросах религии, - ответил Троуэр. - Но я должен сказать тебе, исцеление приходит только к тем, у кого достаточно веры, чтобы быть исцеленным.
He then devoted several minutes to recounting the story of the centurion's daughter and the tale of the woman who had an issue of blood and merely touched the Savior's robe.	Следующие несколько минут он посвятил рассказу о дочери начальника синагоги 45 и истории о женщине, страдавшей кровотечением и излечившейся прикосновением к одеждам Спасителя 46.
"You recall what he said to her.	- Помнишь, что сказал он ей?

Thy faith hath made thee whole, he said.	"Вера твоя спасла тебя", - изрек он.
So it is, Alvin Miller, that your faith must be strong before the Lord can make you whole."	Так вот, Элвин Миллер, вера твоя должна окрепнуть, прежде чем Господь спасет тебя.

The boy didn't answer.	Мальчик ничего не ответил.
Since Thrower had used his considerable eloquence in the telling of both stories, it offended him a bit that the boy might have fallen asleep.	Поскольку Троуэр, рассказывая сии притчи, пустил в ход все свое изысканное красноречие, то, что мальчик заснул, несколько задело его.
He reached out a long finger and poked Alvin's shoulder.	Указательным пальцем он ткнул в плечо Элвина.

Alvin flinched away.	Элвин дернулся.
"I heard you," he muttered.	- Я слышал вас, - пробормотал он.
It wasn't good that the boy could still be sullen, after hearing the light-giving word of the Lord.	Судя по всему, мальчишка еще больше помрачнел, услышав несущие свет слова Г оспода. Плохо, очень плохо...
"Well?" asked Thrower. "Do you believe?"	- Ну? - спросил Троуэр. - Веруешь ли ты?
"In what," murmured the boy.	- Во что? - выдавил мальчик.
"In the gospel!	- В Святое Писание!
In the God who would heal you, if you only soften your heart!"	В Господа Бога, который исцелит тебя, если ты смягчишь свое сердце!
"Believe," he whispered. "In God."	- Верую, - прошептал Элвин. - В Бога.

That should have been enough.	По идее, этого признания было достаточно.
But Thrower knew too much of the history of religion not to press for more detail.	Но Троуэр изрядно поднаторел в истории религии, чтобы довериться так легко.
It was not enough to confess faith in a deity.	Признаться в вере в божественность - мало.
There were so many deities, and all but one was false. " Which God do you believe in, Al Junior?"	Божеств огромное число, но лишь одно из них истинно. - В которого Бога ты веруешь, Эл-младший?
"God," said the boy.	- В Бога, - повторил мальчик.
"Even the heathen Moor prays toward the black stone of Mecca and calls it God!	- Язычник Мур молился черному камню Мекки и тоже называл его Богом!

Do you believe in the true God, and do you believe in Him correctly?	Веруешь ли ты в истинного Г оспода и веруешь ли в Него правильно?
No, I understand, you're too weak and fevered to explain your faith.	Я понимаю, тебя мучает лихорадка, ты слишком слаб, чтобы толковать свою веру.
I will help you, young Alvin.	Я помогу тебе, малыш Элвин.
I'll ask you questions, and you tell me, yes or no, whether you believe."	Буду задавать вопросы, а тебе надо будет отвечать "да" или "нет", согласуясь с собственной верой.
Alvin lay still, waiting.	Элвин лежал неподвижно и ждал.

"Alvin Miller, do you believe in a God without body, parts, or passions?	- Элвин Миллер, веруешь ли ты в Г оспода бестелесного, не обладающего членами тела и страстями?
The great Uncreated Creator, Whose center is everywhere, yet Whose circumference can never be found?"	В великого Несозданного Создателя, Чей центр везде и Чье местоположение не может быть определено?

The boy seemed to ponder this for a while before he spoke.	Некоторое время мальчик обдумывал слова Троуэра, прежде чем ответить.
"That don't make a bit of sense to me," he said.	- Мне это кажется полной бессмыслицей, -наконец сказал он.

"He isn't supposed to make sense to the carnal mind," Thrower said. "I merely ask if you believe in the One who sits atop the Topless Throne; the self-existing Being who is so large He fills the universe, yet so penetrating that He lives in your heart."	- Смертным разумом Его не осмыслить, - заметил Троуэр. - Я просто спрашиваю, веруешь ли ты в Единого, восседающего на вершине Бесконечно Высокого Трона, самосуществующее Бытие, которое столь велико, что наполняет Вселенную, и столь мало, что способно жить в твоем сердце?
"How can he sit on the top of something that ain't got no top?" the boy asked. "How can something that big fit inside my heart?"	- Как он может сидеть на вершине трона, у которого вообще нет вершины? - удивился мальчик. - И как столь великое может уместиться в моем сердце?

The boy was obviously too uneducated and simpleminded to grasp sophisticated theological paradox.	Мальчишке явно не хватало образования, его незамысловатый умишко не в силах был ухватить суть сложного теологического парадокса.
Still, it was more than a life or even a soul at stake here-it was all the souls that the Visitor had said this boy would ruin if he could not be converted to the true faith.	И все же сегодня на кону стояла не жизнь и даже не душа - речь шла о множестве верующих душ, которые, по словам Посетителя, мальчишка разрушит, коли не будет обращен в истинную веру.

"That's the beauty of it," said Thrower, letting emotion fill his voice. "God is beyond our comprehension; yet in His infinite love He condescends to save us, despite our ignorance and foolishness."	- В этом-то и заключается красота, - пылко провозгласил Троуэр. - Бог - вне нашего понимания; и вместе с тем в Своей бесконечной любви Он стремится спасти нас, невежественных и глупых людишек.
"Ain't love a passion?" asked the boy.	- Разве любовь - это не страсть? - спросил мальчик.
"If you have trouble with the idea of God," said Thrower, "then let me pose another question, which may be more to the point.	- Если тебе трудно воспринять идею Бога, - уступил Троуэр, - позволь мне поставить перед тобой несколько иной вопрос, который, может, приведет нас к какому-нибудь выводу.

Do you believe in the bottomless pit of hell, where the wicked writhe in flames, yet are never burned up?	Веруешь ли ты в бездонное чрево ада, где грешники корчатся в пламени, вечно горя, но не сгорая?
Do you believe in Satan, the enemy of God, who wishes to steal your soul and take you captive into his kingdom, to torment you through all eternity?"	Веришь ли ты в существование сатаны, врага Господа, того, кто желает украсть твою душу, заточить ее в царствии своем и пытать тебя неизмеримую вечность?
The boy seemed to perk up a little, turning his head toward Thrower, though he still didn't open his eyes.	Мальчик снова задумался, чуть повернув голову к Троуэру, хотя глаза так и не открыл.

"I might believe in something like that," he said.	- Ну, в нечто подобное я могу поверить, - ответил он.
Ah, yes, thought Thrower. The boy has had some experience with the devil.	"Ага, - возликовал про себя Троуэр. - Мальчишка и в самом деле встречался с дьяволом".
"Have you seen him, child?"	- Видел ли ты его лик, дитя?

"What's your devil look like?" whispered the boy.	- А как твой дьявол выглядит? - прошептал мальчик.
"He is not my devil," said Thrower. "And if you had listened in services, you would have known, for I have described him many times.	- Он не мой, - поправил Троуэр. - И если ты внимательно слушал на службах, то должен был узнать, ибо описывал я его множество раз.

Where a man has hair on his head, the devil has the horns of a bull.	На голове, там, где у человека растут волосы, у дьявола выпирают бычьи рога.
Where a man has hands, the devil has the claws of a bear.	Вместо рук у него когти медведя.
He has the hooves of a goat, and his voice is the roar of a ravening lion."	Ступает он по земле козлиными копытами, а голос его - рев ярящегося льва.
To Thrower's amazement, the boy smiled, and his chest bounced silently with laughter.	К удивлению Троуэра, мальчик улыбнулся, и грудь его тихонько заходила от смеха.
"And you call us superstitious," he said.	- И ты обвиняешь нас в склонности к предрассудкам, - сказал он.

Thrower would never have believed how firm a grip the devil could have on a child's soul, had he not seen the boy laugh with pleasure at the description of the monster Lucifer.	Троуэр никогда бы не подумал, насколько крепка хватка, которой вцепляется дьявол в душу ребенка, если бы собственными глазами не увидел, как мальчишка радостно смеется при описании монстра Люцифера.
That laughter must be stopped!	Этот смех должен быть остановлен!
It was an offense against God!	Какое оскорбление Господу!
Thrower slapped his Bible down on the boy's chest, causing Alvin to wheeze out his breath.	Троуэр хлопнул Библией по груди мальчика, заставив Элвина поперхнуться.

Then, with his hand pressing on the book, Thrower felt himself fill up with inspired words, and he cried out with more passion than he had ever felt before in his life:	Затем, надавив что было сил на книгу, Троуэр изрек переполнявшие душу слова, вскричал с пылкой страстью, которой прежде не ощущал:
"Satan, in the name of the Lord I rebuke you!	- Сатана, именем Господним изгоняю тебя!
I command you to depart from this boy, from this room, from this house forever!	Приказываю оставить этого мальчика, эту комнату, этот дом на веки вечные!
Never again seek to possess a soul in this place, or the power of God will wreak destruction unto the uttermost bounds of hell!"	И никогда не пытайся завладеть здесь душой, не то гнев Господний будет так велик, что самые глубины ада содрогнутся!

Then silence. Except for the boy's breathing, which seemed labored.	Наступила тишина, прерываемая затрудненным дыханием мальчика.
There was such peace in the room, such exhausted righteousness in Thrower's own heart, that he felt convinced the devil had heeded his peroration and retreated forthwith.	В комнате воцарилось умиротворение, праведность наполнила утомленное речью сердце Троуэра. Священник ни минуты не сомневался, что дьявол в страхе бежал отсюда, забившись обратно в свою преисподнюю.
"Reverend Thrower," said the boy.	- Преподобный Троуэр, - проговорил мальчик.
"Yes, my son?"	- Да, сын мой?
"Can you take that Bible off my chest now?	- Вы не могли бы убрать с моей груди эту Библию?

I reckon if there was any devils here, they're all gone now."	Думаю, если там и были какие дьяволы, то они давным-давно сделали ноги.
Then the boy began to laugh again, causing the Bible to jump up and down under Thrower's hand.	И мальчик снова рассмеялся, заставив Библию запрыгать под рукой Троуэра.
In that moment Thrower's exultation turned to bitter disappointment.	Ликование Троуэра мигом обернулось горьким разочарованием.
Indeed, the fact that the boy could laugh so devilishly with the Bible itself resting on his body was proof that no power could purge him of evil.	Тот факт, что мальчишка даже с Библией на груди продолжал исторгать дьявольский хохот, доказывал: никакая сила не способна избавить его от зла.

The Visitor had been right.	Посетитель был прав.
Thrower should never have refused the mighty work that the Visitor had called him to do.	Троуэру не следовало отказываться от великого задания, которое возложил на его плечи Посетитель.
It had been in his power to be the slayer of the Beast of the Apocalypse, and he had been too weak, too sentimental to accept the divine calling.	Сейчас он мог бы расправиться со Зверем Апокалипсиса, а он был слишком слаб, слишком сентиментален, чтобы принять божественное предназначение.
I could have been a Samuel, hewing to death the enemy of God.	"Я мог бы стать Самуилом, расчленившим врага Господа.

Instead I am a Saul, a weakling, who cannot kill what the Lord commands must die.	Вместо этого превратился в Саула, слабого и ничтожного, который оказался не способным убить по повелению Бога.
Now I will see this boy rise up with the power of Satan in him, and I will know that he thrives only because I was weak.	Теперь мои глаза открылись, я вижу, что этого мальчишку взращивает сила сатаны, и знаю, что живет он, поскольку я слаб".
Now the room was stifling hot, choking him.	Комната наполнилась удушающей, страшной жарой.
He had not realized until now how his clothing sogged with sweat.	Троуэр вдруг ощутил, что одежда его насквозь пропиталась потом.
It was hard to breathe.	Каждый вдох давался с огромным трудом.

But what should he expect?	А чего еще он ожидал?
The hot breath of hell was in this room.	В эту комнату опаляюще дышал сам ад.
Gasping, he took the Bible, held it out between him and the satanic child who lay giggling feverishly under the blanket, and fled.	Задыхаясь, Троуэр схватил Библию, поставил ее между собой и сатанистским отродьем, которое возлежало на кровати, лихорадочно хихикая, и бежал.
In the great room he stopped, breathing heavily.	В большой комнате он остановился и перевел дыхание.
He had interrupted a conversation, but he scarcely took notice of it.	Своим появлением он прервал все разговоры, но даже не заметил этого.

What did the conversations of these benighted people amount to, compared to what he had just experienced?	Что значили беседы этих язычников по сравнению с тем, что ему пришлось пережить?!

I have stood in the presence of Satan's minion, masquing it as a young boy; but his mockery revealed him to me.	"Я стоял перед прислужником сатаны, прикинувшимся юным мальчиком, но своим смехом он выдал себя.
I should have known what the boy was years ago, when I felt his head and found it to be so perfectly balanced.	Мне давно следовало догадаться, что это за мальчик, еще в тот день, когда я прощупал его череп и обнаружил, что он идеальной формы.
Only a counterfeit would be so perfect.	Только подделка может быть столь совершенна.

The child was never real.	Этот ребенок не настоящий и никогда не был таковым.
Ah, that I had the strength of the great prophets of old, so I could confound the enemy and bear the trophy back to my Lord!	О если б я обладал силой великих пророков древности, чтобы разгромить врага и вернуться к Господу своему с трофеями!"
Someone was tugging at his sleeve.	Кто-то упорно тянул его за рукав.
"Are you well, Reverend?"	- Преподобный отец, с вами все в порядке?
It was Goody Faith, but Reverend Thrower did not think to answer her.	То была тетушка Вера, но преподобный Троуэр не смог ответить ей.

Her tugging pulled him around, though, so he faced the fireplace.	Потянув за рукав, она повернула его лицом к камину, на полке которого он увидел выжженную на дереве картину.
There on the mantel he saw a carven image, and in his distracted state he could not at once determine what it was.	Пребывая в расстроенных чувствах, он не сразу понял, что на ней изображено.
It seemed to be the face of a soul in torment, surrounded by writhing tendrils.	Перед его взором предстала душа, захваченная бурным потоком и окруженная извивающимися щупальцами.
Flames, that's what they are, he thought, and that is a soul drowning in brimstone, burning in hellfire.	"Да это ж языки пламени, - догадался он, - а душа тонет в сере, сгорая в аду".

The image was a torment to him, and yet it was also satisfying, for its presence in this house signified how closely bound this family was to hell.	Он ужаснулся картине, но одновременно несколько успокоился, ибо она в очередной раз подтверждала, насколько тесными узами связана эта семья с преисподней.
He stood in the midst of his enemies.	Он стоял посреди толпы врагов человеческих.
A phrase from the Psalmist came to his mind: Bulls of Bashan stare upon me, and I can tell all my bones.	На ум ему пришла фраза из Псалтири: "Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня.
My God, my God, why hast Thou forsaken me?	Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?"
"Here," said Goody Faith. "Sit down."	47 - Вот, - произнесла тетушка Вера. -Присядьте.

"Is the boy all right?" demanded Miller.	- С мальчиком все нормально? - угрожающе поинтересовался Миллер.
"The boy?" asked Thrower.	- С мальчиком? - переспросил Троуэр.
Words could hardly come to his mouth.	Слова давались ему с огромным трудом.

The boy is a fiend from Sheol, and you ask how he is? "As well as can be expected," said Thrower.	"Этот мальчишка - адово отродье, и вы спрашиваете, как он себя чувствует?" - Все хорошо, насколько возможно.
They turned away from him then, back to their conversation.	Они сразу отвернулись от него, снова принявшись что-то там обсуждать.
Gradually he came to understand what they were discussing.	Постепенно до него начал доходить смысл их спора.

It seemed that Alvin wanted someone to cut away the diseased portion of his bone.	Похоже, Элвин попросил, чтобы кто-нибудь вырезал загнивший кусочек кости из его ноги.
Measure had even brought a fine-toothed bone saw from the butchery shed.	Мера уже принес заточенную пилу для костей из кладовой.
The argument was between Faith and Measure, because Faith didn't want anyone cutting her son, and between Miller and the other two, because Miller refused to do it, and Faith would only consent if Alvin's father did the cutting.	В основном спорили Вера, которая не хотела, чтобы кто-то из братьев дотрагивался до ее сына, и Миллер, наотрез отказывающийся проделать операцию. Вера же настаивала на том, что только отцу Элвина она позволит выполнить эту сложную задачу.

"If you think it ought to be done," said Faith, "then I don't see how you'd be willing to have anyone but yourself cut into him."	- Ты считаешь, что это действительно необходимо, - сказала Вера. - Тогда я не понимаю, почему сам отказываешься резать, продолжая настаивать на том, что это должен сделать кто угодно, но не ты.
"Not me," said Miller.	- Не я, - кивнул Миллер.
It struck Thrower that the man was afraid.	Троуэр вдруг понял, что Миллер боится.
Afraid to lay the knife against his own son's flesh.	Боится резать ножом плоть своего сына.
"He asked for you, Pa. He said he'd draw the marks for cutting, right on his own leg.	- Он попросил, чтобы резал именно ты, - вступил в спор Мера. - Сказал, что нарисует на коже, где надо резать.

You just cut a flap of skin and peel it back, and right under it there's the bone, and you just cut a wedge in the bone that takes out the whole bad place."	Ты просто аккуратно снимешь кожу, поднимешь ее и под ней увидишь кость, из которой надо будет выпилить маленький клинышек, чтобы помешать гниению.
"I'm not the fainting kind," said Faith, "but my head is getting light."	- Я не часто падаю в обморок, - поведала Вера, -но от ваших разговоров у меня голова кругом идет.
"If Al Junior says it's got to be done, then do it!" said Miller. "But not me!"	- Раз Эл-младший говорит, что это необходимо, значит, сделайте это! - сказал Миллер. - Кто угодно, только не я!
Then, like a rush of light into a dark room, Reverend Thrower saw his redemption.	Словно яркий свет озарил темную комнату -Троуэр узрел возможность искупить вину пред Господом.

The Lord was clearly offering him exactly the opportunity that the Visitor had prophesied.	Бог давал ему возможность, которую предрекал Посетитель.
A chance to hold a knife in his hand, to cut into the boy's leg, and accidently sever the artery and spill the blood until the life was gone.	Он возьмет в руку нож, начнет вспарывать ногу мальчишки и случайно перерубит артерию. А вместе с кровью утечет жизнь.

What he had shrunk to do in the church, thinking of Alvin as a mere boy, he would do gladly, now that he had seen the evil that disguised itself in child-shape.	В церкви, считая Элвина обыкновенным мальчиком, он испугался этой задачи, но сейчас он исполнит ее с радостью, поскольку воочию узрел зло, прикрывшееся обличьем невинного ребенка.

"I'm here," he said.	- Послушайте, - сказал он.
They looked at him.	Все присутствующие оглянулись на него.
"I'm no surgeon," he said, "but I have some knowledge of anatomy.	- Я не хирург, - объяснил он, - но кое-какими знаниями по анатомии обладаю.
I am a scientist."	Я ученый.
"Head bumps," said Miller.	- Ага, шишки на голове изучаешь, - хмыкнул Миллер.
"You ever butchered cattle or pigs?" asked Measure.	- Вы когда-нибудь резали скот или свиней? -поинтересовался Мера.
"Measure!" said his mother, horrified. "Your brother is not a beast."	- Мера! - в ужасе воскликнула мать. - Твой брат не какое-то там животное.

"I just wanted to know if he was going to throw up when he saw blood."	- Я всего-то хотел узнать, не вывернется ли его желудок наизнанку при виде крови.
"I've seen blood," said Thrower. "And I have no fear, when the cutting is for salvation."	- Я видел кровь, - ответил Троуэр. - И страх меня не терзает, когда дело касается спасения души человеческой.
"Oh, Reverend Thrower, it's too much to ask of you," said Goody Faith.	- О, преподобный Троуэр, по-моему, просить от вас о подобном - это уж слишком, - всплеснула руками тетушка Вера.
"Now I see that perhaps it was inspiration that brought me up here today, after so long being away from this house."	- Теперь я понимаю: наверное, провидение привело меня сюда, в этот дом, в котором я не часто был гостем.

"It was my pebble-headed son-in-law brought you here," said Miller.	- И совсем не провидение, а мой тупоголовый зять, - поправил Миллер.
"Well," said Thrower, "it was just a thought. I can see that you don't want me to do it, and I can't say that I blame you.	- Я предложил оказать посильную помощь, - смиренно склонил голову Троуэр. - Но, вижу, вы не желаете, чтобы это делал я, и не могу винить вас ни в чем.
Even if it means saving your son's life, it's still a dangerous thing to let a stranger cut into your own child's body."	Хоть речь идет о спасении жизни вашего сына, все ж опасно доверять чужому человеку резать тело родного ребенка.
"You're no stranger," insisted Faith.	- Вы нам вовсе не чужой, - возразила Вера.

"What if something went wrong?.	- А что если случится что-нибудь непоправимое?
I might slip.	Я могу и ошибиться.
His previous injury might have changed the path of certain blood vessels.	Вполне возможно, рана изменила местоположение важных кровяных сосудов.
I might cut an artery, and he could bleed to death in moments.	Я могу перерезать артерию, тогда он истечет кровью и умрет через считанные секунды.
Then I'd have the blood of your child on my hands."	На моих руках будет кровь вашего сына.

"Reverend Thrower," said Faith, "we can't blame you for chance.	- Преподобный Троуэр, - сказала Вера, - человек не совершенен.

All we can do is try."	Нам остается лишь попробовать.
"It's sure that if we don't do something he'll die," said Measure. "He says we got to cut right away, before the bad place spreads too far."	- Если мы ничего не предпримем, он точно умрет,- кивнул Мера. - Он говорит, мы должны поскорей вырезать больное место, пока зараза не распространилась дальше.
"Perhaps one of your older sons," said Thrower.	- Может, кто-нибудь из ваших сыновей осуществит это? - предложил Троуэр.
"We got no time to fetch them!" cried Faith. "Oh, Alvin, he's the boy you chose to have your name.	- У нас нет времени бегать за ними! - закричала Вера. - Элвин, ты нарек его своим именем.

Are you set to let him die, just cause you can't abide the preacher here?"	Неужели ты дашь ему умереть только потому, что не выносишь пастора Троуэра?!
Miller shook his head miserably.	Миллер понурился.
"Do it, then."	- Режьте, что ж с вами делать, - пробурчал он.
"He'd rather you did, Pa," said Measure.	- Он бы предпочел, чтобы это сделал ты, папа, -напомнил Мера.
"No!" said Miller vehemently. "Better anyone than me.	- Нет! - яростно воскликнул Миллер. - Кто угодно, но не я!
Better even him than me."	Пусть он, но только не я.

Thrower saw disappointment, even contempt, on Measure's face.	Троуэр заметил, что на лице Меры отразилось разочарование, перешедшее в презрение.
He stood and walked to where Measure sat, holding a knife and the bone saw in his hands.	Священник встал и подошел к молодому человеку, крутившему в руках нож и костяную пилу.
"Young man," he said, "do not judge any man to be a coward.	- Юноша, - произнес он, - не спеши судить человека, обзывая его трусом.
You cannot guess what reasons he hides in his heart."	Откуда знать, что за причины кроются в его сердце?
Thrower turned to Miller and saw a look of surprise and gratitude on the man's face.	Троуэр повернулся к Миллеру и увидел, что тот смотрит на него с удивлением и благодарностью.

"Give him them cutting tools," Miller said.	- Дай ему инструмент, - приказал Миллер.
Measure held out the knife and the bone saw.	Мера протянул нож и пилу.
Thrower pulled out a handkerchief, and had Measure lay the implements carefully within it.	Троуэр достал платок, и Мера аккуратно положил операционные инструменты на чистую ткань.
It had been so easy to do.	Все оказалось проще простого.
In just a few moments he had them all asking him to take the knife, absolving him in advance of any accident that might happen.	И пяти минут не прошло, как они дружно стали упрашивать его принять нож, заранее прощая всякую несчастную случайность, которая может произойти.

He had even won the first scrap of friendship from Alvin Miller.	Он даже заработал признательный взгляд от Элвина Миллера - намек на будущую дружбу.

Ah, I have deceived you all, he thought triumphantly. I am a match for your master the devil.	"Я провел вас всех, - ликовал Троуэр. - Я истинный соперник вашему хозяину, дьяволу.
I have deceived the great deceiver, and will send his corrupt progeny back to hell within the hour.	Я обманул великого обманщика и вскоре пошлю его поганое творение обратно в ад".

"Who will hold the boy?" asked Thrower. "Even with wine in him, the pain will make him jump if he isn't held down."	- Кто будет держать мальчика? - спросил Троуэр. -Мы, конечно, дадим ему вина, но этого недостаточно. Он будет прыгать от боли, если его не прижать к кровати.
"I'll hold him," said Measure.	- Я подержу его, - сказал Мера.
"He won't take no wine," said Faith. "He says he has to have his head clear."	- И вино он пить не станет, - добавила Вера. -Говорит, что голова его должна оставаться ясной.
"He's a ten-year-old boy," said Thrower. "If you insist that he drink it, he's bound to obey you."	- Ему десять лет, - удивился Троуэр. - Если вы прикажете ему выпить, он должен послушаться.
Faith shook her head.	Вера покачала головой.

"He knows what's best.	- Он сам знает, как лучше.
He bears up right smart under pain.	А боль терпеть он умеет.
You never seen the like."	Ничего подобного вы не видели.
I imagine not, said Thrower silently. The devil within the boy no doubt revels in the pain, and doesn't want the wine to dim the ecstasy.	"Не сомневаюсь, - хмыкнул Троуэр. - Дьявол внутри мальчишки наслаждается болью, а потому не желает, чтобы вино притупило экстаз".
"Very well, then," he said. "There's no reason to delay further."	- Что ж, тогда давайте приступим, - решительно произнес он. - Откладывать больше не имеет смысла.

He led the way into the bedroom and boldly pulled the blanket off Alvin's body.	Он первым вошел в комнату мальчика и недрогнувшей рукой сбросил с Элвина одеяло.
The boy immediately began trembling in the sudden cold, though he continued sweating from the fever.	Мальчик задрожал, ощутив внезапный холод, хотя лихорадка по-прежнему выжимала пот из его тела.
"You say that he has marked the place to cut?"	- Вы говорили, он должен пометить место, где следует резать.
"Al," said Measure. "Reverend Thrower here is going to do the cutting."	- Эл, - позвал Мера. - Операцию сделает преподобный Троуэр.
"Papa," said Alvin.	- Папа, - прошептал Элвин.

"It's no use asking him," said Measure. "He just plain won't."	- Его упрашивать бесполезно, - ответил Мера. -Он ни за что не согласится.
"Are you sure you won't have some wine?" asked Faith.	- Ты уверен, что не хочешь глотнуть чуточку вина? - встревоженно спросила Вера.
Alvin started to cry.	Элвин вдруг расплакался:
"No," he said.	- Нет.
"I'll be all right if Pa holds me."	Я хочу, чтобы папа хотя бы подержал меня.

"That does it," said Faith. "He may not do the cutting, but he'll be here with the boy or he'll be stuffed up the chimney, one or the other."	- Ладно, - с угрозой промолвила Вера. - Он может отказываться резать, но он будет присутствовать при этом, или я его задницу в камин запихну. Либо то, либо другое.
She stormed out of the room.	Она вихрем вылетела из комнаты.
"You said the boy would mark the place," Thrower said.	- Вы сказали, что мальчик пометит место, -повторил Троуэр.
"Here, Al, let me set you up here.	- Давай, Эл, давай я тебя приподниму.

I got some charcoal, and you mark right on your leg here just exactly where you want that flap of skin took up."	Я принес кусочек угля, и сейчас ты должен нарисовать на ноге, где именно нужно сделать разрез.
Alvin moaned as Measure lifted him to a sitting position, but his hand was steady as he marked a large rectangle on his shin.	Элвин еле слышно застонал, когда Мера усадил его и прислонил спиной к подушке, но собрался с силами и твердой рукой начертил на ноге большой прямоугольник.
"Cut it from the bottom, and leave the top attached," he said.	- Подрежьте кожу снизу, а верх оставьте, - глухо сказал он.

His voice was thick and slow, each word an effort. "Measure, you hold that flap back out of the way while he cuts."	Слова тянулись как резина, каждый слог давался с видимым усилием. - Мера, пока он будет резать, ты будешь отгибать лоскут.
"Ma'll have to do that," said Measure. "I got to hold you down so you don't jump."	- С этим справится мама, - ответил Мера. - Мне нужно держать тебя, чтоб ты не вертелся.
"I won't jump," said Alvin. "If Pa's holding me."	- Не буду, - пообещал Элвин. - Если рядом со мной сядет папа.
Miller came slowly into the room, his wife right behind.	В комнату медленно вошел Миллер, за ним по пятам с грозным видом следовала жена.
"I'll be holding you," he said.	- Я подержу тебя, - сказал он.

He took Measure's place, sitting behind the boy with his arms wrapped clear around him.	Заняв место Меры, он обвил обеими руками мальчика, прижав его к себе.
"I'm holding you," he said again.	- Я подержу тебя, - еще раз повторил он.
"Very well, then," said Thrower.	- Что ж, вот и прекрасно, - улыбнулся Троуэр.
He stood there, waiting for the next step.	И встал, ожидая дальнейших шагов.
He waited for a good little while.	Ждать пришлось долго.
"Ain't you forgetting something, Reverend?" asked Measure.	- Преподобный отец, вы ничего не забыли? - в конце концов не выдержал Мера.
"What?" asked Thrower.	- Что именно? - спросил Троуэр.

"The knife and the saw," he said.	- Нож и пилу, - пожал плечами Мера.
Thrower looked at his handkerchief, wadded in his left hand.	Троуэр посмотрел на платок, свисающий с левой руки.
Empty.	Пусто.
"Why, they were right here."	- Они ж только что были здесь.

"You set them down on the table on the way in," said Measure.	- Вы положили их на стол, когда направились сюда, - напомнил Мера.
"I'll fetch them," said Goody Faith.	- Пойду принесу, - сказала тетушка Вера и поспешила из комнаты.
She hurried out of the room.	Они ждали, ждали, потом снова ждали.

They waited and waited and waited.	Наконец Мера встал.
Finally Measure got up.	- Ума не приложу, где она задержалась.
"I can't guess what's keeping her."	Троуэр последовал за ним.
Thrower followed him out of the room. They found Goody Faith in the great room, piecing together quilt squares with the girls.	Они нашли Веру в большой комнате - она сидела вместе с девочками и кроила салфетки.
"Ma," said Measure. "What about the saw and the knife?"	- Ма, - окликнул Мера. - А как же пила и нож?
"Good laws," said Faith, "I can't imagine what's got into me.	- Господи Боже, - воскликнула Вера. - И что это на меня нашло?!

I clean forgot why I come out here."	Я начисто позабыла, зачем пришла сюда.
She picked up the knife and saw and marched back to the room.	Она взяла нож и пилу и пошла обратно в комнату к Элвину.
Measure shrugged at Thrower and followed her.	Мера кинул взгляд на Троуэра, недоуменно пожал плечами и двинулся следом.
Now, thought Thrower. Now I'll do all that the Lord ever expected of me.	"Ну вот, - подумал Троуэр. - Сейчас я исполню то, что наказал мне Господь.
The Visitor will see that I am a true friend to my Savior, and my place in heaven will be assured.	Посетитель увидит, что я истинный друг Спасителя, и место на небесах мне будет обеспечено.

Not like this poor, miserable sinner caught up in the flames of hell.	Тогда как этот бедный, несчастный грешник будет вечно жариться в адовом пламени".
"Reverend," said Measure. "What are you doing?"	- Преподобный, - позвал Мера. - Что вы делаете?
"This drawing," said Thrower.	- Этот рисунок, - показал Троуэр.
"What about it?"	- Рисунок, и что с того?
Thrower looked closely at the drawing over the hearth.	Троуэр вгляделся в картину, стоящую на каминной полке.
It wasn't a soul in hell at all.	На ней изображалась вовсе не попавшая в ад душа.

It was a depiction of the family's oldest boy, Vigor, drowning.	Это было изображение старшего сына Веры и Элвина, Вигора, который тонул в реке.
He had heard the story at least a dozen times.	Священник выслушивал эту историю раз десять, не меньше.
But why was he standing here looking at it, when he had a great and terrible mission to perform in the other room?	Но почему он застрял здесь и рассматривает картинку, когда в соседней комнате его ожидает великая и ужасная миссия?
"Are you all right?"	- Вы хорошо себя чувствуете?

"Perfectly all right," said Thrower. "I just needed a moment of silent prayer and meditation before I undertook this task."	- Прекрасно, чувствую себя просто замечательно,- сказал Троуэр. - Мне нужно было вознести молитву небесам, прежде чем я примусь за операцию.
He strode boldly into the room and sat down on the chair beside the bed where Satan's child lay trembling, waiting for the knife.	Твердым шагом он направился в комнату и сел на стул рядом с кроватью, в которой дрожало дитя сатаны, ожидая прикосновения праведного ножа.
Thrower looked around for his tools of holy murder.	Троуэр огляделся, ища взглядом орудия священного заклания.
They were nowhere in sight.	Пилы и ножа нигде не было видно.

"Where is the knife?" he asked.	- А где же нож? - спросил он.
Faith looked at Measure.	Вера посмотрела на сына.
"Didn't you bring them back in with you?" she asked.	- Мера, разве ты не принес их? - удивилась она.
"You're the one brought them in here," said Measure.	- Ты должна была принести их, - ответил Мера.
"But when you went back out to get the preacher, you took them," she said.	- Но когда ты пошел за пастором, ты унес инструменты с собой, - объяснила она.
"Did I?" Measure looked confused. "I must have set them down out there."	- Неужели? - смутился Мера. - Наверное, оставил их где-то в большой комнате.

He got up and left the room.	Он встал и вышел за дверь.
Thrower began to realize that something strange was going on here, though he couldn't quite put his finger on it.	Троуэр начал понимать, что происходит нечто очень странное, хотя никак не мог определить, что именно.
He walked to the door and waited for Measure to return.	Он подошел к двери и стал ждать возвращения Меры.
Cally was standing there, holding his slate, looking up at the minister.	Рядом возник Кэлли, по-прежнему сжимая в руках доску с буквами. Задрав голову, он посмотрел на священника.
"You going to kill my brother?" he asked.	- Ты собираешься убить моего брата? - спросил он.

"Don't even think of such a thing," Thrower answered.	- Это очень недостойные помыслы, нельзя о таком думать, - нахмурился Троуэр.
Measure looked sheepish as he handed the implements to Thrower.	Появился Мера и смущенно вручил инструменты Троуэру.
"I can't believe I just set them on the mantel like that."	- Поверить не могу, я оставил их на каминной полке.
Then the young man pushed past Thrower into the room.	Юноша протиснулся мимо Троуэра в комнату.

A moment later, Thrower followed him into Alvin's room and took his place beside the exposed leg, with the box drawn in black.	Мгновением спустя Троуэр последовал за ним и занял свое место у вытянутой ноги Элвина, прямо напротив черного, выведенного углем квадрата.
"Well where'd you put them?" asked Faith.	- Куда на этот раз вы их задевали? -поинтересовалась Вера.

Thrower realized that he didn't have the knife or the saw.	Троуэр вдруг понял, что его руки пусты, нет ни ножа, ни пилы.
He was completely confused.	Вот теперь он полностью растерялся.
Measure handed them to him just outside the door.	Мера передал их ему из рук в руки.

How could he have lost them?	Где он мог потерять их?
Cally stood in the doorway.	В комнату сунулся Кэлли.
"Why'd you give me these?" he asked.	- Зачем вы сунули мне эти штуки? - спросил он.
He was, in fact, holding both blades.	И в руках он сжимал инструменты.
"That's a good question," said Measure, eyeing the pastor with a frown. "Why'd you give them to Cally?"	- Хороший вопрос, - взглянул на священника Мера. - Зачем вы отдали инструменты Кэлли?
"I didn't," said Thrower. "You must have given them to him."	- Я не отдавал, - принялся оправдываться Троуэр.- Наверное, ты отдал их ему.

"I put them right in your hands," said Measure.	- Я вручил их вам, - сказал Мера.
"The preacher give them to me," said Cally.	- Мне их дал пастор, - подтвердил Кэлли.
"Well, bring them here," said his mother.	- Ладно, неси-ка это сюда, - прервала спор мать.
Cally obediently started into the room, brandishing the blades like trophies of war.	Кэлли послушно вошел в комнату, держа пилу и нож наперевес, словно военные трофеи.
Like the attack of a great army.	Словно возглавляя огромное войско.

Ah, yes, a great army, like the army of the Israelites that Joshua led into the promised land.	Да, огромное, великое войско, подобное армии израильтян, которую привел Иешуа, сын Навин, в Землю Обетованную.
This is how they held their weapons, high above their heads, as they marched around and around the city of Jericho.	Так они несли свое оружие, потрясая им над головами, маршируя вокруг града Иерихона 48.
Marched and marched.	Они шагали и шагали.
Marched and marched.	Шагали и шагали.

And on the seventh day they stopped and blew their trumpets and gave a great shout, and down came the walls, and they held their swords and knives high over their heads and charged into the city, hacking men, women, and children, all the enemies of God, so the promised land would be purged of their filthiness and be ready to receive the people of the Lord.	А на седьмой день остановились, подули в трубы, издали победный крик - и пали стены, и войско, сжимая в руках мечи и кинжалы, ворвалось в город, разрубая пополам мужчин, женщин, детей, всех врагов Господних, дабы очистить Землю Обетованную от грязи, подготовить ее к приходу людей Господа.

They were spattered in blood by the end of the day, and Joshua stood in their midst, the great prophet of God, holding a bloody sword above his head, and he shouted.	Под конец дня они по колено утопали в крови, и посреди войска возвышался Иешуа, величайший пророк. Вскинув окровавленный клинок над головой, он закричал.
What did he shout?	Что он там закричал?
I can't remember what he shouted.	"Никак не вспомнить, что ж он там кричал.
If I could only remember what he shouted, I'd understand why I'm standing here on the road, surrounded by snow-covered trees.	Если б я вспомнил, что именно он кричал, то понял бы, почему стою посреди леса, на дороге, окруженной покрытыми снегом деревьями".

Reverend Thrower looked at his hands, and looked at the trees.	Преподобный Троуэр посмотрел на руки, посмотрел на деревья.
He had somehow walked half a mile away from the Millers' house.	Каким-то образом он убрел на полмили от дома Миллеров.
He wasn't even wearing his heavy cloak.	Совершенно позабыв захватить накидку.
Then the truth came clear.	Но затем правда открылась ему.
He hadn't fooled the devil at all.	Дьявола обмануть не удалось.
Satan had transported him here, in the twinkling of an eye, rather than let him kill the Beast.	Сатана перенес его сюда в мгновение ока, не позволив уничтожить Зверя.

Thrower had failed in his one opportunity for greatness.	Троуэр прозевал возможность обрести величие.
He leaned against a cold black trunk and cried bitterly.	Он прислонился к ледяному черному стволу и горько разрыдался.
Cally walked into the room, holding the blades above his head.	* * * Кэлли вошел в комнату, держа нож и пилу наперевес.
Measure was all set to get a grip on the leg, when all of a sudden old Thrower stood right up and walked out of the room just as quick as if he was trotting to the privy.	Мера собрался было покрепче ухватить ногу Элвина, как Троуэр неожиданно поднялся и стрелой вылетел из комнаты, будто ему вдруг страшно приспичило по нужде.
"Reverend Thrower," cried Ma. "Where are you going?"	- Преподобный Троуэр, - крикнула вслед мама. -Куда это вы?

But Measure understood now.	Но Мера все понял.
"Let him go, Ma," he said.	- Пускай идет, ма, - сказал он.
They heard the front door of the house open, and the minister's heavy steps on the porch.	Они услышали, как передняя дверь открылась и по крыльцу простучали тяжелые шаги священника.
"Go shut the front door, Cally," said Measure.	- Кэлли, иди закрой дверь, - приказал Мера.
For once Cally obeyed without a speck of backsass.	Впервые Кэлли без малейшего возражения повиновался.
Ma looked at Measure, then at Pa, then at Measure again.	Мама взглянула на Меру, затем на папу, потом снова на Меру.

"I don't understand why he left like that," she said.	- Никак не пойму, чего это он убежал, -произнесла она.
Measure gave her a little half-smile and looked at Pa.	Мера улыбнулся ей и повернулся к папе.
"You know, don't you, Pa?"	- Но ты-то понял, да, па?
"Maybe," he said.	- Может быть, - нахмурился тот.
Measure explained to his mother. "Them knives and that preacher, they can't be in this room with Al Junior at the same time."	- Видишь ли, - объяснил маме Мера, - ножи и этот священник не могли находиться в одной комнате одновременно с Элом-младшим.
"But why not!" she said. "He was going to do the surgery!"	- Но почему? - воскликнула она. - Пастор же хотел делать операцию!

"Well, he sure ain't going to do it now," said Measure.	- Ну, сейчас он этого точно не хочет, - пожал плечами Мера.
The knife and the bone saw lay on the blanket.	Нож и пила лежали на одеяле.
"Pa," said Measure.	- Па, - позвал Мера.
"Not me," said Pa.	- Только не я, - ответил он.
"Ma," said Measure.	- Ма, - обернулся Мера.
"I can't," Faith said.	- Не могу, - сказала она.
"Well then," said Measure, "I reckon I just turned surgeon."	- Что ж, - сдался Мера. - Придется тогда мне освоить ремесло хирурга.
He looked at Alvin.	Он поглядел на Элвина.

The boy's face had a deathly pallor to it that was even worse than the ruddiness of the fever.	Лицо мальчика приняло смертельно бледный оттенок, сменивший лихорадочный румянец на щеках.
But he managed a sort of smile, and whispered, "Reckon so."	Положение с каждой минутой ухудшалось. Однако Элвину удалось-таки выдавить из себя подобие улыбки и прошептать: - Видимо, так.
"Ma, you're going to have to hold back that flap of skin."	- Ма, будешь оттягивать кожу.
She nodded.	Она кивнула.
Measure picked up the knife and brought the blade to rest against the bottom line.	Мера взял нож и прижал лезвие к нижней черте.

"Measure," Al Junior whispered.	- Мера, - шепнул Эл-младший.
"Yes, Alvin?"	- Да, Элвин?
Measure asked. "I can stand the pain and hold right still, iffen you whistle."	- Я выдержу боль и ни разу не дернусь, если ты будешь свистеть.
"I can't keep no tune, if I'm trying to cut straight at the same time," said Measure.	- Я не могу одновременно резать и придумывать мелодию, - возразил Мера.
"Don't want no tune," said Alvin.	- А и не нужно никакой мелодии, - сказал Элвин.
Measure looked into the boy's eyes and had no choice but to do as he asked.	Мера всмотрелся в глаза мальчика. У него не было выбора, и он поступил, как его просили.

It was Al's leg, after all, and if he wanted a whistling surgeon, he'd get one.	Ведь нога принадлежала Элу, а если ему хочется, чтобы его оперировал хирург-музыкант, так тому и быть.
Measure took a deep breath and started in whistling, no kind of tune at all, just notes.	Мера глубоко вздохнул и принялся насвистывать -не мелодию, отдельные ноты.
He put the knife on the black line again and began to cut.	Он снова приложил лезвие к черной черте и начал резать.
Shallow at first, cause he heard Al take a gasp of air.	Сделав легкий надрез, он остановился, поскольку услышал судорожный вздох Элвина.
"Keep whistling," Alvin whispered. "Right to the bone."	- Продолжай насвистывать, - выдавил Элвин. - И режь прямо до кости.

Measure whistled again, and this time he cut fast and deep.	Мера засвистел. На этот раз он рубанул сильно и глубоко.
Right to the bone in the middle of the line.	Прямо до кости.
A deep slit up both sides.	Глубокий разрез разошелся по сторонам.
Then he worked the knife under the two corners and peeled the skin and muscle right back.	Мера подрезал ножом углы и поднял кожу вместе с мускулами.
At first it bled more than a little bit, but almost right away the bleeding stopped.	Сначала кровь хлестала фонтаном, но очень быстро остановилась.

Measure figured it must be something Alvin did inside himself, to stop the bleeding like that.	Элвин, наверное, сотворил внутри себя что-то такое, что остановило кровотечение, решил Мера.
"Faith," said Pa.	- Мать, - окликнул папа.
Ma reached over and laid her hand on the bloody flap of skin.	Мама наклонилась и отогнула кровавый лоскут плоти.
Al reached out a trembling hand and traced a wedge on the red-streaked bone of his own leg.	Дрожащими пальцами Эл провел две линии на покрытой красными потеками кости ноги.
Measure laid down the knife and picked up the saw.	Мера положил нож и взял пилу.

It made an awful, squeaky sound as he cut.	Впившись в кость, она издала противный скрипучий хруст.
But Measure just whistled and sawed, sawed and whistled.	Но Мера насвистывал и пилил, пилил и насвистывал.
And pretty soon he had a wedge of bone in his hand.	Вскоре зараженный кусочек оказался у него в руках.
It didn't look no different from the rest of the bone.	Он ничем не отличался от обычной кости.
"You sure that was the right place?" he asked.	- Ты уверен, что я правильно отрезал? - спросил он.
Al nodded slowly.	Эл медленно кивнул.

"Did I get it all?" Measure asked.	- Я все вырезал, ничего не осталось? - уточнил Мера.
Al sat for a few moments, then nodded again.	Несколько мгновений Эл сидел молча, а потом опять кивнул.
"You want Ma to sew this back up?" Measure asked.	- Может быть, мама пришьет кожу обратно?
Al didn't say a thing.	Эл ничего не сказал.
"He fainted," said Pa.	- Он потерял сознание.
The blood started to flow again, just a little, seeping into the wound.	Снова заструилась кровь, понемножку заполняя рану.
Ma had a needle and thread on the pincushion she wore around her neck.	Из подушечки, которую мама специально носила на шее, торчала иголка с ниткой.

In no time she had that flap of skin right back down, and she was stitching away at it, making a fine tight seam.	Не теряя времени, Вера приложила кожу обратно и ровными, глубокими стежками стала пришивать ее.
"You just keep on whistling, Measure," she said.	- Продолжай свистеть, Мера, - приказала она.

So he kept right on whistling and she kept right on sewing, till they had the wound all bandaged up and Alvin was laying back sleeping like a baby.	Он свистел, а она шила. Вскоре рану перебинтовали, и Элвина уложили на спину -мальчик спал сном младенца.
They all three stood up to go.	Поднявшись, они склонились над кроватью.

Pa laid a hand on the boy's forehead, as gentle as you please.	Папа положил руку на лоб мальчика, нежно, чтобы не побеспокоить сон.
"I think his fever's gone," he said.	- По-моему, лихорадка ушла, - сказал он.
Measure's tune got downright jaunty as they slipped on out the door.	Выйдя за дверь, Мера засвистел какой-то веселый, бойкий мотивчик.
Chapter Fourteen-Chastisement	14. Наказание
As soon as Elly saw him, she was sweet as could be, brushing snow off him, helping with his cloak, and never so much as whispering a question of how it happened.	Завидев мужа, Элли бросилась навстречу. Заботливо отряхнула с плеч снег, помогла раздеться, даже не спросив, что произошло.

Didn't make no difference how kindly she might be.	Впрочем, это не имело значения - какую бы доброту она ни выказывала.
He was shamed afore his own wife, cause sooner or later she'd hear the tale from one of those children.	Его пристыдили в глазах его же жены, потому что рано или поздно она услышит о случившемся от кого-нибудь из детей.
Soon enough the tale would be all up and down the Wobbish.	Скоро рассказ о его позоре распространится по всей Вобб-ской долине.

How Armor-of-God Weaver, storekeeper for the western country, future governor, got throwed right off a porch into the snow by his old father-in-law.	Все будут знать, как Армор Уивер, владелец лавки, что на западе, будущий губернатор, был выброшен из дома прямо в снег своим тестем.
They'd be laughing behind their hands, all right.	И в спину ему будут лететь смешки.
They'd laugh him up and down.	Его высмеют.

Never to his face, of course, cause there was hardly a soul between Lake Canada and the Noisy River who didn't owe him money or need his maps to prove their claims.	В лицо, конечно, смеяться не осмелятся, потому что нет человека меж озером Канада и рекой Нойс, который не был бы должен ему денег или не нуждался в его картах, чтобы доказать свои притязания на землю.
Come the time when the Wobbish country was made a state, they'd tell that story at every polling place.	Но когда Воббской долине придет время становиться штатом, об этом случае будут трепаться у каждой избирательной будки.

They might like a man they laughed at, but they wouldn't respect him, and they wouldn't vote for him.	Можно симпатизировать человеку, над которым смеешься, но уважать - никогда. Следовательно, никто за него не проголосует.
It was the death of his plans he was facing, and his wife just had too much of that Miller family look about her.	Далеко идущим планам пришел конец, а жена его происходила из той самой семьи Миллеров.
She was pretty enough, for a frontier woman, but he didn't care about pretty right now.	Она была весьма красива для переселенки, но сейчас эта красота его не трогала.
He didn't care about sweet nights and gentle mornings.	Ему плевать было на сладкие ночи и томные часы.

He didn't care about her working alongside him in the store.	Плевать на ее работу, которую она исполняла наравне с ним в лавке.
All he cared about was shame and rage.	В нем бушевали стыд и гнев.
"Don't do that."	- Кончай.
"You got to get that wet shirt off.	- Ты должен снять рубашку, она насквозь промокла.
How'd you get snow clear down your shirt?"	Откуда у тебя снег за воротником?
"I said get your hands off me!"	- Я сказал, убери руки!
She stepped back, surprised.	Она удивленно отступила:
"I was just-"	- Я просто...

"I know what you 'was just.'	- Знаю, что ты "просто".
Poor little Armor, you just pat him like a little boy and he'll feel better."	Бедняжка Армор, надо погладить его, как младенца, и он сразу почувствует себя лучше.
"You could catch your death-"	- Ты можешь заболеть...
"Tell that to your pa!	- Папе своему это скажи!
If I cough my guts out, you tell him what it means to throw a man in the snow!"	Когда у меня кишки от кашля полезут, объяснишь ему, что значит выкидывать человека в сугроб!
"Oh no!" she cried. "I can't believe Papa would-"	- О нет! - воскликнула она. - Не может быть! Чтобы папа...
"See?	- Вот видишь!

You don't even believe your own husband."	Ты собственному мужу не веришь.
"I do believe you, it just ain't like Pa-"	- Я верю тебе, но это не похоже на папу...
"No ma'am, it's like the devil himself, that's what it's like!	- Конечно, нет, то был сам дьявол, вот на что это было похоже!
That's what fills that house of yours up there!	Вот кто поселился нынче в доме твоей семейки!
The spirit of evil!	Дух зла!
And when a body tries to speak the words of God in that house, they throw him fight out in the snow!"	И когда человек пытается произнести под их крышей слово Господне, его вышвыривают на улицу, в снег!
"What were you doing up at the house?"	- Что тебя туда понесло?

"Trying to save your brother's life.	- Хотел спасти жизнь твоему ненаглядному братцу.
He's no doubt dead by now."	Но сейчас он, наверное, уже мертв.
"How could you save him?"	- Ты-то как мог спасти его?
Maybe she didn't mean to sound so contemptuous.	Может, она вовсе не хотела вкладывать в свои слова столько презрения.
It didn't matter.	Без разницы.
He knew what she meant.	Он понял, что она хотела сказать.

That him having no hidden power, there wasn't a thing he could do to help anybody.	Он скрытыми силами не обладает, стало быть, помочь никому не может.

After years of being married, she still put her faith in witchery, just like her kin.	Спустя столько лет семейной жизни она все еще верила в колдовство, как и ее родственники.
He hadn't changed her a bit.	Она ни капли не изменилась.
"You're just the same," he said. "Evil's in you so deep that I can't pray it out of you, and I can't preach it out of you, and I can't love it out of you, and I can't yell it out of you!"	- Ты все та же, - сказал он. - Зло глубоко угнездилось в тебе, и молитвами его из тебя не выгонишь, никакими проповедями не прогонишь. Даже любовь здесь бессильна, и криком ничего не добьешься!
When he said "pray," he shoved her a little, just to make his point.	Упомянув молитвы, он пихнул ее легонько, чтобы она прислушалась к его словам.

When he said "preach," he shoved her harder, and she stumbled back.	Сказав о проповедях, он толкнул ее сильнее, и ей пришлось сделать шаг назад.
When he said "love," he took her by the shoulders and gave her such a shake her hair broke right out of the bun she'd made of it, and fluttered around her head.	Произнеся "любовь", он схватил ее за плечи и встряхнул - длинные волосы, уложенные в узел, рассыпались и взлетели, создав ореол вокруг ее головы.
When he said "yell," he knocked her back so far she stumbled down on the floor.	Вымолвив "криками", он швырнул ее с такой силой, что она покатилась по полу.

Seeing her falling, even before she hit the floor, he felt such a shame go through him, even worse than when her father threw him in the snow.	Увидев, что она упала, - она и пола коснуться не успела, как он вдруг ощутил неимоверный стыд.
A strong man makes me feel weak, so I go home and shove around my wife, what a big man that makes me.	Он так не стыдился, когда ее отец выкинул его в сугроб. "Будучи униженным силой, я пошел домой и стал унижать свою жену, какой же из меня мужчина!
Here I been a Christian who never hit or hurt a man or woman, and I knock my own wife, flesh of my flesh, right down on the floor.	Совсем недавно я был праведным христианином, который пальцем не трогал ни мужчину, ни женщину, а сейчас я избиваю собственную жену, плоть от плоти моей, швыряю ее на пол".

That was his thinking, and he was about to throw himself on his knees and bawl like a baby and beg forgiveness.	Он хотел было броситься на колени, расплакаться, как младенец, испросить прощения.
He would've done it, too, except that when she saw the look on his face, all twisted up with shame and rage, she didn't know that he was angry at himself, she just knew that he was hurting her, and so she did what come natural to a woman who grew up like she did.	Он бы не преминул это сделать, если б она не истолковала выражение его лица ошибочно. Оно было перекошено от стыда и ярости, правда, Элли не знала, что он сердится на себя, она знала, что он ей причинил боль, поэтому она поступила так, как поступила бы каждая женщина на ее месте, воспитанная в колониях.

She moved her fingers to make a fending, and whispered a word to hold him back.	Она шевельнула пальцами, создавая оберег, и прошептала слово, которое должно было удержать мужа.
He couldn't fall on his knees before her.	Он не смог упасть перед ней на колени.
He couldn't take one step toward her.	Он шагу к ней не мог ступить.
He couldn't even think of taking a step toward her.	Даже подумать об этом не мог.

Her fending was so strong he staggered back, he headed for the door, he opened it and ran outside in just his shirt.	Оберег получился настолько сильным, что Армор попятился назад, нащупал ручку входной двери, потянул за нее и выбежал на мороз в одной рубашке.

Everything he'd been afraid of came true today.	Сегодня сбылись все его страхи.
He probably lost his future in politics, but that was nothing compared to this: his own wife did witchery in his own home, and she did it against him, and he had no defense against it.	Он лишился будущего как политик, но ничто не могло сравниться с происшедшим секунду назад: его жена сотворила колдовство прямо в стенах дома и направила его против собственного мужа, тогда как он ничего не мог поделать.
She was a witch.	Ведьма.
She was a witch.	Ведьма.
And his house was unclean.	И в его доме поселился нечистый.
It was cold.	На улице было холодно.
He had no coat, not even his waistcoat.	Куртка осталась дома, а свитера на нем не было.

His shirt was already wet, and now it clung to him and froze him to the bone.	Промокшая рубашка прилипла к телу, словно корка льда.
He had to get indoors, but he couldn't bear to knock on anybody's door.	Он мог бы зайти в какой-нибудь дом, но не вынес бы позора проситься к чужим людям.
There was only one place he could go.	Оставалось одно.
Up the hill to the church.	Идти на холм, в церковь.
Thrower had firewood there, so he'd be warm.	У Троуэра есть хворост, там он сможет согреться.
And in the church he could pray and try to understand why the Lord didn't help him.	В церкви он помолится и попытается понять, почему Господь не помог ему?

Haven't I served you, Lord?	"Господи, разве я не служил тебе верой и правдой?"
Reverend Thrower opened the door of the church and walked slowly, fearfully inside.	* * * Преподобный Троуэр открыл дверь церкви и медленно, терзаемый страхом, вошел внутрь.
He could not bear to face the Visitor, knowing how he had failed.	Он подвел Посетителя и теперь не мог вынести позора взглянуть ему в глаза.
For it had been his own failure, he knew that now.	Ибо подвел он его по собственной вине, виноват в этом был он один.
Satan should have had no power over him, to drive him from the house that way.	Сатана не должен был овладеть им, не должен был так легко изгнать его из дома.

An ordained minister, acting as the emissary of the Lord, following instructions given to him by an angel-Satan should not have been able to thrust him out of the house like that, before he even knew what was happening.	Он священник и действует в качестве посланника Бога, следуя инструкциям, данным ему ангелом; а тем временем он и понять ничего не успел, как сатана вышвырнул его в лес.
He stripped off his cloak, and his topcoat as well.	Он содрал куртку, снял шляпу.
The church was hot.	Церковь была жарко протоплена.
The fire in the stove must have burned longer than he expected.	Наверное, огонь в камине горел дольше, чем он думал.

Or maybe he felt the heat of shame.	А может, Троуэра сжигал стыд.

It could not be that Satan was stronger than the Lord.	Быть того не может, чтобы сатана возобладал над Богом.
The only possible explanation was that Thrower himself was too weak.	Единственное возможное объяснение заключается в том, что Троуэр слишком слаб.
It was his own faith that faltered.	Его подвела собственная вера.
Thrower knelt at the altar and cried out the name of the Lord.	Троуэр упал на колени перед алтарем и выкрикнул имя Господне, призывая его.
"Forgive thou my unbelief!" he cried. "I held the knife, but Satan stood against me, and I had no strength!"	- Прости мое неверие! - зарыдал он. - Я держал нож в руках, но против меня выступил сатана, и силы моей оказалось недостаточно.

He recited a litany of self-excoriation, he rehearsed all his failures of the day, until at last he was exhausted.	Он прочитал молитву самобичевания и перебирал в уме неудачи дня, пока окончательно не лишился сил.
Only then, with his eyes sore from crying, his voice feeble and hoarse, did he realize the moment when his faith was undermined.	Лишь когда глаза его опухли от рыданий, голос сорвался и захрипел, он увидел минуту, когда вера его подверглась испытанию.
It was when he stood in Alvin's room, asking the boy to confess his faith, and the boy scoffed at the mysteries of God.	Это случилось, когда он стоял в комнате Элвина, умоляя мальчишку исповедоваться, а тот насмехался над таинствами Божьими.
"How can he be on top of something that ain't got no top?"	"Как он может сидеть на вершине трона, у которого вообще нет вершины?"

Even though Thrower had rejected the question as the result of ignorance and evil, the question had nevertheless pierced his heart and penetrated to the core of his belief.	Хотя Троуэр и отверг сей вопрос, посчитав его плодом невежества и зла, фраза глубоко въелась в его сердце, проникнув под кору веры.
Certainties that had sustained him most of his life were suddenly split through by the questions of an ignorant boy.	Непреложные факты, которые питали его большую часть жизни, рухнули перед вопросом необразованного мальчишки.
"He stole my faith," said Thrower. "I went into his room a man of God, and came out as a doubter."	- Он украл мою веру, - промолвил Троуэр. - Я вошел в его комнату верующим в Господа, а покинул ее сомневающимся ничтожеством.

"Indeed," said a voice behind him.	- Разумеется, - произнес голос позади него.
A voice he knew.	Голос, который он моментально узнал.
A voice that now, in his moment of failure, he both feared and longed for.	Этого голоса сейчас, в момент поражения, он и страшился, и жаждал.
Oh, forgive me, comfort me, my Visitor, my friend!	"Прости меня, успокой, мой Посетитель, мой друг!
Yet do not fail also to chastise me with the terrible wrath of a jealous God.	Не угрожай мне наказанием Небес, ужасным проклятием злопамятного Бога".

"Chastise you?" asked the Visitor. "How could I chastise you, such a glorious specimen of humanity?"	- Наказанием Небес? - переспросил Посетитель. -Как я могу наказывать тебя, столь великолепного представителя человечества?
"I am not glorious," said Thrower miserably.	- Я вовсе не великолепен, - прохныкал Троуэр.

"You're barely human, for that matter," said the Visitor. "In whose image were you made?	- Ты человек, вот и все, - ответствовал Посетитель. - По чьему образу и подобию ты сотворен?
I sent you to bring my word into that house, and instead they have nearly converted you.	Я послал тебя нести мое слово в тот дом, а вместо этого тебя чуть не обратили.
What do I call you now?	Как мне теперь тебя называть?

A heretic?	Еретиком?
Or merely a skeptic?"	Или, может, скептиком?
"A Christian!" cried Thrower. "Forgive me and call me once again a Christian."	- Христианином! - вскричал Троуэр. - Прости меня и снова назови христианином!
"You had the knife in your hand, but you set it down."	- У тебя был нож в руке, но ты отложил его в сторону.
"I didn't mean to!"	- Я не хотел!
"Weak, weak, weak, weak, weak."	- Ты слаб, слаб, слаб, слаб, слаб...
Each time the Visitor repeated the word, he stretched it longer and longer, until each repetition became a song in itself.	Все чаще повторяя это слово, Посетитель растягивал его дольше и дольше, пока каждый повтор сам по себе не превратился в песню.

As he sang, he began to walk around the church.	Ведя свою песнь, Посетитель принялся ходить кругами по церкви.
He did not run, but he walked quickly, far faster than any man could walk.	Он не бегал, но ноги его двигались необычайно быстро, намного быстрее ног обычного человека.
"Weak, weak..."	- Слаб, слаб...
He was moving so fast that Thrower had to turn constantly just to keep him in sight.	Он двигался стремительно, и Троуэру приходилось вертеться на месте, чтобы не упустить его из виду.
The Visitor was no longer walking on the floor.	Ноги Посетителя уже не касались пола.

He was skittering along the walls, as smooth and fast in his motion as a cockroach, then even faster, until he became a blur, and Thrower could not keep up with him by turning.	Он скользил по стенам, плавно и легко, как таракан, сливаясь в движении. Потом он принялся мелькать еще быстрее, пока не превратился в одну сплошную полосу, и Троуэр уже не мог уследить за ним.
Thrower leaned on the altar, facing the empty pews, watching the Visitor race by again and again and again.	Священник облокотился на алтарь, обратившись лицом к пустым церковным скамьям, и стал смотреть за мельканием Посетителя. Раз, еще раз, еще.

Gradually Thrower realized that the Visitor had changed shape, that he had stretched himself, like a long slender beast, a lizard, an alligator, bright-scaled and shining, longer and longer, until finally the Visitor's body was so long that it circled the room, a vast worm that gripped its own tail between its teeth.	Постепенно Троуэр понял, что Посетитель изменил форму, вытянулся, превратившись в длинного ловкого зверя, ящера, аллигатора, блестящего сияющей чешуей. Он рос, пока тело его не вытянулось, полностью окольцевав комнату, - вокруг священника метался громадный червь, зажавший в зубах собственный хвост.

And in his mind Thrower realized how very small and worthless he was, compared to this glorious being that sparkled with a thousand different colors, that glowed with inner fire, that breathed in darkness and exhaled light.	И Троуэр осознал, насколько ничтожен, никчемен он по сравнению с этим прекрасным созданием, которое переливалось тысячами цветов и оттенков, сияло внутренним огнем, вдыхало тьму и выдыхало свет.
I worship thee! he shouted inside himself. Thou art all that I desire!	"Я поклоняюсь тебе! - закричал Троуэр про себя. -Ты олицетворяешь то, чего я всегда жаждал!
Kiss me with your love, so I may taste your glory!	Поцелуй меня, изъяви свою любовь, дабы и я мог вкусить твоей славы!"

Suddenly the Visitor stopped, and the great jaws came toward him.	Внезапно Посетитель остановился, и к священнику протянулись громадные челюсти.
Not to devour, for Thrower knew he was unworthy even to be consumed.	Вовсе не затем, чтобы поглотить целиком, ибо Троуэр знал, он не стоит даже этого.
He saw now the terrible predicament of man: he saw that he dangled over the pit of hell like a spider on a slender thread, and the only reason God did not let him fall was because he was not even worthy of destruction.	Теперь он осмыслил ужасное положение человека: он висел над адской пропастью, как паучок на тоненькой ниточке. И Бог поддерживал его только потому, что даже разрушения он не стоил.
God did not hate him.	Бог не испытывал к нему ненависти.

He was so vile that God disdained him.	Троуэр был отвратителен, и Бог презирал его.
Thrower looked into the Visitor's eyes and despaired.	Троуэр заглянул в глаза Посетителя и отчаялся.
For there was neither love, nor forgiveness, nor anger, nor contempt.	Ибо ни любви в них не было, ни прощения, ни гнева, ни презрения.
The eyes were utterly empty.	Глаза зияли абсолютной пустотой.
The scales dazzled, scattering the light of an inner fire.	Чешуйки слепили, рассыпая искры внутреннего огня.

But that fire did not shine through the eyes.	Но глаза огня не испускали.
They were not even black.	Даже черноты в них было не видно.

They simply were not there at all, a terrible emptiness that trembled, that would not hold still, and Thrower knew that this was his own reflection, that he was nothing, that for him to continue to exist was a cruel waste of precious space, that the only choice left to him was to be annihilated, uncreated, to restore the world to the greater glory it would have had if Philadelphia Thrower had never been born.	Их просто не было, ужасающая пустота дрожала вместо них, ни секунды не стоя на месте. Это было отражение Троуэра, он представлял собой ничто, и если он останется жить на этой земле, то будет бесполезно занимать драгоценное пространство. Оставался единственный выход -самоуничтожиться, рассоздаться и вернуть миру былую славу, которую бы он обрел в случае, если б Филадельфия Троуэр никогда не появлялся на свет.

It was Thrower's praying that woke Armor up.	* * * Армора разбудила истовая молитва Троуэра.
He was curled up by the Franklin stove.	Свернувшись в комочек, он спал у плиты Франклина.
Maybe he stoked that stove a mite too hot, but that's what it took to beat back the cold.	Может быть, растопив ее так жарко, он чуть-чуть перестарался, но тогда он ничего не ощущал -холод сжигал его.

Why, by the time he got to the church his shirt was solid ice.	К тому времени, как он добрался до церкви, рубашка покрылась коркой льда.
He'd get more charcoal to pay back the parson.	За сожженный уголь он расплатится, привезя пастору вдвое больше угля.

Armor meant to speak right up and let Thrower know he was there, but when he heard the words that Thrower was praying, he couldn't find no words to say.	Армор хотел заговорить, дать Троуэру знать о своем присутствии в церкви, но, услышав молитву, мигом позабыл все слова.
Thrower was talking about knives and arteries, and how he should've cut up the enemies of God.	Священник говорил о ножах и артериях, о том, что ему следовало разрезать на части врагов Господа.
After a minute it came clear: Thrower hadn't gone up there to save that boy, he'd gone up to kill him!	Спустя минуту-другую до Армора дошел смысл молитвы: Троуэр пошел с ним не затем, чтобы спасти мальчика, он хотел убить его!

What's wrong around here, thought Armor, when a Christian man beats his wife, and a Christian wife witches her husband, and a Christian minister plots murder and prays for forgiveness cause he failed to commit the crime!	"Да что ж такое происходит? - подумал Армор. -Христианин избивает жену, верующая жена заколдовывает мужа, а священник задумывает убийство и просит прощения, что не смог совершить это ужасное преступление!"
All of a sudden, though, Thrower stopped praying.	Молитва Троуэра неожиданно оборвалась.
He was so hoarse and his face so red that Armor thought he might have had the apoplexy.	Г олос его охрип, а лицо покраснело - такое впечатление, что его вот-вот должен хватить удар.

But no.	Но нет.
Thrower lifted his head like he was listening to somebody.	Троуэр поднял голову, как будто к кому-то прислушиваясь.
Armor listened, too, and he could hear something, like people talking in a windstorm, so you couldn't never hear what they were saying.	Армор тоже напряг слух и действительно что-то расслышал: далекий разговор, словно люди кричат друг другу в бурю, а ветер тут же уносит их слова, и не можешь расслышать, о чем именно идет речь.
I know what this is, thought Armor. Reverend Thrower's having himself a vision.	"А, знаю, в чем дело, - догадался Армор. -Преподобному Троуэру явилось видение".

Sure enough, Thrower talked, and the faint voice answered, and pretty soon Thrower started turning around and around, faster and faster, like he was watching something on the walls.	И в самом деле, Троуэр говорил, а далекий, призрачный голос отвечал. Внезапно священник завертелся на одном месте, быстрее и быстрее, будто разглядывая что-то на стенах.
Armor tried to see what it was he was watching, but he couldn't never make it out.	Армор попытался рассмотреть, что он там увидел, но ничего не понял.
It was like a shadow passing across the sun-you couldn't see it coming and you couldn't see it go, but for a second it was darker and colder.	Словно тень внезапно набежала на солнце - ее приближения не видно, и уходит она незаметно, только на секунду вдруг становится темнее и холоднее.

That's what Armor saw.	Вот что увидел Армор.
Then it stopped.	Затем тень пропала.

Armor saw a shimmering in the air, a dazzle here and there like when a pane of glass catches the sunlight.	Армор увидел дрожь в воздухе, отдельные лучики ослепительного сияния, которое испускает солнце, попавшее в стакан.
Was Thrower seeing the glory of God, like Moses saw?	Неужели Троуэру явился в своем сияющем обличье Господь, как явился когда-то к Моисею?
Not likely, looking at the parson's face.	Судя по лицу пастора, вряд ли.
Armor never did see such a face as that before.	Армор никогда в жизни не видал подобного лица.

Like a man's face might look if he had to watch his own baby being killed.	Так выглядит человек, на глазах у которого секунду назад убили сына.
The shimmering and dazzle went away.	Дрожь и сияние бесследно растворились.
The church was quiet.	Церковь поглотила тишина.
Armor wanted to run to Thrower and ask him, What did you see!	Армор хотел подбежать к Троуэру, спросить его: "Что ты видел?
What was your vision!	Какое видение тебе явилось?
Was it a prophecy?	Было ли это пророчество?"
But Thrower didn't look much like he wanted to answer questions.	Но, похоже, Троуэру не хотелось выслушивать какие-либо вопросы.

That look of wishing to die was still on his face.	На его лице по-прежнему стояло желание смерти.
The preacher walked real slow away from the altar.	Проповедник очень медленно, шаркая ногами, отошел от алтаря.
He wandered around among the pews, bumping into them sometimes, not watching or caring where his body went.	Он побродил среди церковных скамеек, периодически натыкаясь то на одну, то на другую, очевидно, ему было все равно, куда идет его тело.
Finally he ended up by the window, facing the glass, but Armor knew he didn't see nothing, he was just standing there, his eyes wide open, looking like death.	В конце концов он остановился у окна, глядя в стекло. Но Армор понимал, что сейчас священник не видит ничего и никого, просто стоит с широко открытыми глазами, побледнев, как сама смерть.

Reverend Thrower lifted up his right hand, the fingers spread, and he laid his palm on a pane of glass.	Преподобный Троуэр поднял правую руку, разжал пальцы и положил ладонь на стекло.
He pressed.	Надавил.
He pressed and pushed so hard that Armor could see the glass bowing outward.	Он нажал на него так сильно, что стекло прямо на глазах у Армора выгнулось, готовое вот-вот треснуть.
"Stop it!" shouted Armor. "You'll cut yourself!"	- Остановитесь! - закричал Армор. - Вы порежетесь!
Thrower didn't even make a sign that he heard.	Троуэр не подал и виду, что слышал окрик.
Just kept pressing.	Он продолжал давить.

Armor started walking toward him.	Армор направился к нему.
Got to make that man stop before he breaks the glass and cuts up his arm.	Надо остановить этого человека, прежде чем он разобьет стекло и перережет себе все вены на руке.

With a crash the glass shattered.	С громким звоном стекло разбилось.
Thrower's arm went right through, up to the shoulder.	Рука Троуэра по плечо исчезла в ночной темноте.
The preacher smiled.	Проповедник улыбнулся.

He pulled his arm partway back into the church. Then he began to slide his arm around the frame, jamming it right into the shards of glass that hung there in the putty.	Подавшись немного назад, он приложил запястье к торчавшим из рамы зубьям острых осколков и с видимым наслаждением принялся водить рукой по битому стеклу.
Armor tried to pull Thrower away from the window, but the man had a strength on him like Armor never seen before.	Армор попробовал оттащить Троуэра от окна, но священник проявил силу, которой Армор раньше в нем никогда не замечал.
Finally Armor had to take a run at him and knock him right down to the floor.	Армору ничего не оставалось делать, кроме как разбежаться и в прыжке сбить пастора с ног.
Blood was spattered everywhere.	Капли крови расплескались по полу.

Armor grabbed at Thrower's arm, which was dripping all over with blood.	Армор схватил руку Троуэра, из которой хлестала кровь.
Thrower tried to roll away from him.	Троуэр попытался откатиться от него.
Armor didn't have no choice.	Выбора у Армора не было.
For the first time since he became a Christian man he made his hand into a fist and popped Thrower right on the chin.	Впервые с тех пор, как он стал христианином, Армор сжал кулак, коим и врезал Троуэру прямо в челюсть.
It slammed the preacher's head back into the floor and knocked him silly.	Голова священника откинулась назад, с громким стуком врезалась в пол, и Троуэр на время потерял сознание.

Got to stop the bleeding, Armor thought.	"Надо как-то кровь остановить", - подумал Армор.
But first he had to get the glass out.	Но сначала следовало вытащить из раны стекло.
Some of the big pieces were only stuck in a little way, and he could brush them right off.	Некоторые осколки едва вонзились в кожу, поэтому их удалось просто стряхнуть.
But other pieces, some of the little pieces, were in deep, only a bit of their top showing, and that was slimy with blood so he couldn't get much of a grip on it.	Но другие, особенно мелкие, вошли глубоко, торчали самые кончики, а скользкая и густая кровь мешала как следует их ухватить.

Finally, though, he got all the glass he could find.	Наконец Армор вытащил все осколки, которые смог найти.
Lucky enough there wasn't a single cut a-pumping blood, which told Armor that the big veins hadn't been cut.	К счастью, кровь не лилась сплошным потоком, значит, основные вены не пострадали. Армор стащил через голову рубашку, оставшись голым по пояс.
He stripped off his shirt, which left him naked to the waist with that cold draft coming in from the broken window, but he didn't hardly notice.	Из разбитого окна дул морозный воздух, но он не замечал холода.
He just ripped up the shirt and made bandages.	Разодрав рубаху на полосы, Армор сделал бинты.

He bound up the wounds and stopped the bleeding.	После чего перевязал раны и остановил кровь.

Then he sat there and waited for Thrower to wake up.	Бессильно опустившись на пол, он стал ждать, когда к Троуэру вернется сознание.
Thrower was surprised to find he wasn't dead.	* * * Очнувшись, Троуэр изрядно удивился, обнаружив себя живым.
He was lying on his back on a hard floor, covered up with heavy cloth.	Он лежал на спине на твердом полу, укрытый каким-то одеялом.
His head hurt.	Голова раскалывалась от боли.
His arm hurt worse.	Рука саднила.

He remembered trying to cut up that arm, and he knew he ought to try again, but he just couldn't work up the same wish for death that he had felt before.	Он помнил, что пытался перерезать вены, и знал, что должен попробовать покончить с собой еще раз, но настойчивое желание смерти, которое он ощущал прежде, исчезло.
Even remembering the Visitor in the form of a great lizard, even remembering those empty eyes, Thrower just couldn't remember how it felt.	Он вызвал в памяти образ Посетителя, обернувшегося громадным ящером, его пустые глаза - не помогло. Троуэр не мог вспомнить, что он тогда ощутил.
He only knew that it was the worst feeling in the world.	Хотя знал: ничего ужаснее он не видел.
His arm was bandaged tight.	Рука была туго перевязана.

Who had bandaged him?	Кто наложил бинты?
He heard the sloshing of water.	Он услышал звук падающих капель.
Then the flopping sound of wet rags slapping against wood.	Затем хлопки мокрой тряпки по дереву.
In the winter twilight coming through the window, he could make out somebody washing the wall.	В тусклом зимнем свете он разглядел, что кто-то моет стены.
One of the window panes was covered over with a piece of wood.	Одна из оконных рам была наспех заделана деревянной панелью.
"Who is it?" asked Thrower. "Who are you?"	- Кто здесь? - спросил Троуэр. - Кто ты?
"Just me."	- Это всего лишь я.
"Armor-of-God."	- Армор.

"Washing down the walls.	- Стены мою.
This is a church, not a butcher shed."	Это церковь, а не скотобойня.
Of course there'd be blood all over.	Ну конечно, кровь, наверное, забрызгала все вокруг.
"Sorry," said Thrower.	- Извини, - произнес Троуэр.
"I don't mind cleaning up," said Armor. "I think I got all the glass out of your arm."	- Да ничего, я справлюсь, - ответил Армор. -Надеюсь, я вытащил все осколки из вашей руки.
"You're naked," said Thrower.	- На тебе ничего нет, - заметил Троуэр.
"Your arm is wearing my shirt."	- Моя рубашка на вашей руке.
"You must be cold."	- Тебе, должно быть, холодно.

"Maybe I was, but I got the window covered and the stove het up.	- Было. Но я кое-как прикрыл окно и пожарче растопил печку.
You're the one with a face so white you look like you been dead a week."	Ну и лицо у вас было, доложу я вам, словно вы были мертвы по крайней мере неделю.
Thrower tried to sit up, but he couldn't.	Троуэр попытался сесть, но не смог.
He was too weak; his arm hurt too bad.	Он слишком ослаб, да и рука ныла нестерпимо.
Armor pushed him back down.	Армор осторожно снова уложил его на пол.
"Now, you just lay back, Reverend Thrower.	- Лежите, лежите, преподобный Троуэр.
You just lay back.	Просто лежите.
You been through a lot."	Вам пришлось многое пережить.

"Yes.	- Да.
"I hope you don't mind, but I was here in the church when you come in.	- Надеюсь, вы не против того, что я зашел в церковь, когда вас не было.
I was asleep by the stove-my wife threw me out of the house.	Я заснул за печкой - жена выгнала меня из дома.
I been thrown out twice today." He laughed, but there was no mirth in it. "So I saw you."	За сегодняшний день на улицу меня вышвыривали целых два раза. - Он рассмеялся, но веселья в его смехе было мало. - А потом я проснулся и увидел вас.
"Saw?"	- Увидел?
"You were having a vision, weren't you?"	- Вам явилось видение, да?
"Did you see him?"	- Ты узрел его?
"I didn't see much.	- Плохо.

I mostly saw you, but there was a few glimpses, if you know what I mean.	Вас было видно хорошо, но кое-что я уловил, блики какие-то.
Running around the walls."	Они кружились по стенам.
"You saw," said Thrower. "Oh, Armor, it was terrible, it was beautiful."	- Ты видел, - сказал Троуэр. - О Армор, это было ужасно и одновременно так чудесно.
"Did you see God?"	- К вам снизошел Господь?
"See God?	- Господь?
God has no body to be seen, Armor.	Бог бестелесен, его нельзя увидеть, Армор.
No, I saw an angel, an angel of chastisement.	Нет, я свидетельствовал ангела, ангела наказания.

Surely this was what Pharaoh saw, the angel of death that came through the cities of Egypt and took the firstborn."	Наверное, именно его лицезрел фараон, когда ангел смерти прошел по городам Египта, забрав царского первенца 49.
"Oh," said Armor, sounding puzzled. "Was I spose to let you die, then?"	- Ого, - задумчиво промолвил Армор. - Значит, мне следовало позволить вам умереть?

"If I were supposed to die, you could not have saved me," said Thrower. "Because you saved me, because you were here at the moment of my despair, it is a sure sign that I am meant to live.	- Если б мне надо было умереть, ты бы не смог спасти меня, - улыбнулся Троуэр. - А поскольку ты спас меня, поскольку очутился в церкви в момент моего крайнего отчаяния, это можно счесть знаком, что мне суждено остаться в живых.

I was chastised, but not destroyed.	Я подвергся наказанию, но не был уничтожен.
Armor-of-God, I have another chance."	Армор, мне дан второй шанс.
Armor nodded, but Thrower could see that he was worried about something.	Армор кивнул, но Троуэр заметил, что он чем-то очень обеспокоен.
"What is it?" Thrower asked. "What is it that you want to ask me?"	- В чем дело? - спросил Троуэр. - Что за вопрос ты хочешь задать?
Armor's eyes widened.	Глаза Армора расширились:
"Can you hear what I'm thinking9"	- Вы читаете мои мысли?
"If I could, I wouldn't have to ask you."	- Если б читал, то не спрашивал бы, что тебя так волнует.

Armor smiled. "Reckon not."	- Ну да, верно, - улыбнулся Армор.
"I'll tell you what you want to know, if I can."	- Обещаю, если смогу, я отвечу тебе.
"I heard you praying," said Armor.	- Я слышал вашу молитву, - произнес Армор.
He waited, as if that were the question.	И замолк, подразумевая тем самым вопрос.
Since Thrower didn't know what the question was, he wasn't sure what to answer.	Но поскольку Троуэр не понял, что хотел спросить Армор, поэтому ответил наугад:
"I was in despair, because I failed the Lord.	- Я был в отчаянии, потому что подвел доверие Господа.

I was given a mission to perform, but at the crucial moment my heart was filled with doubt."	На меня была возложена миссия, но в самый ответственный момент в мое сердце закрались сомнения.
With his good hand he reached out and clutched at Armor.	Протянув здоровую руку, он схватил Армора.
All he could touch was the cloth of Armor's trousers, where he knelt beside him.	Пальцы впились в колено стоящего рядом мужчины, ощутив грубую ткань штанов.
"Armor-of-God," he said, "never let doubt enter your heart.	- Армор Уивер, - взмолился Троуэр, - не позволяй сомнениям вторгаться в твое сердце.
Never question what you know is true.	Никогда не задавайся вопросом, правда ли то, что известно тебе.

It's the doorway to let Satan have power over you."	Именно через эту дверь проникает сатана, чтобы завладеть тобой.
But that wasn't the answer to Armor's question.	Но не это хотел услышать Армор.
"Ask me what you want to ask me," said Thrower. "I'll tell you the truth, if I can."	- Спроси меня, что ты хочешь спросить, - сказал Троуэр. - И я отвечу тебе правдой, если смогу.
"You prayed about killing," said Armor.	- В своей молитве вы говорили об убийстве, -промолвил Армор.

Thrower had not thought to tell anyone about the burden the Lord had placed upon him.	Троуэру не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о ноше, которую возложил Господь на его плечи.

Yet if the Lord had wanted the secret kept from Armor, He would not have allowed the man to be there in the church to overhear.	Но если бы Бог желал сохранить все в тайне. Он бы не позволил Армору оказаться в церкви и подслушать молитву.
"I believe," said Thrower, "that it was the Lord God that brought you to me.	- Я верую, - произнес Троуэр, - что тебя ко мне привел сам Господь Бог.
I am weak, Armor, and I failed at what the Lord required.	Я слаб, Армор, и я потерпел поражение, не исполнив волю небес.
But now I see that you, a man of faith, have been given to me as a friend and helper."	Но теперь я вижу, именно Он направил ко мне тебя, человека верующего, в качестве друга и помощника.
"What did the Lord require?" asked Armor.	- Что потребовал Господь? - спросил Армор.

"Not murder, my brother.	- Не убийства, брат мой.
The Lord never asked me to kill a man.	Г осподь никогда не просил меня убивать человека.
It was a devil I was sent to kill.	То был дьявол, которого меня послали убить.
A devil in man-shape.	Дьявол в человеческом обличье.
Living in that house."	Поселившийся в том доме.
Armor pursed his lips, deep in thought.	Армор надул щеки, погрузившись в собственные мысли.
"The boy ain't just possessed, is that what you're saying?	- Значит, мальчик не просто одержим, - это вы хотите сказать?

It ain't something you can cast right out?"	Стало быть, то, что находится в нем, не изгонишь?
"I tried, but he laughed at the Holy Book and mocked my words of exorcism.	- Я пытался, но он хохотал над Священным Писанием и насмехался, когда я читал молитву, изгоняющую дьявола.
He is not possessed, Armor-of-God.	Он не одержим, Армор.
He is the devil's own kin."	Это сын самого дьявола.
Armor shook his head.	Армор потряс головой:
"My wife ain't a devil, and she's his own sister."	- Моя жена не дьяволица, а она ему приходится родной сестрой.

"She has given up witchcraft, and so she has been made pure," said Thrower.	- Она бросила ведьмовство и очистилась, - объяснил Троуэр.
Armor gave one bitter laugh. "I thought so."	- Я тоже так думал, - горько хмыкнул Армор.
Thrower understood, now, why Armor had taken refuge in the church, in the house of God: His own house had been polluted.	Тогда Троуэр наконец догадался, почему Армор нашел прибежище в церкви, в доме Господа Бога: в его собственном жилище поселился нечистый.
"Armor-of-God, will you help me purge this country, this town, that house, thatfamily, of the evil influence that has corrupted them?"	- Армор, поможешь ли ты мне очистить эту страну, этот город, этот дом, эту семью от злого влияния, что захватило здесь власть?

"Will it save my wife?" asked Armor. "Will it end her love of witchery?"	- А спасет ли это мою жену? - спросил Армор. -Поможет ли ей избавиться от страсти к колдовству?
"It may," said Thrower. "Perhaps the Lord has brought us together so we can purify both our houses."	- Скорее всего, - кивнул Троуэр. - Возможно, Г осподь свел нас, чтобы мы совместными усилиями очистили наши дома.
"Whatever it takes," said Armor. "I'm with you against the devil."	- Чем бы ни закончилась эта битва, - ответил Армор, - я вместе с тобой буду сражаться с дьяволом.
Chapter Fifteen-Promises	15. Обещания

The blacksmith listened as Taleswapper read the letter from beginning to end.	Сказитель открыл письмо и прочел его вслух от начала до конца внимательно слушающему кузнецу.
"Do you remember the family?" asked Taleswapper.	- Ты помнишь эту семью? - спросил Сказитель.
"I do," said Makepeace Smith. "The graveyard almost began with their oldest boy.	- Помню, - кивнул Миротворец Смит. - Их старший сын был одним из первых, кто нашел приют на нашем кладбище.
I pulled his body from the river with my own hands."	Я собственными руками вытащил его тело из реки.
"Well then, will you take him as your prentice?"	- Ну, так что ты решил? Возьмешь его к себе в подмастерья?

A youth, perhaps sixteen years old, walked into the forge carrying a bucket of snow.	Юноша лет, наверное, шестнадцати вошел в кузню, волоча набитую снегом корзину.
He glanced at the visitor, ducked his head, and walked to the cooling barrel that stood near the hearth.	Бросив взгляд на гостя, он склонил голову и направился к бочонку с холодной водой, стоящему рядом с горном.
"You see I have a prentice," said the Smith.	- Как видишь, у меня уже имеется ученик, - ткнул пальцем кузнец.
"He looks like a big one," said Taleswapper.	- Он почти взрослый, - заметил Сказитель.
"Getting on," the Smith agreed. "Ain't that right, Bosey?	- Да, растет, - согласился кузнец. - Правильно, Бози?

You ready to go on your own?"	Г отов отправиться на поиски собственной работы?
Bosey smiled a bit, stifled it, nodded.	Бози улыбнулся краешком рта, но быстро подавил улыбку и кивнул.
"Yes, Sir," he said.	- Да, сэр, - ответил он.
"I'm not an easy master," said the Smith.	- Характер у меня тяжелый, - предупредил кузнец.
"Alvin's a good-hearted boy.	- У Элвина доброе сердце.
He'll work hard for you."	Он будет трудиться изо всех сил.
"But will he obey me?	- Но будет ли он повиноваться мне?
I like to be obeyed."	Мне нравится, когда меня слушаются.

Taleswapper looked again at Bosey.	Сказитель снова взглянул на Бози.

He was busy scooping snow into the barrel.	Тот усердно перекидывал снег в бочонок.
"I said he's a good-hearted boy," said Taleswapper. "He'll obey you if you're fair with him."	- Я же сказал, у него доброе сердце, - проговорил Сказитель. - Если ты станешь поступать с ним по справедливости, то и он будет слушаться тебя.
The Smith met his gaze.	Кузнец, не дрогнув, снес пристальный взгляд странника.
"I give honest measure.	- Я всегда поступаю честно.
I don't beat the boys I take on.	Привычки избивать учеников не имею.

Have I ever laid hand on you, Bosey?"	Я когда-нибудь тебя хоть пальцем тронул, Бози?
"Never, sir."	- Никогда, сэр.
"You see, Taleswapper, a prentice can obey out of fear, and he can obey out of greed.	- Вот видишь, Сказитель, подмастерье может повиноваться из страха, а может слушаться из жадности.
But if I'm a good master, he'll obey me cause he knows that's how he'll learn."	Но коли я хороший мастер, он будет исполнять мои повеления, поскольку знает, что таким образом он учится.
Taleswapper grinned at the smith.	Сказитель широко улыбнулся.
"There's no fee," said Taleswapper. "The boy will earn it out.	- Платы за него не дают, - предупредил Сказитель.- Мальчик сам отработает содержание.

And he gets his schooling."	Кроме того, он должен получить некоторое образование.
"No need for a smith to have letters, as I should know."	- Насколько мне известно, кузнецу всякие там буквы без надобности.
"Won't be long before Hio's part of the United States," said Taleswapper. "The boy's got to vote, I think, and read the newspapers.	- Очень скоро Гайо войдет в Соединенные Штаты,- возразил Сказитель. - Мальчик должен будет голосовать и читать газеты.
A man who can't read only knows what other folks tell him."	Человек, который не умеет читать, знает жизнь только по рассказам других людей.

Makepeace Smith looked at Taleswapper with a grin half-hid on his face.	Миротворец Смит посмотрел на Сказителя с плохо скрываемой усмешкой:
"That so?	- Правда?
And ain't it you telling me?	И это ты мне рассказываешь?
So don't I only know this cause other folks, namely you, is telling me so?"	Разве я плохо узнал жизнь по рассказам других людей, к примеру, по тем историям, которыми вечно полон ты?
Taleswapper laughed and nodded.	Сказитель расхохотался и кивнул.
The smith had shot the head clean off the turkey with that one.	Этим выстрелом кузнец попал прямо в яблочко.

"I make my way in the world telling tales," said Taleswapper, "so I know you can get much with just the sound of a man's voice.	- Я разношу по миру всевозможные истории, -согласился Сказитель, - и сам убедился, что один звук человеческого голоса несет в себе массу знаний.

He already reads above his years, so it won't do him harm to miss a bit of school.	Элвин уже читает не по годам, и, если он пропустит пару лет занятий, это ему не повредит.
But his ma is set on him having letters and ciphering like a scholar.	Но его мама решительно настроена на то, чтобы он научился обращаться с буквами и цифрами, как настоящий ученый.

So just promise me you won't stand between him and schooling, if he wants it, and we'll leave it at that."	Пообещай мне, что не встанешь между ним и образованием, если он захочет вдруг продолжить его. И на этом мы договоримся.
"Got my word on that," said Makepeace Smith. "And you don't have to write it down.	- Даю слово, - пообещал Миротворец Смит. - И можешь это не записывать.
A man who keeps his word doesn't have to read and write.	Человеку, который держит свое слово, не обязательно уметь читать и писать.
But a man who has to write down his promises, you got to watch him all morning.	Но вот человек, который обязательно должен записать свои клятвы, - с такого типа глаз не своди.

I know that for a fact.	Знаю точно.
We got lawyers in Hatrack these days."	Недавно в Хатраке поселился законник.
"The curse of civilized man," said Taleswapper. "When a man can't get folks to believe his lies anymore, then he hires him a professional to lie in his place."	- Вот оно, проклятие цивилизации, - покачал головой Сказитель. - Когда человек не может заставить окружающих верить своей лжи, он нанимает профессионала, который будет лгать за него.

They laughed together over that one, setting there on two stout stumps just inside the door of the forge, the fire smoldering in its brick chimney place behind them, the sun shining on half-melted snow outside.	И они дружно расхохотались. Они сидели на двух небольших чурбанчиках рядом с дверью кузни, в сложенном из кирпича камине полыхало веселое пламя, на полустаявший снег снаружи падали теплые лучики солнца.
A redbird flew across the grassy, trampled, dunged- up ground in front of the forge.	Над покрытой жухлой травой, перепаханной землей порхнул красногрудый зяблик.

It dazzled Taleswappees eyes for a moment, it was such a startlement against the whites and greys and browns of late winter.	Его яркое оперение на секунду ослепило Сказителя - так удивительно смотрелась птичка на фоне бело-серо-коричневых цветов отступающей зимы.
In that moment of amazement at the redbird's flight, Taleswapper knew for certain, though he couldn't say why, that it would be a while yet before the Unmaker let young Alvin come to this place.	Неожиданно, в момент изумления полетом зяблика, Сказитель осознал - хотя сам не понял, с чего он это взял, - что пройдет немало времени, прежде чем Рассоздатель позволит юному Элвину стать учеником кузнеца.

And when he came he'd be like a redbird out of season, to dazzle folks all hereabouts, them thinking he was just as natural as a bird flying, not knowing what a miracle it was every minute that the bird stayed in the air.	Появившись в этом городке, мальчик будет похож на зяблика, порхающего над зимними снегами. Он ослепит и озарит окрестности, а люди примут его как само собой разумеющееся, как летящую птичку, не догадываясь, какое чудо происходит каждый раз, когда птица взлетает в воздух.
Taleswapper shook himself, and the moment's clear vision passed.	Сказитель встряхнулся, и видение, посетившее его, рассеялось.

"Then it's done, and I'll write to them to send the boy."	- Значит, договорились. Я напишу, чтобы Элвин выезжал.

"I'll look for him the first of April.	- Буду ждать его к первому апреля.
No later!"	Не позднее!
"Unless you expect the boy to control the weather, you'd best be flexible about the date."	- Ты что, думаешь, мальчишка умеет управлять погодой? Пожалуй, точную дату назначать не стоит.
The smith grumbled and waved him away.	Кузнец что-то буркнул и махнул рукой, выпроваживая Сказителя из кузни.
All in all, a successful meeting.	В целом разговор прошел удачно.
Taleswapper left feeling good-he had discharged his duty.	Сказитель ощутил небывалую легкость - он исполнил свои обязанности.

It'd be easy to send a letter with a westbound wagon-several groups passed through the town of Hatrack every week.	А письмо можно отослать с какой-нибудь повозкой, следующей на запад, - каждую неделю через Хатрак проезжали семьи переселенцев.
Though it had been a long time since he passed through this place, he still knew the way from the forge to the inn.	Он давненько не бывал в этом городе, но не забыл, как добраться от кузни до постоялого двора.
It was a well-traveled road, and not a long one.	Дорога была накатанной и недлинной.
The inn was much larger now than it had been, and there were several shops a bit farther up the road.	Гостиница разрослась, увеличившись в размерах, чуть дальше, как грибы, выросли несколько лавок.

An outfitter, a saddler, a cobbler.	Галантерейщик, шорник, сапожник.
The kind of service traveling folk could use.	Их услуги всегда придутся кстати путнику.
He hardly set foot on the porch when the door opened and Old Peg Guester came out, her arms spread wide to embrace him.	Не успел он ступить на крыльцо, как дверь отворилась, и из гостиницы, распахнув объятия, выбежала старушка Пэг Гестер.
"Ah, Taleswapper, you've been away too long, come in, come in!"	- А, Сказитель, давно тебя не видали, ну, заходи, заходи!
"It's good to see you again, Peg," he said.	- Рад снова видеть тебя, Пэг, - сказал он.

Horace Guester growled at him from behind the bar in the common room, where he was serving several thirsty visitors.	Из-за стойки, построенной в большой комнате, приветственно помахал ему Г ораций Г естер, обслуживающий нескольких терзаемых жаждой посетителей. - Явился не запылился!
"What I don't need here is another teetotaling man!"	Только еще одного трезвенника мне здесь не хватало!
"Good news, then, Horace," Taleswapper answered cheerfully.	- Тогда у меня к тебе хорошие новости, -добродушно крикнул Сказитель.
"I gave up tea as well."	- Я и чай бросил пить.
"What, do you drink water?"	- Чем же ты теперь утоляешь жажду?

"Water and the blood of greasy old men," said Taleswapper.	Водой? - Водой и кровью жирных стариков, -поведал Сказитель.
Horace gestured to his wife. "You keep that man away from me, Old Peg, you hear?"	- Эй, Пэг, ты лучше держи его от меня подальше, слышишь? - предупредил жену Гораций.

Old Peg helped him strip off a few layers of clothing.	Старушка Пэг помогла Сказителю освободиться от зимних одежек.
"Look at you," said Old Peg, sizing him up. "There ain't enough meat on you to make a stew."	- Ты посмотри, - всплеснула руками она, меряя его взглядом. - Да твоего мяса даже на похлебку не хватит.
"The bears and panthers pass me by in the night, looking for richer fare," said Taleswapper.	- Зато медведи и пантеры обходят меня стороной, ищут добычу пожирнее, - мудро объяснил Сказитель.

"Come in and tell me stories while I fix up a mess of supper for the company."	- Давай устраивайся и расскажи мне парочку новых историй, пока я готовлю ужин для честной компании.
There was talk and chatter, especially once Oldpappy came in to help.	Начались болтовня и переругивание, которые усилились, когда на кухню притащился помочь деда.
He was getting feeble now, but he still had a hand in the kitchen, which was all to the benefit of those who ate here; Old Peg meant well and worked hard, but some folks had the knack and some folks didn't.	Он изрядно сдал, но все еще не оставлял жарку-парку, чему столующиеся здесь были неимоверно рады; старушка Пэг старалась изо всех сил и работала не покладая рук, но у некоторых есть дар, а у некоторых его нет, и ничего тут не попишешь.

But it wasn't food that Taleswapper came for, nor conversation either, and after a while he realized he'd have to bring it up himself	Но Сказителя привел сюда не голод, да и не нужда в доброй беседе. Спустя некоторое время он наконец задал вопрос, который его терзал:
"Where's your daughter?"	- А где ж ваша дочь?
To his surprise, Old Peg stiffened, and her voice went cold and hard.	К его удивлению, старушка Пэг сразу как-то напряглась и нахмурилась, а в голосе прорезались ледяные, жесткие нотки.
"She ain't so little no more.	- Она уже не маленькая.
She's got a mind of her own, she's the first to tell you."	У нее свой ум есть, отвечать научилась.

And you don't much like it, thought Taleswapper.	"А тебе это не особо и нравится", - подумал Сказитель.
But his business with the daughter was more important than any family squabbles.	Но дело, которое он имел к дочке хозяев гостиницы, было куда важнее местных сплетен.
"Is she still a-"	- Она по-прежнему...
"A torch?	- Светлячок?
Oh, yes, she does her duty, but it's no pleasure for folks to come for her.	Да, обязанности свои она прилежно исполняет, да вот народ теперь неохотно обращается к ней.
Snippy and cold, that's what she is.	Стала какая-то напыщенная, холодная.

It's got her a name for being sharp-tongued." For a moment Old Peg's face softened. "She used to be such a soft-hearted child."	И язык взяла привычку распускать. - На мгновение лицо Пэг смягчилось. - А когда-то была такой доброй девочкой...
"I've never seen a soft heart turn hard," said Taleswapper. "At least not without good reason."	- Никогда не видел, чтобы доброе сердце превращалось в камень, - удивился Сказитель. -По крайней мере, просто так, без причины.

"Well, whatever her reason, she's one whose heart has crusted up like a waterbucket on a winter's night."	- Ну, не знаю, причина, там, не причина, но сейчас сердце ее напоминает ведро с водой, выставленное на улицу в морозную зимнюю ночь.

Taleswapper held his tongue and didn't sermonize, didn't talk about how if you chip the ice it'll freeze up again right away, but if you take it inside, it'll warm up fresh as you please.	Сказитель прикусил язык, решив обойтись без нравоучений. Он не стал говорить, что, если разбить лед, он снова замерзнет, а если занести его внутрь, он тут же оттает.
No use stepping in the middle of a family squabble.	Не дело встревать в семейные ссоры.
Taleswapper knew enough of the way people lived that he took this particular quarrel as a natural event, like cold winds and short days in autumn, like thunder after lightning.	Сказитель достаточно близко был знаком с местной жизнью, поэтому воспринял этот раздор как нечто естественное, как холодные ветры и короткие дни осенью, как следующий за молнией гром.

Most parents didn't have much use for a halfgrown child.	Большинство родителей мало пользы находят в детях, которые начали взрослеть.
"I have a matter to discuss with her," said Taleswapper. "I'll take the risk of having my head bitten off."	- Мне надо обсудить с ней кое-что, - заявил Сказитель. - Так что, пожалуй, я рискну, пускай она мне откусывает голову.
He found her in Dr. Whitley Physicker's office, working on his accounts.	* * * Он отыскал ее в кабинете доктора Уитли Лекаринга: перебирая счета, она подсчитывала и раскладывала их по порядку.
"I didn't know you were a bookkeeper," he said.	- Вот уж не знал, что ты счетовод, - заметил он.

"I didn't know you held much with physicking," she answered. "Or did you just come to see the miracle of a girl who does sums and ciphers?"	- А я никогда не думала, что ты увлекаешься лекарствами, - парировала она. - Или ты пришел поглазеть на чудо-девочку, которая умеет складывать и вычитать?
Oh, yes, she was as sharp as could be.	О да, язычок у нее был подвешен дай Боже.
Taleswapper could see how a wit like that might discommode a few folks who expected a young woman to cast down her eyes and speak softly, glancing upward only now and then under heavy-lidded eyes.	Многие люди чувствуют себя неудобно при виде остроумной девицы: они-то ожидают, что девушка опустит глаза, заговорит еле слышно, послушно, бросая робкие взгляды из-под густых ресниц.

There was none of that young ladyness about Peggy.	В Пэгги не было ничего от юной леди.
She looked Taleswapper in the face, plain as could be.	Она открыто смотрела на Сказителя.
"I didn't come to be healed," said Taleswapper. "Or to have my future told.	- Я явился не затем, чтобы меня исцелили, -объяснил Сказитель. - И не за предсказанием будущего.
Or even to have my accounts added up."	И даже не затем, чтобы ты проверила мои счета.
And there it was.	Ну вот.

The moment a man answered her right back instead of getting his dander up, why, she flashed a smile fit to charm the warts off a toad.	Получив прямой, незамысловатый ответ, увидев, что стоящий перед ней человек не смутился, она сразу улыбнулась - подобной улыбкой снимаются чары с заколдованных принцев.

"I don't recollect you having much to add or subtract anyhow," she said. "Naught plus naught is naught, I think."	- Да, вряд ли тебе требуется что-то посчитать, - сказала она. - Ноль плюс ноль равно ноль, если я не ошибаюсь.
"You've got it wrong, Peggy," said Taleswapper. "I own this whole world, and folks haven't been keeping up too well on the payments."	- Ошибаешься, Пэгги, - возразил Сказитель. - Я владею всем этим миром, правда, люди постоянно задерживают с оплатой по счетам.

She smiled again, and set aside the doctor's account book.	Она опять улыбнулась и отложила бухгалтерию доктора в сторону.
"I keep his records for him, once a month, and he brings me things to read from Dekane."	- Я проверяю его счета раз в месяц, а он возит мне книги из Дикэйна.
She talked about the things she read, and Taleswapper began to see that her heart yearned for places far beyond Hatrack River.	Она принялась рассказывать о том, что недавно прочитала, и Сказитель увидел, как сердце ее тоскует по далеким краям, раскинувшимся за рекой Хатрак.

He also saw other things-that she, being a torch, knew the folks around here too well, and thought that in faraway places she'd find people with jewel-like souls that would never disappoint a girl who could see clean into their heart.	Подметил он и кое-что другое: она, будучи светлячком, успела узнать живущих в округе людей, а потому решила, что в дальних краях живут только те, у кого сердце как бриллиант, кто не разочарует девочку, которая умеет заглядывать в самую глубь души.
She's young, that's all.	Она молода - этим все сказано.
Give her time, and she'll learn to love such goodness as she finds, and forgive the rest.	Со временем она научится любить то добро, что рядом с ней, и прощать остальное.

After a while the doctor came in, and they chatted a bit, and it was well into the afternoon by the time Taleswapper was alone with Peggy again and could ask her what he came to ask.	Вскоре появился доктор, и Сказитель немного поболтал с ним. День клонился к вечеру, когда Сказитель наконец вновь остался наедине с Пэгги и смог задать вопрос, ответ на который так хотел узнать.
"How far off can you see, Peggy?"	- Насколько далеко ты видишь, Пэгги?
He could almost see wariness fall across her face like a thick velvet curtain.	Усталость, словно толстый бархатный занавес, упала на ее лицо.
"I don't reckon you're asking me whether I need spectacles," she said.	- Надеюсь, ты не посоветуешь мне приобрести очки, - сказала она.

"I just wonder about a girl who once wrote in my book, A Maker is born.	- Я просто вспомнил одну девочку, которая когда-то написала в моей книге: "Творец на свет появился".
I wonder if she still keeps an eye on that Maker, now and then, so she can see how he fares."	Я вот думаю, следит ли она еще за тем Творцом, оберегая каждый его шаг.
She looked away from him, gazing at the high window above where the curtain gave privacy.	Она отвернулась, уставившись на высокое окно, закрытое огромной занавеской.
The sun was low and the sky outside was grey, but her face was full of light, Taleswapper saw that right enough.	Солнце почти село, а небо посерело, но лицо Пэгги было исполнено светом - Сказитель видел, как она источает его.

Sometimes you didn't have to be a torch to know full well what was in a person's heart.	Порой не обязательно быть светлячком, чтобы распознать, что творится в человеческом сердце.

"I wonder if that torch saw a ridgebeam failing on him one time," said Taleswapper.	- Кроме того, я засомневался, видел ли тот светлячок кровельную балку, которая однажды упала на мальчика, - продолжал Сказитель.
"I wonder," she said.	- Может, и видел, - ответила она.
"Or a millstone."	- И случай с жерновом...
"Could be."	- Все возможно.

"And I wonder if somehow she didn't have some way to split that ridgebeam clean in twain, and crack that millstone so a certain old taleswapper could see lantern light right through the middle of that stone."	- А не та ли девочка каким-то образом расщепила балку на две половинки, и не она ли проделала в жернове трещину, так что некий старый сказитель увидел свет лампы сквозь толщу камня?
Tears glistened in her eyes, not like she was about to cry, but like she was looking into the sun straight on, and it made her water up.	На глазах ее заблестели слезы. Не то чтобы она готовилась вот-вот разрыдаться, нет - она словно смотрела на яркое солнце, и резкий свет заставил капельки влаги навернуться на глаза.

"A scrap of his birth caul, rubbed into dust, and a body can use the boy's own power to work a few clumsy makings," she said softly.	- Берешь сорочку младенца, растираешь ее кусочек, и сила мальчика переходит тебе. На пару-другую творений хватит, - тихо объяснила она.
"But now he knows something of his own knack, and he undid what you did for him."	- Но теперь ему самому кое-что известно о собственном даре, и он способен помешать твоим действиям.
She nodded.	Она кивнула.
"Must be lonely, watching out for him from so far away," said Taleswapper.	- Наверное, чувствуешь страшное одиночество, когда смотришь на него отсюда, из этой дали, -промолвил Сказитель.
She shook her head.	Она помотала головой.
"Not to me.	- Я вовсе не одинока.

I got folks all around me, all the time." She looked at Taleswapper and smiled wanly. "It's almost a relief to spend time with that one boy who doesn't want a thing from me, because he doesn't even know that I exist."	Вокруг меня постоянно толкутся люди. - Она подняла глаза на Сказителя и криво улыбнулась. -Проводить время с мальчиком, который ничего от меня не требует, - настоящее облегчение, потому что он даже не ведает, что я существую.
"I know, though," said Taleswapper. "And I don't want a thing from you, either."	- Зато ведаю я, - напомнил Сказитель. - Но мне от тебя тоже ничего не нужно.
She smiled. "You old fraud," she said.	- Старый врунишка, - улыбнулась она.
"All right, I do want something from you, but not something for myself.	- Ну ладно. Я и в самом деле хотел попросить тебя кое о чем, но не для себя.

I've met that boy, and even if I can't see into his heart the way you can, I think I know him.	Я сошелся с этим мальчиком и, пусть я не умею заглядывать в сердца, как это делаешь ты, близко узнал его.
I think I know what he might be, what he might do, and I want you to know that if you ever need my help for anything, just send me word, just tell me what to do, and if it's in my power I'll do it."	Мне кажется, я догадываюсь, кем он может стать, что он может сделать. Поэтому хочу сказать: как только тебе потребуется моя помощь, любая помощь, пошли за мной. Просто напиши, что я должен сделать, и, если это будет в моих силах, я помогу.

She didn't answer, nor did she look at him.	Она не ответила, даже не посмотрела на него.

"So far you didn't need help," said Taleswapper, "but now he has a mind of his own, and you can't always do for him the things he'll need.	- Пока что ты обходилась без посторонней помощи, - произнес Сказитель, - но он научился выносить самостоятельные решения, и ты не всегда можешь поступать так, как ему нужно.
The dangers won't come just from things that fall on him or hurt him in the flesh.	Опасности, которые угрожают ему, не ограничиваются тем, что что-то может свалиться ему на голову или поранить его.
He's in as much danger from what he decides to do himself.	Теперь он сам решает, что ему нужно, а что нет -вот где таится настоящая опасность.

I'm just telling you that if you see such danger and you need me to help, I'll come no matter what."	Я пытаюсь сказать тебе, если ты увидишь подобную угрозу и тебе понадобится моя помощь, - я приду, ничто меня не остановит.
"That's a comfort," she said.	- Это утешает, - проговорила она.
That was honest enough, Taleswapper knew; but she was feeling more than she said, he knew that too.	Ее слова были достаточно честны - Сказитель видел это. Но вместе с тем чувствовала она куда больше, чем хотела показать, - это он тоже знал.
"And I wanted to tell you he was coming here, first of April, to prentice with the smith."	- Прежде всего должен тебе сообщить, что он едет сюда, первого апреля он поступит в ученики к кузнецу.

"I know he's coming," she said, "but it won't be the first of April."	- Я знаю, что он едет, - кивнула она, - только к первому апреля он сюда не доберется.
"Oh?"	- Да?
"Or even this year at all."	- В этом году ему не суждено стать подмастерьем.
Fear for the boy stabbed at Taleswapper's heart.	Тревога за судьбу мальчика защемила сердце Сказителя.
"I guess I did come to hear the future after all.	- Похоже, я действительно пришел сюда, чтоб узнать будущее.
What's in store for him?	Что его ждет?
What's to come?"	Какая у него будет судьба?

"All kinds of things might happen," she said, "and I'd be a fool to guess which one.	- Произойти может что угодно, - ответила она. -Гадать здесь бесполезно.
I see it open like a thousand roads before him, all the time.	Я вижу, как жизнь разделяется перед ним на тысячи дорог.
But there's precious few of those roads that bring him here by April, and a whole lot more that leave him dead with a Red man's hatchet in his head."	Лишь некоторые ведут мальчика сюда к апрелю, но большинство могут закончиться его смертью от томагавка краснокожего.
Taleswapper leaned across the doctor's writing table and rested his hand on hers.	Сказитель наклонился над письменным столом доктора и накрыл ладонями ее руки.
"Will he live?"	- Он будет жить?

"As long as I have breath in my body," she said.	- Пока мое тело дышит, - сказала она.
"Or I in mine," he answered.	- И мое, - кивнул он.

They sat in silence for a moment, hand on hand, eye to eye, until she burst into laughter and looked away.	Секунду они сидели в тишине, ощущая касание рук, глядя друг другу в глаза. Потом она вдруг звонко рассмеялась и отвернулась.
"Usually when folks laugh I get the joke," said Taleswapper.	- Обычно, когда люди смеются, до меня доходит соль шутки, - намекнул Сказитель.

"I was just thinking we're a poor excuse for a conspiracy, the two of us, against the enemies that boy will face."	- Я просто подумала, насколько жалко мы с тобой выглядим по сравнению с полчищами врагов, с которыми суждено столкнуться мальчику.
"True," said Taleswapper, "but then, our cause is good, and so all nature will conspire with us, don't you think?"	- Верно, - согласился Сказитель. - Но ведь мы стоим на стороне добра, и вся природа действует с нами заодно.
"And God, too," she added firmly.	- В том числе и Господь Бог, - твердым голосом добавила она.

"I can't say about that," said Taleswapper. "The preachers and priests seem to have him so fenced up with doctrine that the poor old Father hardly has room to act anymore.	- Я бы этого не сказал, - пожал плечами Сказитель. - Всякие проповедники и священники возвели вокруг него столь плотный забор доктрины, что бедняге Господу и повернуться трудно.
Now that they've got the Bible safely interpreted, the last thing they ever want is for him to speak another word, or show his hand of power in this world."	Теперь, когда Библия истолкована согласно их желаниям, они не дадут ему слова сказать, не говоря о том, чтобы продемонстрировать свою силу миру.

"I saw his hand of power in the birth of a seventh son of a seventh son, some years back," she said. "Call it nature if you want to, since you've got all kinds of learning from philosophers and wizards.	- Много лет назад в рождении седьмого сына седьмого сына я узрела его руку, - ответила Пэгги.- Если хочешь, назови это силами природы, ты ведь всевозможных знаний набрался от философов и магов.
I just know that he's tied as tight to my life as if we was born from the same womb."	Я знаю одно: мы с этим мальчиком связаны так крепко, будто появились на свет из одной и той же утробы.
Taleswapper didn't plan his next question, it just came unthought-of from his lips.	Сказитель вовсе не планировал следующего вопроса, он сорвался с губ сам собой:

"Are you glad of it?"	- И ты радуешься этому?
She looked at him with terrible sadness in her eyes.	В глазах ее проступила неизмеримая печаль.
"Not often," she said.	- Редко, - произнесла она.
She looked so weary then that Taleswapper couldn't help himself, he walked around the table and stood beside her chair and held her tight like a father holds his daughter, held her for a good long while.	Она выглядела такой усталой - Сказитель ничего не мог с собой поделать. Он обошел вокруг стола, встал рядом и крепко прижал ее к себе, как отец прижимает дочь. Он держал ее в объятиях довольно долго.

If she was crying or just holding on, he couldn't say.	Плакала ли она или о чем-то думала, он не мог сказать.
They spoke not a word.	Ни слова не было произнесено.
Finally she let go of him and turned back to the account book.	Наконец она отстранилась и вернулась к своим счетам.

He left without breaking the silence.	А он, так и не промолвив ни слова, вышел из дома.
Taleswapper wandered on over to the inn to take his supper.	Покинув Пэгги, Сказитель направился прямиком в гостиницу, чтобы поужинать.

There were tales to tell and chores to do in order to earn his keep.	Ему предстояло рассказать пару-другую историй и исполнить кое-какую работу по дому, чтобы оплатить стол и кров.
Yet all the stories seemed to pale beside the one story that he could not tell, the one story whose end he didn't know.	Однако все его рассказы блекли по сравнению с той историей, которую он не мог поведать, по сравнению с историей, конца которой он не знал.
On the meadow around the millhouse were a half dozen farm wagons, watched over by farmers who had come a good long way to get high-quality flour.	* * * На лугу напротив мельницы собралось с полдюжины повозок, на которых фермеры проделали далекий путь, чтобы получить хорошую, добрую муку.

No more would their wives sweat over a mortar and pestle to make coarse meal for hard and lumpy bread.	Не придется больше их женам потеть со ступкой и пестиком, грубо толча зерно, из которого потом выйдет жесткий, кислый хлеб.
The mill was in business, and everyone for miles around would bring their grain to the town of Vigor Church.	Жернова мельницы закрутились, и вскоре весь народ, живущий в окрестностях Церкви Вигора, начнет свозить сюда зерно.
The water poured through the millrace, and the great wheel turned.	Вода весело струилась по желобу, и огромное колесо вращалось.

Inside the millhouse, the force of the wheel was carried by interlocking gears, to make the grindstone roll around and around, riding on the face of a quarter dress millstone.	Внутри мельницы силой шестеренок приводился в движение малый жернов, скользящий по поверхности большого жернова с четвертной нарезкой.
The miller poured out the wheat upon the stone.	Мельник высыпал пшеницу на камень.
The grindstone passed over it, crushing it to flour.	Жернов прошелся по зерну, давя и превращая его в муку.
The miller swept it smooth for a second pass, then brushed it off into a basket held by his son, a ten-year-old boy.	Мельник разровнял ее и снова пустил жернова, а затем ссыпал муку в корзину, которую держал его сын, десятилетний мальчик.

His son poured the flour into a sieve, and shook the good flour into a cloth sack.	Сын просеял ее сквозь сито и стряхнул получившуюся муку в холстяной мешок.
He emptied what stayed in the sieve into a silage barrel.	Всякая шелуха, что осталась в сите, последовала в силосный бочонок.
Then he returned to his father's side for the next basket of wheat.	Затем мальчик вернулся к отцу за новой корзиной еще не просеянной муки.
Their thoughts were remarkably alike, as they worked silently together.	Трудясь бок о бок друг с другом, они думали об одном и том же.
This is what I want to do forever, each one thought.	Мысли их удивительным образом сходились.

Rise in the morning, come to the mill, and work all day with him beside me.	"Вот чем я всегда хотел занимать- ся, - думал каждый из них. - Я бы поднимался рано утром, приходил на мельницу и работал весь день рядом с ним".

Never mind that the wish was impossible.	И неважно, что желанию их не суждено исполниться.
Never mind that they might never see each other again, once the boy left for his apprenticeship back in the place of his birth.	Может быть, они больше никогда не увидят друг друга, ибо вскоре мальчик уезжал, чтобы поступить в подмастерья к кузнецу в городе, где он десять лет назад родился.
That only added to the sweetness of the moment, which would soon become a memory, would soon become a dream.	Это только добавляло сладости мгновению, которое вскоре должно превратиться в воспоминание, а потом - в сон...